М. Прилежаева

Над Волгой

ДЕТГИЗ

1959

Книга
Книга

Книга
Книга

Щ

Часть первая

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Утром бабушка, по обыкновению, разбудила Володю в семь часов. Тепло, уютно в постели — не хочется вставать! Минут пятнадцать Володя боролся с ленью и сном. Наконец заставил себя подняться, все еще сонный распахнул форточку. В комнату, словно душ, холодной струей хлынул воздух. Володя сделал зарядку и вышел в кухню:

— Бабушка! Завтракать! Скорее! Опаздываю!

Что он особенного сказал?

Вдруг отец стукнул по столу кулаком, так что посуда звякнула. Бабушка от неожиданности едва не уронила сковородку с картофелем.

— Командуешь? — загремел отец. — «Дай!» «Подай!» «Принеси!» Барчуком вырос!

— Павел Афанасьевич! Что ты на него, голубчик, накинулся? — удивленно спросила бабушка.

— Я из тебя барство выветрю! — кричал отец. — Собирай сам, бездельник, на стол. Ну! Живо!

— Не буду!

— Не будешь?

— Нет!

Они стояли друг против друга — отец, с потемневшими, колючими, как иголки, глазами, и Володя. Володю трясла обида.

— Ну, как знаешь... — погасшим голосом сказал отец и, сутулясь, вышел из кухни.

Володя схватил сумку и убежал в школу.

«Может быть, у него неприятности, но я не виноват, — думал он, шагая малолюдными, просторными улицами. — Отцы должны быть справедливыми, а он несправедливый. Из-за чего он на меня наорал? Сказал бы тихо».

Из-за этой ссоры Володя пришел в класс в плохом настроении. Не хотелось разговаривать с ребятами. Он молча сел на свое место. А в классе были новости.

Перед уроком истории Толя Русанов вскочил на парту и, дирижируя самому себе карандашом, пропел:

— К нам едет ревизор! Реви-и-зо-ор! К на-а-ам едет...

— Кто? Кто? — послышались со всех сторон возгласы.

Толя Русанов спрыгнул с парты, распрямил плечи, откинул назад голову, легко подошел к учительскому столику и провел ладонями от висков к затылку.

— Андрей Андреевич! — сразу узнали ребята.

Вот уже несколько дней, после того как их классная руководительница, преподаватель истории, неожиданно, к концу года, оставила школу, ребята гадали, кто из учителей ее заменит.

— Самый образованный учитель в городе, — заявил комсорг класса Юрий Брагин. — Тридцать шесть лет в школе. Ветеран. В прошлом году был его юбилей.

— Депутат горсовета! — подхватил Толя Русанов. — Ребята, проголосуем! Кто — против? Нет против. Кто — за? Все за. Утверждаем.

Вскоре прозвенел звонок, и на урок пришел новый учитель — Андрей Андреевич. Трудно поверить, что этот человек действительно вступил в «юбилейный» возраст, хотя голова его была совершенно белой. Держался он удивительно прямо, движения его были неторопливы, но легки, походка свободна; лицо с широким, открытым лбом, довольно крупным прямым носом и светло-серыми глазами сохраняло даже зимой здоровый загар.

— Все по местам, как соловьи по гнездам! — весело распорядился Андрей Андреевич, застав беспорядок.

Урок начался с самого обыкновенного опроса. Ребята, однако, наблюдали за словами и жестами Андрея Андреевича, всё подмечали, оценивали. Внимание было напряжено весь час.

И только Володя оставался ко всему равнодушным. Он сидел у окна. За окном вяло занималось зимнее утро. Вдоль забора на школьном дворе сиротливо торчали из снега голые прутья акации. На ветке тополя, словно чернильная клякса, неподвижно застыла ворона. Белесое небо низко нависло над крышами, обещая серенький день.

Володя отвернулся.

Как раз в это время учитель вызвал Юрия Брагина. Юрий слегка покраснел, одернул гимнастерку и уверенно вышел к столу. Глядя на его румяные щеки и улыбающиеся светлые глаза, Володя подумал: «Вот счастливый человек! Все-то ему удается. И дома, наверное, все у него хорошо!»

После занятий ребята вмиг разбежались. Только Володя не торопился домой. Поэтому Юрий Брагин и потащил его с собой на комитет.

— Пойдем, пойдем! Ты с сегодняшнего дня у нас будешь активом, — решил Юрий.

— Пойдем... Все равно, — безразлично согласился Володя, никак не ожидавший, что сегодняшнее заседание комитета внесет в его жизнь перемену

Вначале на комитете зашла речь о седьмом «Б». Должно быть, Сергей Чумачов, секретарь школьного комитета комсомола, затеял этот разговор оттого, что на заседание пришел Андрей Андреевич, новый классный руководитель известного всей школе седьмого «боевого». Невозможные там происходили дела: то седьмой «боевой» в полном составе убежит с урока географии Гликерии Павловны, то математик Петр Леонидович сам уйдет из класса.

Вот и недавно было такое дело.

«Тишина!» — стукнув мелом о доску, приказал Петр Леонидович.

«Есть ти-ши-на!» — по слогам хором ответил класс.

«Прекратить шалости!»

«Есть прекратить!»

«Итак, задача с двумя неизвестными: «Бригада должна заготовить по плану некоторое количество дров...»

«Есть количество дров!»

Петр Леонидович бросил мел и ушел.

Эти и разные другие случаи не раз обсуждались на педсовете и в классе, но сейчас Сергей Чумачов решил снова к ним вернуться специально для Андрея Андреевича. Седьмой «Б» позорит своим поведением школу, в седьмом «Б» не ведется комсомольской работы.

— Ничего не поделаешь, надо признаться, — со вздохом проговорил Юрий: — ребята у нас несознательные. Горе с ними.

Андрей Андреевич внимательно слушал, но по лицу его нельзя было понять, как он относится к провинностям класса.

Наконец перешли ко второму вопросу. И тут для Володи начались неожиданности. Комитет предложил устроить вечер для пятых, шестых и седьмых классов. Начались споры. Одни советовали организовать диспут по книге, другие — поставить спектакль, третьи — доклад о новостях техники, четвертые — лыжную вылазку. Сергей Чумачов не знал, как унять активистов.

— А я предлагаю, друзья, устроить вечер музыки, — вдруг сказал Андрей Андреевич.

Все замолчали. Предложение было так неожиданно, что даже секретарь комитета Сергей Чумачов, обычно уверенный юноша, невольно смутился:

— Не знаю... Мы никогда о музыке и не думали.

— Когда-нибудь надо подумать, — возразил Андрей Андреевич.

— А ведь верно интересно, ребята! — согласился Сергей Чумачов. — Ребята, устроим вечер Чайковского! Кто будет делать доклад? Вызывайтесь, ребята!

Никто не вызывался.

— Пусть седьмой «Б» себя покажет на деле, — предложил один мальчик.

Взоры всех обратились на Володю и Юрия:

— Брагин! Ты! Соглашайся. Чего там... Давай!

— Не могу. Не просите, ребята, — отнекивался Юрий, самолюбиво краснея. — Ребята! Мысль! Лучше Новикова не найдешь докладчика... Володька, ты интересуешься музыкой.. Знаю, не спорь. Кто вчера на перемене о песнях Исаковского целую лекцию прочитал?.. Ребята, ручаюсь за Новикова!

Кто-кто, а уж Володя не предполагал, чтобы такое дело поручили ему.

Напрасно он доказывал, что не представляет, как и взяться за этот доклад, что ничего о Чайковском не знает, даже оперы ни одной не слыхал.

— Я тоже первую оперу услышал только студентом, — смеясь, возразил Андрей Андреевич. — Вот что, дружок: надо, я вижу, тебе соглашаться. Проверь-ка характер. Комсомольцу дано трудное задание. Что делает комсомолец, если у него сильная воля? Выполняет задание. Так?

И Володя вдруг согласился.

НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО

Любил ли он музыку? Володя не знал. Он помнил песни: «Летят перелетные птицы», «Огонек», «Орленок», «Дороги»...

Их слова и мелодии вызывали в нем чувства неясной печали или счастья, от которого вдруг закипали внутри слезы.

Отчего это счастье? О чем слезы? Может быть, такой и бывает любовь к музыке?

Впрочем, песни и музыку Володя слушал по радио случайно и редко. Было множество других дел, которые занимали его гораздо больше.

После собрания Юрий Брагин, вызвав Володю в коридор, покровительственно хлопнул его по плечу:

— Не сердишься, что я втянул тебя в это дело? А как быть? Тебя не втянешь — ты и не раскачаешься. Зато ты теперь у нас будешь активом. А главное, будет считаться, что вечер организован нашим классом... Слушай, Володька, на меня не рассчитывай: я сейчас в технику влез выше головы... — Юрий провел рукой черту в воздухе. — Ну, всего!

Володя вернулся в комнату комитета комсомола. Андрей Андреевич был еще там. Вырвал листок из блокнота и, постукивая пальцами левой руки по столу, чуть сощурив глаза, припоминая что-то, записывал.

— Книги. То, что нужно прочесть, — сказал он, протягивая Володе листок. — Ты что-нибудь знаешь о Чайковском?

— Пока ничего.

— Ну, дружок, завидую тебе: узнавать интересно!

— Боюсь, напишу плохой доклад, — все еще колебался Володя.

Андрей Андреевич улыбнулся:

— «Только бездарные, медные лбы всегда довольны своими творениями», — так сказал Чайковский.

В конце концов Володе захотелось как следует познакомиться с Чайковским. Но на вечере должен быть исполнитель. Где раздобыть исполнителя? Вот вопрос.

— В четвертом классе учится Шурик Марфин... — сказал Андрей Андреевич.

— Шурик! Верно! Верно! — вспомнил Володя.

Он решил не откладывать дела в долгий ящик. Сегодня же надо увидеться с Шуриком.

В четвертом классе шел пионерский сбор. Пришлось подождать.

Наконец в раздевалку вбежала толпа четвероклассников. У окна, где выдавали пальто, выстроилась очередь.

— Володя! — кричали ребята.

Знакомая компания! В прошлом году это был третий «А», где Володя работал отрядным вожатым.

— Шурик Марфин! — позвал он. — Иди-ка сюда! Одевайся, идем вместе домой.

Тоненький, гибкий, как прутик, светловолосый и светлоглазый мальчик лет десяти выбрался из толпы, волоча по полу шубу.

— Здравствуй, Володя! У нас был сбор. Володя, нам велели прочесть одну книгу и написать о ней отзыв. Ты умеешь писать отзывы?..

Они вышли на улицу. На морозе щеки Шурика окрасил легкий румянец, и он стал походить на миловидную девочку, у которой из-под меховой лохматой шапки ласково выглядывают живые глаза.

— Ты, наверное, хочешь к нам вернуться вожатым? — озабоченно спросил Шурик.

— Нет, — засмеялся Володя, — у вас есть вожатый, Кирилл Озеров.

— Да, — подтвердил Шурик. — А мы сегодня на сборе играли в шарады. А потом... Володя, показать фокус?

— Не надо. После. У меня к тебе дело.

Шурик весь просиял:

— Дело? Пожалуйста! А, догадался! Ты, наверное, хочешь написать о нашем отряде в стенгазету?

— Нет, Шурик, мне поручили сделать доклад о Чайковском.

Шурик остановился, в недоумении выкатив на Володю глаза.

— Слушай-ка, Шурик, я помню, ты говорил мне, у тебя сестра — музыкантша.

— А, догадался! Ты хочешь, чтобы Ольга вместо тебя сделала доклад?

— Нет. Если бы она согласилась играть у нас на вечере. Понимаешь?

— Ольга? — закричал Шурик, снова сияя. — Да мне стоит ей только сказать! Она все, что я скажу, обязательно сделает.

Впрочем, через секунду он передумал:

— Все-таки лучше пойдем, скажи ей все сам... Здесь! Сюда! — живо говорил Шурик, открывая калитку во двор. — Вон наши окна. Низкие. Видишь? А там, за домом, — наш сад. А вон мама смотрит в окно... Идем, Володя, идем!

Они поднялись на крыльцо и вошли в просторную кухню, какие сохранились еще в старых домах, — с русской печью, деревянной лавкой вдоль стены, закопченным потолком и таким высоким порогом у двери, что Володя, споткнувшись о него, чуть не растянулся посреди пола. В кухню, навстречу Шурику, выбежала девочка с толстой, золотистого цвета косой, но при виде Володи остановилась, помедлила и, повернувшись на каблуках, молча удалилась.

— Не беспокойся. Она на вид только важная. Не беспокойся, Володя, — ободряюще говорил Шурик.

Как ненавидел Володя свою трусость, от которой в таких случаях у него пересыхало горло! С ума он сошел, что незваным, непрошеным затесался к Марфиным! Посмеется над ним эта важная особа с косой!..

Но отступать было поздно. Шурик уже тащил Володю в комнаты. Прямо из кухни они попали в светлую столовую, тесно заставленную мебелью. Здесь стояли громоздкий буфет, широкий кожаный диван с вмятинами на сиденье, шкаф с книгами, на стенах висели потемневшие от времени картины — по всему было видно, в доме прожило век не одно поколение Марфиных.

Семья собралась к обеду. Ждали Шурика.

— Опять заседал, общественник? — спросил Шурика отец.

Володя его узнал. Это был Михаил Осипович, преподаватель Технологического института. В начале учебного года он выступал на школьном вечере. Многие мальчики после его выступления решили идти из школы в его институт.

Михаил Осипович, надо полагать, Володю не узнал, однако встретил радушно:

— Милости просим, молодой человек! Садитесь обедать... Нет, нет! У нас не отказываются. Не принимаем отказов.

— Папочка! Это наш прошлогодний вожатый. Папа, ты помнишь? Мама! Это Володя Новиков. Он пришел с общественным поручением, мама! — не умолкая, тараторил Шурик.

Оказалось, у Марфиных Володю все знали.

— В прошлом году, когда вы были вожатым, мы слышали о вас постоянно, — сказала Анастасия Вадимовна, мать Шурика.

У нее были живые, как у Шурика, глаза и удивительно ласковые руки. Володя видел, как они обвились вокруг шеи Шурика, пока тот рассказывал матери, зачем к ним пришел Володя.

— Дело делом, однако не мешает и пообедать, — распорядился Михаил Осипович.

Володю пригласили за стол.

Анастасия Вадимовна налила ему полную тарелку лапши с грибами, от которой шел такой вкусный запах, что у Володи от голода заныло под ложечкой. Но он так стеснялся и боялся капнуть на скатерть, так мешал ему изучающий взгляд Ольги, что обед этот никакого удовольствия ему не доставил. При всем том надо было еще и разговаривать.

— Возьмите хлеба, Володя, — предложила Анастасия Вадимовна.

— Спасибо. Я не хочу.

— Как же без хлеба? Берите.

— Спасибо.

— Вы, кажется, в седьмом классе учитесь, Володя?

— Спасибо. В седьмом. Кажется... Да.

Михаил Осипович кашлянул, а Ольга с лукавой улыбкой сказала:

— Я тоже как-то раз позабыла, что учусь в восьмом классе. Не могу вспомнить, и все.

— Ну, это ты врешь, — не поверил Шурик.

Самым приятным человеком в этом доме была все-таки Анастасия Вадимовна. Она не замечала, как у Володи с ложки свисает лапша, как он, бедный, давится хлебом, и, видимо, не обратила внимания на глупости, какие он говорил.

— Спроси у Натальи Дмитриевны разрешения участвовать в вечере, — строго сказала Анастасия Вадимовна Ольге в ответ на ее шутку.

— Наталья Дмитриевна — учительница музыки, — тотчас объяснил Шурик. — Разрешит. Не беспокойся, Володя.

В это время из-за двери раздались какие-то странные звуки. Анастасия Вадимовна быстро поднялась и вышла из комнаты.

— Татьяна запела, — снова объяснил Шурик.

«Какая еще Татьяна»? — с беспокойством подумал Володя. Анастасия Вадимовна привезла в коляске толстенькую розовую девочку с круглыми светло-голубыми глазами. Девочка серьезно смотрела на Володю и ловила руками голую ножку.

— Займись с Танюшей, пока я мою посуду, — велела Анастасия Вадимовна Шурику. — А вы идите потолкуйте о вечере, — сказала она Володе и Ольге.

Ольга молча поднялась из-за стола. Нет, она все же была слишком важной. Володя все больше и больше робел. Как ни странно, дожив до пятнадцати лет, он никогда не был знаком ни с одной девочкой. В младших классах он их презирал, сейчас от смущения готов был провалиться сквозь землю. Ну и впутали его в историю!

Между тем Ольга открыла из столовой дверь направо и пропустила Володю вперед, в маленькую комнату. Черный рояль занимал три четверти комнаты, где вместо окна прямо в сад выходила стеклянная дверь. Снаружи к стеклу прислонился голубоватый сугроб, темные деревья стояли так близко, что, казалось, их можно тронуть рукой; за деревьями тихо угасала заря.

Все это — снег, деревья, заря — было как будто продолжением комнаты.

Едва они остались с Володей вдвоем, Ольга потеряла всю свою смелость. Не зная, с чего начать разговор, она села за рояль и шумно пробежала руками вдоль клавиш.

— Ты давно занимаешься музыкой? — спросила она наконец, потому что Володя молчал.

— Нет... Недавно.

Он был поразительно немногословен и мрачен, гость Ольги!

— Что же тебе сыграть? Что ты хочешь? — допытывалась Ольга.

— Я хочу... Ну... сыграй, пожалуйста, «Евгения Онегина».

— Что-о? — Ольга с удивлением поглядела на Володю и расхохоталась. — Так ты комик, оказывается! — одобрительно заметила она. — Но что же сыграть, в самом деле? Сыграю «Баркаролу» Чайковского...

Только теперь, когда Ольга играла, Володя мог свободно ее разглядеть. У нее были светлые волосы, заплетенные в толстую косу, серые смешливые глаза, оттененные, словно каймой, темными ресницами, немного большой рот, одна бровь чуть повыше другой. Что-то милое, как у всех Марфиных, было в ее неправильном и привлекательном лице.

Неожиданно Володя подумал, что ему нравится здесь, в доме Марфиных. В этом доме поскрипывают под ногами желтые половицы, в окна смотрит сад. Темные деревья за шторой, странное небо сквозь сучья, все в лиловых облаках, похожих на горы с золотыми хребтами. А какая большая семья! Весело! Соберутся, обсуждают друг с другом все, что произошло...

Вдруг Володя спохватился, что не слушает игру Ольги. Мысли его где-то витают.

— Баркарола «Выйдем на берег — там волны...», — сказала Ольга.

Она кончила играть.

— Ну вот, — сказала она, пытливо вглядываясь в Володю.

Володя молчал.

— Тебе надо познакомиться с Натальей Дмитриевной, — подумав, продолжала Ольга. — Жаль, что ты ее не знаешь. Наталья Дмитриевна — мой лучший друг.

Она закрыла крышку рояля и встала. Володя тоже встал, сообразив, что пора уходить.

— До свиданья. Значит, ты будешь у нас на вечере?

— Буду, если разрешит Наталья Дмитриевна. Да...

вот еще что, Володя: я советую — остановись в докладе не только на симфонической музыке.

— Хорошо. Я обязательно... остановлюсь на всем этом.

Володю так и обдало жаром, до такой степени он самому себе показался глупым. Теперь-то уж Ольга раскусила, конечно, какой он дурак!

Но она лишь удивленно на него посмотрела. Впрочем, Ольга весь вечер только и делала, что удивлялась.

Она позвала Шурика и вместе с ним проводила Володю до двери.

— Не беспокойся, Володя, — покровительственно говорил Шурик, — мы всё устроим. Ты мне скажи, если тебе еще что-нибудь надо организовать. Я организую сейчас же!

В небе неслись клубящиеся, как дым, и от лунного света белые облака, когда Володя вышел на улицу. Светлея, темнея, летели рваные, легкие клочья, летела им навстречу луна. Ощущение странно быстрого, тревожного движения охватило Володю. Резкими порывами дул восточный ветер, с каждым его рывком из-за дома поднималась волна широкого, протяжного шума. Шумел сад. И чудилось — невдалеке уже бродит весна, с капелью, туманами, грачиным переговором, с густыми, влажными запахами, от которых в висках и во всем теле тревожно и радостно стучит кровь. Вот случится что-то, придет...

ОТЕЦ

Только возвращаясь домой, Володя вспомнил об отце. Сердце окатил холодок. Сейчас, после вечера, проведенного у Марфиных, после «Баркаролы», неловко и стыдно было представить, что отец снова будет ругать его и кричать. «Где ты болтался, бездельник?» — спросит отец, бледнея от гнева. Когда он бледнеет, на его худом, с острыми скулами лице заметней воспаленные веки.

— Совести нет у тебя! — охнула бабушка. — Ушел из дому не пивши, не евши — и до позднего вечера. Я за день извелась.

Володя заметил: дверь комнаты при его появлении, скрипнув, закрылась.

— Папа вернулся? — спросил он, входя в ярко освещенную, чистенькую кухню.

— Пришел. Дома. А ты повинись перед ним, мил человек. Нехорошо эдак-то перед отцом петушиться.

Бабушка взялась за вязанье.

Ее сухощавые, в синих прожилках руки проворно перебирали спицы. И сама она была сухощавая, легонькая, с маленьким, морщинистым лицом, седыми волосами, собранными на затылке в комочек, и неожиданно ясным взглядом темных, невыцветших глаз.

Сколько помнил Володя, она никогда не сидела без дела.

— Пробовала я допытаться о Павлушиной заботе. Куда там! Разве выспросишь у такого? А не ладится. Вижу. Сам-то ты ничего не приметил? — зорко взглянув на Володю, спросила бабушка. — Молодость! Неласковы вы к старикам. Я, как он распалился поутру нынче, разом смекнула — споткнулся обо что-то Павел Афанасьевич. Бывает: конь и о четырех ногах, да спотыкается... А ты, Владимир, будь со мной обходительней, — опустив на колени вязанье, заключила бабушка.

— Я разве, бабушка...

— Знаю. Любишь. Про обхождение речь. Надо потише, повежливей. Я тебе кто? У других мать... Ну ладно, ступай-ка к отцу. Повинись.

Володя вошел в комнату. Отец стоял спиной к двери. Опершись обеими руками о края стола, он нагнулся над доской с чертежами. На сутулых плечах отца пиджак висел, как на вешалке.

— Папа! — позвал Володя.

Отец обернулся.

— Папа! — быстро заговорил Володя, боясь, что отец начнет его бранить. — Я задержался на комитете. Мне поручили сделать доклад. А потом пришлось зайти по делу к одним... Тоже важное дело, никак нельзя отложить. Я там заговорился о деле, забыл, сколько времени. Пап! А ты не сердись!

Павел Афанасьевич, мягко ступая войлочными туфлями, подошел к Володе. Они были почти вровень ростом, только Володя тонок и гибок, а Павлу Афанасьевичу годы попригнули плечи.

— Большой ты у меня вырос, — сказал отец. — Посидим.

Они сели на диванчик. Отец курил и молча смотрел на Володю.

— Что ты все смотришь? — смутился Володя. — Смотрит все, смотрит... Лучше ругай.

Отец усмехнулся:

— В педагогическом деле подход требуется. Когда шумом воздействуешь, а когда — тишиной. Как обстоятельства скажут.

— Почему ты меня утром назвал барчуком? Справедливо?

— Я тебе барствовать не позволю, — нахмурился отец.

— Не позволишь! — пожал плечами Володя. — Я сам себе не позволю.

— На бабку не смей кричать.

— Не кричу. Это ты на всех кричишь.

— Дерзкий ты, Володька, — не то с любопытством, не то с удивлением признался Павел Афанасьевич. — От прямоты дерзость — ничего, от озорства — плохо. А, пожалуй, помалкивать во всех случаях выгодней.

Володя вскочил с дивана.

— Зачем ты мне так говоришь? Зачем? А ты, ты... молчун? Разве ты такой? Я разве не знаю!

Отец взял Володину руку и, пригнув, посадил рядом с собой:

— Ты, Владимир, о человеке по словам не суди. Суди по делам. Может, я не тебе, а самому себе посоветовал. Да напрасно. Не в моем характере осторожничать. Мы с тобой, Володька, будем жить напрямик.

— Рассказал бы все, — утихнув, попросил Володя.

— Расскажу, придет срок.

Павел Афанасьевич замолчал, рассеянно смял папиросу, бросил окурок в пепельницу — не попал, хотел поднять и забыл.

Володя поднял.

— Присматриваюсь я к тебе, — закуривая вторую папиросу, проговорил Павел Афанасьевич, — а не разгадаю никак, в какую тебя сторону тянет. Дело еще ни одно, видать, не влечет. Главное, Владимир, поставь себе целью добиться высокого образования. Я в свое время не добился, теперь каюсь. Особенно... когда иной уколет пределом.

— Это кто ж тебя колет? — удивился Володя.

— Находятся любители, — неопределенно ответил отец и подошел к столу, где на доске был прикреплен чертеж. — Поживем — увидим, — сказал он в раздумье, почесывая лоб незаточенным концом карандаша. — Взойдет солнышко и к нам на двор. А, Владимир?

— Павлуша, отдохнул бы, — позвала бабушка, неслышно появившись в комнате.

— С радостью, мамаша. — Он привлек к себе бабушку и провел ладонью по ее седому виску: — Знатный вы в нашей семье человек, мамаша!

— Было, Павлушенька, да быльем поросло. Идем-ка чаевничать.

Володя, оставшись один, нагнулся над чертежом.

Отец опять изобретал. На всю ночь — непотушенный свет, воспаленные, с лихорадочным блеском глаза, угрюмое молчание, взрыв необъяснимого гнева, взрыв необъяснимой, почти мальчишеской радости. Как он долго и трудно работает над своим изобретением!

«А я-то рассердился на него! — думал Володя, машинально обводя пальцем контуры чертежа. — Может быть, у него снова что-то не ладилось и он мучился, а я на него рассердился. Папа! Эх!.. Может, ты и сегодня над расчетами всю ночь просидел! А вдруг опять ничего не получится?»

ТВОРЧЕСТВО

Над Волгой на крутом берегу стоит город.

Над городом широко раскинулось спокойное северное небо, неяркое даже в летние дни.

С крутого берега видно Заволжье, синий вал леса, луга, откуда летом ветер несет душистые запахи трав.

Волга огибает город и, повернув на восток, далеко где-то пропадает в равнинах — там всегда стоит чуть туманная голубоватая дымка.

Вверху, на окраине города, через Волгу перекинулся арочный мост. Позади моста, вдоль берега, протянулся пустырь. Он зарос бурьяном, чертополохом, былинником и широкими, как зонты, лопухами.

В тридцатом году на пустыре над Волгой заложили шинный завод. Павел Афанасьевич пришел сюда в первые годы жизни завода, как только демобилизовался из ар-

мии, и здесь остался работать слесарем в цехе контрольно-измерительных приборов.

В то время завод не имел своей контрольно-измерительной аппаратуры. Осваивали импортную, одновременно учились изготовлять свою. Однажды в цехе поставлена была автоматическая установка. Автомат работал плохо, а вскоре и совсем отказал.

Вот тогда-то и задумался Павел Афанасьевич. Думалось трудно.

Прошел не один месяц, но упрямый слесарь добился своего — переконструировал привозной автомат.

На заводе заработала «новиковская установка».

Так Павел Афанасьевич стал изобретателем. Немало делалось лишнего. Часто мешало незнание. Чтобы изобретать, надо было учиться. Павел Афанасьевич, семейный уже человек, вместе с молодыми парнишками сел за парту в заводском техникуме.

Как-то раз, проходя сборочным цехом, Павел Афанасьевич задержался возле станка, хотя знал наизусть сборку шины.

Шина собирается из нескольких браслетов. Браслеты надевают на круглый барабан. Барабан вращается, рабочий при помощи длинного металлического шеста — скалки — набрасывает на него один за другим клейкие браслеты из обрезиненного корда.

Павел Афанасьевич стоял и смотрел. На станке работал молодой сборщик Виктор Денисович Грачев. Голые худощавые плечи Грачева лоснились от пота, спутанные кольца влажных волос прилипли к вискам.

Когда, взяв в руки скалку, Грачев подхватил ею наброшенный на вертящийся барабан широкий браслет и с усилием помог лечь браслету на место, Павел Афанасьевич видел, как напряглись на руках сборщика мускулы и на виске вздулась лиловая жилка. Грачев отложил скалку, остановил барабан, ловко завернул кромки браслета внутрь, скрепил швы и опять запустил барабан, чтобы надеть новый браслет, и опять на руках его вздулись упругие мускулы, а на висках — толстые жилки.

Павел Афанасьевич постоял у станка, пока Виктор Денисович не снял готовую покрышку. Смена близилась к концу. Павел Афанасьевич сосчитал покрышки, сложенные вблизи, — до нормы оставалось собрать еще две.

— Успеешь? — спросил он, хотя знал, что успеть Виктор Денисович не сможет.

Грачев не ответил.

«Молодой, а измотался за смену», — подумал Павел Афанасьевич и, присматриваясь, медленно пошел вдоль цеха. За станками стоят только молодые мужчины, нет пожилых, ни одной женщины.

Цех сборки автопокрышек «гигант» — самый тяжелый на заводе.

Все это Павлу Афанасьевичу было знакомо и раньше. Что же его поразило сейчас?

— Да-а, — сказал он вслух. — Да...

«Норма — двадцать покрышек, — рассуждал он, возвращаясь домой. — Рабочий четыре раза берется за скалку, собирая одну покрышку. Итого — за смену восемьдесят раз. Вот оно дело какое!»

Много дней Павел Афанасьевич молчал. И вдруг решение вопроса пришло. Внезапно (Павлу Афанасьевичу казалось всегда, что догадка его осеняет внезапно) с поразительной четкостью он представил конструкцию механической скалки. Идея была так проста, что Павел Афанасьевич почти испугался ее простоты и доступности. Почему до сих пор она никем не открыта?

А может быть, механическая скалка уже изобретена и где-то осваивается?

Павел Афанасьевич перерыл все технические журналы и справочники. Нигде ничего. И в Советском Союзе и во всем мире на всех шинных заводах при сборке покрышки браслет надевают на барабан только тем способом, каким его ежедневно надевает Виктор Денисович Грачев.

Надо было унять в себе возбуждение, прежде чем поделиться идеей с другими. Он долго решал, с кем обсудить свой проект, и выбрал наконец инженера технического отдела завода. Василий Петрович был образован и молод. Он был вполне подходящим человеком.

— Василий Петрович! — остановил его после смены Новиков. — Полчаса уделите? Посоветоваться надо... Сомневаюсь я в одном вопросе.

Павел Афанасьевич хитрил: он был твердо уверен.

Инженер выслушал, виновато пожал плечами:

— Извините. Консультацию сразу не могу дать. Хотите, заберу чертеж на ночку домой?

«Не верхогляд», — решил Павел Афанасьевич. Живя сам в горячке, он ценил в людях спокойную, трезвую мысль.

Наутро инженер возвратил чертеж:

— Техническое решение замысла спорно. Очень спорно. Где вы учились, товарищ Новиков?

— Мальчишкой — нигде. В годах уже — здесь, на заводе, кончил вечерний техникум.

— Для изобретателя немного, — задумчиво произнес инженер.

Павел Афанасьевич почувствовал, что бледнеет. Он неловко схватил папиросу; высыпав на пол табак, зажег ее и спалил всю.

— Видите ли, Павел Афанасьевич, — заговорил инженер, — техническое решение вашего проекта наивно. Нереально, голубчик. Скажу прямо: пустая фантазия! Павел Афанасьевич, вы разве не знаете, что даже в Америке нет механической скалки? Не придумали. Нет.

Инженер развел руками, словно извиняясь за то, что в Америке не придумали механической скалки.

Павлом Афанасьевичем овладел вдруг такой безрассудный гнев, что он, сам испугавшись себя, круто повернулся и молча ушел. Он отнес заявку об изобретении в бриз. Начальник бюро рабочего изобретательства инженер Романычев поддержал Новикова. Заинтересовался партком. В многотиражке появилась статья. О механической скалке заговорил весь завод. И молчал лишь Василий Петрович. Павел Афанасьевич все ждал, когда инженер вступит в драку. А инженер словно воды в рот набрал на все время, пока изготовлялась конструкция.

Механическая скалка была изготовлена, и... первая же проба показала полную ее непригодность.

Однажды в слесарное отделение, где работал Новиков, пришел Василий Петрович. Высокий, плечистый, он осторожно пробирался между сверлильными станками, штангами и столами с аппаратурой, опасаясь задеть что-нибудь и испачкаться маслом.

«Чистюля!» — неприязненно подумал Павел Афанасьевич.

— Товарищ Новиков, — негромко сказал инженер с выражением сострадания на лице, словно пришел навестить в палату больного, — не горюйте. Кто из конструкторов не знает разочарований! Вы талантливый, смелый.

Беда в том, что не все вопросы можно решить. Механическая скалка — один из таких неразрешимых вопросов. Зачем зря убивать свои силы?

Павел Афанасьевич слушал, курил и старался понять, что привело к нему инженера — дружелюбие или торжество человека, выигравшего спор? Однако самая сумасшедшая мнительность ничего, кроме участия, не прочла бы в открытом взгляде Василия Петровича. Он жалел незадачливого конструктора. Только и всего.

— Мы еще поработаем! — бодро заявил инженер, потрепав на прощание Павла Афанасьевича по плечу.

Тогда, глядя в упор на инженера, Павел Афанасьевич спросил:

— Отчего вы, когда я изготовлял скалку, никому не сообщили о том, что мои расчеты неверны?

Василий Петрович отступил, словно что-то толкнуло его, и медленно, тяжело покраснел. Он странно краснел. Краска тронула сначала его высокий белый лоб, выступила пятнами на шее и лишь потом разлилась по щекам. На секунду в светло-серых, чуть выпуклых глазах Василия Петровича вспыхнул гнев.

— Я молчал, потому что в какой-то мере сомневался в своей критике. Я мог ошибиться в оценке вашей конструкции.

— На всякий случай, значит, решили смолчать?

— А почему вы смолчали о том, что я отверг ваш проект? — дрожащим от негодования голосом возразил инженер.

Павел Афанасьевич горько усмехнулся:

— Я-то был вполне уверен.

— Ну, не стоит толковать об этом, — поспешил примирительно заявить Василий Петрович. — Мало ли что бывает. Не горюйте. Придут еще и удачи.

И все же они не расстались друзьями.

...Наступил 1941 год. В первые же недели войны Павел Афанасьевич понял, как виноват перед заводом в том, что не сумел додумать свой механизм. В сборочном цехе были забронированы и оставлены в тылу десятки молодых, здоровых мужчин — ничто не могло заменить у станков их мускульную силу. Многие рвались на фронт, но сборщиков завод не отпускал.

Летом 1942 года, когда враги, наступая на Сталинград, бомбили вдоль Волги железнодорожные мосты и города,

когда от зажигалок вокруг завода выгорели все деревянные дома и бараки, Павел Афанасьевич был призван в армию.

Уже на фронте он услышал о том, что на заводе от бомб сгорело три цеха...

Домой Павел Афанасьевич вернулся после победы. Он пришел на завод и не узнал его. Где разрушенные, перекореженные бомбами корпуса? На месте сгоревших цехов поднялись новые — выше, светлее и просторнее прежних. Это было чудо. Павел Афанасьевич ходил по цехам. Перед ним был новый завод, оборудованный невиданной техникой. В цехах работали транспортеры, подвесные конвейеры, незнакомые Павлу Афанасьевичу машины, автоматы.

Павел Афанасьевич смотрел, удивлялся. Его тянуло в сборочный цех, где когда-то изобретенный им механизм потерпел крушение.

Первым, кого Павел Афанасьевич встретил в цехе, был Грачев. Он был уже мастером комплекта, теперь под его началом работало семь станков.

— Павел Афанасьевич! Дорогой!

Они обнялись. Грачев потащил Павла Афанасьевича в свой комплект.

Шумели станки, стремительно вращались барабаны. Станки были новыми. Павел Афанасьевич с одного взгляда оценил технические преимущества их переоборудования.

— Кто? — от волнения чувствуя сухость во рту и в горле, спросил Павел Афанасьевич.

— Тополев. Начальник цеха. Сталинскую премию получил.

— За дело!

Однако и на реконструированных станках покрышки собирались, как прежде, при помощи ручной скалки.

Весь этот день Павел Афанасьевич провел в комплекте Грачева.

Молодой смуглолицый парень с коричневыми глазами и быстрыми, точными движениями рук ловко собирал покрышки, видимо радуясь тому, что его работой любуются.

— Петя Брунов, — назвал его Виктор Денисович. — Наш молодняк. Подросли за войну ребятишки!

У Грачева был молодежный комплект.

Когда после встречи с заводом Павел Афанасьевич в раздумье возвращался домой, возле проходной будки его догнал Петя Брунов. Он помылся и приоделся после смены. Шевиотовый серый костюм ладно обхватывал его стройную фигуру, ветер шевелил густые спутанные волосы.

— Виктор Денисович нам рассказывал... — нерешительно начал Брунов. — Говорят, вы изобретаете?

— Интересуешься? — вместо ответа спросил Павел Афанасьевич.

— Интересуюсь.

Они помолчали.

— Виктор Денисович нам рассказывал о вашей механической скалке...

— Что искать вчерашнего дня! — махнул рукой Новиков.

— Чего не поищешь, того и не сыщешь.

Павел Афанасьевич быстро, с любопытством взглянул на Брунова.

— В сорок третьем году я еще в ФЗУ учился, — рассказывал Петя, — дирекция завода объявляла конкурс на лучшее изготовление механической скалки.

— Ну-ну? Что? — внезапно осипшим голосом спросил Павел Афанасьевич.

— А ничего. Снова зря. Павел Афанасьевич, неужели на ручной придется смириться?

Утром Павел Афанасьевич помчался в бюро рабочего изобретательства. Он хотел пересмотреть все проекты, какие подавались на конкурс.

Романычев замахал руками:

— Хватился, батенька, прошлогоднего снегу! От конкурса и следа не осталось. Всех отклонили. Не всякое изобретение — клад. Понатащили вздору. Архив? Да если я буду все ваши архивы беречь, у меня их тонны накопятся. Павел Афанасьевич, послушай совета: направь свою рационализаторскую мысль на другие объекты. По-дружески тебе говорю. Провалилась механическая скалка. Точка. Теперь нас ничем не возьмешь. Не верим — и баста. И не приходи. Мы тебя и слушать больше не станем.

— Ну, это мы еще поглядим!

— А ты не грози, — обиделся Романычев, запахнул полы сатинового халата и уткнулся в чертеж.

«Изобрети сначала, тогда и сочувствия требовать будешь!» — упрекнул себя Павел Афанасьевич.

Но с этих пор мысль о механической скалке не оставляла его ни на минуту.

«В чем я ошибся?» — грыз он себя.

И вот настало время, когда изобретатель снова ворвался к Романычеву. Он был так возбужден, что не заметил инженера Василия Петровича в кабинете начальника бриза. Впрочем, ему было все равно.

— Ты пойми, в чем наша ошибка! — кричал Павел Афанасьевич, наседая на Романычева и тряся его за полы измазанного тушью и краской халата. — Пойми! Мы... я рассчитывал скалку без учета универсальности человеческих рук. Присмотрись, как рабочий надевает браслет. Стандартно? Нет! Каждый держит скалку по-своему. Это все равно что перо, когда пишешь. Ты так, другой эдак. Уяснил, товарищ Романычев? Стержень, отвечающий гибкости и эластичности рук. Вот в чем штука, дело-то в чем!

— Батенька мой! — мягко ответил Романычев. — Неугомонный ты, ураган! Ну, придумал. Добиться-то как?

— А я уже добился! — смеясь счастливым смехом, сказал Павел Афанасьевич.

— Ишь ты! — недоуменно произнес Романычев. — Василий Петрович, каков наш упрямец! Штурмует крепость! — Он сложил на толстом животе ладошки и, крутя один вокруг другого большие пальцы, с веселым любопытством поглядывал на Павла Афанасьевича.

Василий Петрович встал, потянулся, приблизился к Павлу Афанасьевичу и, чуть прикоснувшись к его рукаву, снизив почему-то голос, сказал доверительно:

— Мы с вами знаем, товарищ Новиков, как иной раз практика опрокидывает полеты фантазии. Для завода будет большим разочарованием, если в вашей новой конструкции опять обнаружится техническая ошибка. Будьте трезвым, Павел Афанасьевич. Не спешите. Обдумайте.

„ТЕБЕ НЕОБХОДИМО МУЗЫКАЛЬНО РАЗВИТЬСЯ“

— Ты обдумал? Ошибки не может быть, папа? — спросил Володя, когда отец рассказал ему эту историю.

— Ошибки не будет.

Они не заметили, как наступила ночь. Вечерние звуки постепенно замирали за окнами. Где-то вдали прозвенел последний трамвай, и все стихло.

— Эк мы заговорились с тобой! — спохватился отец. — Спать, братец мой, спать!..

Володю так и подмывало на другой день рассказать ребятам об изобретении отца. Но он удержался. Надо подождать, что скажет Романычев. Кроме того, едва начался школьный день, появились свои заботы. Так или иначе, через месяц должен состояться вечер Чайковского. Володю он сокрушал. Никогда еще Володя не чувствовал себя таким полным невеждой. Он вспомнил вчерашний обед у Марфиных и охнул от стыда.

Что подумала Ольга? Может быть, она решила, что Володя — музыкант? Человек пришел в дом и требует, чтоб играли Чайковского! Какой тупой музыкант: только мычит, вместо того чтобы высказывать мнения о симфониях. Просто бревно!

Нет, это недоразумение надо рассеять. Пусть она знает: Володе поручили общественную работу — и всё.

Он ломал голову: как увидеться с Ольгой?

В конце концов он сообразил: если подежурить у музыкального училища, удастся же когда-нибудь подстеречь Ольгу. Не сегодня, так завтра. Рано или поздно подстережет.

Едва прозвенел последний звонок, Володя со всех ног кинулся из класса. Он шел улицей, где по какому-то странному совпадению стояли обе школы: в одном конце — его, в другом — Ольгино музыкальное училище. Сколько раз проходил здесь и ни разу не встретился с Ольгой.

«Напишу записку и пошлю с Шуриком. Не стоит ждать. Только время теряю», — думал Володя, однако продолжал ходить взад и вперед по улице и, поравнявшись с училищем, замедлял шаги, вслушиваясь в разноголосые, нестройные звуки, которые неслись из этого удивительного дома. Чем дольше он ходил, тем привлекательней ему казалась та непонятная жизнь, какая протекала за его наглухо закрытыми окнами. Какая-то связь существовала между этой особенной жизнью училища и тем, что вчера его поразило у Ольги. Он не знал, что его поразило. Музыка?.. Да, должно быть, Чайковский — великий музыкант. К сожалению, пока это был единствен-

ный тезис доклада, и Володя не знал, как приступить к доказательствам.

В этот момент на крыльце училища показались две девочки. Одна из них была Ольга. И в ту же секунду, круто повернувшись, Володя зашагал прочь.

Поздороваться с Ольгой, разговаривать, идти рядом — все это оказалось совершенно невероятной затеей. Впрочем, Володя так же внезапно остановился, как побежал.

— Володя! Погоди! Куда ты, Володя? — закричала Ольга, сбегая со ступенек крыльца.

— А, здравствуй! Я тебя не заметил. Как ты здесь очутилась? — залпом выпалил Володя, мучительно решая вопрос, надо протягивать руку или не надо.

Ольга смеялась. Володя заметил — она часто смеялась, и не всегда было ясно, что ее так веселит. Он решил покончить все разом:

— Я хотел сказать... Я из школы... Случилась одна неприятность...

— Шурик? — коротко спросила она, внезапно бледнея.

— Нет, не Шурик. Почему Шурик? Я о себе говорю.

— О себе? — Ольга облегченно вздохнула. — Я потому так испугалась, — смущаясь, объяснила она, — что однажды к нам прибежали сказать — Шурик утонул. Он и верно тогда провалился в полынью на Волге... Володя, что случилось?

В ее застенчивой, немного виноватой улыбке еще не совсем растаяла тревога.

— Я хотел сказать... чтоб ты знала. Я совершенно не интересуюсь музыкой.

— Что-о? В таком случае, зачем ты затеял этот вечер Чайковского?

— Я ничего не затевал. Мне поручили на комитете.

— Понимаю. — Ольга кивнула. — Ты должен заинтересоваться музыкой, — помедлив, заговорила она. — Наталья Дмитриевна считает, что в социалистическом обществе поразительно широко распространена музыкальная культура. Наталья Дмитриевна сорок лет работает в нашем училище. Не удивляйся. Сорок лет, да. До революции Наталья Дмитриевна учила здесь купеческих дочек. Она замучилась с ними. А сейчас... Наталья Дмитриевна говорит, что любовь к музыке — показатель высокой культуры народа. Мы строим коммунизм для того,

чтоб человек жил красиво. Наталья Дмитриевна говорит: красив труд и... музыка. Недаром Толстой делил людей на музыкальных и немузыкальных. При коммунизме все будут музыкальными.

Так она прочитала коротенькую лекцию, в которой изложила взгляды Натальи Дмитриевны.

— Я понимаю, почему комитет поручил тебе сделать ребятам доклад о Чайковском, — заключила Ольга.

Несколько секунд она что-то обдумывала.

— Так и быть! — Ольга открыла портфель, достала два билета, один протянула Володе. — Из Москвы приехал знаменитый музыкант. Он сегодня играет в училище. Приходи. Тебе необходимо музыкально развиться. Как же иначе ты будешь готовиться к докладу?

Она засмеялась, увидев растерянность, почти ужас в темных круглых глазах Володи.

— До вечера, — сказала Ольга вежливым тоном и ушла, оставив его одного разбираться в своих переживаниях.

ГОЛУБОЕ УЧИЛИЩЕ

Ольга отдала билет, а между тем не должна была этого делать. Билет предназначался матери.

Анастасия Вадимовна знала Ольгино училище, всех ее однокурсниц, учителей, давно дружила с Натальей Дмитриевной, и приезд в город известного молодого пианиста для нее, как и для них всех, был важным и радостным событием.

Чем ближе Ольга подходила к дому, тем огорчительней казалось ей то, что она сделала. В столовой на спинках стульев висели приготовленные к концерту платья. Дома был один Шурик. Он сидел за обеденным столом, широко разложив локти, и дочитывал книгу, о которой должен был написать отзыв.

— Шурик, ты не знаешь, мама очень настроилась сегодня идти на концерт?

— Настроилась, — лаконично ответил Шурик, не отрываясь от книги.

Ольга села за уроки. Она училась в школе и одновременно в музыкальном училище. Каждый час ее времени был рассчитан. Но сегодня все не ладилось! Ольга поймала себя на том, что ничего не понимает в учебнике.

«Ах, как плохо! — думала Ольга. — И как неожиданно получилось, что я отдала ему билет! Что же делать, пусть с ним идет мама».

Пожалуй, это был единственный выход.

Шурик вдруг сорвался с места и полетел в прихожую — вернулась Анастасия Вадимовна. Она привезла с прогулки Татьяну. Татьяна с розовыми, как у куклы, щеками лежала в коляске. Шурик дотронулся пальцем до ее холодного круглого носика. Татьяна проснулась и открыла глаза.

— Танечка! — сказал Шурик и повез коляску в комнаты. — Мама! Поехать бы нам с тобой в путешествие. Сели бы в поезд и ехали, ехали... До тайги...

— Да, — кивнула Анастасия Вадимовна, увидев на столе книгу «Чук и Гек».

— Мама, а я сегодня на концерт не пойду, — сообщила Ольга, закрывая учебник.

— Что такое, Ольгуша?

— Я встретила Володю Новикова, — стараясь казаться беспечной, но невольно краснея, ответила Ольга. — Мамочка, ему нужно музыкально развиться. Он ровно ничего не смыслит в музыке. И... ну, словом, с ним пойдешь ты.

— Я? Ты сказала ему, что я?

— Нет, не сказала, но...

Анастасия Вадимовна еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Она вспомнила темноглазого мальчика, который, хмуря брови, с мрачным видом сидел за столом. «Володя, вы любите бывать на концертах?» — «Спасибо... не знаю... кажется, да».

Несчастный! За что его подвергать еще одному испытанию?

— Ольга, голубчик! А я сегодня как раз не могу! Занята.

— Неужели? Мамочка, верно?

Не оставалось сомнений: сегодня Ольге, как никогда, хочется идти на концерт, и именно вместе с Володей Новиковым.

— Занята, — озабоченно подтвердила Анастасия Вадимовна. — Беги одевайся.

Ольга сейчас же ушла, с величайшей осторожностью неся впереди себя платье, а Анастасия Вадимовна свое повесила в шкаф.

«Гладила все утро, а зря! Жалко! — вздохнула она. — Да, этот мальчик... — вспомнила Анастасия Вадимовна. — Этот мальчик ежесекундно краснеет и серьезен до мрачности. Воображаю, как она весело проведет там время со своим кавалером!» — представила Анастасия Вадимовна и засмеялась.

А Ольга между тем летела стрелой, спеша увидеть Володю до начала концерта. Ольга воображала, как Володя, робея, войдет в училище, как все его там поразит. Ей хотелось ему покровительствовать.

Однако Володя давно уже был в училище. Он явился так рано, что у дверей еще не стоял контролер. В пустом вестибюле одиноко пила чай краснощекая девушка, должно быть уборщица. Она прихлебывала чай из эмалированной кружки, закусывала ситным и читала толстенную книжищу, лежавшую у нее на коленях.

— Ступай, сам разденься, — качнула она головой, даже не взглянув на Володю.

Он разделся, пригладил волосы и прочел на стене слова: «Когда удастся певцу ревниво следящую за ним аудиторию захватить и исторгнуть у нее вздох удивления, то, значит, это было действительно хорошо. Собинов».

Веселое удивление завладело Володей. Он поднялся на второй этаж и попал в узенький голубой коридорчик.

— Скорей! Скорей! — услышал он за одной из дверей. — Не сжимайся! Распусти плечи. Свободней!

«Что такое? — все больше удивлялся Володя. — Может быть, там физкультура?»

— Яснее! — волновался за дверью голос. — Не разводи меланхолию.

Ручей ликующих, смеющихся звуков полился в ответ. Казалось, скачет, звеня брызгами, весенний поток.

— Не то! — услышал Володя.

Ручей оборвался.

— Нет, не то! — досадовал кто-то за дверью. — Ты играешь «Волшебную флейту». Пойми же, ты должен создать веселого, ясного мальчика!

А! Так это был не ручей — это был мальчик. Впрочем, может быть, мальчик бежал за ручьем.

— Милый, пойми, — с задушевной настойчивостью убеждал кого-то голос за дверью: — надо работать! У тебя все есть, что нужно. Не хватает старанья.

Вскоре дверь отворилась, в коридор шагнул долговязый парнишка. Володя заметил белый, аккуратно подшитый воротничок на его черной куртке, папку с нотами под мышкой и коньки, переброшенные через плечо. Музыкант собрался на каток. Он стрельнул в сторону Володи любопытным взглядом и исчез раньше, чем вышла учительница. Это была высокая старая женщина с продолговатым, немного усталым лицом. На ней было черное шелковое платье, заколотое у шеи брошкой, высокий гребень поддерживал искусно уложенные волосы.

— Удрал? — с упреком спросила она Володю.

Володя кивнул.

— Лентяй! — огорченно сказала учительница. — А между тем он не имеет права лениться, — продолжала она. — Несерьезен. Так жаль!

Она внимательно вгляделась в Володю. Он, очевидно, ей показался серьезным.

— С кем вы работаете?

Володя не успел ответить — в конце голубого коридора появилась Ольга.

— Наталья Дмитриевна! — громко воскликнула она. — Это Володя Новиков. Знакомый нашего Шурика.

«Знакомый Шурика!» Володя побагровел.

Но, так как он краснел довольно часто, на Ольгу, видимо, это не произвело впечатления.

— Наталья Дмитриевна, как я рада! Концерт!

— Да, Ольга, особенно внимательно послушай Баха. Тебе это нужно.

Узнав о том, что Володя оказался всего-навсего приятелем Шурика, Наталья Дмитриевна потеряла к нему интерес. Она поговорила с Ольгой о Бахе, и все, что они говорили, было до такой степени непонятно Володе, что он, вспомнив свой доклад о Чайковском, опять ужаснулся.

«Ну попался же я!»

— Идем, — сказала Ольга и повела его в зал.

Настало время приступить к музыкальному развитию Володи.

— Бах мыслил как органист. Тяжеловесно, громоздко, — объясняла она по дороге.

«Что же это такое?» — со страхом думал Володя.

— Теперь приготовься, — сказала Ольга, когда они заняли свои места в переполненном, празднично шумящем зале.

Вдруг зал умолк. На сцену вышел невысокий, приземистый молодой человек, широкоплечий, с густой волной рыжеватых волос над угрюмым, неприветливым лбом. Он сел за рояль, тряхнул рыжеватой гривой, точь-в-точь как встряхивали чубами все знакомые Володе ребята, и ударил по клавишам.

Руки музыканта поразили Володю — с такой силой, почти яростью, свободой и легкостью они опускались на клавиши, большие, рабочие руки гениального мастера, как назвала его Ольга. Володя смотрел на него, но никак не мог настроиться слушать музыку. Скорее он слышал тишину зала, битком набитого ребятами и девушками. Он увидел и того мальчика, о котором Наталья Дмитриевна сказала, что он не имеет права лениться. Лентяй, должно быть, отложил свой каток. Он проворонил место и теперь неудобно сидел на подоконнике, вытянув шею, с напряженно-сосредоточенным выражением лица.

Внезапно все вокруг зашумело, загрохотало. Музыкант кончил играть. Кивнув в сторону этого рёва, который, казалось, грозил свалить его с ног, он резким жестом откинул с побледневшего лба волну волос и, не улыбнувшись, быстро ушел.

— Необыкновенно! Необыкновенно! — твердила Ольга, продолжая хлопать, хотя сцена была давно уж пуста.

Наконец она обернулась к Володе.

— Хорошо? — нетерпеливо выпытывала она.

У Володи не хватило прямоты сказать ей, что он не успел начать слушать и поэтому не знает, хорошо или плохо.

Ольга была в каком-то упоении и говорила не умолкая.

— Ты заметил, как он играл? Ты не понял Баха? — говорила она. — Бах — это классика. Погоди. Сейчас он будет играть «Апассионату» Бетховена.

— «Апассионата» — не классика? — осторожно осведомился Володя, заподозрив, что классика — что-то очень трудное в музыке.

— Рассказать одну историю? — вместо ответа спросила Ольга. — Наталья Дмитриевна училась тогда в консерватории, — наклонившись к Володе, чтобы другие не

слышали, быстро зашептала она. — Ей однажды Гольденвейзер сказал... Гольденвейзер был тогда молодым музыкантом... он сказал: «Пойдемте к Толстому».

— Что-о? К Толстому?

— Да. Толстой жил в деревянном доме... В Москве. Они пошли. Был дождь. Осень. Они пришли и сначала сидели с Софьей Андреевной и ждали, когда выйдет Толстой. Когда он вышел, Гольденвейзер стал играть «Апассионату» Бетховена. После этого вечера, именно после него, Наталья Дмитриевна решила уехать куда-нибудь в небольшой русский город и... учить народ музыке.

— Ну? Ну? — торопил Володя.

— А ей прислали купчих, — презрительно подняв правую бровь, ответила Ольга. — Они приезжали в колясках и тыкали пальцами в клавиши. И однажды Наталье Дмитриевне сказали: если дирекция даст вам на обучение собачку, вы обязаны обучать и ее...

Зал снова затих. Володя поднял глаза. Музыкант уже сидел за роялем. Он сидел неподвижно и прямо, опустив на колени руки. Володя не заметил, как он начал играть.

То, что Ольга рассказывала, было странно, почти невероятно. Деревянная Москва. Осень. Дождь. И живой Толстой входит в комнату, садится в самый дальний, темный угол и молча слушает.

Все, что связано с Толстым, — прошлый век. Для комсомольца Володи Новикова прошлый век — седая старина. Неужели Толстой, сам Толстой, слушал вот эти звуки?..

Володя весь собрался, чтобы слушать.

Он больше не смотрел на сцену и уставился взглядом на кончики своих до блеска начищенных ботинок. Заплата слева заметно выделялась, и Володя об этом нечаянно подумал. Он вздохнул. Да, безнадежно! Неужто при коммунизме все, так-таки все до единого непременно займутся музыкальной культурой?

Но вдруг что-то случилось. Володя был застигнут врасплох. Началось новое, ясное, бесконечно простое, величественное. Володя не успел изменить позу и по-прежнему смотрел на ботинки, но не видел, не смел шелохнуться. Что с ним происходит?

Потом на мгновение настала опять тишина. И снова вокруг бушевали, кричали, хлопали. Музыкант, еще бо-

лее побледневший, кланялся, стоя у рояля. С каждым поклоном его рыжеватые волосы падали на лоб, и он смахивал их назад. Впрочем, и теперь он оставался угрюмым.

— Хорошо? — спросила Ольга.

Она хлопала в ладоши, от духоты и усталости на лбу у нее выступили капельки пота. Володя не ответил. Ольга с участием на него взглянула и удовлетворенно улыбнулась.

— Иди одевайся, — сказала она. — Мне нужно повидаться с Натальей Дмитриевной.

Володя вышел из училища. Он не знал, следует подождать Ольгу или нет, но на всякий случай остановился невдалеке от крыльца. На дворе мело. Ноги тонули в снегу. Ветер со свистом летел вдоль улицы и качал фонари.

«Хорошо! Хорошо быть музыкантом!» — вот что подумал Володя.

Он сказал это Ольге, когда она к нему подошла.

— Тебе надо учиться музыке, — сейчас же сообразила Ольга.

— Что ты! — пробормотал бледный Володя. — Может быть, я буду инженером.

— Был же Бородин химиком и композитором, — веско возразила она.

— Неужели? Нет, поздно. Теперь я не успею, — сопротивлялся Володя.

— Никогда не поздно! — убеждала Ольга. — Володя, хочешь, я начну с тобой заниматься? Я собираюсь быть учительницей музыки, как Наталья Дмитриевна. Мне просто необходимо иметь практику. Володя, хочешь? Давай! К нам в училище приходят ребята еще старше, чем ты.

— И... и ты считаешь...

— Ну конечно! Вдруг в тебе раскроется композитор? Вот мне и подвернулась педагогическая практика. Наталья Дмитриевна обрадуется! — Ольга что-то мысленно взвесила и деловым тоном распорядилась: — Послезавтра, в четыре часа.

— Спасибо, — сказал Володя.

Наверное, надо было проводить Ольгу до дому. Поздно, на улицах погасли огни. Но Володя сказал — до свиданья. И они расстались.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

Школа полна была зелени. Цветы стояли в классах, в коридорах, в зале, в учительской и, что новичков поражало, на перилах лестницы. С перилами пришлось повозиться.

Ботанический актив Варвары Степановны поломал головы над устройством сверху перил деревянного желобка для цветочных горшков. Теперь от первого до третьего этажа вдоль всей лестницы стояли цветы. Школа была похожа на зимний сад.

Андрей Андреевич удивлялся тому, как незаметно и легко работает Варвара Степановна.

— Что я особенного делаю! — махнет рукой. — Люблю и делаю.

Делала же она важное дело: цветоводство в школе и на школьном участке начато было ею давно и благодаря ей привилось во многих школах и семьях. Варвара Степановна выпустила из школы не мало будущих ботаников и цветоводов, внушив им самое важное, что может внушить учитель: бескорыстную страсть к своему труду.

Андрей Андреевич, уходя из школы, рассчитывал встретить Варвару Степановну на улице, а она поднималась ему навстречу по лестнице. Варвара Степановна одевалась в темно-синий костюм и светлую блузку с такими нарядными воланами и вышивками, что у этой пожилой, седеющей женщины учились вкусу и изобретательности все молодые учительницы. Прическу она носила старинную, с валиком надо лбом, и все в ней — этот валик, живые глаза, низкий голос, веселость — было своеобразно и привлекало внимание.

— Варенька! — сказал Андрей Андреевич, улыбаясь жене.

— Пообедай. Отдохни. Погуляй, — заботливой скороговоркой ответила Варвара Степановна. — Устал? — Она смахнула пылинку с рукава Андрея Андреевича.

Начиналась вторая смена. Варвара Степановна пошла на уроки, Андрей Андреевич — домой.

Он любил ходить пешком не спеша. Идти недалеко: пересек улицу, свернул в тупичок — и дома.

Огромный пес породы сенбернар, коричневый, с белым пятном на лбу, медленно вышел из комнаты и, ожидая,

пока хозяин разденется, стал возле и кротко смотрел на него.

— Что, Великан? — спросил Андрей Андреевич. — Хандришь? Ну-ну, не распускайся, старик! Как там наши озорники поживают?

У окон среди цветов жили в клетках чижи. Они охорашивались, чистили перышки, перепархивали с жердочки на жердочку и начинали посвистывать, чуя весну.

— Не за горами весна, — сказал Андрей Андреевич.

Он разогрел на кухне обед, поел, вымыл за собой посуду и, позвав Великана, вышел во двор. Великан неторопливо побрел вдоль дорожки, усаженной кустами акации, голые ветки которой, как метелки, топорщились из высоких сугробов. Андрей Андреевич принялся колоть дрова. Березовое сухое полено гулко хрустнуло, разваляясь под топором на половинки. Андрей Андреевич с удовлетворением крякнул. После второго полена он сбросил с плеч куртку и шапку и, встряхивая головой, когда на лоб падали волосы, колол дрова с азартом и радостью во всем теле. Потом отнес одну охапку дров в комнату, снял рукавицы, досуха обмахнул веником валенки.

В доме было тихо и от цветов и чижей в клетках по-особенному уютно. Андрей Андреевич любил тишину своего дома и тупичка, такого «уездного» с деревянными домишками, где летом мостовая зарастала подорожниками и гусиным щавелем, а зимой наваливало сугробы снега. Досаждала, правда, осенняя грязь, в буквальном смысле по колено, но Андрей Андреевич не променял бы свой тупичок ни на какие проспекты с яркими витринами, автобусами и трамваями, от грохота которых в окнах дребезжат стекла.

«Старой закваски человек», — говорили про Андрея Андреевича. А иные за приверженность учителя к домашней тишине называли его ретроградом. В доме «ретрограда», кроме птиц и цветов, водилось великое множество книг. Иногда в школу звонили из книжного магазина или букинистической лавки, и после уроков Андрей Андреевич, постукивая палкой, быстрее обычного шагал на центральную улицу за новинкой или, наоборот, старинным каким-нибудь томом с желтыми страницами и славянской вязью букв, который продавец вытаскивал из-под прилавка, многозначительно вручая историку:

— Только для вас, по знакомству!

На эти книги не слишком много находилось охотников, что же до Андрея Андреевича, в дни таких покупок он в отличнейшем настроении возвращался домой с драгоценным свертком под мышкой. Шутил с Великаном, пересвистывался с чижами и особенно усердно справлял домашние дела, не оставив для Варвары Степановны ни одной грязной кастрюли.

Письменный стол Андрея Андреевича стоял ребром к окну. В углу, позади стола, в кадке рос старый фикус. Он вытянулся до потолка, широко растопырив извилистые сучья с толстокожими, глянцевито-зелеными листьями.

Андрей Андреевич как будто нарочно оттягивал час свидания с книгой. Она, нераскрытая, лежала на столе, дожидаясь, когда владелец ее выведет погулять Великана, наколет дров, подметет пол, сменит воду и корм в клетках чижей.

Поверхностному взгляду жизнь Андрея Андреевича могла показаться старомодной идиллией, если забыть, что он далеко за полвека учительствовал в одной и той же школе. А стоило лишь захотеть, давно мог сменить ее скромные и трудные классы на институтские аудитории. Что-то прочно держало Андрея Андреевича в школе. Привычка, любовь к детству, вернее — отрочеству, пытливому и привязчивому, неохлажденное годами чувство новизны, с каким он входил в класс.

Каждый класс был особенный. Ученики не повторялись.

Менялись задачи, решения которых требовала жизнь. Одно оставалось неизменным: Андрей Андреевич был убежден, что главное учительское его назначение — воспитывать.

Что сто́ят знания истории, зачем они в практической жизни, если в головах учеников не сложится взгляда на народную жизнь, отношения к своему народу, без которого нет родины, жизни и будущего? Неважно, кем станет когда-то тот или другой ученик — рабочим или министром, важно, чтобы от уроков истории в душе его навек сохранилось чувство связи с народом!

Разумеется, Андрей Андреевич не пускался в подобные рассуждения со своими учениками.

Урока едва хватало нарисовать картину труда, подвигов,

жизни народа. Андрей Андреевич заботился о том, чтобы картина была ясна и отчетлива и наполнена теми живыми подробностями, которые заставляли ребят сидеть, разинув от удивления рты. А сколько приходится рыться в книгах и рукописях, архивах, газетах, чтобы находить эти подробности! А как было бы скучно, если бы не надо было этого делать!

Андрей Андреевич любил школьное преподавание еще потому, что каждый урок для ребят — единственный, первый. Учитель — открыватель неведомого, и есть в этом ни с чем не сравнимая радость.

Андрей Андреевич был страстным учителем, хотя любил тишину, часы уединения, не терпел суеты и пуще всего боялся пышных слов.

«Итак, новый класс», — вспомнил он свой седьмой «боевой».

Физиономия класса не совсем еще была ему ясна, но некоторых ребят он начинал различать.

Юрий Брагин. Лучший ученик. Андрей Андреевич представил серые, чуть насмешливые глаза красивого мальчика, высокий лоб, выражение ума и бойкой уверенности во всем его облике. Не бывало случая, чтобы Брагин не понял или чего-нибудь не знал на уроке.

«Здоровенные у тебя, друг, способности!» — с удовольствием подумал Андрей Андреевич.

Женя Горюнов. Этот — мечтатель. Лет до тридцати промечтает, а там, глядишь, откроет что-нибудь, да такое, что целый свет ахнет.

Толя Русанов, который даже отвечать к учительскому столу выходит с приплясом. Загадочно молчаливый Коля Зорин. Володя Новиков, безумно стеснительный, неловкий, самолюбивый — застенчивость и самолюбие почти всегда рядом. Кажется, впечатлителен — хорошо! Значит — не равнодушен.

...Андрей Андреевич сидел за столом. Фикус навесил над ним, как шатер, прихотливо изогнутые ветви, на которых никогда не колышутся тяжелые листья.

Темнело. За окном начался снегопад. Беззвучно, медленно, сплошным потоком струились белые крупные хлопья. Казалось, опускается и никак не опустится занавес.

«Чего я не хочу, с чем не смирюсь, это — доживать в бездействии век, — неожиданно подумал Андрей Андрее-

вич. — Вот еще за что я люблю школу. Перпетуум-мобиле».

Великан поднял голову, прислушался и пошел к двери. Вернулась с работы Варвара Степановна.

— Здравствуй, друг сердечный! Рыцарь бледный и печальный! Соскучился, старче? — ласковым баском заговорила она, трепля Великана между ушами. — Чижи, как вы, живы? А что на улице делается! Всю залепило снегом. К утру без валенок из дому не вылезешь!

Ее приход разом нарушил тишину дома. Проснулись в клетках чижи. Загудел на кухне примус. Великан не пожелал больше лечь на подстилку, любовно следуя по пятам за хозяйкой.

Андрей Андреевич затопил печь. Они любили посидеть вдвоем у огонька.

Береста, свиваясь спиралью, корежилась на жарком огне, сухие дрова подняли такую перестрелку, что вся комната наполнилась озорным и веселым щелканьем.

Варвара Степановна грела над огнем руки и делилась маленькими и такими всякий раз важными впечатлениями дня:

— К Первому мая наши биологи взялись выгнать гиацинт и сирень. Отнесем в сквер, на братскую могилу, а еще, смотри, только по секрету, Андрей, каждому учителю готовят гиацинтик в подарок. Хорошие ребятишки! Нынче у иных повелось корить молодежь. Есть хулиганство, ох, правда, есть! Да ведь дурное в глаза кидается, а золото не говорит, да много творит... Насмешил меня нынче один мальчугашка. Вызвала ответить с места. Застрочил, как из пулемета. «Довольно, — говорю, — садись!» Не садится, строчит и строчит. «Ты что же, — спрашиваю, — не слушаешься?» — «Хочу, — говорит, — до конца договорить. Если кто не знает, вы за язык насильно тянете, а кто знает, — садись». Пришлось до конца дослушать... Андрей! О чем ты задумался? — Она близко заглянула ему в глаза. — О чем?

— За водой надо сходить. Вот пойду, — сказал он, — и, если бы выловилась из колодца та чудесная щука, которая людям дарит, чего душа пожелает, уж не знаю, чего бы спросить, по щучьему веленью, моему хотенью?

Варвара Степановна провела маленькой ладошкой по белым волосам мужа:

— Спроси мне новые валенки. Ишь, снегопад, старые-то совсем прохудились.

— Стоит ли? Весна недалеко, — усмехнулся Андрей Андреевич.

— И то правда, — серьезно согласилась она. — Да и беспокоить щучье веленье из-за такой малости совестно.

КАЖДЫЙ ЗАНЯТ СВОИМ ДЕЛОМ

Урок кончился. Обычно ребята норовили улизнуть из класса, едва дозвенит звонок. У Андрея Андреевича часто оставались за партами. Он умел задеть за живое. Вопросы на его уроках сыпались градом.

Володя поднял руку:

— Можно добавить, Андрей Андреевич?

— Добавляй.

— Андрей Андреевич, вы ничего не сказали о Викторе Талалихине и о Тимуре Фрунзе.

— Что правда, то правда. Не успел обо всех рассказать.

— Можно добавить? — спросил Женя Горюнов.

— Добавляй.

— Замечательный русский путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай исследовал жизнь папуасов. Папуасы сначала не доверяли Миклухо-Маклаю и хотели убить. Миклухо-Маклай расстелил циновку и лег спать на глазах вооруженного отряда, чтобы доказать, что он мирно настроен и не хочет им зла. И верно, уснул... Андрей Андреевич, как вы думаете, бесстрашие бывает врожденным или можно развить?

— Полагаю, что можно развить, — ответил учитель. — Ну, а ты, Брагин, что хочешь добавить? — спросил он, видя еще одну поднятую руку.

Юрий успел сложить книги и, сидя на кончике парты, держал портфель на коленях, готовясь вскочить и бежать.

— Я хочу... Был звонок. Можно идти?

— Ведь и верно, звонок был, — сказал Андрей Андреевич.

Никто не поднялся. Все почему-то молчали.

— Юрий, хорошо ли ты понял, что я сегодня рассказывал? — спросил Андрей Андреевич, приближаясь между рядами парт к Брагину.

— Понял. Проверьте, пожалуйста... могу отвечать, — охотно отозвался Брагин.

— Не сомневаюсь, память у тебя превосходная... Между прочим, ребята, — обратился Андрей Андреевич к классу, повернувшись спиной к Юрию, — бывают знания, которые нельзя считать настоящими знаниями, если они усвоены только памятью. Надо постигнуть их сердцем. Тогда они становятся убеждением. Ты подумай, Брагин, об этом.

Этот отличник, который всегда превосходно знает урок, чем-то Андрея Андреевича задел. Слишком уж деловой человек, такой деловой, что, кажется, не о делах и подумать некогда.

Юрий обиженно повел плечами.

— Почему я должен думать больше других?.. Можно идти? — уже дерзко спросил он.

— Иди. Идите, ребята.

Володя догнал Юрия в раздевалке.

— Не дал поговорить как следует! Все расстроил! Перебил на самом интересном месте. У, ты!

— Но, но, не толкайся! — ответил Юрий с угрозой, сам надвигаясь плечом на Володю.

— А! Ты драться? Ты драться? — вспыхнул, как порох, Володя.

— А ты учить меня?!

Вдруг Юрий увидел секретаря комитета Сергея Чумачова. Высокий, худощавый юноша с тонким лицом и густой копной волнистых волос беспечно сбегал с лестницы, спеша захватить очередь в раздевалке. Юрий мгновенно одумался и разжал кулаки. Опять позабыл, что он комсорг! Чуть было в драку не полез.

— Ладно! — примирительно улыбнулся он Володе. — Ребята, знаете, зачем я домой торопился? Угадайте.

— Детекторный строить! — воскликнул Миша Лаптев.

— Попал пальцем в небо! Не детекторный, а гараж! — краснея от удовольствия, объявил Юрий.

— Гараж?! Ух ты! Ого! Вот это да! — раздался хор восклицаний.

Юрий сиял:

— Кто со мной? Эй, ребята, поглядеть хотите?

Вокруг него собралась порядочная кучка ребят. Больше всех суетился Миша Лаптев, низкорослый,

верткий мальчик с черными, крохотными, как пуговички, глазами:

— Юрий, а Юрий! Прокатишь как-нибудь на машине? Я каждый день буду помогать тебе строить гараж.

Юрий обернулся, ища взглядом Володю:

— Володя, пойдем?

— Нет, — отказался Володя.

— Да, Новиков, слушай, как вечер Чайковского? Готовишь? — вспомнил Юрий, когда они всей компанией вышли из школы.

— Пока еще нет.

— Ты не тяни. Советую тебе, не тяни. Смотри не осрами нас, Володька! Ну, всего!

Юрию всегда некогда, его жизнь так полна удовольствий, дел, событий, забот, что общественные обязанности он привык выполнять на ходу. Впрочем, и на ходу он успевает неплохо. Ему нравится кипучая деятельность. Ему нравится произносить на собраниях речи, быть окруженным ребятами, давать всем поручения, распоряжаться, критиковать. Такое уж у него создалось положение в классе. На то он и комсорг. И совесть чиста — найдешь ли в табеле Брагина хоть одну тройку, хоть одно замечание!

Только сегодня на сердце у Юрия немного скребло. Он понимал, почему Андрей Андреевич рассердился. Учителя всегда сердятся, если им сорвешь настроение. Да! Что такое обидное сказал Андрей Андреевич о памяти?.. «Э! Ничего! На следующем уроке вызовусь отвечать. Посмотрим, кто будет знать лучше всех», — утешил себя Юрий. И он вполне успокоился. Он шел, окруженный толпой, — чуть ли не весь седьмой класс провожал сегодня Юрия до самого дома. Еще бы! Не в каждом дворе строят гараж!

Володя Новиков свернул в другую сторону. Они жили в разных районах. Володя шел один. Две минуты спустя его нагнал Женька Горюнов.

— Хотел поглядеть гараж, да отдумал. Все-то он хвастает! — махнул рукой Женька.

Женька всегда ходил в распахнутом пальто и две верхние пуговицы куртки не застегивал. Это делалось для того, чтобы из-под куртки была заметна тельняшка. А на голове Женька носил настоящую бескозырку, только без ленты. Пожалуй, его можно было принять за матроса.

— Ты дал хороший отпор Брагину, — продолжал рассуждать Женька. — И поделом. Не оборвал бы Юрий, Андрей Андреевич многое еще мог порассказать. Я так и ждал — вот начнет. Я и сам бы... Знаешь, почему я о Миклухо-Маклае добавил? — спрашивал Женя, выпячивая грудь в полосатой тельняшке. — Оказывается, Миклухо-Маклай боролся против войны. Он приехал в Новую Гвинею и помирил два враждующих племени. А как это было? Ну смельчак! А принципиальность какая! Слушай, как это было... Да ты не слушаешь? — прервал Женька рассказ, заглядывая Володе в глаза.

— Слушаю. Только вот что, Женька... надо мне домой. Важное дело.

— Секрет? — понял Женя.

— Секрет.

Женя задумчиво свистнул и не стал любопытствовать. Мужчина должен быть сдержанным.

— Заинтересуешься — возьми у меня книгу почитать о Миклухо-Маклае. Завтра притащу в школу. До завтра.

— До завтра, — нерешительно ответил Володя.

Открыть Женьке тайну?

Нет, нет! Пока — нет.

Всего несколько дней назад Володя сам не поверил бы, что будет учиться музыке, а главное, что так захочет учиться. Сегодня первый урок. Может быть, Володя никому, даже Женьке, не заикнулся о нем, потому что учительницей была Ольга? Может быть.

Он старался представить, что сейчас делается у Марфиных. Ольгин дом был решительно ни с чем не сравним, необыкновенен. Володя думал о нем с удивлением.

Между тем как раз в то время, когда, наскоро пообедав и надев новую рубашку, он в ожидании назначенного часа механически заучивал грамматические правила, в семье Марфиных разыгрывалась история, которая могла произойти в любом, самом обыкновенном доме.

Началось с того, что, вернувшись из школы, Шурик никого не застал, кроме Ольги.

— Тебе не нужно сходить куда-нибудь? — спросил Шурик.

— Как раз надо уйти, да, боюсь, ты забудешь Татьяну стеречь, — недоверчиво ответила Ольга. — Татьяна спит.

— Я буду подкрадываться к ней на цыпочках и слушать.

— Ну ладно. Не шали без меня!

Ольга ушла, а Шурик вынул из школьной сумки синюю лодочку. Вожатый Кирилл Озеров дал ему эту моторку на один вечер.

Оставшись один, Шурик поставил посреди кухни таз и до краев налил водой.

«Теперь приходил бы скорее Васюта!» — думал он, любуясь моторкой, у которой все — палуба, рубка, нос и корма — было настоящее и в то же время игрушечное.

На крыльце послышался шум. Это Васюта сбивал с валенок снег, стуча носками и пятками о приступки.

Он вошел, снял шапку, шубу и валенки, свалил все в одну кучу на лавке и оказался коренастым, большеголовым пареньком, с круглым носом, слегка тронутым веснушками.

— Здравствуй! Мать насилу пустила!

— Где бензин? — спросил Шурик.

Васюта молча подтянул длинные, до пяток, штаны.

— Не достал? — понял Шурик.

Они присели на корточки у таза. В воде скучно стояла неподвижная лодка.

— Если бы моя мать была бакенщицей! — упрекнул Шурик.

— Ну и что? Думаешь, у бакенщиков бензинные склады?

— Да ведь ты обещал!

— Обещал, а не вышло. Я не на мать, а на другого человека надеялся.

Шурик толкнул лодку. Она колыхнулась, но не тронулась с места.

— У Ольги есть одеколон, папа подарил на рождение, — нерешительно сказал Шурик.

— Валяй, — одобрил Васюта. — Отольем маленько на пробу. Поглядим. Может, лодка и не двинется. Может, враки.

Шурик побежал в Ольгину комнату и взял одеколон.

Они вложили в мотор кусок ваты, полили одеколоном, зажгли — пламя взвилось голубым язычком, и лодка побежала по кругу.

— Гляди-ка, — сказал Васюта, — пошла, как настоящая! Маленьких бы человечков еще туда насажать!

Лодка сделала два круга и стала. Мальчики еще раз заправили мотор.

— Давай по очереди пускать, — предложил Шурик.

— Упросить бы вожатого — пусть отдаст навсегда. Мы весной на Волге ее запустили бы, — фантазировал Васюта.

— На Волге нельзя — уйдет.

— Куда она уйдет? Бензин кончится — и стоп.

Тут они заметили, что одеколона в узеньком флаконе осталось на донышке.

— Вот тебе и раз! — удивился Васюта. — Теперь изругают.

— Не изругают, — храбрился Шурик.

— Разбавь водой, — посоветовал Васюта. — Будет пахнуть, и ладно! Баловство какое — одеколон! И без одеколона можно прожить.

— Конечно, можно, — упавшим голосом согласился Шурик.

— Ну, давай убирать, — решил Васюта.

В это время вернулась Ольга.

— Что такое? Что вы здесь делали? Чем здесь пахнет? Мой одеколон? Шурка, как ты посмел?

— И без одеколона можно прожить, — пробормотал Шурик, толкая Васюту плечом, чтобы тот утекал от расправы.

— Что-о? — возмутилась Ольга. — Взял не спросившись! Разлил! Ну, я тебя проучу!

— Учительница какая нашлась! — буркнул Шурик, ужасаясь тому, что Васюта все еще возится в углу с одеждой.

Уходил бы поскорее: неизвестно, до чего доведет Шурика его независимость!

И, едва Васюта ушел, Шурик заревел, потому что чувствовал себя кругом виноватым и оставался теперь в полной власти Ольги.

— Неблагородный, неблагородный! — твердила Ольга, топая ногами.

Анастасия Вадимовна застала весь дом в слезах.

— Как ты решился взять без спросу чужую вещь? — расстроенно спрашивала Шурика Анастасия Вадимовна.

— Я не мог удержаться.

— Уйди! Не хочу с тобой разговаривать! — сказала Анастасия Вадимовна. — Уйди и ты, — велела она Ольге.

Анастасия Вадимовна не знала, кто ее больше огорчил — Шурик или Ольга.

«А я-то мечтала вырастить детей щедрыми, чуткими! — думала она. — Крики, слезы, чуть ли не драка! Из-за чего? Из-за одеколона».

Анастасия Вадимовна закрылась с Татьяной у себя в комнате. Ольга спряталась в своем уголке. Шурик, поревев, сел за книги.

В это время Володя и явился на урок музыки к Ольге.

НЕУЖЕЛИ?

Он неуютно почувствовал себя уже в кухне, встреченный странным молчанием Шурика, который вышел на стук открыть дверь. Шурик подождал, пока Володя, не зная куда повесить пальто, пристроил его на гвоздь здесь же, в кухне, уронив при этом два раза шапку.

— Мама там, — показал Шурик налево из столовой на закрытую дверь. — А там Ольга, — кивнул он направо.

Дверь к Ольге оказалась тоже закрытой. Володя постучал и вошел.

Ольга сидела, облокотившись на крышку рояля. Володя заметил, что она смущена, чуть ли не испугана его появлением.

— Здравствуй, — сказал он растерявшись.

— Здравствуй, — натянуто ответила Ольга. — Начнем.

Она тут же приступила к уроку. Ее холодный тон сбил Володю с толку.

— Понятно? — спросила Ольга, объяснив клавиатуру.

— Нет. Не очень, — сознался Володя.

— Что тут можно не понять? — Ольга с досадой пожала плечами. — Малая октава, большая, контроктава... Разберем теперь ноты. Мы идем ускоренным темпом.

Володя похолодевшими от волнения пальцами впервые в жизни сыграл: соль, ми, фа...

Ольга была равнодушна и замкнута. Володя робел перед ней, как ни перед одним учителем в школе. Что ж, урок есть урок! Усваивать музыкальную грамоту оказалось не веселей и не легче, чем немецкий алфавит. Какая бездна труда лежит между первым фортепьянным этюдом и тем, что Володя недавно слышал в музыкальном училище!

— Упражняйся. Играй со счетом, — сказала Ольга и оставила его одного.

Несколько секунд она помедлила за дверью, откуда доносился его робкий голос: «Раз-и, два...» Ей хотелось плакать от досады.

Она ждала Володю с непонятным для самой себя нетерпением. А если бы сегодня он пришел немного раньше!.. Вдруг он стоял на крыльце, когда она орала на Шурика? Или, может быть, встретил Васюту и тот ему все рассказал? Но, если Володя и не подозревает о том, что Ольга умеет браниться и реветь из-за разлитого одеколона, все равно у нее пропала охота говорить с ним о музыке.

Она вошла к матери.

Анастасия Вадимовна штопала чулки. На письменном столе, между книгами и чернильным прибором, лежала груда чулок, на коленках и пятках которых Шурик ухитрялся протирать дыры величиной с кулак. Анастасия Вадимовна отваживалась штопать эти необъятные дыры только в тех случаях, когда неспокойно на сердце. Она молча подняла глаза на Ольгу.

— Я не буду заниматься с Володей, — сказала Ольга безразличным тоном, но подбородок ее вдруг задрожал.

— Почему?

— Не знаю. Просто так. Поди скажи ему, что не буду.

Анастасия Вадимовна воткнула иглу в клубок ниток. Кажется, штопка на сегодня закончена.

— Растолкуй все же, в чем дело? — спросила она, беря Ольгину руку. (Узкая, неокрепшая рука. И душа у тебя еще неокрепшая, девочка!) — Ну, растолкуй же.

— Не хочу я с ним заниматься. Не могу. Сама не понимаю отчего, — сдавленным голосом ответила Ольга, опустив голову, чтобы не встретиться с матерью взглядом.

Но мать приподняла за подбородок лицо Ольги и посмотрела в ее опечаленные глаза:

— А я понимаю. Стыдно?

Ольга молчала.

— Володя очень хорошо о тебе думает — и вдруг получилось, что ты как будто обманула его, — мягко сказала Анастасия Вадимовна. — Он тебя уважает, а ты сегодня сама не уважаешь себя. И тебе неловко. Что же теперь делать?

— Что? — невольно повторила Ольга.

Анастасия Вадимовна собрала в охапку чулки, спрятала в мешок и понесла в шкаф.

— Что? Ну, мама! — со слезами в голосе спрашивала Ольга, следуя за ней по пятам.

— Надо стараться быть красивой не только напоказ, моя дочь! — сказала Анастасия Вадимовна без улыбки, но со сдержанной лаской проводя ладонью по щеке Ольги. — На людях мы привыкли держаться с достоинством. Научись всегда быть достойной. Дома, наедине с собой. Ольга, ты поняла?

В дверь просунулась голова Шурика:

— Помирились? Мамочка, да?

— Иди сюда, — позвала Ольга. — Не сердись. Я не сержусь.

— Да-а, чуть не избила!..

— Об этом забудем, — твердо сказала Анастасия Вадимовна. — Мир. Идемте-ка выручать музыканта.

Володю действительно пора было выручить. Он так долго упражнялся, что затосковал над своим первым этюдом.

— Хорошо. Большие успехи, — похвалила Ольга, с пылающим лицом входя в комнату.

От ледяной строгости, с какой она только что преподавала Володе основы музыкальной грамоты, не осталось и следа.

«Значит, это был просто педагогический прием», — с облегченным сердцем подумал Володя.

Но почему-то развеселился и Шурик. Все повеселели. Анастасия Вадимовна зажгла верхний свет, и игрушечная комнатка Ольги, с пестрыми обоями, книжной полкой и бюстом Пушкина на черном рояле, стала, как в прошлый раз, привлекательной.

Ольга достала с полки книгу:

— Вот. Я приготовила тебе для доклада: «Чайковский, творчество».

— А не послушать ли нам Чайковского? — предложила Анастасия Вадимовна.

Она села на диван, Шурик подлез ей под руку, прижался.

— Мы устроились. Начинай, — сказал он сестре.

— Да, мама? — нерешительно спросила Ольга.

Володя заметил — Ольга сегодня ласкова и застенчива с матерью.

— А не послушать ли нам Чайковского? — предложила Анастасия Вадимовна.

У Володи не было матери. Он потерял ее через час после того, как появился на свет. На столе у отца стоит фотографическая карточка. Володя помнит ее с детства. Когда они жили не в большом новом доме на Гражданской улице, а, как Марфины, в деревянном флигельке, обнесенном забором, карточка так же стояла у отца на столе. Но ни разу в жизни Володе не пришлось вслух сказать: «Мама!»

А если бы и у него была мать...

Что такое Ольга играет?

Володя сидит на кончике дивана, молчит и слушает музыку и то неясное и красивое, что в нем пробуждается в ответ. Как тревожно и странно! Все необыкновенно.

Он не знал, что можно быть одновременно и печальным и радостным.

Но в это время вернулся Михаил Осипович.

— Фуги! Бахи! Контрапункты! Симфонии! — загудел на весь дом его добродушный и трезвый, как математическое вычисление, голос. — А! Новообращенный музыкант тоже здесь?

— Папа всегда шутит! — смутилась Ольга, закрывая рояль.

Она постояла в кухне, пока Володя одевался, роняя то книгу, то шапку, то варежки.

— Теперь ты понимаешь Чайковского? — спросила Ольга, прикладывая ладони к разгоревшимся щекам и не замечая неловкости Володи.

— Не знаю, — колебался он. — Надо послушать еще раз.

Ольге понравился этот осторожный ответ. Он показался ей вдумчивым.

— Володя, очевидно, у тебя все же есть способности, — решила она.

«Неужели? Неужели?» — думал Володя, возвращаясь домой от Марфиных. Если бы действительно у него оказался талант, он посвятил бы музыке всю свою жизнь! В прошлом году под влиянием Юрия Володя интересовался техникой. Но потом это кончилось. Должно быть, к технике у него нет способностей. А еще раньше, в пятом классе, Володя думал — лучше всего быть художником. Как он любил тогда рисовать! Он рисовал без конца. И все-таки никогда ничто раньше не влекло его так, как влечет теперь музыка!

«Раз у меня есть способности, а уж Ольга разбирается в этом, — думал Володя, — значит, я должен быть музыкантом. Обязательно сочиню симфонию... Про Волгу, наш город... Нет, лучше я сочиню вообще о нашей стране. Сочиню-ка я героическую симфонию...»

Удивительно! Володя чувствовал себя сегодня способным на все. Если бы кто-нибудь понаблюдал сейчас за ним со стороны, подумал бы, верно: вот идет человек, которому нипочем самое трудное дело.

Оглянувшись, Володя заметил, что кто-то действительно за ним наблюдает. Во всяком случае, его догоняли.

Володя узнал отца:

— Папа! Вот здорово!

Они утром не виделись. Отец ушел на работу раньше, чем Володя проснулся.

— С завода? Папа, почему так поздно сегодня?

— Задержался. А я смотрю, впереди паренек шагает. Кто бы, думаю? Ан это сын. Из школы?

— Нет, с занятий, — неопределенно ответил Володя, еще не зная, как отец отнесется к его музыкальным урокам. — Папа, что нового?

Отец махнул рукой.

— Что? — испугался Володя. — Не приняли скалку? Отказали? Ошибка?

Отец остановился и искал в карманах папиросы.

В густой синеве вечернего неба над снежной улицей холодно светила луна. В ярком свете Володя отчетливо видел устало опущенный рот и морщины на лбу отца.

— Папа! Если ты ошибся, — несмело спросил он, — ты будешь опять добиваться? Папа? Или ты решил отступить?

Отец промолчал. Володя тронул отца за рукав и позвал:

— Пойдем домой, папа.

„ЕСТЬ ЧЕГО ЖДАТЬ, КОЛИ ЕСТЬ С КЕМ ЖАТЬ“

Павел Афанасьевич молча шел рядом с Володей и в мыслях перебирал весь сегодняшний трудный день. Он проснулся сегодня глубокой ночью, словно от толчка. Проснулся и больше не сомкнул глаз, тяжело ворочаясь

с боку на бок в кровати, пока за окном не звякнул первый трамвай.

Тогда Павел Афанасьевич встал, потихоньку оделся и вышел на кухню вскипятить кофе перед уходом на завод. Бабушка все же услышала.

— Экую рань, суматошный, поднялся! — кряхтела она, разжигая примус. — Спалишь ты себя раньше времени, Павел Афанасьевич!

Он отшутился:

— Не тужите. Хватит меня на мой век.

Есть не хотелось, но Павел Афанасьевич все же плотно позавтракал, покурил, тщательно замотал шею шарфом и вышел, когда на дворе едва занимался рассвет.

Вьюга улеглась. Морозило. Под ногами звонко хрустел снег. Кое-где над домами стояли прямые струйки дымков. Небо с редкими, крупными, сильно мерцающими звездами медленно, словно нехотя, пробуждалось, светлело и все выше поднималось над городом.

Павел Афанасьевич с наслаждением вдыхал свежий воздух. Тревога, разбудившая его ночью, постепенно улеглась.

«Верно ведь, суматошный! — улыбнулся он. — Чего я грызу себя? Бывало, чтобы нужное рационализаторское предложение закопали в архив? Не бывало. И не будет. Выдержка, Павел Афанасьевич, выдержка!»

Он вошел в цех. Все его слесарное отделение при цехе контрольно-измерительных приборов размещалось в одной комнате. Здесь не было ни поражающих грандиозностью и шумом машин, ни конвейеров, но Павел Афанасьевич любил свою слесарную и ревностно следил за тем, чтобы каждое рабочее место содержалось в образцовом порядке. Его собственный столик, где в запертых ящиках хранились наряды на работу, журналы с рабочими записями, чертежи, всегда был накрыт листом белой бумаги, возле чернильного прибора стоял хорошенький настольный календарик, и с первого же взгляда на этот уютный, обжитой уголок можно было понять: человек поселился здесь добротно и прочно. Впрочем, добротность, обжитость здесь ощущалась во всем, и ученики, попадая из фабзавуча в отделение Павла Афанасьевича, быстро привыкали любить станок и щеголять друг перед другом его аккуратным видом и до блеска начищенными частями.

Сегодня был получен новый наряд на ремонт деталей для терморегулятора в цех вулканизации. Павел Афанасьевич, придя на завод до сменного гудка, наметил дневные нормы, проверил запас материала, оглядел станки и инструменты.

Тоненькими голосами запели станки. Слаженность, какой начался день, развеселила Павла Афанасьевича.

Он почувствовал упрямое желание действовать.

«Хватит! Дожидаться у моря погоды больше не буду. Пойду напролом. Выдержка — дело хорошее, однако под лежачий камень вода не течет, это тоже верно».

Под конец смены он вошел в кабинет начальника бриза Романычева в самом воинственном расположении духа.

По тому, как Романычев рассеянно кивнул в его сторону, приглашая садиться, как одернул халат, сердито выдвинул ящик стола и тотчас задвинул, Павел Афанасьевич понял — начальник бриза недоволен его приходом.

Чувствуя, как в нем закипает гнев, Павел Афанасьевич, чтобы не сорваться, молчал.

«Пусть-ка сам заговорит. А мы послушаем. Пусть». Действительно, перестав суетиться, Романычев откинулся на спинку стула и сложил на животе пухлые, коротко-палые руки:

— Пришел?

— Нужда привела, — сдержанно ответил Павел Афанасьевич.

— Твоя скалка вот у меня где сидит! — Романычев постучал себя кулаком по загорбку. — Индивидуалист ты, Павел Афанасьевич!

— Эк, куда хватил! — не обидевшись даже, удивился Павел Афанасьевич.

— Ну как же не индивидуалист? — брюзгливым тоном продолжал Романычев. — Если с государственной точки зрения посмотреть на перспективы завода, так ведь скалка твоя — пустячок, Павел Афанасьевич!

— Мой «пустячок», значит, стал поперек перспективам завода?

— Не погоняй ты меня, Новиков, родной! Не вытягивай душу! — плачущим голосом уговаривал Романычев. — Руки у нас до тебя не дошли. У нас сейчас в подготовительном цехе...

Павел Афанасьевич вскочил.

— Я о подготовительном цехе пришел сюда говорить или о своем предложении? — закричал он. — Ты каждого, кто тебе предложение приносит, индивидуализмом коришь?

— Ну буян! Эк буян! — вздохнул Романычев.

— Долго протянете? — собираясь уйти, резко бросил Павел Афанасьевич.

— Недолго! Ох! Ох! Недолго! — заохал Романычев. — В технический отдел на заключение дал твою скалку, неприветливый ты человек!

— Василию Петровичу?

— Да. Опять недоволен? И рационализаторская бригада цеха скалкой твоей занялась. Мало? Что еще? Говори.

— Ничего. До свиданья.

Должно быть, оттого, что он рассердился еще в кабинете начальника бриза, и разговор с Василием Петровичем получился нескладным.

Он разыскал инженера в сборочном цехе.

— Рассмотрели предложение? — закричал Павел Афанасьевич, подойдя к инженеру.

Тот пожал плечами.

— Когда? — еще громче закричал Павел Афанасьевич, стараясь перекричать шум станков.

Тот снова пожал плечами.

Павел Афанасьевич постоял, махнул рукой и, сутулясь, пошел вдоль цеха. Он глядел под ноги, но все же заметил усмешку на безбровом, гладком, как у женщины, широкощеком лице Путягина. Этот Путягин по выработке нормы шел вторым за Петей Бруновым. А неясный, однако, человек — все помалкивает.

Кажется, он выдвинут в рационализаторскую бригаду. Эх, неважны твои дела, изобретатель Новиков!

На лестничной площадке при выходе из цеха Павла Афанасьевича неожиданно догнал инженер.

— Занят по горло, — извиняющимся тоном сказал инженер. — Голубчик, вы не поверите... Придется подождать.

— Привык. Подожду, — ответил Павел Афанасьевич, стараясь казаться равнодушным. Уж жалеть-то он себя не позволит!

— Боюсь одного... — загородил ему дорогу Василий Петрович. На его красивом и белом, с высоким, лысею-

щим лбом и светлыми глазами лице появилось выражение заботы. Почему-то он вынул блокнот, перелистал несколько страничек. — Голова у вас великолепно устроена, Павел Афанасьевич! Я всегда и каждому прямо скажу — великолепно! Боюсь одного... Смущает меня техническое выполнение замысла. А идея прекрасна! Жаль, если снова провалим. — Инженер поднял на Павла Афанасьевича светлые, навыкате глаза. — Стыдно, если опять оскандалимся, товарищ Новиков!

— Стыд беру на себя, — угрюмо буркнул Павел Афанасьевич. — Да что вы пугать меня все взялись! — вдруг воскликнул он, почти с ненавистью глядя на выпученные глаза и мгновенно покрывшееся красными пятнами лицо инженера. — Я чего от вас добиваюсь? Дайте заключение: верны расчеты или неверны? Да или нет? Всё. Ничего мне от вас другого не требуется.

— В самые ближайшие дни вы услышите, да или нет, — раздельно, с холодной сдержанностью ответил инженер и, круто повернувшись, ушел.

К себе в кабинет он вбежал, гневно кусая губы и дергая у шеи туго завязанный галстук. Этот слесарь вообразил, должно быть, что у него, Василия Петровича, нет других дел, как изучать предложения рабочих! Не спите, не ешьте, Василий Петрович, но извольте незамедлительно рассмотреть изобретение Новикова. А вы подумали, товарищ изобретатель, о том, что инженер свой авторитет ставит на карту, давая заключение? А если ошибка в проекте? Кого попрекнут? Над кем посмеются?

Василий Петрович вынул из портфеля чертеж Новикова и, постукивая костяшками пальцев о стол, хмуро разглядывал его.

Как будто все ясно в чертеже, но именно эта ясность и смущала Василия Петровича. Решить сложный замысел конструкции механической скалки таким простым способом казалось ему невероятным. Он был убежден, что в этой простоте и таится ошибка, но в чем она, разгадать не умел.

Может быть, инженер и сам не догадывался, отчего так упорно ищет ошибку в проекте. В глубине души Василий Петрович не верил в возможность механизации сборки шины. Нет, товарищ Новиков, не так-то это легко! Давно изобрели бы без нас, если б было легко.

«Однако как же мне поступить? Э! Погожу, что скажут другие. Кому охота голову первому ломать?»

Решив так, Василий Петрович спрятал чертеж в ящик стола и запер на ключ. Пусть полежит, а там будет видно.

Павел Афанасьевич между тем в это время пешком возвращался домой. Он устал. Морозный воздух не бодрил, как утром. Не радовал хрусткий снег. На душе было смутно и тягостно.

Как всегда, когда что-нибудь его обижало, Павел Афанасьевич прежде всего начинал проверять себя. Верно ли сам он держался? Нет, и сегодня опять сплоховал. Зачем медведем полез на Романычева? С Василием Петровичем раскричался...

Сейчас, оставшись один, он старался все обсудить без горячки.

«Было когда-то, что завод ждал твоего механизма, а ты его провалил? — мысленно спрашивал себя Павел Афанасьевич. — Потом провалили другие. Если изобретение два раза проваливается, в третий раз его встречают без веры».

Ничего несправедливого не было в таком положении вещей. Все понятно, естественно. Но, едва Павел Афанасьевич начинал думать о начальнике бриза и Василии Петровиче, его душил гнев: «Трусы, трусы! Ну трусы!..»

Что теперь делать? Ждать...

Есть один выход — идти в партбюро цеха.

Как хотелось бы Павлу Афанасьевичу обрадовать своего старого друга Дементьева:

«Сергей Ильич! Товарищ секретарь, принимай рапорт. Задание выполнено. Специалисты проверили, утвердили — дело без промаха!»

Как хотелось Павлу Афанасьевичу с победой прийти в партбюро! Но, видно, далеко тебе, изобретатель, до победы.

Павел Афанасьевич так глубоко задумался, что долго не узнавал сына в пареньке, который шагал впереди. Володька!

Странно, он почувствовал себя спокойней и тверже при сыне.

— Дело мое, Владимир, правильное, — сказал Павел Афанасьевич. — Государству нужное. Не отступлю.

«Значит, папа не ошибся, — подумал Володя. — Но что же случилось?»

Володя понял это немного позднее, когда они вернулись домой.

Дома их ждали гости — Петя Брунов и черноглазая, по-мальчишески подстриженная девушка, инженер Екатерина Михайловна. Она сидела рядом с Петей на краешке дивана и вся выпрямилась, когда в комнату вошел Павел Афанасьевич, — ее худенькая шея, стянутая высоким воротничком черного платья, стала длиннее и тоньше.

— Здравствуйте, — сдержанно поздоровалась она с хозяином дома, не заметив Володю. — Мы пришли поговорить о вашем изобретении, — строго объяснила Екатерина Михайловна отцу.

«Плохо», — догадался Володя.

Кажется, и отец ничего хорошего от этого разговора не ждал. Он молча сел на стул против гостей, тяжело опершись ладонями о колени.

Екатерина Михайловна провела рукой по лбу, откидывая назад стриженые волосы, как мальчик.

— Нас ввели в рационализаторскую бригаду, — тем же строгим тоном продолжала она, — мы должны всё обсудить и взвесить. Мы не можем подходить легкомысленно.

Тут она оглянулась на Петю, и Володя со страхом прочитал в ее взгляде: «Я начала. Теперь ты проваливай его изобретение».

И тогда Петя стал «проваливать».

— Павел Афанасьевич, — сказал он покашляв, — Павел Афанасьевич...

— Слышу, — холодно отозвался отец.

— Дело такое... Мы, конечно, всем сердцем... — Петя замялся, снова покашлял, должно быть для храбрости. — Разговорчик по цеху, Павел Афанасьевич, идет, — продолжал он. — Говорят... Разные, конечно, встречаются люди... к примеру, Путягин. Этот так рассуждает, что механическая скалка вовсе нам ни к чему — при старании и с ручной скалкой до передовой нормы каждый может подняться. А к механической еще приноравливаться надо. Либо приноровишься, либо нет. Пока осваиваешь, не снизить бы выработки! И зарплата небось на первое время понизится.

— Не спорю. Поначалу, может, и снизится, — с таким открытым презрением ответил отец, что Володе показалось — Петя Брунов на секунду, словно прячась, опустил глаза.

— А еще, — помедлив, продолжал Петя, — Василий Петрович такого держится мнения, что ваша смелая изобретательская мысль, Павел Афанасьевич, мчится вперед, а техническое и общее ваше образование ставит мысли пределы. И... скажу, не таясь... Василий Петрович ориентировал рационализаторскую бригаду в таком смысле, что проект ваш на практике снова провалится.

— Папа, — шепнул Володя, — не слушай их!

— Хватит! — ответил отец. — Больше слушать не буду.

Петя переглянулся с Екатериной Михайловной. Она откинула назад волосы, но темная прядь снова косячком опустилась на лоб.

— Ну, Петя! — негромко сказала Екатерина Михайловна.

— Значит, атакуете и с тылу и с флангов? — насмешливо перебил отец. — Хватит! До свиданья, гости дорогие.

Ясно, что он хотел этим сказать: «Уходите подобру-поздорову!»

И вдруг, вместо того чтобы обидеться, Петя встал с дивана, легко, одной рукой, взял стул за спинку, придвинул его вплотную к Павлу Афанасьевичу и, сидя на нем верхом, нагнувшись к самому уху Павла Афанасьевича, многозначительно произнес:

— С тыла, может, и ведется атака, а фланги целиком и полностью, Павел Афанасьевич, на вашей стороне.

— Врешь?.. — растерялся отец. — Ты?.. Петька, если ты врешь...

— Да неужто вы сомневались? — хлопнув себя по коленке, крикнул Петя. — Павел Афанасьевич, вы мне годитесь в отцы, а простота ваша, не обижайтесь, меня удивляет. Я вам путягинские аргументы для характеристики обстановки излагаю, а вы, извиняюсь, на меня волком глядите. Аж неудобно! В жар и краску вогнали! — Петя вынул из кармана чистый, несмятый платок, встряхнул, обмахнулся и, аккуратно сложив, спрятал. — Ваша очередь, Екатерина Михайловна. Докладывайте.

Екатерина Михайловна поднялась, как будто и верно собираясь делать доклад. Она казалась тоненькой и ма-

ленькой в своем черном, наглухо застегнутом платье и напряженно глядела прямо в лицо Павлу Афанасьевичу:

— Мы с товарищем Бруновым тщательно изучили ваше предложение. Мы убедились в его ценности. То, что Петя... товарищ Брунов рассказал вам... Словом, отношение Путягина к механической скалке нас не беспокоит. Немного больше нас беспокоит позиция Василия Петровича. Но...

— Но, — подхватил Петя, — мы передали ваше предложение начальнику цеха Тополеву — раз! — Он загнул один палец. — Мы обсудим его на производственном цеховом совещании — два. В многотиражке решено поставить вопрос — это три. А четыре... — Петя загнул сразу все пальцы и вопросительно посмотрел на Екатерину Михайловну.

— А четыре, — сказала она, — мы предлагаем, не тратя времени, своими силами изготовлять ваш механизм. Если мы всей бригадой после смены, в свободное время, проверим на практике...

— Братцы мои! — вскочив, закричал Павел Афанасьевич.

Он распахнул руки, и Петя с Екатериной Михайловной не успели опомниться, как очутились в его объятиях. Он так стиснул их, прижимая обоих к груди, что, когда наконец отпустил, и у Пети и у Екатерины Михайловны были красные, словно после бани, лица.

— Нам пора, — заторопился Петя.

— Куда вы так рано? Куда? Не отпущу! И не думайте.

Но Екатерина Михайловна уже надела шубку и протянула Павлу Афанасьевичу руку.

Уходя, она заметила наконец Володю и сказала ему на прощание:

— До свиданья, мальчик!

Пожалуйста! Пусть она называет его мальчиком! Володе все равно нравилась эта маленькая, решительная инженерша, перед которой Петя почтительно распахнул дверь.

— Будьте уверены, Павел Афанасьевич! — кивнул Петя отцу и исчез.

— Ну, Володька!.. — едва ушли гости, сказал отец.

Он стал посреди комнаты и в замешательстве широко развел руками. Казалось, Павел Афанасьевич и теперь

еще боялся поверить вестям, что принесли нежданные гости.

— А мы, Владимир, с тобой и не надеялись, что подмога придет!

— Это кто не надеялся? — вдруг вмешалась бабушка. Во все время разговора она без слов просидела у окна, перебирая быстрыми пальцами вязальные спицы. — Ты, что ли, Павел Афанасьевич? — спросила она, сняв очки и опустив на колени вязанье. — Не тебе бы говорить, не мне слушать. Чай, с народом живем. Есть чего ждать, коли есть с кем жать. То-то Павлуша!

СНЕГ, СОЛНЦЕ И ГОРОД НА КРУТЫХ БЕРЕГАХ

В воскресенье Володя проснулся поздно. Сквозь белые накрахмаленные занавески из окна лился спокойный свет зимнего утра. Бабушкина постель уже прибрана. На кровати пирамидкой возвышаются три пышные, взбитые подушки.

Володя приподнялся на локте и, вытянув шею, заглянул через раскрытую дверь к отцу. Там, у отца, парадная комната. Там стоит этажерка, и на ней — тисненные золотом книги Ленина и Сталина, на тумбочке — коричневый радиоприемник, у стены — пестрый диван с полотняной дорожкой на спинке.

Отец стоя читал. Это бывало с ним: возьмет на ходу случайную книгу и, раскрыв, обо всем позабудет. Володя на цыпочках подкрался к отцу. Так и есть! Отец читал о Чайковском. Вчера Володя оставил Ольгину книгу на столе.

— Ступай поешь, — сказал, не отрываясь от книги, отец. — Потом уберешься. Бабушка на выходной собралась.

По воскресеньям бабушка уходила в гости. Она наряжалась в темно-синее, с белым горохом сатиновое платье и уезжала на текстильную фабрику, где больше полувека проработала ткачихой. Три года назад, когда Павлу Афанасьевичу дали в заводском доме на углу Гражданской улицы новую квартиру, бабушка вышла на пенсию. Не думала до смерти оставить станок, но к седьмому десятку силы стали убывать: глаза и руки не те, да и ездить через весь город далеконько.

Фабрика с почестями проводила на отдых знатную ткачиху. Володя помнил торжественный вечер в клубе, президиум за красным столом, бабушкин портрет на стене, выступления рабочих, музыку и бабушкину речь. Она вышла на сцену и низко поклонилась народу.

«Товарищи дорогие! — сказала бабушка. — Мой дед был ткачом. Отец был ткачом. Муж всю жизнь фабрике отдал. Вся наша фамилия... Мне ли фабрика не родна? Каждый станочек в ней дорог. Берегите, товарищи, кровное наше, родное... оставляю на вас».

Зал зашумел, а бабушка заплакала. Володя видел — директор вышел из-за стола, поцеловал бабушку три раза в щеки и заверил ее, что они сберегут народное достояние и будут еще крепче и лучше работать. Бабушка вытерла слезы и сказала:

«Ну, надеюсь. Смотри!»

С тех пор она стала пенсионеркой.

— Повидаю своих, как они там, — сказала бабушка, когда Володя вышел в кухню. Она уже оделась, повязалась пуховым платком и сунула за пазуху узелок с гостинцами.

— Ты сегодня к кому? — спросил Володя.

— По дороге надумаю. Каждый примет с охотой. Хозяйничайте здесь без меня.

По воскресеньям Володя с отцом хозяйничали сами. Первым долгом они натирали полы. Главную прелесть их новой квартиры составляли блестящие, как зеркало, паркетные полы.

Наскоро закусив, Володя развел в бадейке краску. Отец все читал. Он молча посторонился, когда Володя подтанцевал к нему на щетке. Похоже, что сегодня Володе с полами придется управляться одному. Ничего, это ему не в диковинку. Но что так заинтересовало в Чайковском отца? Отец хмурился, улыбался, качал головой. Он закрыл книгу, когда с полами было покончено.

— Большой красоты человек! — с уважением сказал отец. — Как работал! Батюшки мои, как работать умел! Володька, изучить бы нам с тобой его музыку? А?

— Папа, я уже изучаю, — розовея от радости, признался Володя и рассказал все события последнего времени.

Как ни привык Володя к тому, что отец всегда загорался его увлечениями, он не ожидал все же встретить

у него такую полную поддержку — уж очень занятие необычное: музыка!

— Одобряю! — воскликнул отец. — Хвалю за смелость, сынок! Изучай! Добивайся! А над докладом мы с тобой поработаем вместе.

Они собрали со всей квартиры половики и потащили во двор выбивать из них пыль.

Отец продолжал толковать о Чайковском.

— И ведь что удивительно, — говорил он, замахиваясь над ковриком палкой, но так и не хлестнув ни разу: — изо дня в день, час за часом, как рабочий к станку, Петр Ильич — к роялю. Небось мозоли натрудил на руках. И вот слушай... Вот оно как бывает... Работает, работает человек за станком... и... «вдруг самым неожиданным образом является зерно будущего произведения... и неизмеримо блаженство... Забываешь все, делаешься как сумасшедший. Все внутри трепещет и бьется... Одна мысль перегоняет другую». И...

Глядя на преображенное, красивое лицо отца, Володя не мог понять, свои слова он говорит или повторяет Чайковского. Свои? Нет, должно быть, Чайковского.

— То-то и дело, — задумчиво улыбнулся отец: — «Одна мысль перегоняет другую». Эх, закончить бы мне механизм! Помни, Владимир: трудностей испугался — пропал!

Отец так и не выколотил ни одного половика. Володя сам перетряс их, а отец сгреб в охапку и понес вверх по лестнице.

Какой это был хороший день! День, в который ничего не случилось и вместе с тем произошло что-то необыкновенно значительное.

Надо бы готовить обед, но отец предложил:

— Давай проживем сегодня на сухомятке. Бабушка гостюет, журить некому. Махнем-ка на лыжах! Как твое мнение, Владимир?

Они вытащили из чулана лыжи, смазали, натерли суконкой и отправились на главный волжский съезд. Он назывался «Красным» и вел прямо к переправе. Внизу, вдоль всей набережной, тянулась широкая полоса незамерзшей воды. Зимой через нее наводили на лед длинный деревянный мост. С той поры, как на окраине города понастроили заводов, Волга у берега не замерзала. Вода плескалась о кромки льда и урчала всю зиму. Возле моста

неподвижно стояла на якоре «Пчелка», хлопотливый пароходик, который с весны до морозов, посвистывая, бегает через Волгу взад и вперед.

— Становись на лыжи! — сказал отец. — Слушать команду! В затылок равняйсь! Не отставать! Скользящим шагом за мной!

И он побежал первым, а Володю охватило такое веселье, что он заорал во все горло: «Э-ге-ге!» — и понесся вдогонку.

Он скользил по хрустящему насту и громко смеялся, сам не зная чему.

— Хорошо! — кричал отец. — Володька, живем! Живем!

Они перекрикивались, как двое мальчишек.

Набережная круто свернула вправо и потянулась вдоль Которосли. Волга пошла влево, между пологими, низкими берегами. Из-за поворота вырвался озорной, вольный ветер и хлестнул по лицу. Засвистело в ушах, щеки обожгло, как огнем. Равнина так широко раскинулась в стороны, что отец, который бежал впереди, казался в ней затерявшимся.

Но вот Павел Афанасьевич встал и оглянулся назад. Володя изо всех сил оттолкнулся палками. Раз! Два! Три!

Он хотел обогнуть отца плавным полукругом, стать рядом с ним, лицом к городу, и спросить: «Что ты смотришь?» — но с разбегу зацепил носком лыжи за лыжу отца, они оба упали. Отец провалился по колено в снег.

— Дурень! — сказал он, отряхиваясь и снова становясь на лыжи. — Экий дурень нескладный!

— Что ты смотришь? — смущенно спросил Володя.

— Город гляжу. — Отец показал палкой. — Кораблем на простор выплывает.

Город величаво раскинулся на высокой горе. Острый мыс ее, словно нос корабля, врезался в равнину. Здесь под снегом лежали Волга и Которосль, и Володе представилось: город плывет, плывет в далекий простор.

— Высоко поднялся! — сказал отец. — Умный город.

— Папа, чудно́! Почему умный? Разве все города не такие?

— Все-то все... а этот крепче других к сердцу прирос.

Домой они вернулись к вечеру. Отец принялся хлопотать по хозяйству, стряпать ужин. Володя от усталости почти повалился на табуретку в кухне:

— Не надо, папа, ужинать. Напьемся чаю.

— Как не надо? Это ты зря.

Отец зажарил колбасу с яичницей и нарезал толстыми ломтями ситный. Ситный был такой мягкий и вкусный, что Павел Афанасьевич не успел разложить по тарелкам яичницу — ломтей как не бывало.

— Веселый едок! — засмеялся отец. — По еде судя, в шинники годишься. Ладный сборщик из тебя выйдет, Владимир. Доучишься — поставлю-ка я тебя в подручные к Пете Брунову.

— А зачем тогда, папа, доучиваться? — сытый и усталый, вяло возразил Володя. — Тогда и доучиваться не стоит.

— Как это так? — удивился Павел Афанасьевич. — Ты, сын рабочего, стало быть, такого держишься мнения, что в рабочий класс идут люди сортом пониже? Нет, братец мой, ты это мнение брось!

Едва Володя дотащился до постели и уронил голову на подушку, перед глазами засверкала снежная ширь. Под горой, вдоль высокого берега, бегут струи и плещут

о лед. Лед звенит. Звенит воздух, и небо, и солнце, и город на крутых берегах...

А возле включенного радио, неловко держась рукой за спинку стула, забыв сесть, словно что-то внезапно настигло его, стоял Павел Афанасьевич и слушал музыку.

ГОСТЬ АНДРЕЯ АНДРЕЕВИЧА

Андрей Андреевич любил воскресный день прежде всего потому, что, по давней привычке, в воскресенье вечером вместе с Варварой Степановной отправлялся в кино, на концерт или, чаще всего, в театр.

Поклонником театра Андрей Андреевич стал с тех давних лет, когда студентом в Москве увидел в Малом театре Ермолову.

Шла «Орлеанская дева». Пастушку играла Ермолова. Андрей Андреевич и теперь помнит охвативший его душу восторг. Всю ту ночь после спектакля он, не сомкнув глаз, ходил по Москве. Рассвет застал его над рекой. Напротив, подернутые зеленой дымкой чуть распустившейся листвы, поднимались Воробьевы горы. Солнце еще не взошло, но отблеск зари окрасил в розовый цвет изгиб реки и окно сторожки на Воробьевых горах. Где-то в вершинах деревьев пощелкал соловей и умолк. Пролетел ветерок и донес с того берега запах фиалок. О многом мечталось в то утро!

В это воскресенье, перечитав с утра газеты, повозившись с чижами, Андрей Андреевич надел лыжный костюм и валенки и пошел во двор раскидывать снег. За последние дни навалило снегу.

На морозном воздухе дышалось свободно и весело. Может, и не надо бы прокапывать дорожку к беседке под липой, куда в летние жаркие дни они с Варварой Степановной, как на дачу, перебирались из дома чаевничать, но Андрею Андреевичу хотелось работать. Он кидал и кидал снег лопатой, радуясь чувству душевной и физической бодрости. Наконец воткнул лопату в сугроб и с наслаждением разогнул спину.

И тут Андрей Андреевич увидел — у калитки по ту сторону забора остановилась машина. Это был старенький легковой автомобильчик с брезентовым верхом, из-под которого, согнувшись в три погибели, неловко вылезал

человек. Выбравшись из своей крошечной машины, человек приосанился и оказался высоким, плечистым мужчиной, в солидном широком пальто с черным котиковым воротником и в такой же котиковой черной шапке.

— Дом учителя? — спросил приезжий, войдя во двор.

Что-то неопределенное — то ли снисходительность, то ли смешок превосходства — уловил Андрей Андреевич во взгляде приезжего и, посмотрев на свой дом его, чужими, глазами, увидел: и верно, не очень-то казистый флигелек с осевшим крыльцом. Дом был уже ветх. Он принадлежал еще родителям Варвары Степановны. Когда-то, в первые годы своей жизни в городе, Андрей Андреевич приходил сюда, чтобы повидаться с темноглазой, смешливой Варенькой.

— Значит, он тут и живет? — повторил приезжий.

Андрей Андреевич молча взял лопату и, подхватив глыбу снега, легко отбросил ее в сторону.

Приезжий вошел в дом.

Конечно, Андрей Андреевич мог бы оставить работу, но этот нежданный-негаданный гость чем-то его раздосадовал — не хотелось спешить домой.

Варвара Степановна крикнула с крыльца:

— Андрей! Тебя ждут!

Гость, кажется, начинал терять терпение. Он стоял у окна, изредка хлопая себя по ладони перчатками и оглядываясь на дверь в смежную комнату, где Варвара Степановна закрыла Великана. Великан с глубочайшим равнодушием отнесся к его появлению, но гость попросил все же убрать собаку.

— Так это вы и есть Андрей Андреевич? — спросил с удивлением гость.

— Да, это я и есть.

— Инженер Брагин, — поклонился гость.

— Вот оно что! Отец Юрия... Садитесь, прошу.

Андрей Андреевич, показав на диван, сел в свое кресло за письменный стол, над которым старый фикус раскинул широкие листья.

Он привык к тому, что люди, впервые входя в его дом, удивляются цветам Варвары Степановны. «Живем, как в саду. Вот, обратите внимание, примула, — любил объяснять он новому гостю. — Вы видели где-нибудь подобную примулу, с такими бархатистыми, темно-красного колера цветами? Не видели, могу поручиться. Экземпляр

в своем роде единственный. Заметьте — всю зиму цветет. А вон, полюбуйтесь-ка, плющ! Варвара Степановна осенью посадила черенок. Гляньте, куда за полгода вскарабкался! С любовью посажено — богато растет», — так обычно начинался разговор. Но сегодняшний посетитель даже не поднял глаз, чтобы взглянуть на веселый ярко-зеленый вьюнок, который по тюлевой занавеске взбежал к потолку. Ни багрово-красные примулы на двух круглых подставках у окон, ни миловидное деревце фуксии с поникшими, словно в застенчивости, розовыми чашечками цветов, ни даже ландыши, на выгонку которых Варвара Степановна со своим активом потратила ровно тридцать дней, — только что распустившиеся белые ландыши не произвели никакого впечатления на гостя Андрея Андреевича.

— Простите, — сказал он, — я очень занят и хотел бы сразу начать с дела.

— Вот как! — удивился Андрей Андреевич.

Не часто ему приходилось встречать таких равнодушных людей. Но этот человек был отцом его ученика, и Андрей Андреевич решил присмотреться к нему повнимательней.

— Итак, в чем же дело?

— Вы, конечно, поняли, что я приехал говорить о сыне. Меня интересует ваше отношение к моему сыну.

— Именно мое отношение?

— Именно ваше.

Андрей Андреевич помолчал. Этот инженер с высоким, лысеющим лбом и светлыми, немного выпуклыми глазами слишком уж бесцеремонно держал себя в чужом доме. Кажется, он уверен был в том, что имеет право в любое время ворваться к учителю и потребовать, чтобы тот перед ним отчитался.

Инженер вынул часы.

— Я к вам с завода. У людей праздник... — вздохнув, пожал он плечами, — а у нас... Э, да что говорить! Насилу вырвался. От вас опять на завод.

Андрей Андреевич посмотрел на его новенький синий костюм и желтые туфли.

«Врешь, голубчик! — посмеялся про себя Андрей Андреевич. — В таких костюмах в цех не ходят. Специально, чтобы произвести впечатление, вырядился в парадную пару».

— Ваше имя и отчество позвольте узнать? — спросил он.

— Василий Петрович, — нетерпеливо ответил Брагин.

— Так вот, Василий Петрович, ничего определенного о вашем сыне пока сообщить не могу. Работаю с ним не очень давно. Еще не все выяснил.

— Как так? — изумился Василий Петрович. — Вы не знаете, как он учится?

— Это я знаю. Учится Юрий отлично.

Вошла Варвара Степановна в домашнем простеньком платье, в накинутом на плечи пушистом платке и присела невдалеке от мужа, обменявшись с ним неприметным для гостя дружеским взглядом.

— Василий Петрович. Отец Юрия Брагина, — представил Андрей Андреевич. — Жена.

— А также учительница вашего сына, — смеясь, добавила Варвара Степановна, сразу нарушив сдержанный тон разговора. — Вы почему в школу к нам не показываетесь? — серьезно и весело спросила она инженера. — Отчего я вас не знаю? Мы таких невидимок-отцов недолюбливаем! — погрозила пальцем Варвара Степановна.

На белой шее Василия Петровича выступили два предательских розовых пятна и румянцем разлились по щекам.

— Мне показалось... гм!.. я боюсь, вы недолюбливаете и моего сына. Вы, Андрей Андреевич. — Инженер устремил на учителя подозрительный и в то же время изучающий взгляд. — Мне не понравился один эпизод на последнем вашем уроке. Вы сказали Юрию: нельзя ограничиваться памятью. Мне неясны ваши требования!

— Неужели? — удивился Андрей Андреевич. Может быть, в вопросе едва заметно прозвучала насмешка.

— Да! — раздражаясь, повысил голос Василий Петрович. — Когда требования неопределенны, а отношение к ученику предвзятое, неизбежны придирки.

— Вот и попался, голубчик! — всплеснула руками Варвара Степановна. — Ах, как попался! Захаживали бы в школу к нам чаще, плохие мысли не полезли бы в голову. К ученику отношение предвзятое? Придирки? У нас, Василий Петрович, такой традиции нет.

Она отчитала Василия Петровича, как отчитывала своих учеников: без зла, но внушительно.

У Василия Петровича отлегло от сердца. Он действительно заподозрил, что Юрию на уроках Андрея Андреевича грозит плохое житье. Самолюбие учителя задето — ученик добра не жди. А год кончается. Скоро экзамены. Василий Петрович был встревожен куда больше сына. Он собрался и прикатил с визитом к Андрею Андреевичу. И хорошо сделал. Эта черноглазая живая учительница с темными седеющими волосами, старомодно уложенными надо лбом в круглый валик, успокоила Василия Петровича.

— Юрий поступил нетактично на вашем уроке, — извиняющимся тоном сказал он, обращаясь к Андрею Андреевичу. — Я огорчен... Я понимаю вашу настороженность к Юрию. Но я надеюсь, Андрей Андреевич, это не отразится... ну, как бы точнее сказать... Вы к нему не будете пристрастны в смысле оценок, я надеюсь...

— Помилуйте! Что вы! — морщась, словно у него заболел зуб, ответил Андрей Андреевич.

— Ну, прекрасно, прекрасно! — суетливо обрадовался инженер. — А Юрию я внушу. Будьте уверены, он на ваших уроках... Отныне ни сучка, ни задоринки!

Василий Петрович встал. Он приезжал лишь затем, чтобы уладить это маленькое недоразумение.

— Нет, погодите! — решительно возразил Андрей Андреевич. — Уж раз вы к нам попали — поговорим.

Инженеру казалось — разговор закончен. Слегка недоумевая, он сел.

— Я классный руководитель, знаете ли, а в классе недавно, — начал Андрей Андреевич. — Класс ни плохой, ни хороший — неопределенный. То есть для классного руководителя трудный. Станет хорошим в конце концов, само собой разумеется. Но не без усилий. И вот я присматриваюсь к вашему сыну...

— Позвольте! Почему вы присматриваетесь именно к нему? — прервал инженер.

— Комсорг.

— Ах, вот что! Так. Ну и что же? — удивленно выкатив на учителя глаза, спросил Брагин.

— Думается мне, у Юрия недостаточно развито чувство ответственности за коллектив.

— Вот-вот! Так и есть! Я это знал! Именно это я и предполагал! Нет! Что меня поражает! — воскликнул Василий Петрович, ударяя ладонью по столу и косясь при

этом на дверь (там заворчал Великан). — Что меня поражает! — тише заговорил инженер. — Если парень учится скверно, от него требуют — учись хорошо. Но, если он уже учится хорошо, — отвечай и за класс, и за двойки лентяев, и за чужие хулиганские выходки. Вези воз, а тебя еще подгоняют, всё подгоняют...

Он умолк, заметив похолодевший взгляд Андрея Андреевича. Василий Петрович понял, что хватил через край.

— Ну как же вы не придираетесь к Юрию? — обратился он к Варваре Степановне, ища сочувствия у маленькой веселой учительницы. — Вы слишком требовательны к Юрию. Слишком, слишком!

Андрей Андреевич поднялся, молча прошел из одного угла комнаты в другой, стал у деревца фуксии, потрогал розовую чашечку цветка:

— Василий Петрович, мы с вами хотим одного: воспитать Юрия советским гражданином, патриотом. Так?

— Разве могут быть в этом сомнения? — пожал плечами инженер.

Андрей Андреевич оставил розовую чашечку фуксии и подсел к Брагину:

— Василий Петрович, школе нужна помощь семьи. Ваш Юрий активен, неглуп. Давайте-ка общими усилиями поставим перед ним посерьезней задачу.

— Я хотел бы, чтобы Юрий отлично учился и стал впоследствии отличным инженером, — сдержанно возразил Брагин. — Что? Разве недостаточно серьезна задача? И я вам откровенно скажу, и я вас прошу... — Василий Петрович просительным жестом приложил ладонь к груди: — не загружайте Юрия общественными поручениями. Пусть мальчики учатся. Чего вам еще от них нужно? Сдадут на пятерки экзамены. Чего вам еще?..

Уходя, инженер поцеловал маленькую ручку Варвары Степановны и любезно распрощался с учителем:

— Очень рад познакомиться! А с Юрием я поговорю. Я не против общественной работы. Но в меру. Понимаете? В меру.

Он вышел из дома и, подняв воротник, энергично зашагал к своей машине. Приветливое выражение его лица сменилось насмешливым.

«Недостаточно развито чувство ответственности»!.. За кого Юрий должен отвечать? За бездельника Мишу Лап-

тева или баловника Толю Русанова? Или кто там еще из товарищей к нему бегает? Нет уж, пусть-ка за себя отвечает. Хватит с него... Однако я не зря съездил к учителю, — думал Василий Петрович, садясь за руль. — По крайней мере, убедился, что человек порядочный... А неплохие люди эти учителя, как-никак. Фантазеры, но хороши».

Варвара Степановна, простившись с Брагиным, выпустила Великана.

— Соскучился, старик? Заперли. Сердишься? — говорила она, теребя его лохматое ухо.

Великан кротко смотрел на нее задумчивыми, шоколадного цвета глазами.

— Не по сердцу гость пришелся? Не люб? — спрашивала Варвара Степановна, гладя своего любимца.

— Варенька! — позвал Андрей Андреевич, проводив инженера взглядом до самой калитки. — Варенька, а ты знаешь, что за человек у нас был?

— Я-то знаю, — усмехнулась Варвара Степановна, — ты догадался ли?

Андрей Андреевич махнул рукой и ничего не ответил.

„ВСЕ ВНУТРИ ТРЕПЕЩЕТ И БЬЕТСЯ“

Юрий Брагин догнал учителя в коридоре:

— Андрей Андреевич! Извините меня...

— В чем же ты чувствуешь себя виноватым?

Вопрос застал Юрия врасплох. Юрий не чувствовал себя виноватым. Извинился потому, что заставил отец: не стоит портить отношения с классным руководителем. С людьми надо сохранять добрые отношения, особенно если ты от них зависишь.

— Я... Вы в прошлый раз... был звонок... я считал... — невнятно забормотал Юрий.

— Горюнов! Ты почему не здороваешься? — не дослушав Юрия, весело окликнул Андрей Андреевич Женю Горюнова, который не спеша шел мимо с книгами, перекинутыми через плечо на ремешке.

— Я? А, здравствуйте, Андрей Андреевич! — обрадовался Женька. — Я вас не узнал.

— Вот тебе и на! — улыбнулся учитель.

— Я задумался... Знаете что, Андрей Андреевич? Оказывается, материк Антарктиды был открыт нашими море-

плавателями еще в 1820 году. Начальник шлюпа «Мирный» лейтенант Лазарев...

Горюнов рассказывал Андрею Андреевичу об экспедиции Лазарева, а Юрий молча стоял рядом — ни дать ни взять первоклашка, поставленный за провинность «столбом».

— О лейтенанте Лазареве у меня есть одна редчайшая книга, — прервал наконец Женьку учитель. — Пожалуй, дам тебе прочитать. А сейчас — на урок!

Юрий вошел в класс и молча сел за парту.

«За что он меня невзлюбил? — думал Юрий, не спуская глаз с учительницы и делая вид, что внимательно слушает. — За что он меня невзлюбил? Из-за него и на комитете меня вне очереди заставляют отчитываться. Ну, погодите, я вам докажу! Погодите!»

Юрий не сомневался, что поднимет комсомольскую работу — стоит лишь взяться.

Когда осенью в классе образовалась комсомольская группа и Юрия выбрали комсоргом, он точно так же был совершенно уверен в себе. Год подходил к концу. Ну и что же? Разве в других классах лучше комсорги? В других классах не такие придирчивые руководители, вот и все. Ладно, Юрий сегодня же примется подкручивать гайки. С чего только начать?

Дело подвернулось, едва Юрий решил начать действовать.

...Ирина Федоровна закрыла томик стихов Пушкина. Она была самой молодой учительницей в школе. Каждый урок для нее до сих пор был подобен экзамену, с той лишь разницей, что ответить о Пушкине на экзамене гораздо легче, чем рассказывать о нем в классе ребятам.

Ирина Федоровна вздохнула и взялась за классный журнал.

— Горюнов! — вызвала она.

Женя поспешно спрятал в парту тетрадь. Он рисовал на обложке тетради шлюп «Мирный» в пути к материку Антарктиды.

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль...

Женя сунул в грудной карман вечную ручку, вышел к столу и, переминаясь с ноги на ногу, молча простоял

возле него до тех пор, пока Ирина Федоровна не вывела в журнале против его фамилии двойку.

Женькина двойка и послужила толчком к бурной деятельности Юрия Брагина в этот день.

Всю перемену он громко распекал Горюнова:

— Вы бездельничаете, а мне отвечать! Меня на комитет из-за вас вызывают, классный руководитель пилит! Почему я из-за ваших двоек должен страдать? Почему?

В конце концов он довел Женьку до раскаяния.

— Ладно. Понимаю. Исправлю, — виновато повторял Горюнов, крутя пуговицу на куртке.

В следующую перемену Юрий взялся за старосту класса Диму Шилова, на всякий случай отчитав и его за разные непорядки, затем вспомнил о вечере Чайковского и вдруг испугался. Ах, бревно! Упустил самое главное! Вечер провалится. Они ничего без него не сумеют. Сорвут вечер. Опозорят класс. Опозорят его!

— Слушай, Володька, ты готовишь доклад?

— Готовлю.

— Ну, как же ты готовишь? Наверно, и не принимался. Книги достал?

— Достал.

— Какие?

— Какие надо, те и достал.

— А кто будет играть? Что в программе?

— В программе «Времена года» Чайковского, — нехотя ответил Володя.

— Ну, смотри. Я тебя предупредил. Отвечаешь! — строго заключил Юрий и с облегченным сердцем побежал разыскивать Андрея Андреевича.

— Андрей Андреевич! Я вам хотел рассказать... Провел сегодня работку с ребятами. Уморился! Надо, Андрей Андреевич, на комсомольском собрании обсудить успеваемость. Наших ребят не проберешь — так они не возьмутся за дело. А к вечеру Чайковского мы готовимся. За Новикова вот только беспокоюсь, не сорвал бы доклад.

— За Новикова я спокоен, — возразил учитель.

— Тогда всё в порядке, Андрей Андреевич! — улыбнулся Юрий.

Он был доволен собой, всем сегодняшним днем. Совесть у него чиста. Меры приняты. Работа налажена. Что еще должен делать комсорг?

— До свиданья, Андрей Андреевич! — приветливо простился Юрий. — Я сегодня так разнес Горюнова, что забудет о двойках, — похвалился он напоследок.

— Слушай-ка, Юрий, — остановил его Андрей Андреевич. — Сегодня разнос, завтра разнос... Это и вся комсомольская работа?

Нет, от Андрея Андреевича, кроме придирок, ничего не дождешься! Как бы Юрий ни старался, Андрею Андреевичу не угодишь. У него есть любимцы. Что он нашел в Володе Новикове? Выбрал самого обыкновенного парня из всего класса и любуется им. Ну, посмотрим, как его Новиков отличится на вечере!

А Володя в эти дни жил удивительной жизнью. Он и сам не мог понять, что с ним происходит. Он читал. Книга о Чайковском его поразила так же, как поразила отца. Необыкновенен был упорный, счастливый труд музыканта!

Володя включал радио. Теперь он не пропускал ни одной передачи музыки Чайковского. Они слушали вместе с отцом. Что-то решительно изменилось в их доме. Или изменился Володя?

Ольгин рояль, ее маленькая комнатка, стеклянная дверь в сад, за которым по вечерам догорали закаты, солнечный день, город, словно плывущий в просторы корабль, и какая-то новая, мягкая улыбка отца, и печаль, которая так легка и так похожа на радость, — все сливалось, и все было музыкой. Однако Володя и теперь довольно плохо разбирался в музыкальной грамоте, хотя Ольга усердно ему ее преподавала. Ольга была терпеливой учительницей. Незаметно они подружились.

Они по-прежнему больше всего говорили о музыке, но теперь Володя отваживался вступать с Ольгой в спор. Впрочем, спор был всегда об одном. Иногда Ольга садилась к роялю сама. «Шопен», — говорила она. Рядом с Чайковским были Мусоргский, Моцарт, Бетховен, Рахманинов, Глинка, Шопен. Так думала Ольга. Володя упрямо качал головой: Чайковский — единственный.

Однажды, побеседовав сначала с Натальей Дмитриевной, Ольга сказала:

— Ты фанатик. У тебя узкое сердце, если оно вмещает только одного Чайковского.

Таково было мнение Натальи Дмитриевны, и Ольга в точности передала его своему ученику.

— Пусть, — ответил Володя.

После он долго раздумывал, хорошо или плохо быть фанатиком. А отец, который хочет во что бы то ни стало механизировать процесс сборки шины, и все его сердце полно одной этой думой! Что бы Ольга сказала о нем? Как она его назовет?

— Я назову его человеком, верным идее, — поразмыслив, сказала Ольга.

— Вот и я тоже верен идее.

Странно, с отцом Володе чаще, чем с Ольгой, хотелось говорить о Чайковском. Ольга ни на секунду не забывала о своем назначении — повышать музыкальную культуру Володи.

— Обрати внимание на разработку темы, — то и дело говорила она. — Обрати внимание на рисунок мелодии.

Она старалась объяснить Володе каждый звук в любой пьесе.

С отцом они не рассуждали о вариациях темы и рисунках мелодии. Но они все чаще слушали музыку. Володя иногда замечал: отец после работы входил в комнату запыхавшись, как будто без передышки взбежал по лестнице на третий этаж. Обыкновенно это случалось, если в восемнадцать ноль-ноль передавали Чайковского.

— Вот когда мы были в Германии... — послушав однажды музыку, рассказал Володе отец. — В тот раз наша часть остановилась на ночлег в одном барском доме. Богатый дом. А за домом — сад. Беседочки разные, мостočки, клумбы. На клумбах стеклянные шары. И что ты думаешь: взяла меня за сердце тоска. Да о чем, знал бы ты! Вот о чем... Знаешь дорогу за городом? Вдоль дороги — ольховник. И скажи, братец ты мой, какая краса в том низкорослом ольховнике? А затосковал — мóчи нет! Вынь да положь мне ольховник! Места себе не найду...

Володю не удивляли рассказы отца. И верно, не про ту ли дорогу сквозь невысокую поросль кустарника да про небо в густых клочьях туч «Осенняя песня» Чайковского?

Володя боялся, что Ольга сочтет непрофессиональным такое понимание музыки, и помалкивал о своих разговорах с отцом. Он так и не научился следить за развитием темы, но в воображении его на всю жизнь с «Осенней песней» связалась память об отцовской тоске по родным дорогам среди мелколесья.

Как-то раз Володе попалась книга в переплете цвета утреннего неба: белое летнее облако повисло над кучкой деревьев. Библиотекарша дала Володе эту книгу. Она называлась «Повесть о лесах». Он принес книгу домой, прочитал.

На поляне в сосновом бору стоял дом Чайковского. Тихо шумели сосны. Чайковский работал. Володе вдруг показалось, что все это он видел: поляну, сосны, веселые просеки, колеи дорог, налитые летним дождем... Не деревенская девочка из книги, а он сам, Володя, сидел на горячих от солнца ступеньках крыльца и слушал, как Чайковский играет.

...Отец поднялся из-за стола, положил на чертеж карандаш, потянулся:

— Читаешь, Владимир?

— Читаю.

Мягко ступая в своих войлочных туфлях, отец шагал по комнате и, отдыхая, курил.

— «Все внутри трепещет и бьется... Одна мысль перегоняет другую», — сказал он, возвращаясь к столу, и засмеялся.

Отец запомнил эти слова Чайковского и любил их повторять. На столе у отца — новый чертеж.

«Все внутри трепещет и бьется». Эпиграф», — записал Володя в тетради.

Так он готовил доклад.

НИ ПУХА НИ ПЕРА!

Начальник сборочного цеха Федор Иванович Тополев был высокий, худощавый, чернобровый человек лет пятидесяти. В 1930 году обком партии послал его в деревню на коллективизацию. Однажды Тополев задержался на колхозном собрании (собрания в ту пору были бурные, затяжные). Темь стояла на дворе, когда народ расходился из избы-читальни. Пока на крыльце покурили, дотянули до полуночи. В одиночку и пройти оставалось недлинный проулок — кулацкая пуля настигла Тополева возле самого дома. Там он свалился у плетня в талый снег. Три месяца пролежал Федор Иванович в больнице, долго после ходил на костыле и остался хромым.

Может быть, с этой поры в его темно-синих глазах и появилась та хмуринка, которая вначале, да и теперь иногда смущала инженера Катю Танееву.

Во время Отечественной войны Тополев стал начальником цеха и за реконструкцию станка по сборке шин получил Сталинскую премию; тогда же вместе с группой других инженеров за конвейеризацию завода награжден был орденом.

Все это Катя Танеева узнала из рассказов рабочих, когда студенткой еще проходила на заводе практику...

Прошло три дня, как она отдала начальнику новиковский чертеж механической скалки, но Тополев молчал. Катя не решалась спросить и все эти дни прожила в волнении, прячась от Павла Афанасьевича и избегая даже Пети Брунова.

«Неужели ошиблась? — думала она. — Молчит. Значит, ошиблась. Неужели безграмотна и ничего не поняла в чертеже? Стыд, стыд! Нет, не может быть! Спрошу».

Но она так и не спросила. Тополев заговорил сам.

— Сегодня обсудим, — сказал он наконец, когда однажды утром Катя вошла в кабинет, где против громоздкого, обитого черной клеенкой стола начальника цеха приютился ее маленький рабочий столик.

— Что обсудим? — растерялась Катя, хотя уже увидела новиковский чертеж на столе Тополева.

Он задумчиво разглаживал ладонью ничем не примечательный с виду, небольшой лист ватманской бумаги:

— После смены соберите людей: рационализаторскую группу цеха, изобретателя, Романычева. Пригласите и Брагина.

— Хорошо, — ответила Катя и ушла в цех.

До сих пор о реконструкции производства, рационализаторских предложениях, рабочем изобретательстве она знала только из книг да из лекций. Поступив на завод, Катя Танеева в глубине души надеялась, что не пройдет и полугода, как она станет изобретателем.

Полгода прошло. Она еще ничего не изобрела.

Механическая скалка была первым открытием, которое возникло у нее на глазах. Это было не ее, чужое открытие. Катя много дней обдумывала чертеж Павла Афанасьевича. Конструкция механизма в конце концов отчетливо встала перед ее глазами. Катя поверила в новиковское изобретение и готова была сражаться за него где

угодно и с кем угодно. Но ей не хотелось сражаться с начальником цеха Тополевым. Катя не помнила, чтоб Тополев в чем-нибудь ошибался. Скорее могла ошибиться она.

«Что он все же сказал? — думала она, направляясь в цех. — Ведь он не сказал, что одобряет проект. «Обсудим»? Что это значит?»

Катя собиралась поговорить с Петей Бруновым, но по дороге ее окликнул мастер одного из участков. На станке из-за перекоса крыла выходила в брак вторая покрышка: мастер бранился и требовал, чтобы немедленно проверили шаблон. К станку Пети Брунова Катя попала только в середине дня.

«Тополев — за, — решила она к этому времени. — Какой смысл созывать совещание, если предложение вздорно?» Теперь она не сомневалась. Петя Брунов, увидев инженера, помахал ей рукой. Катя покраснела, нахмурилась и почему-то сначала подошла не к нему, а к Путягину.

Она уже забыла то время, когда рабочие недоверчиво ее избегали, предпочитая обращаться со всеми вопросами к мастерам и между собою подсмеиваясь над инженером-девчонкой: что с нее взять? Давно прошло то тяжелое время, а вот Путягин — Катя чувствовала это во всем — до сих пор не признавал в ней инженера. Он здоровался, глядя поверх ее головы. Он всегда усмехался. Катя не любила его широкое, гладкое, с неопределенной улыбкой лицо.

Но Путягин был отменным сборщиком, это приходилось признать.

— Покажите сводку, — окликнула Катя диспетчера.

Сегодня Путягин идет впереди Брунова. Катя рассердилась на себя за то, что удача Путягина ее не обрадовала. Ведь это удача цеха, она не имеет права не радоваться.

— Товарищ Путягин! — позвала Катя.

Он прекрасно видел, что она подошла, и мог хотя бы обернуться.

— Товарищ Путягин, после смены — к начальнику цеха.

Как раз в это время Путягин схватил скалку, поддел ею браслет, мускулы на его голых руках напряглись, и на широком безбровом лице ясно проступило выражение упрямой, недоброй сосредоточенности.

«Хорошо, что мы все время идем вперед! — подумала Катя. — Скоро и это мы будем делать легче».

— Тополев одобрил? — спросил Петя Брунов, подгибая внутрь кромки браслета и с улыбкой глядя поверх барабана на Катю.

Она почему-то опять покраснела и поправила на лбу темную прядь, косячком упавшую на бровь.

— Начальник цеха приглашает на совещание, — строго сказала она.

— Приглашает? Ну, значит, с победой, Екатерина Михайловна! — крикнул Петя.

Когда Катя вернулась в кабинет начальника цеха, там был Сергей Ильич Дементьев, секретарь партбюро. Он сидел против Тополева, опершись руками о край стола, и, точно так же держась за стол, чуть подавшись вперед, сидел в своем огромном кресле Тополев.

«Не ссорятся ли они?» — подумала Катя, заметив напряженность в их позах. Дементьев обернулся и рассеянно ей кивнул. Это был человек лет сорока пяти, невысокий, подвижной, с гладко выбритым, всегда свежим, казалось только что умытым лицом, которому толстые губы и близорукие глаза придавали выражение мягкости и почти детской бесхитростности.

— Выжидать всего легче, — говорил Дементьев, продолжая разговор с Тополевым. — И, уж конечно, спокойнее.

— Нет, Сергей Ильич, ты зря на меня нападаешь, — возразил Тополев и, вынув изо рта трубку, принялся выколачивать из нее табак. — Зря. Вовсе зря. Я имею право сказать изобретателю «да», когда это точное и определенное «да». Дважды осеклись. Или забыл, товарищ Дементьев?

— Ну, а теперь? Теперь что? — спросил Дементьев.

— Надо рисковать.

Дементьев откинулся на спинку стула и несколько секунд молча глядел на начальника цеха.

— О каком риске речь? Механизм изготовить? Осторожничаете, товарищ Тополев! От таких осторожностей избави нас бог. От таких экономий только убыль заводу.

— Новикова, Сергей Ильич, берегу, — произнес Тополев внушительно. — Третий раз ошибиться опасно. А? — спросил он.

Дементьев не ответил.

— Потому эту вот штуку, — Тополев кивнул на чертеж, — я уже трое суток изучаю.

— Сколько времени в бризе у Романычева чертеж провалялся, пока к тебе на стол попал! — сердито проворчал Дементьев.

— В этом ты прав. Проглядели мы с тобой, Сергей Ильич. Наша вина.

Дементьев хотел еще что-то сказать, но дверь отворилась — точно в назначенный час, минута в минуту, явился Василий Петрович Брагин. В небольшом кабинете Тополева Василий Петрович казался чрезмерно громоздким, и, когда сел на диван, ноги его протянулись чуть не на середину комнаты.

— Погодка! — озабоченно проговорил он.

— Вьюжит, — спокойно согласился Тополев.

Дементьев встал, резко отодвинув стул, и отошел к окну.

Василию Петровичу стало не по себе. Глядя на спину секретаря, который молча стоял у окна, Василий Петрович думал о том, что, должно быть, разговор предстоит неприятный. И что стоило ему хотя бы сегодня утром повнимательнее проверить расчеты новиковского чертежа! Василий Петрович продолжал считать прожектерством идею механизации сборки шины. А все-таки надо бы досконально изучить чертеж Новикова, чтобы сегодня всех убедить в его несостоятельности. Спросят, а ведь доказательства у Василия Петровича самые общие. Замысел конструкции нереален — вот и все, что он может ответить. Почему нереален? Потому что необычен, потому что в практике неизвестен Василию Петровичу. Скажут — надо проверить на практике. Ну, проверяйте. Ну, снова все окажется вздором. Ах, и надоело возиться с чужими фантазиями!

Думая так, Василий Петрович старался, однако, сохранять благодушное выражение лица, не спуская глаз со спины Дементьева, чтобы кивнуть ему, когда тот повернется.

Народ между тем собирался. Пришел толстый Романычев и сразу закудахтал, как курица:

— Федор Иванович, батенька! Умаялся! Хоть в вагонетках развози по цехам предложения. Горы! Так на бумагах и сплю.

— Не больно ли крепко спите? — без улыбки спросил Тополев.

Романычев плюхнулся на диван, по-стариковски пожевал губами:

— Прытки! Ох, прытки!

Вслед за Романычевым один за другим пришли Брунов, Путягин и Новиков. Павел Афанасьевич присел сбоку у Катиного столика и, ни на кого не глядя, курил, стряхивая пепел на колени и на пол.

— Мы кого-нибудь ждем? — спросил Брагин, вынимая часы.

— Секретаря парткома, — ответил Тополев. — Григорий Данилович сейчас будет.

Брагин пошевелил шеей, поправляя галстук, а Дементьев круто повернулся, шагнул от окна и сел рядом с Павлом Афанасьевичем.

— Душа на месте? — тихонько спросил он.

— Нет, — не поднимая головы, хмуро произнес тот.

— Истомился?

Павел Афанасьевич молчал.

— Слушай, Новиков, ответь ты мне на вопрос, — все так же тихо, но с жаром заговорил Дементьев, стряхивая пепел с колена Павла Афанасьевича: — что ты ко мне со своей заботой не шел? Или в помощь не верил? Гордыня, Новиков, в тебе завелась.

— Нет, неверно ты меня, Сергей Ильич, понимаешь, — помолчав, сказал Павел Афанасьевич. — Думать ты мне не помог бы: я люблю думать один. Вот теперь помогай. Если только...

Он почувствовал в комнате оживление и, обернувшись, увидел секретаря парткома.

— Григорий Данилович! — обрадовался Тополев. — Ну, товарищи, начнем разговор.

— Начнем, товарищи! Извините, задержался у директора. Товарищ Новиков, привет! — подняв руку, сказал секретарь парткома.

Катя Танеева, которая давно приготовила на своем столике листы чистой бумаги и уже записала в протокол число, повестку, фамилии, сейчас, с приходом секретаря парткома, вся обратилась в слух.

Секретарь парткома Кате казался человеком необычным. Григорий Данилович Бирюков был прост в общении с людьми, любил шутку, умел веселиться, но то особенное,

что составляло его главную суть, угадывалось в выражении глаз и немолодого лица с большим лбом и крутым подбородком, были твердость и ум. В комнате появился секретарь парткома, Катя успокоилась. Сегодня все разрешится. Все решено. Она обменялась взглядом с Петей Бруновым. Петя кивнул.

— Товарищи, завод рос и вырос на наших глазах, — говорил секретарь парткома. — В каждом цехе — труд и мысли наших людей. А основной процесс на заводе — сборка шин — до сих пор ведется вручную. Вокруг конвейеры, транспортеры, все механизировано, сборщик же и по сию пору десять потов сгонит за смену, ворочая скалкой. Дело ли это?

— Не у нас одних, — вздохнул Романычев. — Везде так.

— Партийная организация завода не однажды ставила перед бюро рабочего изобретательства задачу создания механической скалки, — словно не слыша Романычева, продолжал Бирюков. — Не однажды наши изобретатели пытались эту задачу решить. Не удавалось? Да. Что ж, отказаться? Не искать больше? Оставить надежды? — Он внимательным взглядом окинул собравшихся. — Товарищ Романычев, вы начальник бюро рабочего изобретательства. Сообщите нам ваше мнение о последнем изобретении Новикова.

Что-то заклокотало, захлюпало в груди Романычева, и вместо ответа он разразился приступом натужного кашля.

Катя опустила глаза, стыдясь за него.

— Ваше заключение по предложению Новикова? — невозмутимо повторил свой вопрос секретарь парткома.

— Товарищ Бирюков! Григорий Данилович! Что вы?! Ох-хо-хо! — закряхтел и заохал Романычев. — Посадили бы любого на мое место. Всякий заблудится. У меня этих предложений сотни да сотни. Завал!

— Такой завал, что и разобраться нельзя, где предложение зряшное, а где важное? — спросил Бирюков.

И оттого, что он оставался невозмутимым, Романычев понял — плохи дела. Как он ругал себя в душе за то, что вовремя не занялся скалкой Новикова! Дотянул — вмешались партком, и начальник цеха, и комсомольцы. Теперь пойдет кутерьма!

— Григорий Данилович! — просительным тоном заговорил Романычев, думая лишь об одном: как оправдаться. — Предложение Новикова... поскольку... вы понимаете, не простая обстановка сложилась. Опыт неудач позади, так сказать. Лучшие технические умы завода в свое время принимали участие. Что я мог сделать? Дал на консультацию изобретение Новикова. Вот инженер Брагин, он в курсе...

Таким образом, начальник бриза довольно ловко свалил вину на Василия Петровича Брагина.

Брагин этого ждал, и, пока Романычев кашлял, охал и лепетал свои оправдания, Василий Петрович успел собраться с мыслями. Браковать изобретение Новикова теперь нельзя, он это понял. Если даже в третий раз провалится скалка, браковать опасно — прослывешь консерватором. Да к тому же, по всему видно, партком решил поддержать изобретение Новикова. Хорошо, инженер Брагин тоже поддержит.

— Я долго думал, — начал свою речь Василий Петрович, поправляя галстук. — Я пристально изучал изобретение Павла Афанасьевича. Сомневался. Определенного суждения у меня не было долго. Теперь оно есть. Я предлагаю: надо немедля начать изготовление опытной механической скалки конструкции Новикова.

Катя, не веря своим ушам, опустила карандаш и в изумлении глядела на Брагина.

— Василий Петрович, вы недавно говорили другое! — запальчиво крикнул Петя Брунов.

Лицо Василия Петровича покрылось пятнами. Он нехорошо краснел — нездоровая белизна и одутловатость его лица от алых пятен становились виднее.

— Да, недавно я и думал другое. Повторяю: сейчас у меня сложилось определенное и окончательное мнение об изобретении Новикова.

— Вы уверены, что теперь оно окончательное? — спросил секретарь парткома без насмешки, но холодно.

— Да, товарищ Бирюков. Я не уверен в том, что все пойдет сразу гладко. Однако... быть новатором — значит не бояться исканий.

Петя Брунов громко засмеялся. Впрочем, он тут же спохватился и замолчал.

— Рационализаторская группа цеха тоже изучила предложение, — неожиданно для самой себя вмешалась Катя.

У нее заколотилось сердце, она встала и, как школьница, держа в руке листочек с записанными на нем выводами, собралась прочесть их, но Тополев мягко прервал ее:

— Ваше мнение, товарищ Танеева, нам всем известно.

Катя села, низко нагнувшись над протоколом; черная челка упала ей на глаза.

Победили! Да, теперь она поняла — победили!

— Товарищ Путягин, в таком случае, послушаем вас, — предложил начальник цеха.

Только теперь Катя вспомнила о Путягине. Вот человек, разгадать которого не так-то легко. Должно быть, Павел Афанасьевич знал его лучше, чем Катя: он смотрел на Путягина хмурым, открыто неприязненным взглядом и нервно мял папиросу.

— Интереса нет меня слушать, — усмехнулся Путягин. — Все равно не послушаетесь.

— Скажете дело — послушаемся, — серьезно возразил Бирюков.

— Ладно. Скажу.

Путягин пришел на собрание убежденным в нереальности изобретения Новикова. И сейчас и всегда шина будет собираться тем испытанным, единственным способом, каким он работал на станке больше пятнадцати лет, — вот в чем Путягин был непоколебимо уверен.

Многое изменилось на заводе за последние годы. Путягин не против машин, да только не везде машину поставишь.

— Для сборки шины, к примеру, нужны умелые руки. Руки, они делают то, что глаза им прикажут. Где у механической скалки глаза? Поручись за нее: она подденет браслет да порвет. Раз порвет, другой раз порвет, глядишь — цех и в браке. В смысле производительности труда заводу нет расчета вводить механическую скалку. Производительность труда мы вернее повысим вот эдак... — Путягин вытянул руки и сделал ими то знакомое всем движение сборщика, когда, поддевая скалкой браслет, он укладывает его на барабан.

— Инерция, товарищ Путягин, — сдержанно ответил секретарь парткома. — К старинке привязаны.

— Старинка с опытом в дружбе, а новое иной раз, на поверку выходит, — пустая мечта. Случалось, промахивались. В теории я, конечно, не силен, — поспешно добавил

Путягин. — Про теорию пусть судят ученые. Я не ученый — рабочий. Из рабочей практики и делаю вывод: рукам верю, механической скалке пока погожу.

Может быть, потому, что все молча, словно ожидая чего-то, глядели сейчас на него, Павел Афанасьевич, не дожидаясь приглашения, встал. Катю вдруг охватил страх. Но Павел Афанасьевич казался спокойным. Только красноватые, чуть вздрагивающие веки да пальцы, сжимавшие папиросу, выдавали тревогу изобретателя.

Павел Афанасьевич бросил папиросу в пепельницу, оперся кулаком о край Катиного столика и так стоял, пока говорил.

Не одну Катю, должно быть и Тополева, Дементьева — всех, кто был сейчас в маленьком, с низким потолком кабинете начальника цеха, куда из-за стены доносился ровный, словно рокот моря, гул станков, — всех заразило волнение изобретателя.

— Путягин, пойми, — говорил он, — твои руки не вечны, отслужат. Мы дадим тебе новые руки. Ты им только приказывай, они за тебя твое дело сделают. Плохо делать ты им не позволишь, нет! Самолюбив ты, упорен, Путягин! Нужда заставит работать по-новому — научишься по-новому. А сколько мы сил тебе сбережем! Гляди, Путягин, до сорока недалеко: прощайся к сорока со станком — для сборщика срок. А мы тебе еще годков десять — пятнадцать набавим. Работай. Умное у нас государство, у него и расчеты умные. Производительность труда мы не горбом и не мускулами, а механизмом повысим. Горб отцы наши гнули.

Павел Афанасьевич замолчал. Катя видела, как прерывисто поднимается его грудь.

Он стоял, все так же опираясь о стол, словно ему было трудно стоять.

— Товарищи! Партия нас учит: коммунизм — для человека. Мы коммунизм строим, чтобы человек жил свободно да не тяжко работал, чтоб его после смены не валила усталость. Легко работает человек — его в клуб да в театр или... ну, скажем... к музыке, к культуре потянет. Красивая жизнь! При красивой жизни и мысли большие. Я вам, товарищи, прямо скажу: такую жизнь я через свою механическую скалку и вижу. Коммунизм, как я думаю, сам собой не придет. Механизация сборки — маленький, а все-таки на нашем заводе к комму-

низму наглядный шажок. Кабы я в это не верил, может, и не бился бы столько. Только вот... — Павел Афанасьевич вынул из кармана портсигар, повертел и спрятал в карман. — Может, снова ошибся в расчетах? — хмуро спросил он.

— А это мы проверим на опыте! — живо воскликнул молчавший до сих пор Дементьев. — Это мы, друг, обязательно проверим! Федор Иванович, давай говори ему новости...

Тополев отложил трубку, которую непрерывно держал во рту, и не спеша выдвинул ящик стола:

— Получайте, Павел Афанасьевич, наряд на изготовление опытной скалки. Только что подписан директором. Изготовлять будете у себя, в слесарном отделении. Постарайтесь получше сработать, товарищ Новиков, — важное дело!

Павел Афанасьевич растерянно улыбнулся и, вместо того чтобы взять у Тополева наряд, сел и закрыл глаза ладонью.

— Вот и добились, товарищ Новиков, — смущенный его волнением, участливо сказал секретарь парткома. — Теперь не робейте. Сорвется — будем пробовать снова. Еще раз сорвется — еще будем пробовать. Ну... ни пуха ни пера!

АПРЕЛЬ НАСТУПИЛ

И вот наступил апрель. Володе казалось: очень давно был тот вечер, когда Шурик впервые затащил его в свой дом.

Теперь Володя ходил к Марфиным через день. В доме Марфиных к нему все привыкли. Иной раз Володе доверяли даже понянчить Татьяну, и, когда он наклонялся над коляской, из белых простынок ему смеялась толстощекая, розовая девочка. Она была такой милой, забавной! Володя нянчился с ней, пока Ольга не звала его на урок.

Анастасия Вадимовна одобряла эти уроки. Михаил Осипович, сам дремавший под сонаты Бетховена, едва заслышав из Ольгиной комнаты: «Раз-и! Два-и», недоверчиво качал головой:

— Взбрело парню в голову!..

Никто, конечно, не подозревал, что парень собирает-

ся стать композитором. Это знала лишь Ольга. Но она оказалась на удивление придирчивой учительницей! В школе Володю никогда не упрекали за лень, а Ольга только и делала, что отчитывала его на каждом уроке.

— Не думай, что все талантливые люди ленивы. На одном таланте никуда не уедешь! — выговаривала она Володе. — Повтори эту гамму... Плохо! Еще раз повтори.

Она так грустно и удивленно поднимала правую бровь, когда ученик перевирал ноты, что Володя готов был биться круглые сутки, лишь бы заслужить похвалу. И все-таки музыка и теперь представлялась Володе чем-то непостижимым, почти волшебством. Может быть, это происходило потому, что слишком большая разница существовала между той настоящей музыкой, от которой легко, свободно становилось на сердце, и упражнениями на уроках. Володя и сейчас любил больше слушать, чем упражняться.

Он сидел на низенькой, жесткой кушетке в крохотной комнатке Ольги. За стеклянной дверью начиналась весна. Снег таял, и сад становился шире, просторней. Глубокое небо щедро и ласково стояло над ним все долгие дни. Кое-где обнажилась земля и курилась на солнце. За стеклянной дверью были свет, синева, теплый пар над черными проталинами, еле слышная капель над крыльцом, черные, полные ожидания деревья — все полно ожидания; там таинственно, неустанно совершалась весна. Апрель наступил.

В воскресенье в школе должен быть вечер Чайковского. Володя приготовил доклад. Он аккуратно переписал его в толстую тетрадь, хотя знал наизусть.

Он знал наизусть не только даты создания всех великих, известных и не очень известных произведений Чайковского, он не только знал наизусть всех друзей и недругов композитора, его радости, мысли, — но действительно узнавал теперь и любил его музыку.

Однако воскресный вечер беспокоил Володю. Сначала он вообразил, что ребята знают всё о Чайковском так же хорошо, как он сам. «Знаем! Знаем! — закричат ребята, минут десять послушав Володин доклад. В таких случаях они так и режут правду-матку в глаза. — Хватит! Знаем!..»

Потом Володя представил другое — на сцену полетят тучи записок.

Так бывало на некоторых собраниях, когда ребята вдруг принимались задавать вопросы, пока бедный докладчик не выбивался из сил.

В воскресенье Володя поднялся раньше всех в доме, чтобы еще раз повторить свое выступление.

— Дай-ка прочитаю твой доклад, — сказал отец.

Павел Афанасьевич спешил на завод. Он работал теперь и в выходные дни, чтобы скорей изготовить механическую скалку. Павел Афанасьевич любил прийти в выходной в свое слесарное отделение, когда его никто не видит, чтобы, не стесняясь, полюбоваться новенькими деталями, которые появлялись на свет одна за другой. До скалки еще далеко — раньше мая не будет, — но все же она мало-помалу возникала.

В слесарное отделение к Павлу Афанасьевичу стали захаживать частые гости — Екатерина Михайловна, Петя Брунов, секретарь партбюро цеха Дементьев. Дементьев был токарем и, придя однажды к Павлу Афанасьевичу, ловко выточил деталь. «На счастье!» — сказал парторг, отдавая ее Павлу Афанасьевичу.

Павел Афанасьевич был счастлив.

— С праздничком, что ли, Павлуша? — заметила в нем перемену бабушка.

— Спасибо. Зоркие у вас, мамаша, глаза!

Но сегодня Павел Афанасьевич, как ни спешил, остался прочитать Володин доклад.

Бабушка, как всегда, собиралась на фабрику. Сегодня там награждали передовых работниц значками отличников, и бабушку звали посидеть в президиуме. Бабушка с вечера запечалилась о том, как незаметно жизнь пролетела (давно ли стояла сама у станка!), а утром надела свои три награды, прихватила подружкиным внукам конфеток и уехала.

Володя с отцом остались одни.

Отец не отрывался от тетрадки, пока не прочитал. Володя заметил — иные страницы он перечитывает. Понравилось? Нет?

— Складно изложено. Только вот что, сынок. Перечислил ты многое: симфонии, оперы... А про самую суть мало сказал.

— Что ты, папа!

— Мало. Не спорь. Садись, будем доделывать.

Они уселись рядом за письменный стол.

Павел Афанасьевич почесал карандашом лоб и сощурил глаза — в окно по-весеннему било яркое солнце.

— Помнишь, Володька, на лыжах катались? Вольно! Свободно на Волге. После, вечером, я в первый раз по-настоящему услышал Чайковского. Хорошая музыка... Беспримерная музыка! Откуда он такой понятный да близкий, великий наш музыкант Петр Ильич Чайковский? А вот откуда. Слушай, он сам объяснил: «...Люблю русское — русскую речь, тип красоты, русский склад ума, русский характер». Вот он, Чайковский! Понял, Владимир? Пиши о Чайковском, Владимир: любил родину... Ты, сынок, хороших слов не стесняйся. Стесняйся дурных. Пиши: отдавал родине всё.

На завод отец ушел только после обеда, обещав к вечеру приехать в школу.

Вернулась бабушка. Она устала на празднике и прилегла отдохнуть, подложив сморщенную ладошку под щеку.

— Слышь-ка, Володюшка! — позвала она. — Сядь со мной, что я тебе расскажу.

Володя, как в детстве, примостился в ногах у бабушки, на ее пышной кровати.

— Побыла я, Володюшка, на торжестве нынче. Сцена в клубе прибрана. Вышли на сцену девушки-многостаночницы, молодые все да хорошие. Им значки за трудовое отличие преподносят, а они рассказывают, как высоких показателей добились, про учебу, про жизнь. А я в президиуме сижу с бабкой Енюшкой. С девчонок мы вместе... И вспомянули мы с ней учебу свою у станка. Горе горькое была наша учеба в те годы, Володюшка! Слезы. Я в девушках на работе была изо всех отличной. Пришло время, поставили меня на станок. А мастерица, чем бы на разум направить, от машины локтями отпихивает. Ну, собралась я с силами, купила шесть аршин ситцу, кланяюсь: «Тетенька, не погнушайтесь подарком».

Мастерица подержала ситец в руках да как швырнет мне в лицо: «Паршивка! Ситцем уважить надеешься!» — «Тетенька, миленькая! Чего же вам надо?» Не глядит. Я за кофту ее хватаю, не отстаю. Она сквозь зубы: «Купила бы хоть платок шерстяной».

Батюшки-светы! У меня инда сердце зашлось. Шутка сказать — платок шерстяной!

Не обломанная еще я в ту пору была. Возьми да с досады и крикни: «Подавиться бы вам подарками нашими!»

Исхлестала меня за такие слова мастерица моим же ситцем по глазам. И что же ты думаешь? После этого случая только через восемь годов попала на станок. Вот как учили нас! То-то!

Бабушка опустилась на подушку и отослала Володю:

— Ступай, батюшка, на концерт собирайся. Я посплю.

Володя оделся, подошел к зеркалу. Ох, как не нравился он себе! Он презирал свой толстый нос. Лоб у него был тоже слишком широк. «Лоб широк, а толку мало», — говаривала бабушка, когда сердилась. Володя не любил и свои темные волосы; у других вьются, а у него совершенно прямые, чуб никак не уложишь! Ничего-то в нем хорошего не было!

— Что вздыхаешь? — окликнула бабушка.

— Урод я, бабушка.

— Поди — погляжу. Может, и верно урод? — смеясь, позвала она. — Тебя, Володюшка, улыбкой бог одарил. Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто на дело гож. Ступай в школу, мил человек.

Между тем в это время вожатый Кирилл Озеров и пионеры Шурик с Васюткой уже украшали зал еловыми ветками. По всей школе стоял крепкий, радующий запах хвои.

Еловые ветки были затеей Шурика Марфина. Он их придумал, чтобы попасть на концерт: четвероклассников не пускали. Шурик мог пройти вместе с Ольгой и мамой, но это было бы незаконно. Он хотел заслужить законное право на вход.

В таком деле нельзя было обойтись без Васюты. Шурик условился встретиться с ним ранним утром.

Он бежал кратчайшим путем, переулками и проходными дворами, и, когда пробрался на Стрелку — высокий, обрывистый мыс, — ветер едва не сбил его с ног. Здесь всегда дули ветры. Здесь, на Стрелке, было пусто и тихо, а внизу, под горой, вдоль извилистой Которосли, зимой и летом кипела работа. Там была верфь. Строили лодки, баржи, ремонтировали речные суда. Длинный караван их неподвижно вытянулся на зимнюю спячку, вмерзнув в лед Которосли.

Шурик снова позавидовал Васюте, который жил в таком интересном месте. Васютин дом стоял внизу, под набережной. Вокруг него часовыми вытянулись тонкие, длинные осины.

Шурик перелез через решетку и по следам, выбитым в снегу ступеньками, спустился с обрыва.

В Васютин дом, на деревянном, метра в три вышиной, фундаменте, словно на капитанский мостик, надо лезть по крутой, длинной лестнице. Такой это был странный, невиданный дом! В разлив к нему морем подступала вода.

Шурик скатал снежок и кинул в окошко. Изнутри к стеклу приплюснулся нос, через минуту на крыльцо, застегивая на ходу шубейку, вышел и сам Васюта. У него была знаменитая шубейка — рыжая, на бараньем меху. И теплая.

— Пойдем на ту сторону, — сказал Васюта. — Там, в лесу, елок тьма-тьмущая!

Он прихватил из дому косарь, Шурик ничего не взял.

— Эх, ты! Голыми руками собрался елки ломать! — посмеялся Васюта.

Они пошли к переправе низом.

— Наломаем веток, я тебя на концерт проведу, — хвастал Шурик. — Вожатый обещал: за общественную работу пустят.

— Слыхал я эти концерты! Я этими концертами по горло сыт, — ответил Васюта.

Шурик сконфузился. Он знал, что Васюту ничем не удивишь, да забыл.

— Лед скоро тронется, — сказал Васюта, — через неделю, должно. Гляди, какие веснушки повылезли у меня на носу. Значит, весна.

Они остановились. Шурик поглядел и пощупал пальцами веснушки на круглом Васютином носу:

— А у меня нет.

— Ты изнеженный. Тебя дома избаловали: Шурик да Шурик!

Они пошли дальше.

— Мать для бакенов крестовины готовит, — продолжал рассказывать Васюта. — Она их смолит. У матери работки хватает.

— И у отца, верно, хватает работки, — сказал Шурик.

Васюта свистнул:

— Где он, отец-то? Ищи ветра в поле.

— Как — ищи? — испугался Шурик. Он испугался главным образом потому, что Васюта свистнул. Это было совсем непонятно. — Разве... Может, его в войну убили, отца?

— Кабы в войну, был бы героем, — нахмурился Васюта. — А он просто ушел. Взял да ушел к другим. Кинул нас.

— Как же кинул? Как? Разве можно кинуть? — спрашивал Шурик, дергая Васюту за рукав. На сердце у него стало нехорошо и тоскливо. Если бы и его отец вот так взял да ушел? Кинул бы их? Разве можно, чтобы папа их кинул? — Почему он к другим-то пошел? — допытывался Шурик.

— Потому что шатущая его душа, — убежденно ответил Васюта. — А мы и без него живы. Митьку на ноги подняли? Подняли.

— Какого Митьку?

— Брата моего. Он теперь в армии. На связиста учится. И Тамару на ноги подняли.

— А Тамара кто?

— А Тамара — сестра. Мы Тамару замуж выдали. Мать говорила: не ходи, плакать будешь. А она вышла.

— Плачет?

— Нет. Человек хороший попался.

Васюта замолчал. Шурик шел сзади, почти наступая ему на пятки.

— Васют! А, Васюта! А если он вернется домой?

— А мы с мамой скажем: ступай, откуда пришел.

Васюта неожиданно остановился, так что Шурик едва не налетел на него.

— Как зайдет разговор об отце, я стыжусь. В школе спрашивают, где отец, а мне неохота признаться. Мама не стыдится. Она гордая. А я, видно, не гордый.

— Ты тоже гордый! Ты очень гордый, Васюта! — полный смятения и жалости, убеждал Шурик товарища.

Они стали товарищами недавно: встретились однажды на набережной и провели вместе весь день. С этого дня подружились, хотя учились в разных школах. Они обо всем разговаривали, а вот об отцах ни разу не пришлось поговорить.

— Гляди-ка! — оживившимся голосом крикнул Васюта.

Занятые своим печальным разговором, они незаметно подошли к переправе. А переправы не было. Деревянный мост сняли. Черная дорога, утыканная вешками, обрывалась теперь прямо в воду. Вода все шире разливалась у берега, напирала на лед, жадно слизывая его ломкие края. Пусто на Волге. Снег посерел, сизыми пятнами выступили на нем полыньи.

— Вот тебе и сходили на тот берег! — сказал Васюта.

Шурик вздохнул:

— А я обещал вожатому!

— Обещать ты мастер! А сам и косарика не захватил.

Васюта слепил несколько тугих снежков и запустил их один за другим по воде. Вода булькала.

— Небось честное пионерское дал?

— Дал.

— Знаю я тебя: как чуть что, сразу уж и пионерское. А потом затылок чесать... Пойдем к Тамаре. На нее только и надежда, — сказал Васюта и быстро зашагал от реки.

Шурик семенил за ним частыми шажками, не решаясь спросить, как может их выручить Тамара. Они поднялись в город, прошли мимо городской пожарной каланчи, свернули в переулок и остановились у подъезда двухэтажного каменного дома.

— Жди меня здесь, — велел Васюта, — я мигом обернусь. Тамарин муж — шофер. Может, у него нынче случай за город. Он мне зять, — сказал Васюта и скрылся в подъезде.

Зять — это тоже новость. У Шурика никогда не было зятя. Шурику все нравилось, что имело отношение к другу: и его похожий на башенку дом среди тонких, гибких осин — летом глянешь в окно: видно Волгу, — и огромная черная лодка, на которой Васюта с матерью ездят зажигать бакены, и Васютина шубейка, и зять. Одно плохо — новости, которые Шурик узнал об отце Васюты.

Васюта действительно обернулся мигом.

— Сказано — сделано, — солидно сообщил он. — Прощай теперь до вечера. Нам с зятем надо машину готовить, сейчас уезжаем. Гляди, место мне на концерте припаси.

И Васюта снова исчез. Шурик побрел домой, гоня впереди себя обломившийся с крыши грязный ледыш.

Могли бы и его с собой прихватить! То друг, а то, как на машине ехать, сразу и врозь. Ладно, хоть елок привезут — не стыдно вожатому в глаза посмотреть.

КОНЦЕРТ

Все утро Ольга с лихорадочной энергией занималась домашними делами — сходила на рынок, приготовила завтрак и, выпроводив Анастасию Вадимовну с Татьяной гулять, надела старый халатик, туго завязала платком голову и принялась за уборку, вмиг перевернув весь дом. С этажерки падали книги, в буфете звенели ножи и вилки, на полу стояли лужи.

— Стихийное бедствие! — проворчал Михаил Осипович и тоже ушел.

Ольга как будто только и добивалась того, чтобы всех разогнать из дому. Оставшись одна, она бросила тряпку, наскоро вытерла руки и подошла к роялю. Она бесцельно стояла возле него, не решаясь играть, сама не зная, боится концерта в чужой школе или хочет его. Все еще стоя, Ольга взяла первую ноту и тотчас же села и сыграла всю пьесу.

«Что это такое? — опустив на колени руки, в удивлении спрашивала она себя: так сильно и празднично тронули ее звуки. — Что со мной? Почему раньше я не слышала этого?»

Ольга забыла о тряпке, брошенной в лужу, об уборке, о платье, которое надо приготовить к концерту, о самом концерте и играла пьесу за пьесой, пока Анастасия Вадимовна не вернулась с прогулки. Анастасия Вадимовна застала в доме хаос — распахнутые дверцы буфета, недомытые полы, таз с водой на столе.

— Мама, не надо! Не брани. Все сейчас сделаю! — воскликнула Ольга, подбегая к матери и закрывая ей рот ладонью.

Анастасия Вадимовна ничего не сказала. Ольга домыла полы, вымылась сама, чуть не до царапин растерев мочалкой шею, руки и плечи, надела свое черное бархатное платьице с белым воротничком и ходила взад и впе-

ред по чистым, пахнущим сыростью комнатам, молчаливая и торжественная, в ожидании вечера.

Наконец собралась и Анастасия Вадимовна. Михаил Осипович оставался домовничать с Татьяной.

Они рано вышли из дому. Анастасия Вадимовна была председателем родительского комитета — у нее всегда куча дел в школе. Ольга условилась зайти за подругой.

— Ну, Ольгуша, желаю успеха, — сказала Анастасия Вадимовна, легко тронув рукой Ольгину щеку.

Ольга обхватила мать и здесь же, на улице, принялась целовать ее.

— Что ты! Пусти, сумасшедшая! Люди смотрят, — смеясь, отбивалась Анастасия Вадимовна.

— Не пущу! Мамочка, как хорошо! Жду чего-то. И страшно... Что это, мама?

Она побежала к Гале. Сейчас, сию минуту надо увидеться с Галей Введенской! Ольгину подругу прозвали в шутку Галей-гривой за то, что у Гали были густые, пышные волосы, которые она носила перехваченными на затылке лентой — лента то и дело развязывалась, и волосы падали ей на плечи. Она была прехорошенькой, доброй и такой правдивой, что скорее заплачет, чем скажет ложь. Потому-то Ольга сейчас и бежала за Галей. Уж она скажет правду, если Ольга провалится... Неужели это может случиться? Как она посмотрит Володе в глаза, если провалит концерт?

Кстати, Ольге хотелось познакомить Галю с Володей. Галя сразу определит, стоящий ли он человек. Может быть, Ольга ошиблась и в Володе никакого содержания нет?.. Да, без Гали сегодняшний вечер наполовину терял интерес.

«Только не увязались бы с нами студенты», — думала Ольга, подходя к дому Введенских. Оба Галиных брата были студенты. Ольга позвонила, дверь открыл медик. Второй брат учился в сельскохозяйственном институте.

— Галька с флюсом, — сказал медик и, не взглянув на Ольгу, ушел из прихожей, сутуля плечи и на ходу читая какую-то книгу.

— Вот так раз! — ахнула Ольга.

Все планы рушились.

Галя, обвязанная теплым платком, сидела на низенькой скамеечке у батареи отопления и, держась руками за щеку, медленно раскачивалась из стороны в сторону.

— Я тебя подвела, — виновато зашептала Галя, когда Ольга присела рядом с ней на скамейке. — Ой, больно! Ольга, может идти все-таки? Потерпеть? Нет, не вытерплю. Нет, уж ты мне все после опишешь. Ой-ой-ой!

Она была жалкой и грустной, но хорошенькой даже сейчас, в вязаном сером платке, из-под которого печально выглядывали влажные, в мокрых ресницах глаза...

— Расскажи мне, как ты приготовилась. Хорошо? Не волнуешься? — морщась от боли, шептала она.

Но какие уж там рассказы, если из глаз Гали вдруг закапали слезы. Медик оставил свою книгу, пощупал Галин лоб и велел ей ложиться в постель.

— Больной предписан постельный режим, а вам лучше уйти, — строго распорядился медик, студент первого курса. Он не очень-то церемонился с Ольгой.

И она одна отправилась в школу.

Теперь Ольга ничего хорошего не ждала от концерта. Она потеряла всякую веру в себя. И действительно, неприятности встретили ее уже у входа в школу.

В дверях стоял контролер. Это был Коля Зорин, самый решительный и неподкупный из всех семиклассников. Именно за волевой характер Коли Зорина его и назначили главным контролером. Черные волосы жесткой щеточкой поднимались над его озабоченным лбом, широко расставленные глаза были полны подозрений и твердости.

— Билет!

— Какой билет? — удивилась Ольга.

— Не притворяйтесь, — незаметно тесня Ольгу к выходу, хладнокровно возразил Коля Зорин. — Если у вас нет билета... нельзя. Нет, нельзя.

— Новости! — засмеялась Ольга. — Пустите-ка, пока вам за меня не влетело.

— Билет! — строго повторил Коля Зорин.

Он решил ни за что не пропускать эту насмешливую девчонку, которая, видно, готова на все, лишь бы вломиться к ним на вечер.

Ольга мельком его оглядела. Контролер был широкоплеч и, должно быть, силен. Такому ничего не стоит выставить за дверь любого. А там ищи правды...

— Слушайте, вы, — схитрила Ольга, — я ведь тоже физкультурница. Уж если дело на то пошло...

Контролер вынул из кармана судейский свисток и молча показал. Он был не очень речист, этот Коля Зорин. Свисток смутил Ольгу.

Вдруг она увидела в вестибюле афишу. Афиша висела прямо перед ее глазами и огромными красными, желтыми и фиолетовыми буквами извещала о том, что во втором отделении вечера ученица первого курса музыкального училища Ольга Марфина исполнит «Времена года» Чайковского.

— Вы ослепли! — сказала Ольга. — Прочитайте афишу. Я — Марфина. Я у вас сегодня играю Чайковского.

— Ха-ха! — коротким смешком ответил Коля Зорин. — И физкультурница и музыкантша! Кто еще? Может быть, парашютистка?

— Хорошо, — сказала Ольга, — в таком случае, стерегите меня, чтобы я не прошла на ваш вечер.

Она села на подоконник и стала обдумывать, что предпринять дальше. Так или иначе, кто-нибудь ее выручит. Однако Ольге хотелось услышать доклад. Она вся кипела негодованием, а Коля Зорин, став к ней спиной, продолжал невозмутимо требовать у входящих билеты. Входили ребята и галопом неслись в раздевалку. Вошла группа чинных девочек из соседней школы — целый седьмой класс. Вот они были явно приглашены, каждая протянула билетик.

Прозвенел первый звонок. Вестибюль опустел. Сверху, из зала, доносился негромкий гул. Противный мальчишка со свистком упрямо стерег Ольгу.

— Вы знаете, здесь моя мама, — снова обратилась она к нему.

Коля Зорин безмолвствовал.

«Маму теперь приплела!» — подумал он. Но время шло, и им начинало овладевать беспокойство: в вестибюле никого не осталось, его помощники-контролеры и те убежали наверх. Прозвенел второй звонок.

— Слушайте, — кротко сказала девочка, — из-за меня вы пропустите вечер. Вы останетесь в дураках.

Коля и сам уже начал об этом догадываться.

— Идите, — вдруг сдался он.

Ольга мгновенно соскочила с подоконника и со счастливым лицом полетела в раздевалку.

— Вперед не протискивайтесь. Станьте где-нибудь сзади, — распорядился Зорин и пошел вслед за Ольгой, не

давая ей улизнуть, чтобы на всякий случай весь вечер держать в поле зрения.

На верхней площадке лестницы их встретили Андрей Андреевич и директор.

— Вот она, наша солистка, Виктор Степанович! — воскликнул учитель. — Ты где пропадала? Все сбились с ног — тебя ищут! — с упреком обратился он к Ольге.

Ольга не могла удержаться и, торжествуя, оглянулась на Зорина.

Бедный, бедный контролер! Что с ним стало! Он смотрел на нее с таким ужасом, словно увидел привидение.

— Я заговорилась с этим мальчиком, — великодушно объяснила Ольга.

Коля Зорин облизнул пересохшие губы, глотнул, словно рыба на песке, воздух и не произнес ни звука.

— Ну, живо в зал! — слегка подталкивая Ольгу в плечо, сказал Андрей Андреевич.

И, едва Ольга успела занять свое место между матерью и Андреем Андреевичем, едва успела облегченно вздохнуть, расправить на коленях платье, кинуть по сторонам быстрый взгляд, смутиться и обрадоваться тому, что зал переполнен, на сцену вышел Володя Новиков.

До сих пор Ольга встречала Володю только у себя дома. Он приходил усердным, смирным учеником. Его можно было сколько угодно бранить — он только смущенно поглаживал темные волосы и, соглашаясь, кивал.

Сейчас он был бледен и строг.

«Он совсем другой. Это не тот Володя, какого я знаю! И как жаль, что нет Гали!» — думала Ольга, вся подавшись вперед и с участием следя за Володей.

Он встал за кафедру, раскрыл тетрадку и начал читать.

— «Когда Петр Ильич был мальчиком, никто не догадывался о его музыкальном таланте», — так тихо прочитал Володя, что почти никто не услышал.

— Громче! — крикнули из зала.

Володя смутился, на секунду поднял глаза от тетради и прямо перед собой, в первом ряду, увидел Ольгу. Она улыбнулась, кивнула.

«Хорошо, что Ольга здесь», — подумал Володя.

— «Когда Чайковский был мальчиком, мать пела ему песни», — продолжал он читать.

Какие это были песни, Володя не знал. Может быть, те же, что пела бабушка. «Среди долины ровныя...» — пела бабушка, подперев щеку ладонью, тихо покачиваясь из стороны в сторону.

— «...И вот у Чайковского открылся удивительный, необыкновенный талант. Он стал композитором. В творчестве Чайковского жила народная песня. Но сильнее всего в его творчестве была любовь к родине. «Голубушка Россия!» — говорил Чайковский о родине».

Володя услышал — смутный гул в зале сменился тишиной. Что-то незримое, кажется Володе, идет к нему из зала вместе с тишиной. Володе нравится читать ребятам доклад о труде музыканта.

— «Чайковский был настойчив, упорен и не падал духом от неудач. Такой великий композитор, а у него тоже бывали неудачи. Он от отчаяния плакал, но не сдавался.

Гений Чайковского рос. Мир в изумлении слушал фантазии, симфонии, оперы — русскую музыку поразительной силы!..»

Когда Володя кончил доклад, Андрей Андреевич первый захлопал в ладоши. Ребята хлопали, кричали.

— Здорово! Кланяйся, Новиков! Браво! — различил Володя пронзительный голос Толи Русанова.

Как убраться со сцены? Пересечь по диагонали от кафедры до задней кулисы?

Но занавес задвинулся.

— Молодчина! — покровительственно и чуть удивленно похвалил Володю откуда-то взявшийся Юрий. — Иди занимай место в первом ряду.

Юрий тут же принялся хлопотать. Прежде всего он выставил со сцены Васюту и Шурика, которые расположились было за занавесом, кликнул Колю Зорина, заставив этого силача вытащить кафедру, и распорядился, чтобы ребята пододвинули рояль ближе к рампе. Затем он спрыгнул со сцены прямо в зал и решительно направился к Марфиным. Володя видел, как он раскланивался со всеми по очереди: с Анастасией Вадимовной, учительницей музыки и Ольгой. Поразительно, до чего он смел, Юрий! Володя сидел на одном стуле с Женей Горюновым (свободных мест не было) и наблюдал за Юрием, который разговаривал с Ольгой, как будто всю жизнь был с ней знаком.

Началось второе отделение вечера.

— Ольга Марфина исполнит Чайковского! — объявил Юрий.

Ребята шумели. Ольга села за рояль и, не дожидаясь тишины, стала играть. Нет, концерт пропал для Володи. Он не успел передохнуть — его снова трепала лихорадка. Он озирался на каждый шорох и скрип. Нравится ли ребятам музыка? Володя весь холодел: ребятам не нравится.

Ольга кончила и знакомым Володе жестом опустила на колени руки. Ни одного хлопка.

— «Песня жаворонка»! — объявил Юрий и прочитал по бумажке:

Поле зыблется цветами...
В небе льются света волны...
Вешних жаворонков пенья
Голубые бездны полны...

И вдруг Володя догадался, что ребятам музыка нравится, — зал согласно умолк, едва Ольга тронула клавиши. Мелодия, полная чудесной и трогательной нежности, странной властью укротила толпу шумливых мальчишек.

Володя опомнился, когда Женька вскочил со стула и затопал ногами, что есть мочи крича:

— Бис! Марфина, бис!

Ольга не встала и, опустив голову, не улыбаясь, пережидала шум.

— «На тройке»! — объявил Юрий.

Он тоже притих. В его беспечных глазах застыло смущенное удивление.

И опять в зал полился свежий ливень светлых, радостных звуков.

Ребята не отпускали Ольгу со сцены. Она три раза сыграла «На тройке», а они всё хлопали, хлопали...

Ольга, раскрасневшись, сидела возле рояля, стесняясь кланяться и не решаясь уйти.

— Не могу больше. Устала! — сказала она Юрию, почти умоляюще глядя на него.

— Ребята, она больше не может! — стараясь перекричать школьников, объявил Юрий.

— Бис! — заревел в ответ зал.

И Юрий тоже неистово захлопал в ладоши.

Но занавес снова задвинулся.

Женя Горюнов смотрел на закрытый занавес, словно чего-то еще дожидаясь.

— И я не отказался бы стать музыкантом, — сказал он, тихо вздохнув.

— Так давай! Женька, давай! — твердил Володя. — У меня так же в точности было. Пришел на концерт. Слушаю... Ну, и решил. Женька, хочешь? Советую!

Ребята расходились. Зал опустел, только в первом ряду, вокруг Анастасии Вадимовны, столпился народ: Андрей Андреевич, Наталья Дмитриевна, Ирина Федоровна, директор... Они все оживленно что-то ей говорили — должно быть, делились впечатлениями и хвалили Ольгу.

— Володя! — закричал Шурик. — Вон Володя, смотрите!

— Иди сюда, Новиков, — позвал директор.

Он снял очки, протер платком, надел и поверх них поглядел на Володю.

— Что вы скажете о нашем докладчике, Наталья Дмитриевна? — спросил директор учительницу музыки и потрогал усы. Это значило: директор доволен.

Наталья Дмитриевна, в длинном черном платье с брошкой у шеи, с изогнутым гребнем в седых волосах, показалась Володе еще выше и недоступнее, чем в первую встречу.

— Вы сделали не очень профессиональный, но хороший, человечный доклад! — сказала она и улыбнулась, и Володя понял, что она простая и добрая.

— Теперь идемте все к нам, — весело пригласила Анастасия Вадимовна. — Михаил Осипович ждет. Идемте. Пожалуйста!

Рядом с Ольгой очутился Юрий:

— Дайте номерок, я получу вам пальто... Из оперетт вы тоже играете?

— Из оперетт я не играю, — ответила Ольга, удивленно приподняв правую бровь. — Я люблю играть в лото. Хотите, пойдемте к нам?

Кажется, Юрию было безразлично, оперетта или лото, — лишь бы Ольга его позвала. Впрочем, Володе тоже очень хотелось пойти к Марфиным.

Вдруг он увидел отца. Отец стоял в конце зала, делая вид, что читает стенную газету. Должно быть, он чувствовал себя здесь неловко и связанно и, не оглянувшись, вышел из зала. Только теперь, увидев его, Володя вспомнил об отце. Он ни разу за весь вечер о нем не подумал. Ни

разу! У него пропала охота идти к Марфиным. Володя незаметно отделился от веселой компании и кинулся догонять отца:

— Папа! Ты...

Он не знал, что сказать. Понял отец, что Володя забыл о нем на весь вечер? Нет, должно быть, не понял. Он был растроган, оживлен, разговорчив.

— Очень я доволен вашим концертом, Владимир! Услышишь музыку — сердце словно весенним дождем обрызнет. Чисто, светло! О дурном да о вздорном и думать неохота! Не прожить человеку без песни, верно говорят... Давай-ка сходим, Владимир, на Волгу!

На набережной было пусто и глухо. Смутные очертания лип, широко распростерших корявые сучья, казались черными призраками. Стужей и сыростью дышала река. Павел Афанасьевич встал у чугунной решетки, за которой высокая набережная круто спускалась к реке.

— Зря пришли, — сказал он поежившись. — Ан нет! Слушай, Владимир!

Внизу, под откосом, скрытое плотной завесой тумана, что-то совершалось — какое-то движение возникло там, полное неясных звуков. Что-то треснуло, гулко ухнув и прокатившись эхом вдоль туманной реки. И заворочалось, зашуршало, ломалось, плескало...

На Волге начался ледоход.

ВОЛГА ТРОНУЛАСЬ В ПУТЬ

Утром туман разошелся, прояснело; светило солнце, журчали ручьи. На улице стоял тот радостный гомон, полный воробьиного щебета, ребячьих криков, шума воды, какой приносит весна.

Пока Володя добрался до школы, спугивая по дороге воробьев и разбивая уцелевшие в тени заборов хрусткие льдинки, небо налилось яркой, почти летней синью.

На дворе у ворот натаяла лужица; в нее, словно в зеркало, смотрелась березка, спустив к воде длинные ветви. Эту березку посадила Варвара Степановна. Она вместе с «ботаническим активом» посадила акацию, кусты жимолости, сирень вдоль забора. Окающий, веселый басок Варвары Степановны сейчас разносился по всему двору:

— Петя! Куда роешь канавку? Веди воду к кустам!..

Ребята! Кто взялся гиацинт выгонять? Глядите, зацветет ли к Первому мая?

У ботанического кружка Варвары Степановны началась весенняя страда.

— Ребята! Волга тронулась! — вбегая во двор, объявил Володя.

— Ледоход! Варвара Степановна! — закричали ботаники.

Повезло мичуринцам! Пятый класс тут же выстроился в пары. Варвара Степановна повела своих учеников на набережную.

А семиклассники, дождавшись звонка, нехотя побрели на уроки. Кому охота учиться в весенний день, когда солнечными пятнами обрызган весь класс, за окнами бушует вода и в открытые фортки врывается вольный воздух! Давно в классе не было такого веселья, как в это утро.

— На места! — взывал староста Дима Шилов, самый благоразумный человек среди всех семиклассников, и вдруг взял да и запустил портфелем в Женю Горюнова.

И пошла потеха!

— Ребята! Слушайте! Гимн весне! — кричал Толя Русанов:

На Волге начался ледоход, ледоход!
Мы ждали его целый год, целый год!
Давайте сегодня уроки свернем
И на ледоход удерем, удерем!

— Слушайте меня! Тихо! — приставив трубкой ко рту ладонь, перебил Юрий Брагин. — Ребята! Объявляю: гимн Русанова переложит на музыку наш композитор...

— Какой композитор? Где композитор?

— ...наш композитор Владимир Новиков! — покатываясь со смеху, закончил Юрий. — Эй, Володька! Почему вчера у Марфиных не был? Разузнал твои секреты. Все разузнал! До, ми, фа, соль, ми, до!

— Хватит тебе! — надвигаясь на Юрия, оборвал его трели Коля Зорин. — Что тут смешного? На лбу ни у кого не написано, композитор или нет.

Но, должно быть, в Юрия сегодня вселился бес озорства:

— Эй, Володька! Новиков! Ты теперь у нас «до-ре-ми», а не Новиков!

Володя взял сумку с книгами и молча вышел из класса.

Так. Значит, вчера Юрий выведал у Ольги никому на свете не известную тайну! Значит, Юрий вчера потешался над ним? А что Ольга? Молчала? Или, может быть, сама разболтала, как бьется с Володей?

Кончено!

Володя больше не вернется в тот дом.

Но берегись, Юрий! Эти насмешки тебе не забудутся, нет!

Вдруг Володя увидел Гликерию Павловну. Учительница опаздывала на урок и торопливо шла вдоль коридора. Несмотря на свои тридцать лет, цветущий вид и добродушный характер, Гликерия Павловна постоянно воображала себя больной. Она носила на шее крупный желтый янтарь в предохранение от зоба и в сумочке целую аптечку всевозможных таблеток от прочих болезней.

— Новиков? Ты почему не в классе? — спросила учительница, силясь придать строгое выражение своему круглому розовому лицу с ямочками на щеках и подбородке.

— Голова болит.

— Ай-ай! Что такое? Грипп, должно быть, тебя ломает. Сейчас вредный грипп ходит. Вирусный. Иди-ка домой, Новиков. На, возьми кальцекс. Проглоти да молочком горячим запей. С гриппом шутки плохие.

Володя, конечно, и не подумал глотать кальцекс. Раз уж выпал такой случай, он пошел взглянуть на Волгу, по дороге кинув лекарство в лужу.

Набережная полна народу. Людно, словно на празднике. Девушка в красном берете продает цветные шары. Ветер треплет у девушки платье, плещет шарами и летит вдоль набережной, веселый, весенний.

Внизу идет лед. Возле берега он идет густым мелким крошевом, бурлит, брызжет пеной, наткнувшись на дебаркадер. Посередине реки проплывают тяжелые льдины. Вот одна встала ребром, затрещала, рухнула, и долго, как в омуте, ее крутила вода. Волга тронулась в путь...

Володя все утро протолкался на набережной. Он опомнился, когда за спиной его раздались знакомые голоса. Семиклассники после уроков толпой привалили на Волгу.

— Ребята, смотрите! — кричал Юрий.

В глубине реки на льдине плыл какой-то зверек. Он то метался на льдине, окруженной разводьем, то свертывался в рыжий комок, а льдина все плыла и плыла.

— Заяц! — догадался Коля Зорин.

— Какой заяц! Лисица.

— Смотрите!

Разводье сузилось, рыжий зверек бегал взад и вперед по краю льдины, выбирая момент, чтобы перепрыгнуть. Скок! Перепрыгнул.

— Ребята, а ведь это собака! — разглядел кто-то.

— Скулит, — вытянув голову, прислушался Женя. — Честное слово, должно быть, скулит! — Он навалился на плечи стоявших впереди ребят и жадно всматривался в даль.

Льдину относило. Ребята молча следили за рыжим пятном, пока оно не скрылось из виду.

— Пропадет! — сказал Женя.

— Выберется!

— Шары! Шары! — звонко выкрикивала девушка в берете.

Вдруг Коля Зорин ни с того ни с сего купил шар. Он не знал, что с ним делать; едва зажал в кулаке веревочку, она выскользнула, и шар полетел.

— Держи! Догоняй!

Ребята хохочут. Смеется вся набережная, и шумнее всех веселится Юрий... Неужели он уже позабыл, как утром обидел Володю?

В это время на набережной появилась Ольга. Она прибежала к Волге в перерыв между школой и уроками в музыкальном училище и в расстегнутом пальто летела вдоль решетки, а ветер развевал концы ее шарфика, как голубые флажки.

Успеть бы обежать из конца в конец набережную! Все осмотреть...

Вдруг — стоп! Вчерашние семиклассники.

Первым движением Ольги было повернуть обратно. Но поздно.

— Марфина! Смотрите, Марфина!

Вот она и стала известной и не знала, куда теперь ей деваться.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, Юрий!

Юрий странно смущен. Он не знает, с чего начать разговор, и, краснея, перекидывает с плеча на плечо сумку.

— Ледоход! — нашелся он наконец, махнув рукой в сторону реки.

— Да, — согласилась она.

Разговор оборвался. Вокруг молча стояла толпа семиклассников. Ольга чувствовала себя угораздившим в мышеловку мышонком. Вдруг она увидела Володю.

Володя! Как он выручил ее! Он ее просто спас!

— Идем скорее! Надо поговорить о деле... До свиданья, мальчики, — кивнула Ольга, осмелев, едва рядом оказался Володя. — Удивительно, что весна! Верно? — доверчиво и радостно говорила она, уведя его от мальчишечьей толпы.

А он-то был утром несчастным! Он-то...

— Володя, почему ты вчера убежал? Все спрашивают, где Володя. А тебя нет. Потом, поздно вечером, открыла форточку, слышу — шумит. Это тронулась Волга. Не могу сейчас вспомнить, отчего так хорошо стало и грустно. Чуть не заплакала...

— Неужели? — задал Володя глупейший вопрос, вместо того чтобы сказать Ольге, что полдня дожидался ее здесь, на набережной!

Они пришли к пологому, каменистому спуску, где в Волгу с шумом катились мутные потоки воды.

— Э! Была не была! Прогуляю сегодня училище! — задорно воскликнула Ольга. — Володя, бежим!

Они побежали вдоль потока, вниз к Волге, а поток и бурлил и гремел, неся неспокойные воды реке. Внизу тише. Мимо берега неторопливо плывут поредевшие льдины, и всё ширятся голубые озера разводий, блестит и сверкает на солнце большая, вольная Волга.

Бесшабашная удаль обуяла Володю. Что́ бы сделать, от чего люди ахнут?

Прыгнуть, что ли, на эту зеленую льдину, которую крутит водоворот? Вот она споткнулась о камень у берега, со стеклянным звоном отломился истаявший край.

— Хочешь, прыгну? Смотри, Ольга! Раз! Два! Три! — кричит Володя.

— Хочу! Прыгай! Хочу! — кричит Ольга, а сама, схватив его за рукав, крепко держит и визжит тоненьким, смешным голоском.

Страшно! Весело! Хорошо!

В КЛАССЕ БУРИ И ГРОЗЫ

Вдруг разразилась беда.

В классе все уже знали, что Володя собирается стать музыкантом. Если Коля Зорин мечтает быть мировым чемпионом по тяжелой атлетике, почему Володе не быть музыкантом?

Правда, у Коли можно пощупать тугие, как футбольные мячи, бицепсы, у него классическая шея борца, отлично сданы нормы ГТО и постоянный пропуск на «Динамо».

А что есть у Володи? Э! Многое есть у Володи. Он знает то, о чем другие ребята слышали разве краешком уха. Глинка, Мусоргский, Бородин!.. Оказывается, Володя познакомился не только с Чайковским. Он стал настоящим профессором по части музыки.

Когда Володя начинал рассказывать, вокруг собиралась толпа. Толстощекий Гарик Власов, самый маленький в классе, расталкивал ребят и, пробившись вперед, молча смотрел в рот Володе. Кто бы подумал, что Гарик, этот болтун, способен, не пикнув, целый час слушать историю какой-то таинственной скрипки! Соловей умолкал при ее

звуках. Когда скрипка играла, люди становились счастливыми.

Володя хорошо рассказывал эту сказку.

Получалось, как правда.

Коля Зорин, Женька, Толя Русанов — все ребята окружали Володю.

Только Юрий оставался на парте. Юрий видел — за последние дни в классе что-то изменилось: так ребята окружали раньше его.

Теперь то один, то другой из ребят приносил в класс программы радиопередач.

Вдруг началось увлечение концертом-загадкой. Появились болельщики. Женя Горюнов объявил себя болельщиком Глинки.

— Кто создал первую русскую оперу? Скажи им, Володя!

— Володя! Володя! — только и слышалось в классе.

— Ну, а что же ты сам сочинил? — спросил Юрий. — У тебя бывает вдохновение? Как вообще сочиняют?

Вот этого Володя пока не знал. Но он знал, как однажды Чайковский ответил человеку, который хотел допытаться, каково вдохновение.

«Не говорите пошлости, юноша, — ответил Чайковский. — Нужно работать».

— Когда же ты начнешь сочинять? — смеялся Юрий.

— Слушай, Юрий, а ты изобрел уже что-нибудь в технике? — спросил вместо ответа Володя.

Ребята засмеялись. Победа снова была за Володей. И вдруг разразилась беда.

На уроках географии всегда стоял шум. Гликерия Павловна сидела за учительским столиком и беседовала с одним учеником, а весь класс в это время занимался своими делами.

— Тише! Не баловать! — вскрикивала иногда Гликерия Павловна, стуча карандашом по столу. — Отвечай с выражением, — просила она, расцветая, если мальчик говорил громко, четко, слово в слово по учебнику.

«Знайте учебник», — большего учительница географии не решалась требовать от учеников.

Порой случалось — какая-то смутная неудовлетворенность начинала мучить ее, недовольство собой, даже тоска. Каждую осень Гликерия Павловна входила в школу с благим намерением начать работать по-новому. Как по-

новому? За учебу, что ли, приняться? Кругом все учились, а Гликерии Павловне все некогда да некогда. Главный смысл ее жизни составлял дом. Вернее, не дом, а восемнадцатиметровая комнатка, где Гликерия Павловна жила со своим мужем, бухгалтером, старше ее на двадцать лет. Бухгалтер работал в Доме учителя, а Гликерия Павловна хозяйничала в нарядной комнатке с широким окном и балконом на Волгу и всю душу свою тратила на устройство гнезда. Детей вот только у них с Иваном Арсеньевичем не было... Оттого, может быть, Гликерия Павловна и была привязана к своим семиклассникам. Никакие их шалости не выводили ее из себя.

«Не баловать!» — постучит только карандашом по столу, когда море грозит выйти из берегов, и ребята на время стихают.

В общем, они жили мирно.

— Новиков, выздоровел? — спросила на этом уроке Гликерия Павловна, поставив в журнале точку против его фамилии. — А? Пришел? Не рано ли ты после гриппа явился?

— Он не болел, Гликерия Павловна!

— Вы его перепутали с кем-нибудь.

— Кто заболел, Гликерия Павловна?

— Ну, тихо, тихо! Что вы спорите — не болел? Я сама его отпустила с урока больного. Новиков, как голова?

— Ничего. Прошло, — ответил Володя, спешно пробегая глазами страницу в учебнике.

— Тогда иди отвечай урок, умник.

Но прозвенел звонок.

— Спасся, Володька! Повезло сегодня тебе! — сказал Женя Горюнов, когда учительница вышла из класса. — Собирайся, счастливчик, домой.

— Стойте! — крикнул Юрий и вышел на середину класса. — Стойте! Не расходитесь! Экстренное собрание комсомольской группы.

— Какое еще собрание выдумал!

— По какому вопросу?

— Почему экстренное?

— Узнаете, — лаконично ответил комсорг и побежал пригласить Чумачова или кого-нибудь из членов комитета.

Горячка деятельности охватила его, как всегда, внезапно.

«Вот он каким комсомольцем оказался, наш Новиков! Прогуливает, больным притворяется, уроки не учит! Хорош комсомолец, хорош! А еще авторитета у ребят добивается! Полкласса загипнотизировал музыкой. А сам?.. Нет, это так оставить нельзя».

Юрий прилетел в комитет. Чумачова не было. Члены комитета разошлись. Секунду Юрий постоял в раздумье. Но не стоит колебаться. «Раз так, проведу один собрание, — решил он. — Довольно нас на всю школу ругать. Пожалуйте к ответу, виновники! А что никого из комитета не будет, даже лучше. Я и сам справлюсь».

Но, вернувшись в класс, Юрий застал Андрея Андреевича. Это было неожиданностью. Кто позвал Андрея Андреевича? Зачем? В конце концов, имеют они право собрать комсомольскую группу одни, без учителя?

Если правду сказать, при виде Андрея Андреевича воинственное настроение Юрия немного понизилось.

«Не отменить ли собрание?» — мелькнуло у него в голове.

Но ребята ждали. Андрей Андреевич, стоя у окна, спокойно наблюдал за Юрием. И Юрий решительно вышел к учительскому столику. В его позе, откинутой голове, прямом взгляде никто не заметил бы и тени смущения.

«Умеет держаться. И мог бы вести за собой, если б только...» — подумал Андрей Андреевич. Он взглянул на Володю. За последние дни Андрей Андреевич все чаще всматривался в этого мальчика с неопределенными и расплывчатыми чертами лица — немного толстый нос, детские губы, темные, с коричневым отливом волосы, темные, то хмурые, то блестящие весельем глаза. Иногда он казался некрасивым, но вдруг что-то озаряло лицо, и Андрей Андреевич думал: «Вот таков и есть настоящий Володя Новиков».

— Первый вопрос — о поведении Новикова, — громко начал Юрий.

Володя вздрогнул, с удивлением глядя на Брагина.

А Брагин, как говорится, закусил удила.

— Я ставлю на обсуждение поступок комсомольца Новикова, — повторил он, сам подбадривая себя громким голосом.

— Какой поступок?

— Что сделал Новиков?

— Погодите, погодите, ребята! Услышим.

Кирилл Озеров, известный всей школе необыкновенным затылком, на котором разместились две круглые макушки, поднял руку, потрогал макушки и, предостерегая, сказал:

— Смотри, Юрий! Обвинять—так за дело. Зря не дадим.

— Зря? За кого вы меня принимаете? — вспыхнул Юрий.

— Ладно. Выкладывай.

— И выложу. Новиков сделал хороший доклад о Чайковском...

В классе сразу наступило молчание. Юрий увидел настороженность во взглядах ребят. Пусть! Он докажет им, что такое принципиальное отношение к делу.

— Новиков сделал красивый доклад о музыке, о труде, о патриотизме. Новиков призывал всех трудиться, а сам на другой день после доклада притворился больным, обманул Гликерию Павловну, убежал с уроков, а сегодня не учил географии. Как это называется? Разлад между словом и делом — вот что это такое! Значит, все, что Новиков говорил в докладе, были красивые фразы, и только! Так могли поступать лишние люди из литературы девятнадцатого века, а комсомольцы так не поступают. Если комсомолец проповедует одно, а делает другое... мы не можем ему доверять!

Это было словно гром среди ясного неба. В классе стало так тихо, что в раскрытую фортку свободно вошел шум весны, птичий щебет и с Волги долетел пароходный гудок.

— Что-то тут не так, — пробормотал Женя Горюнов.

— Разве он не отпросился у Гликерии Павловны, ребята?

— Новиков, объясни! Отвечай!

Володя молчал.

Жаловался Гликерии Павловне, что болит голова? Да. Но ведь голова не болела? Ушел на Волгу? Не приготовил к сегодняшнему дню урок географии? Да, да. Юрий прав. Что же в его словах так оскорбило Володю?

— Дай мне сказать, — попросил Горюнов.

Он вылез из-за парты; ноздри его коротенького носа широко раздувались, он был сердит.

— Первым долгом я скажу: если бы Брагин не задразнил Володю музыкантом, Володя не убежал бы с уроков, ребята!

— Вот так причина! Вот так предлог! — закипятился Юрий. — Уж не из-за меня ли он и географии сегодня не выучил? А что вторым долгом? Что? Говори!

— Ничего. Кончил, — мрачно ответил Горюнов, сел за парту и искоса поглядел на Володю.

Теперь к столу вышел Коля Зорин. Постоял, откашлялся и спокойно сказал:

— Доклад не имеет никакого отношения к делу.

— Как — не имеет? — словно ужаленный, воскликнул Юрий.

И вдруг в ответ поднялись крики:

— Не имеет! Доклад ни при чем.

— Новиков не для себя одного готовил доклад!

— Нечего оскорблять понапрасну!

— А другие не удирали с уроков?

— Нечего одного Новикова винить! Все виноваты!

— Все!

Дело приняло неожиданный оборот. Ребята стали на сторону Новикова. Почему? Как могло это случиться? Разве Юрий не доказал им, как дважды два — четыре, что Володя — прогульщик? Они спорят против фактов.

Юрий растерялся:

— Тогда... если так... предлагаю передать вопрос на комитет. Там разберут, кто прав: вы или я.

— Погодите! — вдруг вмешался Андрей Андреевич. Он поднял руку и медленно провел ладонями от висков к затылку. — Погодите, ребята.

Все сразу замолчали, а Юрий с облегчением подумал: «Ну и пусть решают, как хотят. В конце концов, какое мне дело?»

Он уже и сам был не рад, что затеял эту историю.

— Кто скажет, что Володя поступил хорошо? — спросил Андрей Андреевич. — Кто скажет, что Новиков невиновен в том, что убежал с уроков? Нехорошо. Не по-комсомольски. Володя, ты признаешь свою вину?

— Да, — ответил Володя, не поднимая головы.

— Вот-вот! Сам признает. А я о чем говорил?.. — обрадованно подхватил Юрий.

— Ты погоди, Юрий, — сдержанно прервал его Андрей Андреевич.

— Ребята, почему же вы, комсомольцы, защищаете товарища, если он виноват?

Молчание.

«Попались? Так вам и надо! — ликовал в душе Юрий, которого чуть было не сбил с толку общий отпор. — Что ни говори, Андрей Андреевич — замечательный классный руководитель! Раз, два — все рассудил».

— И ты, Юрий, не понимаешь, почему ребята взяли под защиту Володю? — неожиданно спросил Андрей Андреевич.

— Нет. Откуда я знаю? — смутился Юрий. — Они всегда горой за виновного...

— Едва ли, — возразил Андрей Андреевич. — А хочешь, Юрий, я тебе объясню? Дело в том, что ты всех обидел, связав вину Володи с его докладом о музыке. Не только Володю — всех. Понятно тебе? Критиковать надо за то, в чем человек виноват. А ты и хорошее и плохое свалил в одну кучу.

— Правильно! Правильно! Верно! — закричали ребята.

Солнце, запутавшееся в ветвях тополя за окном, вдруг побежало по классу золотыми лучами. Кирилл Озеров, жмурясь от света, с упреком сказал:

— Эх ты, Володька! Не ушел бы на Волгу, и разговору бы не было!

— А обманул Гликерию Павловну? Об этом забыли? — упрямо напомнил Юрий.

— И мы не забыли, и Володя все понял, — возразил Андрей Андреевич. — Итак, ребята, вопрос ясен. Мы не будем передавать его на комитет — разобрались сами.

— Андрей Андреевич! Вы нарушаете демократию! — запальчиво воскликнул Юрий.

— Нет. Я вношу предложение.

— Не передавать! — хором подхватили ребята.

Юрий вытер влажный от волнения лоб. Сегодня почва ускользала у него из-под ног: то он чувствовал себя твердым и правым, то колебался, то опять оживал, и вот вышел кругом виноватым.

«А все из-за Володьки. Но погоди радоваться, Новиков! Все равно — я был всегда впереди тебя, впереди и останусь».

— Переходим ко второму вопросу, — объявил Юрий. При создавшемся положении вещей только второй вопрос мог спасти его авторитет. — Скоро экзамены. О подготовке к экзаменам...

СКУЧНО ЖИТЬ ЕЛИЗАВЕТЕ ГАВРИЛОВНЕ

Елизавета Гавриловна кормила отца обедом. Он сидел за кухонным столом и со вкусом, не торопясь, ел гречневую кашу, а она, сложив на груди руки, молча стояла у плиты.

Старик одряхлел. Его седые волосы за последний год совсем поредели, борода торчит жидким клинышком.

И одежонка у отца обветшала, на пиджаке порван карман.

Отец кончил есть, вытер ладонью рот и усы и свернул цигарку:

— Ну спасибо. Покурю да пойду. Унести ноги, пока твой не вернулся с завода.

— Снова за старое? — гневно спросила Елизавета Гавриловна. — Зря вы, папаша, к Василию Петровичу придираетесь! — быстро, с досадой заговорила она. — Чем он обидел вас? Вы от него за всю жизнь слова дурного не слышали.

— Дурного не слышал, да и хорошего не запомнил.

Это верно. Василий Петрович ни разу прямо не сказал, что близкие отношения с тестем, старым, иной раз пьяненьким ночным сторожем из-за Волги, ему не по сердцу. Но он так тягостно умолкал, когда старику случалось к ним заглянуть, что отбил у Елизаветы Гавриловны охоту часто звать отца в гости. Старик тоже хорош! Любишь дочь — с немилым зятем мирись. Он — нет. Наглядится, пока в гостях посидит, и, как репей, прицепится к дочери с колючими, едкими насмешками.

— Твой Василий Петрович оттого на людей косится, словно на пятницу середа, что в голове у него реденько засеяно. Лицом-то он сокол, да умом тетерев.

— Зря вы, папаша, зря... — с тоской противится Елизавета Гавриловна.

А старик тряхнет жиденькой седой бороденкой и еще злее отрежет:

— Смирна ты, Лизавета! Смирен пень, да что в нем?

Встречи с отцом не раз стоили Елизавете Гавриловне тайных слез.

— Дайте починю карман, — хмуро сказала она.

Старик снял пиджак и, пока дочь частыми стежками зашивала прореху, свернул новую цигарку из газеты, туго набил махоркой и опять закурил.

Елизавета Гавриловна перекусила зубами нитку, встряхнула пиджак:

— Нате.

Он оделся и, кряхтя, стал натягивать сверх пиджака полушубок, который почти круглый год не снимал с плеч.

— Вас зовут, переезжайте к нам жить, — не глядя в глаза отцу, сказала Елизавета Гавриловна.

— Хе-хе-хе! — засмеялся старик. — Кто зовет? От зятька Василия Петровича приглашения не было. А твое слово, Лизавета, не в счет. Ты здесь не самостоятельная. В подчинении ты. Э-эх! — Он сердито застегнул на крючки полушубок, перебрал в руках шапку. — Ну, прощай покуда. Егору поклон.

Старик упрям, так и не привык внука звать Юрием. Заладил свое — Егор да Егор.

— До свиданья, папаша.

Пусть уходит! Трудно Елизавете Гавриловне со своим своевольным, за всю жизнь не нажившим ни добра, ни почета острословом-отцом.

Сегодня он, видно, взялся вконец доконать дочь упреками:

— Я тебе, Лизавета, образование дал. Зачем я тебя семь лет учил? За инженера замуж вышла? Экий почет! У других дочки рабочие да служащие... Будь у меня дочка сама по себе, может, и пришел бы к ней век доживать...

Вот он каков! Насмешливый, дерзкий старик! Придет, растревожит и снова исчезнет до тех пор, пока холод бобыльей, неухоженной хаты за Волгой не погонит погреться на кухне у Брагиных.

Елизавета Гавриловна долго не могла взяться за дело после встречи с отцом.

Образование дал?

«Не ты, папаша, образование мне давал. Школа учила, а ты и не заметил, как выучила. Милый, нескладный отец! Жалею я тебя, а поблагодарить не за что».

После смерти матери все пошло в доме прахом...

Давно ли это было? Давно ли семнадцатилетней девочкой Лиза пришла работать табельщицей на завод?

Была она в ту пору необыкновенно хороша собой — темноглазая, с прямым, выточенным носом, узкими бровями. Такая красавица не засидится в невестах. Года не прошло — Лиза стала женой инженера Брагина.

Как быстро летит жизнь!

Елизавета Гавриловна вздохнула.

Работа валилась у нее из рук. Скучно, скучно!..

Но вскоре на лестнице раздались голоса: Василий Петрович и Юрий вернулись домой вместе.

Елизавета Гавриловна привыкла последнее время видеть Юрия окруженным ватагой ребят. С ума они все посходили с этой машиной!

Сейчас Юрий привел одного Мишу Лаптева, суетливого мальчишку с черными бусинками бегущих к переносице глаз.

Василий Петрович любит за столом порядок — свежую скатерть, аккуратно расставленные приборы.

«Обед организует семью. Недаром раньше с таким уважением собирались к столу», — говорил Василий Петрович.

Юрий и Миша сели рядом, вплотную приставив стулья. Миша с торопливой жадностью глотал суп. Юрий что-то шептал ему на ухо.

— Что у вас произошло? — спросила Елизавета Гавриловна, заметив возбужденность мальчиков.

— Ничего, мама! — недовольно отмахнулся Юрий. — Тебе неинтересно. Свои дела.

У него вечно свои дела. Елизавета Гавриловна никак не поймет, когда случилось, что Юрий отстранил ее от своей мальчишеской жизни. Как это началось? Отчего? Положим, она не разбирается в технике, которой Юрий без памяти увлечен, но разве жизнь состоит из одной техники? Вот он дружит с Мишей Лаптевым. Почему? О чем они секретничают весь обед?

— Юрий! Что же все-таки у вас произошло? — снова спросила Елизавета Гавриловна, сама чувствуя ненатуральность своего тона.

— Опять ты, мама!..

— Давай я скажу, — шепчет Миша. — А? Давай!

— Ну, говори, — как будто нехотя согласился Юрий.

— У них было комсомольское собрание. Юрий раскритиковал одного, а теперь все ребята злятся, — скороговоркой выпалил Миша, видимо испытывая удовольствие оттого, что первым сообщает новость.

Василий Петрович, только что положивший на тарелку сочный кусок жареного мяса, опустил нож и вилку и озабоченно спросил:

— Юрий, с кем ты воюешь? Против кого ты выступал?

— Ты не знаешь, папа! У нас есть один... Новиков. Я его сегодня за прогул прорабатывал, — беспечно ответил Юрий.

— Давай я расскажу. Давай, а? — снова зашептал Миша.

— Говори, пожалуй, если хочешь, — разрешил Юрий.

Миша не был на собрании. В его пересказе роль Юрия получилась вполне благовидной. Юрий выступил благородно, а ребята и Андрей Андреевич стали на сторону Новикова. Юрий остался один. В общем, человек пострадал за правду...

Юрий слушал, опустив глаза, то кусая губы, то деланно улыбаясь. Впрочем, теперь ему казалось, что все именно так и происходило, как рассказывал Миша.

У Василия Петровича после рассказа Миши неожиданно испортилось настроение. И любимое жаркое с томатной подливкой сегодня ему не понравилось, а главное, отчего-то стал неприятен вертлявый, неизвестно чему радующийся мальчишка, гость Юрия.

— Дела! — проворчал Василий Петрович, без аппетита пережевывая мясо.

Юрий отодвинул тарелку и встал из-за стола:

— Спасибо. Миша, пойдем. Мама, мы весь вечер будем заниматься. Ты не мешай нам...

Он так и не поглядел в глаза матери, и у Елизаветы Гавриловны тревожно заныло сердце.

Вдруг ей подумалось, что Юрий неспроста привел Мишу. Ну конечно. Отчего бы ему самому не рассказать об этой истории в классе? Прячется он за своего Мишу...

В комнате Юрия щелкнул ключ, родители остались одни. Василий Петрович вытер губы бумажной салфеткой, смял и раздраженно бросил на стол:

— У них опасный возраст. Если не следить за каждым их шагом, не таких еще глупостей натворят!

— Какую глупость сделал Юрий? — спросила Елизавета Гавриловна.

Она собрала посуду, чтобы нести в кухню, и, ожидая ответа, остановилась среди комнаты с грудой тарелок в руках.

— Восстановил всех против себя! — сердясь на ее недогадливость, пожал плечами Василий Петрович. — Зачем

соваться не в свое дело? У них есть классный руководитель, пусть и воспитывает этого... как его... Новикова.

Елизавета Гавриловна поставила тарелки на край стола.

— Вот как ты смотришь! — сказала она и села, положив на колени руки.

— Ну, а ты как смотришь? — еще более сердито спросил Василий Петрович.

— Если в классе беспорядки, неужели молчать? — несмело произнесла Елизавета Гавриловна.

Она привыкла слушаться мужа, но иногда что-то восставало в ней против его трезвой, практической мудрости. Ее трогали и привлекали эти «глупости», которые он осуждал. Вот и сегодня: она уважала бы Юрия, если бы все было действительно так, как рассказал Миша...

— А я не понимаю, зачем молчать, если ты с чем-нибудь не согласен, — повторила Елизавета Гавриловна.

— Ну, вот что я тебе доложу. Когда дело касается собственного сына, фантазии не к месту. Пофантазируем как-нибудь после! — резко возразил Василий Петрович. — И не изображай ты из меня злодея, пожалуйста, сделай милость! — обиженно говорил он, вставая и прохаживаясь по комнате с недовольным лицом.

Елизавета Гавриловна уже знала: теперь он будет долго ворчать и доказывать ей свою точку зрения, которая всегда сводилась к тому, что не надо вмешиваться в чужие дела. Кто-то нахулиганил в классе. Кто-то бездельничает. Но ведь не ты? Отвечай за себя — и довольно. И хватит.

Елизавета Гавриловна взяла со стола груду тарелок и молча ушла.

Оставшись один, Василий Петрович походил некоторое время по комнате, хмурясь и пожимая плечами, потом собрал забытые женою ложки и вилки и тоже понес в кухню.

— Ты пойми, Лиза, — старался он ее убедить: — Юрий должен отлично учиться. А в школьных беспорядках и без него разберутся, и, поверь мне, куда лучше, чем он. Пусть-ка свои обязанности хорошо выполняет. Вот как мы должны его направлять. Ты не согласна? А, Лиза? Ты согласна со мной?

«Смирен пень, да что в нем?» — вспомнились Елизавете Гавриловне слова отца. Весь-то день ей грустно сегодня!

Василий Петрович продолжал рассуждать. Елизавета Гавриловна налила в тазик горячей воды и принялась мыть посуду.

ВО ВСЕМ ЛИ ТЫ ПРАВ, ВОЛОДЯ?

Володя возвращался из школы один. Никто не успел оглянуться, как он исчез из класса. Первые несколько минут Володя бежал стремглав, боясь, чтобы кто-нибудь не вздумал его догонять. Он не желал ни с кем разговаривать. Ни с кем. Даже с Женькой, и с Колей, и с Кириллом Озеровым, которые так здорово его защищали. Значит, у Володи скверный характер, если, после того как доказано и черным по белому записано в протокол: «Разлада между словом и делом в поведении комсомольца Новикова нет, а есть нарушение дисциплины, которое ему поставить на вид», все равно его душит обида. Уж как ребята заступались, а Володе все больше и больше жалко себя! Он и из класса убежал потому, что боялся зареветь, как девчонка, если кто-нибудь примется его утешать.

Единственное, что могло Володю сейчас успокоить, — хорошая драка с Юрием. Попадись он под горячую руку Володе!

Невдалеке от дома его догнал-таки Женька.

— Володя, сходим на Волгу! — кричал на всю улицу Женька. — Говорят, лед сошел. Поглядим.

— Не пойду! — буркнул Володя.

Женька утих.

— Володя, хочешь, дам книгу о флотоводце Головнине? Не оторвешься, до того интересно! — предложил он участливо.

— Не надо мне твоего Головнина!

— Тогда... А ты каждый день к Марфиным на музыку ходишь? — спросил Женька, не зная, как рассеять Володю.

— Не каждый.

— Володя, хочешь, поговорим?

— Нет. Некогда. До свиданья.

Так и не утешив Володю, Женя один побрел к Волге взглянуть, не побежала ли в первый рейс на тот берег «Пчелка». Володя пошел домой.

Все оставалось по-прежнему. Завтра, как всегда, урок музыки. Ольга занимается теперь новым методом. Ей, должно быть, самой надоели гаммы и скучнейшие упражнения Бейера.

— Так и Моцарта не мудрено погубить! — сказала Ольга и ввела в репертуар «Маленькие пьесы» Гнесиной. Это была уже настоящая музыка.

Ольга больше не объясняет каждый звук и мелодию. Теперь она требует: воспринимай непосредственно.

И Володя рад. Неясные, счастливые мысли бродят в его голове, когда, стоя у стеклянной двери, он после урока слушает Ольгу. Там, в саду, снег растаял. Сбоку, у двери, широко раскинулся куст шиповника. Черные, вязкие от грязи дорожки. Черный сад, готовый скоро зацвести. Все оставалось по-прежнему. И все стало другим.

Нет, оказывается, Володя нелегко забывает обиды!

Он лег на диван, отвернулся к стене. Глаза бы на белый свет не глядели!

Бабушка читала, сидя возле окна.

— Обломов Илья Ильич так-то полеживал. Бока ноют, а он знай лежит! — сказала она наконец, посмотрев поверх круглых очков на Володю.

Бабушка только после революции выучилась читать и теперь, выйдя на пенсию, с охотой, много читала. Она и посмеется над книгой и поплачет, а то вступит в спор.

— Скажи ты мне, мил человек, за что Илья Ильич девушке полюбился? За голубиную душу? А какая в его голубиной душе красота? Темный был человек и жизнь прожил зря. Ни пользы, ни радости. Пустота одна. Много зряшных людей по свету ходило.

В характере бабушки была неунывающая, легкая бодрость. Она никогда не ворчала, не жаловалась и постоянно чем-то была занята. Устанет — вздремнет, опершись щекой на ладонь, а через минуту уже встрепенулась:

— Грех какой! Проспала!

Но сегодня бабушкина веселость сердила Володю. Он не стал слушать ее разговоры и молча лежал на диване, уткнувшись в валик лицом. Как ни защищали Володю ребята, а он все помнил обидные слова Юрия.

«Красивый доклад о музыке, а сам...» Что это значит? Что? Это значит — врал? Ладно, ругай за то, в чем виноват, а насмехаться зачем? Теперь чтоб я когда-нибудь сделал доклад! Чтоб я словечко сказал! Буду молчать. По-

просят: выручи, Новиков, общественное поручение — сделай доклад. Ни за что! Оскорбили? Теперь ни за что!»

— Разгрустился? — спросила бабушка. — Погрусти. А то лучше делом займись, мил человек! Дело из души всю пыль выгонит вон. Все равно как угар сквозняком.

Пришел с завода отец, и Володя поднялся. Как ни был он разочарован в жизни, однако не решался лежать при отце.

«Что за барство такое?» — пожалуй, еще крикнет отец.

Володя нехотя сел за уроки.

Отец пообедал, повозился с радио, развернул газету.

Володя ждал, когда отец заинтересуется, спросит, с какого горя он повалился на диван, придя из школы. Уж, наверное, бабушка рассказала. Отец не интересовался.

«Никому я не нужен», — подумал Володя.

— Папа! — наконец начал он сам. — У нас есть один... Брагин.

Павел Афанасьевич опустил газету на колени и внимательно посмотрел на Володю:

— Уж не нашего ли Василия Петровича сын! Ну? Говори.

— Папа, знаешь... наш Брагин, который со мной учится в классе... он сегодня...

— А ты рассказывай толком. Не мнись. Излагай по порядку.

В тоне отца Володя угадал особый интерес и участие, и, как всегда это бывает, стало еще нестерпимее жалко себя. Что-то давило на грудь, Володя не мог начать говорить.

— Брючишки поистрепались у тебя. К маю надо бы новые справить, — озабоченно заметил отец.

Володя поглядел на свои действительно старенькие брюки и почему-то собрался после этого с силами:

— Папа, я к докладу готовился... Всем ребятам понравилось, и Юрий хвалил. А потом стал насмешничать. На комсомольской группе говорит... Комсомолец Новиков, говорит... Одним словом, опозорил меня, будто в докладе красивые фразы, а на деле...

Павел Афанасьевич закурил папиросу и, нахмурившись, внимательно глядя на догорающую в пальцах спичку, спросил:

— Вот чего не пойму я, Владимир: как этот вопрос на собрании встал? Комсомольское собрание о чем у вас было?

Володе казалось — он рассказал отцу главное. Главным было то, что Юрий его обидел. Остальное не имело значения... Пропустил уроки? Нагонит! К следующему разу все выучит.

Володя невольно смешался:

— Я... папа... Знаешь, как было?

В конце концов, в том, что он ушел тогда с географии, виноват тоже Юрий. Если бы он не дразнил Володю композитором, разве Володя ушел бы с урока? Ему и в мысли не приходило бежать на ледоход.

Володя спутался и замолчал. Впрочем, скорее всего он умолк потому, что увидел, как изменилось лицо отца, на котором резко обозначились морщины и скулы, словно оно, похудев, обострилось. Отец тыкал в пепельницу папиросу — Володя знал эти предвестники гнева.

— Павел Афанасьевич, а ты не шуми, — сказала бабушка, тоже испугавшись знакомых примет.

— Шуму не будет, мамаша, — ответил отец. — Будет разговор принципиальный. Показывай табель, Владимир.

Этого Володя не ждал. Табель затерялся где-то в сумке между книгами, Володя никак не мог его разыскать — рылся в книгах, в тетрадях, а отец молча прохаживался по комнате, и Володя чувствовал — надвигается новая гроза.

— Вот он, табель! При чем он тут? Доклад докладом, табель табелем.

— Дай погляжу.

Отец перелистал странички. Не очень отрадная ему открылась картина. Если верить отметкам, по части школьных занятий сын хромал на обе ноги. Так оно и было. Музыкальное увлечение стоило Володе на фронте учебы потерь.

— Та-ак. Ну, объясняй. Брагина покуда оставим. О себе говори.

Володя молчал.

Отец подошел к столу и положил ладонь на чертеж:

— Кабы я из-за своих изобретений запустил основную работу и сорвал план по цеху, знаешь, как со мной поговорили бы на партийном собрании? «В гении, товарищ, рано зачислил себя!» — вот как, к примеру,

Володя спутался и замолчал.

отписали бы мне на партийном собрании. У нас льгот никому не положено. Принял наряд — выполняй.

Отец закинул за спину руки и прошелся по комнате.

— Твой Брагин, я вижу, умен, — сказал он, останавливаясь и с почти веселым любопытством поглядев на Володю. — А в дураках мы с тобой оказались. Твой Брагин умен! Небось в классе среди первых идет?

— Да-а.

— Небось и общественную работу выполняет?

— Комсорг.

— То-то. А у тебя какой козырь в запасе? Чайковский? Неплохо. Да приплюсовать Чайковского не к чему.

Отец взял со стола табель, потряс им и снова бросил на стол:

— Самолюбия нет в человеке — толку не жди.

— У меня нет самолюбия? — вспыхнул Володя.

— У тебя. Где оно, твое самолюбие? В нашей семье о человеке привыкли судить по работе. Вон бабушкин портрет по сию пору на городской Доске почета... Погляжу, как вы, мамаша, в воскресенье на фабрику подниметесь весело. Товарищ знатная ткачиха, на всю область прославленная, внучонок у вас, слыхать, назад раком пятится? Не сидеть вам, мамаша, больше в президиуме! И позовут — не пойдете. А почему? Стыдно! Сын за отца не в ответе, а от сыночка иной раз на родителей тень.

— Павел Афанасьевич, спотыкается и конь, да поправляется. С кем греха да беды не бывает? — миролюбиво заметила бабушка.

— Середнячок! Ни рыба ни мясо! — пренебрежительно бросил отец. — Да и прогульщик к тому же.

Володя привык к вспышкам отцовского гнева, когда от стука кулаком по столу дребезжит в буфете посуда, и то, что сегодня отец говорил, почти не сердясь, а только крайне удивляясь чему-то, больше всего его поразило.

— Вот и окончен наш разговор, — промолвил отец. — Запомни: покуда тянешься середняком, от меня да от бабушки по заслугам и уважение прими. К нам честь тоже не по наследству пришла: что заслужили, с тем и живем. А музыку пока придется оставить.

— Что оставить? Музыку? Ни за что! Все другое оставлю, а это — ни за что!

Отец нахмурился:

— Э, парень! Я гляжу, не то направление ты взял. Пока в школе плетешься середнячком, о музыке позабыть! Понял?

— Нет! — не помня себя, крикнул Володя. — Не запретите! Буду! Что захочу, то и буду делать! Вырос. Не маленький!

— Владимир! — всплеснула руками бабушка, проворно став между ним и отцом. — Володюшка! На кого кричишь? Вырос с каланчу, а ума не нажил.

— Нажил! Хватит с меня!

Вот они к чему подбираются! Нет, не бывать этому! Знайте, он от своего не отступит.

— И не дожидайтесь, что музыку брошу! — кричал Володя бабушке: с бабушкой, как-никак, легче воевать, чем с отцом.

Но отец легонько ее отстранил, и Володя снова очутился лицом к лицу с ним.

— Высказался? — спросил отец холодно. — Весь свой характер наружу показал! Та-ак! — протянул он с насмешкой. — Так. Теперь ступай к Ольге Марфиной, да ей и расскажи, как под горку катишься. Твоя учительница, по всему видать, смышленая девушка, рассудит... А то давай я сам с ней посоветуюсь? — спросил с насмешкой отец.

— Что-о?!

Володя остыл, словно его окатили студеной водой.

Отец закурил новую папиросу и как ни в чем не бывало развернул газету. Бабушка села к окну, надела очки и взялась за «Обломова».

В доме наступило молчание.

УТРО. СЧАСТЬЕ

Ольга проснулась оттого, что из сада в раскрытую форточку врывался громкий, ликующий щебет. Воробьи так усердствовали, что в ушах стоял звон. Но Ольга различила и новые голоса в птичьем хоре.

«Фьюи! Фьюи! Чюль-ли-ли!» — выводил скворец.

Что он только не выделывал своим тонким горлышком! Свистел, заливался трелями, щелкал.

На старой березе в растрепанном гнезде поселились грачи. Свист, гомон в саду!

Ольга быстро оделась. В столовой спит Шурик, и кот Мурлыш спит, свернувшись клубком у него в ногах; дверь в комнату родителей закрыта.

Все спят, только Ольгу чуть свет разбудили утро и птицы.

Она на цыпочках прокралась в кухню, зажгла керосинку, поставила чайник и вышла на крыльцо.

Солнце пригрело ступеньки. Мурлыш, скользнувший в дверь за Ольгой, уселся на крыльце, жмуря в сладкой истоме глаза.

«Кво-кво-кво-о!» — выговаривали в сарайчике куры. Ольга выпустила кур во двор. Они принялись копаться в земле, а петух выпятил пеструю грудь и закричал во все горло.

Вдруг бабочка, трепеща зеленоватыми, как лимонные ломтики, крылышками, закружилась над головой Ольги.

— Мурлыш! Смотри-ка, смотри! Первая бабочка! Вот радость! — сказала Ольга и пошла в сад.

И кот пошел вместе с ней.

Сад был за домом, на западной стороне. Там земля была влажной. Пахло сыростью и прошлогодними прелыми листьями. И каждое дерево чирикало, пело голосами невидимых птиц. Вдоль просохшей дорожки навстречу Ольге шла, покачивая узеньким хвостиком, голубая синица. Кот замер и прыгнул. Синица взлетела на ветку и закивала оттуда головкой, дразня и смеясь.

Потом Ольга увидела на открытой полянке ярко-зеленые, острые побеги травы. Вчера травы не было. И почки на сирени вчера были еле заметны, а сейчас набухли, того и гляди лопнут. И скворцов вчера не было слышно. Сколько чудес случилось за одну ночь!

А у забора на тоненькой ножке стоял крохотный подснежник, и к нему прилетела и порхала над ним лимонная бабочка. Ольга нагнулась и потрогала пальцем подснежник. Он стоял один-одинешенек. Ольга не стала его срывать, только посидела возле на корточках.

Вот так утро сегодня выпало Ольге! Необыкновенное утро!

Между тем в доме проснулись. Татьяна уже пела свою утреннюю песенку, пуская ртом пузыри: «гу-у-гу!»

Шурик, сидя за столом, тянул из кружки горячее молоко и умильным голоском упрашивал мать:

— Мамочка! Давай с тобой покопаем грядки сегодня.

— Придешь из школы — покопаем, — согласилась мать, делая вид, что не понимает, отчего на него напало такое усердие.

— Мам, а мам! Давай пропустим один денек школу? Из-за грядок. Мамочка, а?

— Нет, иди в школу, иди!

— Тебя выпроваживали бы каждое утро!

— Шурик, а Ольга?

Так уж у них повелось! Ольга не успеет моргнуть, глядишь — ее в образец брату поставили. Хочешь не хочешь — будь образцом.

— Идем! — позвала она Шурика.

— Ну, идем. Мамочка, открой в сад стеклянную дверь. Я из школы садом вернусь. До свиданья, мама!

Он вприпрыжку побежал со двора, а Ольга молча поцеловала мать и тихонько пошла в школу, улыбаясь и думая, что вечером, когда Володя придет заниматься, надо показать ему подснежник и траву на проталине, рассказать о синице, которая, качаясь на ветке, дразнила кота, и спросить, был ли он после ледохода на Волге и как вообще он живет...

Михаил Осипович ушел из дому последним. Анастасия Вадимовна одна осталась с Татьяной. Никто не знает, как они проводят время вдвоем.

Анастасия Вадимовна принялась за уборку. Она работала и говорила с Татьяной.

Татьяна спокойно лежала в коляске, перебирая розовыми пальчиками целлулоидовые кольца, подвешенные над коляской, и слушала щебет и свист скворцов за окном и голос матери. Если бы Татьяна понимала, о чем говорит мать, она узнала бы, что вчера Анастасия Вадимовна получила из Москвы от бывшей школьной подруги письмо и до поздней ночи писала ответ, а утром разорвала и бросила в печь все исписанные за ночь листочки.

Вместе кончили школу. Подруга уехала в Москву, стала ученой. Будничной показалась Анастасии Вадимовне своя жизнь после вчерашнего письма. Куда потрачены молодость, силы?..

«Есть большие пути. Есть неприметные тропки. Почему мне на долю выпало идти такой тропкой?» — писала Анастасия Вадимовна школьной подруге.

Но проснулась Татьяна. Мать взяла дочку на руки, прижала к груди и, целуя ее теплое, сонное тельце, подумала: «Моя доля! Счастье мое бесценное!»

Да, судьба у нее сложилась скромно: дом, дети, семья. А хотелось учиться, действовать, думать. Если бы Анастасия Вадимовна была инженером или врачом, она перечитала бы, наверное, все книги, которые могли ей помочь в совершенстве овладеть профессией. Она была только матерью. Конечно, она не могла положиться лишь на свой опыт. Она стала читать. Михаилу Осиповичу пришлось сделать специальную книжную полку. Это была мамина полка. Сначала на ней стояли книги Аксакова, Гарина, Толстого. Долли Облонская — вот кто пленил Анастасию Вадимовну!

Милая Долли, которую природа наградила одним, вечным талантом материнской любви! Анастасия Вадимовна влюбилась в Долли Облонскую.

...В одну из страшных военных ночей на город внезапно налетели фашистские самолеты. Стояла поздняя осень. Ледяной ветер дул с Волги. Анастасия Вадимовна не повела детей в узкую щель на дворе. Она уложила их спать дома и села у изголовья кровати. Над заводским районом рвались бомбы. Прожекторы шарили небо. Гудела земля. Над крышей взвыл фашистский самолет, и смерть пронеслась, едва не задев дом крылом. Дети спали. Анастасия Вадимовна просидела над ними всю ночь.

Утром она мельком увидела в зеркале свое серое, с черными впадинами глаз, словно подернутое пылью лицо и отшатнулась — так состарило и изменило его ожидание смерти!

Ольге в то время было шесть лет. Шурику — год. Анастасия Вадимовна умыла детей и посадила за стол. Она отрезала им по кусочку хлеба и поставила перед каждым чашку чаю.

— Мама, ты заболела? — спросила Ольга, поднося ко рту хлеб и не решаясь откусить.

— Ешь, ешь. Я здорова.

— Нет, ты заболела.

Анастасия Вадимовна заплакала.

...Много времени спустя Анастасия Вадимовна снова вспомнила о Долли Облонской. Этот милый человеческий образ и теперь, как в пору юности, вызывал в ней душев-

ное волнение. Но бедная Долли! Ты жила в маленьком мире. Куда ведет твоя любовь?

На книжной полке появился Макаренко. Писатель добрым другом вошел в жизнь Анастасии Вадимовны.

Она была из тех людей, которые не могут жить без идеала. Полурешения были не в ее характере. Она не умела соглашаться наполовину. Нет, ее жизнь полна глубокого смысла! Когда-нибудь Анастасия Вадимовна напишет о ней своей школьной подруге в Москву.

И в то же время это была простая и трудная, будничная и прозаическая жизнь, когда каждый день нужно в определенные часы укладывать детей спать, следить за их здоровьем, уроками, увлечениями, дружбами, движением характеров, за прорезыванием первых зубов у Татьяны и дырами на чулках и штанах Шурика, готовить обед и стирать пеленки.

Михаил Осипович вел в Технологическом институте курс организации производства. Анастасия Вадимовна требовала от мужа и детей участия в организации быта.

Странная вещь! На Шурика плохо действовали уговоры: «Надо помочь маме. Маме тяжело. Ты обязан!», и так далее. Но в беспечной и ленивой натуре сына Анастасия Вадимовна угадала счастливую склонность: ему нравилось выполнять общественные поручения. Возвратившись из школы, он то и дело сообщал матери: «У меня общественная работа — открывать форточку в классе». Или: «Мне поручили общественную работу — проверять, моют ли ребята уши».

— Слушай-ка, Шурик, — сказала Анастасия Вадимовна. — Как нам быть с гуляньем Татьяны? Я не всегда успеваю. В школе ты берешься за общественные поручения, а дома?

Шурик подумал и внес предложение:

— После уроков все равно гуляю, буду кстати и Татьяну захватывать.

Он составил расписание своих общественных обязанностей по школе и дому и вывесил его на стене.

Из каких маленьких, иногда еле приметных событий и отношений складывалась жизнь семьи, которую Анастасия Вадимовна создавала с решимостью человека, одаренного мечтательным и вместе с тем трезвым умом!

— Ну вот, Татьяна, дали Шурику слово — исполнили!

Анастасия Вадимовна вынесла из комнаты мусор и

тряпки, которыми протирала стекло, и распахнула дверь в сад.

В комнату хлынул запах просыхающей, разогретой солнцем земли и хвои.

Ветер шевелил длинные ветви плакучей березы, в черном гнезде галдели грачи. На солнцепеке сильнее зазеленела поляна, хоровод бабочек кружил и вился над ней, и все громче, все искуснее высвистывал трели скворец, и над садом, словно опрыснув его желтоватой пыльцой, уже курчавились лопнувшие почки.

Анастасия Вадимовна, стоя на пороге, жадно всматривалась и вслушивалась в приметы весны, вспоминая счастливое лицо Ольги, когда она утром вернулась из сада.

«Вот и опять весна, девочка!» — с нежностью подумала Анастасия Вадимовна.

Она закутала Татьяну, вывезла коляску в сад и наклонилась над дочкой.

Татьяна тихо лежала, раскрыв голубые глаза. Благодатное небо густо синело и сияло над ней. Татьяна перевела дыхание, сладко чмокнула губами и вдруг уснула.

ВОЛГОЙ ИДУТ КОРАБЛИ

Снизу шел «Академик Бах». Володя следил за ним, сидя на штабелях досок, сложенных на берегу.

«Академик Бах» обогнул отмель против Стрелки и снисходительным басом ответил на приветственный гудок встречного катерка. Катерок, тесно набитый людьми, убежал вниз, в пригороды, а теплоход «Академик Бах» величаво прошел вверх, к дебаркадеру, взбивая за кормой гряду крутых, пенистых волн. Волга чуть покачалась и два — три раза мерно плеснулась о берег.

Володя поджидал Женю. Он немного продрог в легком пиджачке, а Женьки все нет. И пора бы домой, и не хочется уходить.

Володя сидел на берегу и думал. Разговор с отцом здорово задел его.

Володя надеялся — отец погрозит, побранится, а завтра все вернется к старому. Однако старое не вернулось.

А сегодня на уроке географии Гликерия Павловна вызвала его отвечать, улыбалась, кивала и заявила на весь класс:

— Ребята, смотрите-ка, подтянулся наш Новиков!

Женя Горюнов заспорил:

— Несправедливо! Новиков не хуже других знал. Не доверяете Новикову!

Гликерия Павловна стукнула карандашом по столу:

— Ох, умо́рите, спорщики! Доверие за так не дается, пусть-ка заслужит.

Вот до чего дошло дело! Позор!

Даже занятия с Ольгой не доставляли Володе прежней радости. Ему и встречаться с ней теперь не хотелось.

Володя слез с досок и подошел ближе к воде.

Волга сегодня спокойная, лениво плеснет волной на песок и снова чуть слышно, монотонно бормочет.

«Академик Бах» хрипло прогудел три раза и отвалил от дебаркадера.

— Э-эй! — услышал Володя.

Женька стоял наверху, на набережной, и орал оттуда, перегнувшись через решетку:

— Э! Кто пошел? «Лермонтов»?

— «Академик»! — закричал Володя в ответ.

— «Александр Сергеевич»? — не расслышав, надрывался Женька.

Он оглянулся — милиционера поблизости не было.

Перемахнув через решетку, Женька ползком стал спускаться с выложенной булыжником кручи.

Теплоход заходил уже под сквозные арки моста, легко летящего с берега на берег, в последний раз блеснул на солнце белыми бортами и исчез.

— В разведывательный рейс пошел, — сказал Женька. — А ну-ка, угадай, что в руке? — протянул он зажатый кулак.

— Ключ от лодки!

— Едем! Живей! Сходим только за веслами.

Он побежал за мыс набережной. И Володя — за ним.

Там, на высоком деревянном фундаменте, стоял дом бакенщиков; по углам его вытянулись четыре тонкие осинки, увешанные длинными серовато-дымчатыми сережками, кажется — на каждой осинке надета серебряная шапка.

— Сейчас! Погоди! — крикнул Женька, исчезая за домом.

Через пять минут он притащил откуда-то весла.

Они кинули жребий. Грести в первую очередь выпало Володе.

— Ну ладно, садись на весла, раз ты такой везучий, — скрывая огорчение, согласился Женя и, оттолкнув лодку, с разбегу в нее вскочил: — Чего глядишь? Весло на укол! Отпихивайся!

Они вышли на стрежень. Незаметные с берега, здесь ходили невысокие, плавные волны. То были даже не волны — поднимется, словно от мощного вздоха, во всю ширь, едва глаз охватит, вода, опустится, снова поднимется. Сила и глубь в ритмичном дыхании Волги.

Володя выгреб за отмель. Город остался позади — весь на виду. Он клином врезался в Волгу, высокий, как крепость. Далеко, на краю города, где над рекой повис прозрачный, словно кружево, мост, вьется и тает в небе голубая стрела. Там отцовский завод.

— Женя, — сказал Володя, — знаешь, зачем я тебе назначил прийти?

— Что? Разве ты назначал?.. Лево руля! Черт! На бакен едва не напоролись! Куда ты мне назначил прийти?

— Да на Волгу. Забыл?

— Ну? А что?

— Знаешь, Женя, я решил... У тебя есть самолюбие, Женька?

— А ты как думаешь? Без самолюбия — последнее дело... Давай садись теперь ты на руль.

Они поменялись местами. Женя поплевал на ладони и, крякнув, налег на весла.

— Решил им доказать. Подумаешь, подвиг — уроки учить! — говорил Володя. — Потруднее дела бывали, справлялся. Возьму и стану сплошь отлично учиться. Стоит только захотеть, подумаешь!

— Что это тебе взбрело в голову?

— Вот и взбрело. Докажу волю! Из самолюбия, ясно? С завтрашнего дня начинаю, будь свидетелем.

— Так уж и с завтрашнего!.. Эй, Володька! Погляди-ка назад!

Володя оглянулся.

Над городом висел огненный шар заходящего солнца, во все стороны от него летели стрелами золотые лучи. Весь край неба на западе горел и плавился золотом, золотая кайма опоясала лиловую тучу. По Волге ходили лиловые и густо-красные отражения заката.

В это время они увидали — по фарватеру несутся снизу два невиданных корабля. Они шли один за другим навстречу солнечным стрелам.

— Отходи! — во все горло закричал Женя, шлепая веслами по воде.

Володя круто повернул руль, и, едва они успели на несколько метров свернуть с фарватера к берегу, мимо них, разрезая носами воду, пронеслись два корабля. Они походили друг на друга, как близнецы. У них были высокие светло-серые стальные борта, иллюминаторы, широкие трубы, перехваченные посередине черными полосами, мачты и шлюпки, подвешенные на лебедках.

Морские теплоходы. Как они попали сюда? Куда идут?

Мальчики едва обменялись изумленными возгласами — на лодку, грозя ее захлестнуть, надвигалась огромная, с белым гребнем волна.

— Становись кормой! — закричал Женя, держа весла на весу, вместо того чтобы грести.

Волна ударилась о борт лодки, лодка накренилась и зачерпнула воды.

— Греби! — коротко распорядился Володя.

Они встали кормой к волне, лодку подняло кверху, она соскользнула вниз, как с горы.

Несколько минут Волга волновалась, горбилась и катила к берегу широкие, пенистые валы.

— Скорее назад, — сказал Володя. — Садись-ка, Женька, на руль.

Мальчики снова поменялись местами.

Но что это было? Как стремительно пронеслись два морских теплохода навстречу городу в золотом огне заката!

— Ты успел прочитать? — спросил Женя. — «Тимур Фрунзе» и «Виктор Талалихин». Одинаковые. Словно братья... Ушли.

Женька сидел на руле, лицом к городу, и первый заметил там, на реке, оживление.

«Тимур Фрунзе» и «Виктор Талалихин» стали на якорь против города; вокруг сновали лодки — целая флотилия их в один миг окружила теплоходы, от берегов подплывали новые. Когда Володя, обливаясь по́том, подвел наконец и свою и врезался в середину речного гулянья, с «Тимура» спустили шлюпку. В нее по лестнице один за другим сбежали гребцы. Последним сошел высокий, стройный юноша в бескозырке.

Взметнулись вверх три пары весел, шлюпка полетела к берегу. Юноша стоял на носу, словно врос.

Мальчики переглянулись и без слов поняли друг друга. Володя повернул свою лодку вдогонку за шлюпкой. Она пристала у спуска. Юноша сошел на берег.

— Володька, догоняй! — взмолился Женя. — Не упускай его из виду. А я отведу лодку на место. Надо еще и весла проклятые сдать. Последи, Володя, за ним!

Володя выпрыгнул на песок и побежал вверх на набережную.

У спуска, над обрывом, висела круглая беседка. Из беседки в обе стороны далеко были видны Волга, поголубевший на фоне вечернего неба мост, левый низкий берег, синий лес на горизонте.

Моряк стоял в беседке и смотрел на Волгу. Вдруг он оглянулся и увидел Володю.

— Слушай-ка, парень, — сказал он, — мне дали один увольнительный час. Пробегись со мной по городу. Покажи, что у вас есть.

— Идемте! — воскликнул пораженный Володя.

Они почти побежали. Солнце зашло. От черных лип, широко раскинувших тяжелые сучья, на набережную лег сумрак.

— Вот наш художественный музей, — торопливо объяснял Володя, показывая через дорогу на двухэтажный приземистый дом с узкими, сводчатыми окнами. — Вы знаете, у нас в музее Куинджи, Верещагин, Айвазовский, Крамской. У нас — как в Москве. А раньше это были палаты митрополита. Старина! Стены толщиной больше двух метров... Вам интересно?

— Интересно, — ответил моряк. — Ты, я вижу, культурный парень. Веди дальше.

— Идемте.

Володя поглядывал на моряка, не решаясь спросить, кто он и откуда, куда плывут его необыкновенные корабли. У моряка обветренное, темное от загара лицо, тонкий с горбинкой нос и почти сросшиеся над переносицей черные брови. Он удивительно нравился Володе.

— А вот наша Стрелка. Здесь поворот. Здесь, поглядите, в Волгу впадает приток Которосль. Знаете что? Подождите немного. Женька! Женя-а! — закричал Володя, нагнувшись вниз, где под кручей, среди осинок, стоял дом бакенщиков.

— Э-ге! — отозвались снизу.

— Сю-у-да! Женька! Скорей!

Надо было выгадать время, пока Женька вскарабкается в гору.

— Поглядите, к Стрелке подходит пустырь. Здесь летом разводят цветник, а раньше стоял лицей. Старинная школа, вроде вуза. Сожгли белогвардейцы поганые, когда в восемнадцатом году подняли восстание. Мой дедушка воевал с белогвардейцами. А еще слыхали, у нас в городе учился Некрасов?.. А вот Горюнов!

Женька перекинул ногу через решетку и, сидя верхом, молча рассматривал моряка.

Моряк приложил руку к бескозырке:

— Вадим Громов. Рулевой с теплохода «Тимур Фрунзе».

Они все поглядели туда, где остановились теплоходы. Волга потемнела. На похолодевшем, ясном небе четко вырисовывались силуэты кораблей с зелеными огнями на мачтах.

— Только что в Горьком спустили с верфи, — говорил Вадим Громов. — Теплоходы полуморского типа. Первый выпуск. Идем в Енисей.

— В Е-ни-сей? — охнули разом Володя и Женя.

— Да. Через Беломорканал, Архангельск, Белое море. Океаном пойдем. Я сам с Енисея... Ну, показывайте, ребята, где у вас здесь учился Некрасов.

Они зашагали втроем — посередине рулевой Вадим Громов, по бокам Володя и Женя.

— У нас на Енисее в низовьях с палубы земли не увидишь, — рассказывал Громов. — Океанские пароходы заходят. Тайга. А то с обоих берегов стиснут скалы — словно темным коридором идешь. А ваш город мне, ребята, понравился!

Город верно хорош! Есть на что поглядеть!

— Вы... как же вы стали рулевым? — спросил Женя.

— Так и стал. Морской техникум кончил. Я, ребята, на практике. У нас практика — о! Не в обиду вашей Волге, на Енисее у нас потрудней. У нас в одних протоках заблудишься. Наш Енисей шибче рысака несется. Чуть прозеваешь — на подводный камень напорешься.

— Я думаю, — сказал Женя, — я думаю, рулевой — самый главный на судне человек.

— Ясное дело, из главных, — горделиво согласился Вадим. — Озолотите меня — я свою работу ни на что не сменяю. С Енисея наших ребят никуда не переманите, нет! У нас на Енисее Владимир Ильич жил, когда его при царизме сослали. Слышали? А знаменитый художник Василий Иванович Суриков откуда родом, как бы вы думали? Из Красноярска! Коренной енисеец... А вы за Волгу болеете, ребята?

— За Волгу! — хором ответили мальчики, очарованные речистым, веселым рулевым с теплохода «Тимур Фрунзе». — У нас на Волге Сталинград. И Ульяновск.

— Это конечно. Это вы правильно говорите, ребята!

— А вот наш театр, — показал Володя. — Первый русский театр. Волковский.

Они полюбовались полукруглым желтым зданием с белыми колоннами.

Они многое могли показать енисейцу: планетарий и просторную Советскую площадь, старые крепостные ворота и заводы, стадион «Динамо» и голубые троллейбусы, свою школу и улицу Собинова. Да, у них родился и Собинов!

— Культура! — сказал Вадим. — Я за культуру, ребята! — Он взглянул на часы. — В запасе десять минут. Полным ходом вперед.

Они направились полным ходом через бульвар прямо к Волге.

Шлюпка уже ждала на том же месте, у спуска.

Вадим приложил к бескозырке два пальца:

— Ребята, до встречи!

Должно быть, он понял, что его новым друзьям жалко с ним расставаться, и минуту помедлил на берегу.

— Кончите школу, валяйте, если позволит здоровье, в морской или речной техникум. Ну, пишите! — Он прокричал уже со шлюпки, куда надо писать. — Спасибо за компанию! Больше жизни, ребята!

Гребцы подняли весла, бесшумно опустили в воду. Вода не плеснулась. Взбираясь по веревочной лестнице на борт теплохода, Вадим оглянулся и помахал бескозыркой.

Над Волгой густел вечер. Зеленые огни мачт висели в воздухе, словно звезды.

Мальчики долго стояли на берегу.

— Все ясно, — наконец сказал Женя. — В восьмой класс не пойду. Прямо в техникум.

Володя не ответил. Странное чувство охватило его душу. Стремительный вечер — пылающее золотом небо, внезапный приход кораблей, бурно взметнувшаяся и постепенно утихшая Волга, — все слилось сейчас в одно торжественное впечатление.

Они молча дошли до площади, где стоял памятник Ленину. Здесь, на углу Гражданской улицы, Володин дом с круглой аркой.

«Сказать отцу, что случилось?» — спрашивал себя Володя, поднимаясь по лестнице.

Что случилось? Он сам не знал.

Вбежал в дом, задыхаясь от нетерпения и желания увидеть отца.

— Папа!

Отца дома не было.

БЕДА

В этот день Павел Афанасьевич ушел из дому ранним утром.

Ночью тополи распустили клейкие листья, ветер разнес по городу горьковатый, нежный запах.

Город едва просыпался, освеженный за ночь дыханием Волги.

Начинается город от Туговой горы. Там когда-то русские люди впервые встали против татарского ига. Ветер качает над горой светло-зеленую дымку весенней листвы.

На другом конце города — его молодость: заводы.

Павел Афанасьевич любил ранние утра, когда только что спросонок звякнет первый трамвай, и снова улицы пусты и тихи, и особенно явственны величавость и прелесть, простор и уют родного города.

К заводу ведет прямая улица. В домах кое-где уже начинается день. Вот в раскрытом окне парусом надулась занавеска, на белом полотне скачет пятнами солнце. Далеко где-то прогудел пароход, оставил на сердце раздумье.

...Все эти дни и недели, после того как завод принял решение изготовлять изобретенный им механизм, Павел Афанасьевич жил и радостной и мучительной жизнью. Он торопил изготовление механической скалки, проверяя каждую деталь, во все вмешиваясь, все контролируя, и в то же время боялся дня, когда слесарное отделение смонтирует первый опытный образец и сборочный цех приступит

к его испытанию. Никто не подозревал, как Павел Афанасьевич боялся этого дня. Вдруг практика снова опрокинет расчеты, которые все-таки до сих пор живут только в идее? Еще три — четыре дня — и конструкция Павла Афанасьевича будет готова. Неужели его снова собьет с ног неудача?

На заводе всё настойчивее говорили об изобретении Новикова. Павел Афанасьевич знал, что в сборочном цехе продолжаются споры. Образовались две партии: путягинская, настороженно выжидавшая, и группа Пети Брунова — эта решительно поддерживала Павла Афанасьевича.

Споры и борьба, неожиданно для Павла Афанасьевича завязавшиеся вокруг самого замысла механической скалки, пугали его и радовали. То он чувствовал себя спокойным и сильным, то уныние охватывало его, и тогда Павел Афанасьевич сторонился людей и угрюмо курил едкий табак. Скалка ни о чем не давала ему думать. Жизнь, весна летели мимо...

Улицы просыпались. А на небо незаметно наплыла гряда дымчатых облаков, набежали тучки, день посерел. И вот издалека, словно из-за края земли, глухо проворчал первый гром, пронесся молодой, сильный ветер, застучали железные крыши, зашумели ветвями деревья. Павел Афанасьевич остановился и слушал шум всполошенной ветром улицы и раскаты грома вдали.

Мимо пробежал трамвай.

— Павел Афанасьевич! — кричал Петя из опущенного окна.

Он спрыгнул на остановке и пошел назад встретить Павла Афанасьевича. Ветер дыбом поднял его волнистые темные волосы, и сейчас, словно впервые, Павел Афанасьевич заметил чистый лоб Пети, полные оживления и смеха глаза, смуглый румянец, крепкую смуглую шею.

«А ведь красив!»

Раньше эта мысль не приходила ему в голову.

— Завидный ты, гляжу я, Петрушка, жених, — сказал он, поравнявшись с Бруновым. — Когда на свадьбу звать будешь?

— Как невесту подыщете, — отшутился Брунов.

— Что ты, Петя! Мы постарше и то без сватов женились. Или ровню себе никак не подберешь? Смотри, провыбираешь!

— Смеетесь, Павел Афанасьевич! — нахмурился Петя.

— Гм! — откашлялся Павел Афанасьевич, досадуя, что затеял неподходящий, как видно, разговор.

— А вы не жалейте, — натянуто улыбнулся Петя. — Дерево не по себе задумал рубить — сам виноват. Всяк сверчок знай свой шесток.

— Ну, уж это... ну, уж... — смутился Павел Афанасьевич. — Это, Петя, оппортунизм.

Петя рассмеялся.

— Павел Афанасьевич, я вас, как отца родного, люблю! — воскликнул он, подхватывая Павла Афанасьевича под руку. — А оппортунист у нас знаете кто? Путягин. Такую агитацию в цехе развел против механической скалки — выдержки моей смолчать не хватает. После смены, что ни день, у нас драка. То есть как понять — драка? Культурно излагаем друг дружке взгляды на перспективы завода. Павел Афанасьевич, волю путягиным дать — век не сдвинемся с места. А жизнь, Павел Афанасьевич, она... какая в ней привлекательность, ежели на месте топтаться?

— Петя! Друг ты мой...

— Если друг... обещайте: изготовите скалку — доверьте осваивать мне.

— Петя! А кому же? Конечно, тебе!

Они вошли в заводской двор. И почти тут же на асфальтированную дорожку, бежавшую между ясенями от проходной к корпусам, упала первая капля дождя и темным пятном расплылась на асфальте. Чаще и чаще, и Павел Афанасьевич с Петей едва успели укрыться в подъезде корпуса — хлынул бурный, теплый ливень.

Гудел сменный гудок. Павел Афанасьевич легко поднялся по лестнице на второй этаж, в свой цех. После встречи с Петей Бруновым, им снова овладело чувство силы и смелости.

Но Павел Афанасьевич даже не догадывался, сколько у его дела друзей. В этот именно час, когда, войдя в свое слесарное отделение и натянув халат, он раскрыл журнал посмотреть вчерашние записи мастера-сменщика, в кабинете начальника сборочного цеха происходил разговор.

— Я пришла на завод, когда новое оборудование цехов уже было смонтировано. Я не застала даже старых корпусов. Я пришла на новый завод, Федор Иванович! — говорила Катя Танеева, стоя против большого стола, за которым, опершись на край локтями, молча сидел Тополев и

курил свою трубку. — Изобретение Новикова — первое необыкновенное событие, которое происходит у меня на глазах. — Катя провела ладонью по лбу, отводя набок прямую челку, и строго посмотрела в синие глаза Тополева. — Я до сих пор проверяю. Проверяю и думаю. И чем больше я думаю над новиковской конструкцией, тем больше уверена — мы победим!

Эту маленькую речь Катя произнесла потому, что сегодня, закуривая свою трубку, Тополев сказал:

— Мы здорово влезли в это дело. Скоро начнем испытание. А что, если дело сорвется, как сорвалось десять и шесть лет назад?

Раньше, когда они оставались вдвоем в кабинете, Тополев молчал. Он коротко отдавал распоряжения и не вступал в разговоры.

Теперь довольно часто, закуривая трубку, он вслух размышлял, и Катя иногда ловила на себе его внимательный взгляд.

— Мы должны механизировать сборку — и добьемся, — твердо ответила Катя. — Я ручаюсь за то, что конструкция Новикова безошибочна... Подумать только, что процесс сборки шины скоро в корне изменится! — добавила она.

— Мне бы ваши девятнадцать лет! — улыбнулся Тополев.

Катя, краснея, пожала плечами:

— Федор Иванович, я успела уже кончить вуз. Мне двадцать три года.

— Вот как! Да, это гораздо больше.

Последняя шутка начальника цеха немного испортила Кате настроение: кому какое дело, сколько ей лет! Она — инженер цеха, ничто остальное не должно интересовать ни ее начальника, ни подчиненных.

— Я в цех, — сообщила она Тополеву.

— Вы там понаблюдайте... — сказал он.

Катя ожидала: начальник цеха распорядится, чтобы она понаблюдала, как идет выпуск опытной покрышки, которую собирали на нескольких станках по техническому заданию центральной лаборатории завода, но Тополев сказал:

— ...как там... наши путягинцы.

Словечко-то какое появилось в цехе — путягинцы! Катя слышала: когда в цехе оборудовался подвесной конвейер, Путягин и тогда был против механизации подачи.

— Ручной транспорт не подведет, — спорил Путягин, — а конвейер стал — на весь завод затор.

Поразительно недоверие этого человека к машине!

В сущности, недоверие к человеческой мысли.

Сегодня Катя, идя в цех, и без напоминания Тополева собиралась понаблюдать за Путягиным. Последние сводки по выполнению норм ее удивляли. Путягин обгонял Петю на три — четыре покрышки. Казалось, он взялся доказать и продемонстрировать неограниченные возможности ручной скалки. Что-то во всем этом было непонятное.

Катя медленно шла аллеей станков, то и дело сторонясь, когда мимо с визгом проезжала транспортная тележка, и ее уже опытный взгляд определил: сегодня в цехе работа идет бесперебойно.

Она не задержалась у Петиного станка, и он ее не заметил, потому что как раз в это время, остановив свой барабан, перебежал к соседнему станку и быстрым, точным движением поправил борт на чужом браслете, успев хлопнуть по плечу паренька, собиравшего рядом с ним покрышку. Это был Петин ученик.

После смены в цехе работала школа передовиков. Лучшие сборщики обучали кадры. И у Путягина был ученик.

«Ну, этот из-за денег старается», — пренебрежительно подумала Катя и рассердилась на себя за несправедливые придирки к Путягину. В самом деле, что тут плохого? Человек после смены остается работать в школе передовиков и получает лишние деньги за лишний труд. Очень хорошо, пусть получает.

Однако Петя уже поставил своего ученика на станок... Кате вдруг очень захотелось вернуться и сказать что-нибудь Пете, самые обыкновенные и простые слова:

«Здравствуйте, товарищ Брунов! Вы не попали утром под дождь?»

Бурный, шумящий по крышам ливень, глухой гром, и тревога, тревога, и радость на сердце!

Но какое-то неясное, странно смущавшее ее чувство неловкости сдержало Катю, и она не вернулась к Петиному станку. Проверила сборку опытных покрышек и подошла к Путягину. И опять выражение недоброй сосредоточенности на его широком лице вызвало в ней беспокойную неприязнь.

Она заметила рядом с Путягиным его ученика. И раньше чем Катя увидела, как этот паренек, следя за движением

рук Путягина, мгновенно подносит и накидывает браслет на барабан и подает сборщику скалку, она поняла, каким способом Путягин добивается за последние дни трех — четырех лишних покрышек за день.

— Почему вы держите своего ученика на подсобной работе и не ставите к станку? — спросила она, улучив время, когда Путягин снимал законченную покрышку.

Паренек покатил в сторону готовую шину. Путягин молча накидывал на барабан новый браслет.

— Я вас спрашиваю: почему? — бледнея, повторила Катя.

— Посторонитесь, барышня. Не зашибить бы, — усмехнулся Путягин.

Кате хотелось крикнуть на него, топнуть ногой, ударить кулаком по широкой спине — так ненавидела она его сейчас за то, что он смел улыбаться, бессовестно помыкать своим учеником и называть ее барышней. Она сдержалась. Несколько секунд она молчала, подбирая язвительные выражения, чтобы пригласить Путягина в кабинет начальника цеха и наконец объясниться. Довольно! Больше невозможно терпеть! Пусть узнает сам Тополев, пусть в их отношениях разберется секретарь партбюро Дементьев. Инженер есть инженер. Никто не имеет права ее оскорблять, называя барышней. Но Катя не успела произнести ни одного едкого слова. Она нечаянно подняла глаза и не поняла еще, что происходит, а сердце судорожно метнулось в груди, и на лбу выступили капельки холодного пота.

Она увидела — ученик Пети отскочил от станка, и от соседних станков, останавливая их, побежали в стороны люди, а барабан Петиного ученика продолжал стремительно крутиться и вместе с ним крутилась, вихляла железная скалка, постепенно выползая из-под браслета. И что это? Что?

Она увидела — Петя Брунов, весь изогнувшись, вытянул руку, приноравливаясь схватить бешено вертящуюся скалку. Но в этот миг скалка вырвалась из-под браслета. Петя упал.

Катя закричала не своим, тонким голосом. Петин станок окружили люди. Катю била дрожь; она видела, словно во сне, пробежавших с носилками рабочих, Дементьева, Тополева, который, сильно хромая, с посеревшим лицом, быстро прошел мимо нее.

Она пошла туда, но Петю унесли на носилках.

Вокруг снова заработали станки.

Катя не помнила, как вернулась в кабинет начальника цеха. Тополева не было. Почему-то она села за его большой черный стол.

«А дождь? Я его не спросила про дождь», — подумала Катя и, уронив голову на стол, молча закрыла глаза.

НА ПЕДСОВЕТЕ

Урок благополучно подходил к концу. Но вот прозвенел звонок, и, как обыкновенно, ребята повскакали с парт раньше, чем Петр Леонидович успел сказать: «Разрешаю выйти из класса».

Он торопливо складывал в портфель свои записки и книги, а вокруг уже стоял тот беспорядочный гам, который не очень-то приличен в присутствии учителя.

«Убраться отсюда поскорее!» — подумал Петр Леонидович, опасаясь, как бы еще что-нибудь не ранило его самолюбия, и стремительно направился к двери.

Тишина, внезапно возникшая за его спиной, смутила Петра Леонидовича больше, чем шум. Он не мог удержаться и обернулся.

— Это что? — крикнул он, отшатнувшись в сторону.

Толя Русанов шел за ним на руках, вскинув вверх гибкое, как у обезьянки, тело и болтая ногами в воздухе.

— Это что?!

Класс грохнул от хохота.

Когда эти сорванцы выкидывали свои номера, Петр Леонидович не умел, как другие учителя, находить подходящие к случаю слова. Он повторял один и тот же ничего не говорящий вопрос, а их еще пуще разбирал смех.

Петр Леонидович выбежал из класса.

День снова испорчен. И завтра и послезавтра, всегда, даже в праздники, Петра Леонидовича не оставляет воспоминание о столкновениях с классом. Из-за чего, как подумаешь, человек может чувствовать себя несчастным? Из-за того, что какие-то глупые мальчишки хохочут ему в лицо.

Не ожидал Петр Леонидович, когда заканчивал университет с дипломом отличника, что так нескладно повернется его жизнь, не ожидал никак!

Когда-то, сразу после вуза начав преподавание в школе, он и то чувствовал себя веселее и спокойнее. Война. Мобилизация. Прошло десять лет, и вот снова школа...

Петр Леонидович так крепко задумался, что не заметил Андрея Андреевича, идущего ему навстречу.

— Куда спешите? — спросил Андрей Андреевич, смеясь рассеянности математика.

— Не куда, а откуда! — крикнул Петр Леонидович.

Он не собирался утаивать от классного руководителя свои конфликты с его седьмым «боевым». Нигде, ни в одном классе, Петру Леонидовичу не приходилось так лихо! Он полетел дальше, обещав Андрею Андреевичу когда-нибудь высказать все, что накипело па сердце. Некоторое время Андрей Андреевич смотрел ему вслед.

— А великолепнейший математик! Клад! — произнес он негромко и покачал головой.

В классе его прихода не ждали. Веселая компания, все еще обсуждавшая развлечение, каким закончился день, при виде классного руководителя как по команде умолкла. Андрей Андреевич тоже молчал. Толя Русанов глядел, глядел на его неулыбающееся, непривычно хмурое лицо, да вдруг и сказал:

— А в правилах поведения не написано, что после уроков запрещается ходить на руках.

Теперь Андрей Андреевич приблизительно представлял, что у них произошло. Он продолжал молчать.

— Если бы Петр Леонидович случайно не оглянулся, никогда и не узнал бы, что я его провожал вниз головой, — выкладывал Толя, которому душу мутило это молчание. — А вы хороши! Загоготали, как гуси! Из-за вас и скандал получился, — принялся бранить он ребят.

— Ну уж не сваливай! Ты виноват! Ты! — закричали ребята.

Дима Шилов, староста класса, понял, что пора в это дело вмешаться.

— Русанов, иди у Петра Леонидовича прощения просить, — сказал он. — Подвел всех! Иди!

— Я подвел? — изумился Русанов.

— А кто же?

— Это вы меня подвели! Из-за вашего смеха сыр-бор загорелся...

В самый разгар спора Андрей Андреевич повернулся и, не сказав ни слова, ушел. Спор прекратился.

— Дождались! — сердито сказал староста класса Дима Шилов.

Он был нерешительный человек и не знал, как теперь быть. Невольно он поискал глазами Юрия Брагина. Юрий Брагин, небрежно сунув руки в карманы, стоял в стороне и, выжидая, чем кончится вся эта история, улыбался так язвительно, что всякий другой староста на месте Димы Шилова ни за что не обратился бы за помощью к такому насмешнику. Но Дима Шилов, напротив, взмолился:

— Давай выручай, брат.

Юрий вытащил руки из карманов, шагнул к Толе Русанову, схватил за плечо и тряхнул:

— Пойдешь извиняться?

— Ты чего? Пусти! Ну пусти... — бормотал Толя, стараясь вырваться.

— Пожалуй, пойду-ка я сам, — решил Юрий, отпуская Русанова. — Нахулиганите — и в кусты! А из беды вытаскивать — Брагин. Подождите меня здесь. Да тихо, смотрите!

Наскоро пробрав ребят, Юрий побежал искать Петра Леонидовича. Такая уж должность комсорга — улаживать неприятности.

Впрочем, Юрий был рад, что ребята снова ему подчиняются. Вот, не к Новикову обратились за помощью!

Андрей Андреевич, оставив семиклассников, направился в кабинет директора. «Твой корабль, капитан, сидит на мели. А пора кораблю тронуться в плавание», — подумал он и вошел в кабинет.

Сегодня директор пригласил учителей седьмых классов на совещание. Когда Андрей Андреевич вошел, учителя уже собрались.

Математик, полузакрыв глаза, отдыхал в кресле. Андрей Андреевич сел рядом с ним. Он видел — длинные бледные пальцы Петра Леонидовича беспокойно задвигались: постучали по коленке, погладили ручку кресла.

— Голубчик, Петр Леонидович! Ребята чувствуют себя виноватыми перед вами, — сказал Андрей Андреевич.

Математик дернул плечами и ничего не ответил.

Директор объявил заседание открытым. Речь шла о весенних экзаменах.

— Товарищи, мы заканчиваем пятый послевоенный учебный год, — сказал директор и, подняв на лоб роговые очки, сделал короткую паузу.

Директор знал силу своего коллектива, но знал и все его слабости. Вон добродушная Гликерия Павловна мирно греет на солнышке спину. Подосадовав на то, что не успеет вовремя приготовить ужин своему Ивану Арсеньевичу, с удовольствием сидит на собрании, надеясь чему-нибудь здесь поучиться.

Петр Леонидович, насупив брови, скучно разглядывает узоры ковра под ногами. У Ирины Федоровны, напротив, чуть испуганное ожидание во взгляде. Директор решил поговорить обо всем. И о том, что учителю со старым багажом век не прожить. Надо в гору шагать, Гликерия Павловна! Географичка обиженно подожмет румяные губки, проворчит что-нибудь вроде «как знаем, так и шагаем», потом грустно кивнет головой и согласится.

Или вот Петр Леонидович...

Умный учитель, а с классом разлад. Класс виновен, но, должно быть, и учитель не ищет путей. А Ирине Федоровне надо сказать, что одними красивыми лекциями грамоте учеников не научишь.

Когда очередь дошла до седьмого «Б», Андрей Андреевич услышал вопрос, которого ждал:

— Кажется, в классе движения пока не заметно?

— Пока мало заметно, — ответил Андрей Андреевич.

— А пора бы сдвинуться с места, — повторил директор почти те же слова, которые совсем недавно Андрей Андреевич сказал себе сам.

Едва речь зашла о седьмом «Б», математик резко выпрямился в кресле.

— В этом легкомысленном и неприятнейшем классе... — начал он тонким от раздражения голосом.

— Седьмой «Б» неприятен! — всплеснув руками, воскликнула Гликерия Павловна. — Чем он вам не пришелся по сердцу? Седьмой «Б»... Ну и ну!

— Если в классе ходят на головах...

— Да ведь дети! Ребятишки еще! — укоризненно прервала Гликерия Павловна. — Андрей Андреевич, что вы молчите? Плох ли ваш класс?

— Плох, Гликерия Павловна.

— Ну и ну! Да чем, объясните!

— Класс плох тем, Гликерия Павловна, что недостаточно хорош, — ответил Андрей Андреевич.

— Самокритика! — понимающе кивнула Гликерия Павловна и обмахнула кружевным платочком разгоревшиеся щеки.

— Позвольте, товарищи, и критикой заняться, — желчно заговорил Петр Леонидович. — Вы, Андрей Андреевич, мастер. Вы два месяца в классе. Мы надеялись — с вашим приходом дела сразу повернутся по-новому. Однако где перелом, я вас спрашиваю? Нет перелома! Ваш класс требует крутых и решительных мер. Где эти меры? Андрей Андреевич, извините меня, вы либерал — ваш класс скоро на головы встанет... Извините, я высказался и хотел бы услышать ответ.

— Крутых мер не знаю, в мгновенные переломы не верю, — ответил Андрей Андреевич.

Петр Леонидович откинулся в кресле, лицо его приняло безразлично-скучное выражение.

«Чего от вас ждать, в таком случае?» — говорило это погасшее лицо.

— Твое предложение, Андрей Андреевич? — обратился директор к старому другу.

Они тридцать лет проработали вместе в школе. Кто-кто, а уж директор знал, что от Андрея Андреевича есть чего ждать.

— Я не всё сразу увидел в классе, — ответил Андрей Андреевич. — Теперь кое-что в нем разглядел. В классе много хороших ребят. Все в разброде. Каждый сам по себе. Пора организовать актив. Класс пойдет за активом. Единственный путь для всех классов и школ, но... требует времени.

— Зачем вам создавать новый актив, когда он у вас уже есть? — брюзгливо возразил математик. — Юрий Брагин! Чем не актив?

— Один — не актив. Один в поле не воин, да и воин, пожалуй, не тот.

Петр Леонидович решил больше не вмешиваться. Разговоры и разговоры! Довольно он их наслушался!

Он так и промолчал бы до конца собрания, если бы внимание его не привлек молодой и немного застенчивый голос:

— Позвольте мне внести предложение.

Петр Леонидович поднял глаза. Говорила председательница родительского комитета Анастасия Вадимовна Марфина.

— Школе трудно воспитывать детей без поддержки родителей. А родители плохо помогают. Отчего? Одним некогда. Другие сами не умеют и не знают, что такое воспитывать. Иные даже портят и калечат детей. У меня давно в голове одна мысль, я думаю... — Анастасия Вадимовна замешкалась, боясь, не показалась бы учителям ее мысль неосуществимой фантазией, но взглянула на Андрея Андреевича, тот внимательно и с участием слушал. — Вот что я думаю: организовать при школе университет для родителей. Не возражайте, пожалуйста, Петр Леонидович, погодите спорить! Может быть, слишком громкое название — университет! Но ведь дело не в названии, а в сути. Вы, учителя наших ребят, и в родительском университете будете нашими лекторами. А может быть, и мы вам поможем, Петр Леонидович?

Он не сразу нашелся. Какая дерзость! В чем собирается ему помогать эта председательница родительского комитета, которая, наверное, не помнит, как решить уравнение с двумя неизвестными?

«Уж не смеется ли она надо мной?» — подозрительно подумал Петр Леонидович.

Нет, она смотрела на него серьезно.

— Не серди́тесь, Петр Леонидович... Вот, вы сразу уже и рассердились.

— Откуда вы взяли? — смутился Петр Леонидович. Действительно, он слишком часто стал сердиться. Надо следить за собой. — Пожалуйста, организуйте свой университет, — безразлично произнес он, пожимая плечами.

— А вы не отмахивайтесь. Если мы вам не сумеем помочь, вы нам нужны.

— Молодец, Настя! — рассмеялся Андрей Андреевич. — Вот это — по-суворовски. Удивить — победить.

В ДОМЕ МАРФИНЫХ

Каждому, кто появлялся у Марфиных, при первой же встрече с этим приветливым домом становилось ясно, что душой его была Анастасия Вадимовна. Это понял и Брагин, когда однажды в воскресный вечер попал к Марфиным в гости.

Василий Петрович с удовольствием принял неожиданное для него приглашение декана факультета Михаила Осиповича Марфина. Они не первый год работали вместе

в институте, где Василий Петрович по совместительству читал небольшой курс лекций, но близости между ними не возникало. Марфин представлялся Василию Петровичу простоватым мужичком, с типичным волжским говором на «о», с интересами не дальше учебных программ и наивно восторженной любовью к родному городу, где прожили век его прадеды и деды, да и сам он всю жизнь. Михаил Осипович был вполне удовлетворен своим местом в жизни и, должно быть, счастлив в семье. Это довольство казалось Василию Петровичу ограниченностью. Однако Марфин был деканом факультета, подружиться с ним не мешало. Василий Петрович придавал большое значение деловым связям. Он охотно согласился прийти к Марфиным побеседовать за чашкой чаю.

— Беседа, видите ли, предстоит не очень обычная... — замялся Михаил Осипович. — Так вы уж, пожалуйста, приходите. Мы ждем.

Из всех затей Анастасии Вадимовны эту последнюю — организацию при школе родительского университета — Михаил Осипович считал, и не без оснований, самой трудной и сложной.

— Всё-то ей надо больше других! Всё-то фантазии ее одолевают! — ворчал Михаил Осипович, зная очень хорошо, что эти-то «фантазии» он больше всего и любит в жене.

А Василий Петрович уловил в приглашении декана приятный для себя намек.

«Не перейти ли в самом деле на штатную работу в институт? — думал он, собираясь к Марфиным. — Сидишь, сидишь в техническом отделе на заводе, а перспектив на продвижение никаких. Что же? Предложат полную нагрузку лекций — соглашусь, пожалуй. Перейду».

Он зван был с женой и долго раздумывал, одному идти или вдвоем. Василию Петровичу нравилось показываться на людях с женой. Ее красота привлекала внимание, и Василий Петрович пыжился от гордости. Но последнее время в поведении Елизаветы Гавриловны и во всем ее облике появилась непонятная Василию Петровичу замкнутость, которая смущала его. Казалось, что-то в Елизавете Гавриловне ежеминутно грозило взорваться.

«Пойду один», — решил Василий Петрович.

Помимо всего, он не любил вести деловые разговоры при жене. Мало ли что бывает! Глядишь, и подольстить

придется. Он представил, как, вернувшись из гостей, Елизавета Гавриловна скажет: «Ведь ты считал Марфина ограниченным?» — и поглядит на мужа долгим, пристальным взглядом.

Ох, этот дурацкий, неулыбающийся, что-то выпытывающий взгляд!

«Вам хорошо, голубушка, сидеть дома, на всем готовеньком, да критикой заниматься. Нет, пойду один!»

И Василий Петрович отправился в гости.

Одноэтажный деревянный, с узорчатыми наличниками флигелек, каких немало понастроило в прошлом веке городское мещанство, решительно не понравился Василию Петровичу, привыкшему к комфорту новых домов. Но за окнами флигеля шумел сад, в комнаты доносился его мерный, величавый говор, и, как ни чужд был Василий Петрович поэзии, что-то тронулось в его сердце, когда впервые за эту весну он так близко увидел светлое облако зелени и тихо раскачивающиеся розовые стволы сосен. Он был крайне разочарован, когда убедился, что приглашен к Марфиным не один. Вскоре за ним пришли Новиков и Андрей Андреевич. Вот уж кого Василий Петрович не имел вовсе желания здесь встретить! Ну и назвали же эти Марфины гостей! Пришел угрюмый сухопарый математик. Пришла учительница музыки, старая женщина в черном шелковом платье, с белой ниточкой жемчуга на шее и высоким гребнем в седых, искусно уложенных волосах, явились еще какие-то люди, члены родительского комитета школы, и Василий Петрович понял, что о деловых переговорах с деканом факультета сегодня не может быть и речи. Декан, как всегда всем довольный, с одинаковым радушием встречал приходящих, усаживал за стол и каждому сообщал:

— У Анастасии Вадимовны новый замысел, видите ли... Поручение школы. Вот мы и решили устроить нечто вроде предварительного совещания.

«Черт меня принес на это совещание! Своих не хватает!» — выругался в душе Василий Петрович. Он чувствовал себя обманутым и зол был страшно. Анастасия Вадимовна рассказывала о поручении школы, а Василий Петрович думал: «Пропал вечер, пропал!»

Меньше всего он собирался заниматься организацией родительского университета при школе и, уж конечно, не испытывал никакой нужды в нем учиться. И все-таки что-

то в словах Анастасии Вадимовны постепенно заражало его любопытством. Она оказалась способным агитатором. Василий Петрович слушал, смотрел на нее и невольно поддавался очарованию простоты и безыскусственности, которые и составляли главную силу этой милой женщины.

«А ведь, пожалуй, она права, — незаметно для самого себя начал он соглашаться. — Родительский университет? Не для таких, конечно, как я... Но мало ли у нас семей, где в воспитании разбираются не больше, чем я в испанских наречиях! Вот Новиков... Что такое Юрий рассказывал о его сыне? Бездельником, кажется, растет, грубияном? А ведь в школе они вместе. Каждый день перед глазами пример. Да, да, пусть организуют университет для родителей. Надо поддержать».

И он первым поддержал Анастасию Вадимовну. Он тонко и умно развил свою мысль о том, как для «наших» детей (Василий Петрович понимающе улыбнулся Марфиной) важно создать в классе подходящую среду. И Анастасия Вадимовна права, и школа верно решила — пора взяться за нерадивых родителей. Анастасия Вадимовна внимательно слушала Брагина, и Василию Петровичу казалось, что она горячо его одобряет. Он все больше проникался к ней симпатией. После Василия Петровича говорили другие. Потом высказался и Павел Афанасьевич Новиков и открыто признался, что ничего не смыслит в воспитании.

«Так я и предполагал», — с удовлетворением подумал Василий Петрович.

— Воспитываю, как бог на душу положит, — признался Новиков. — Больше совести своей слушаюсь. А иной раз станешь в тупик. Знаний-то нет!

Василий Петрович снова многозначительно улыбнулся Марфиной, всячески стараясь ей показать, что из всех присутствующих здесь людей по-настоящему образованный человек один только он.

— Теория теорией, — говорил между тем Новиков, — но нам и практикой не мешает заняться. Вы, Анастасия Вадимовна, поделились бы опытом...

Но тут случился конфуз.

По случаю сбора гостей Шурик был отпущен гулять. Однако, как ни выпроваживала его Анастасия Вадимовна из дому, именно сегодня у Шурика не было никакого желания гулять. Наоборот, на него вдруг напала охота гото-

виться к экзаменам. Он заранее перетащил учебники в комнату родителей, где спала в коляске Татьяна. И Ольга пришла к ним с книжкой.

— Если так, сидите взаперти и не показывайтесь, — сказала мать и закрыла дверь.

Едва в доме появился первый гость, Шурик отложил в сторону учебник и занял позицию у двери.

— Важный какой-то пришел. Похож на индюка, — шепотом сообщил он сестре.

— Да? Кто бы это мог быть? — спросила Ольга.

Они по очереди стали рассматривать в щелку сначала Василия Петровича, потом всех остальных.

— Нагляделась? Хватит с тебя! — отстранил Шурик Ольгу. — Это мой наблюдательный пункт. Ты садись за стол, а я по беспроволочному телеграфу буду докладывать тебе обстановку. Я разведчик, а ты будешь штаб.

— Когда мама начнет им делать доклад, пусти меня посмотреть, — сказала Ольга.

— А ты не глядя слушай.

— Пусти, Шурик, по-доброму тебе говорят!

— Не пущу. Что ты, маму не видела?

— Несправедливо, Шурик. Захватил место!

— Не захватил, а занял. Я не захватчик.

Ольга рассердилась и отошла от двери.

— Ольга! Ольга! — зашептал Шурик спустя некоторое время. — Мама делает доклад!

Она не ответила.

— Ольга! Ольга! Мама кончила. Гости высказываются.

— Неинтересно. Отстань!

— Слушай, Ольга! — снова окликнул Шурик. — Что это за отец такой, не знает, как воспитывать?

— Какой еще отец? Пусти, я погляжу.

— Успеешь. Он долго будет высказываться.

— Пусти!

Они тихонько боролись за место у двери, пока оба на нее не навалились. Дверь распахнулась, и Шурик с Ольгой вылетели в столовую.

— Явление из «Ревизора»! — раскатисто захохотал Андрей Андреевич. — Бобчинский, Добчинский, проверьте: на местах ли носы?

Ольга мгновенно поднялась с пола, машинально отряхнула платье и, сгорая от стыда, убежала обратно.

Шурик не возражал сойти и за Бобчинского. Он пощупал свой нос, сказал: «Здравствуйте!» — и остался с гостями. Он подошел к матери и потерся щекой о ее плечо.

— Мы хотели подсмотреть в щелку, что у вас тут, и подрались нечаянно, — сказал Шурик.

А она-то собиралась делиться своим педагогическим опытом!

Громче всех засмеялся тот отец, который недавно признавался, что не умеет воспитывать. Впрочем, все засмеялись. А Василий Петрович, которому очень хотелось доставить хозяйке дома приятное, погладил Шурика по голове и произнес ласковым тоном:

— Очаровательный мальчик!

Так он привык говорить всем знакомым о их детках, не различая деток ни в лицо, ни по имени.

Шурик терпеть не мог, когда посторонние люди гладили его, как малыша, по головке.

— Откуда вы знаете, что я очаровательный? Вы и видите меня в первый раз.

В комнате возникло легкое замешательство. Математик глухо покашлял и с неожиданным облегчением решил про себя: «Все, я вижу, они сорванцы!»

— Иди сейчас же отсюда! — сердито прикрикнул на Шурика Михаил Осипович.

У него так и чесалась рука шлепнуть мальчишку: оконфузил их с матерью!

Но Василий Петрович не почувствовал никакого смущения:

— Святая простота! Непосредственность!

Так по милости Шурика обмен педагогическим опытом на этот раз не удался. Зато судьба родительского университета была решена.

Василий Петрович Брагин не увидел ничего странного в том, что Анастасия Вадимовна именно его особенно просила принять участие в работе, он лишь испугался, когда она пообещала в это дело втянуть и его жену.

— Ох, нет! Жена у меня нелюдимка, домоседка! Да и здоровье, знаете ли...

Василий Петрович улыбнулся самой обворожительной из своих улыбок и поклонился, приложив руку к груди: рассчитывайте на меня!

Он возвращался от Марфиных со смешанным чувством досады (вопрос о его переходе в институт так и не

сдвинулся с места) и вместе с тем острого интереса к жизни семьи, которой управляла эта веселая и серьезная женщина.

Но чем ближе Василий Петрович подходил к своему собственному дому, тем больше его одолевали сомнения. Беспокойно живут Марфины, хлопотно! Сегодня родительский университет, завтра еще что-нибудь. Глядишь, а обеда вовремя нет, носки не заштопаны, пыль, хаос, беспорядок! Да, в конце концов, и свой собственный сын без надзора останется.

«Сам-то я с какой радости ввязался? — удивлялся себе Василий Петрович. — Нет уж, лучше подальше от их суеты. Без меня обойдутся. Мало у меня своей работки, в самом деле? Да и не получится у них ничего. Поговорят — тем и кончится...»

Елизавете Гавриловне о своем посещении Марфиных Василий Петрович ничего не сказал.

ТЫ У МЕНЯ НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, ОТЕЦ!

В тот воскресный вечер, когда у Павла Афанасьевича в семье Марфиных завязывалась новая дружба, Володя был дома.

Бабушка спала. Вечер был одинокий и тихий. Володя невольно задумался о своей жизни.

Все хорошо в его жизни, и одно только плохо и грустно: затянувшиеся холодные отношения с отцом. Володя не мог заставить себя подойти к нему и сказать: «Погляди-ка мой табель. Задумал — добился!»

Отец молчал, и Володя молчал.

Бабушка не раз журила Володю:

«Надулся, как сыч! Повинись, мил человек! Вина с плеч долой — и на сердце покойно. У, норовистый!»

Этот норов Володе просто жить не давал. А что он мог поделать?

Раздался звонок. Володя с таким равнодушным видом пошел открыть дверь, что отец никогда не догадался бы, как его ждали.

Но это был не отец. Вошла Екатерина Михайловна. Она была в голубом весеннем костюме, в белой шляпе с широкими полями — такая красивая, что Володя даже не сразу ее узнал.

— Папы нет, а бабушка спит, — сказал он.

— В таком случае, я с тобой посижу, — ответила Екатерина Михайловна и села, положив на колени белую шляпу с незабудками. — Ну, что же ты меня не занимаешь? Хозяин должен что-нибудь придумать, чтобы гостье не было скучно.

Задала она задачу Володе! Он с шумом передвинул стул, надеясь разбудить бабушку. Бабушка не просыпалась. Тогда Володя спросил Екатерину Михайловну, не слышала ли она, какая команда выиграла сегодня на футболе. Нет, Екатерина Михайловна не слышала. Он долго размышлял и наконец задал новый вопрос:

— Как вы думаете, сколько сейчас времени?

Екатерина Михайловна закрыла лицо шляпой и беззвучно смеялась, а Володя молча смотрел, как колышутся незабудки. К счастью, вернулся отец. Может быть, случилось что-то хорошее или неожиданный приход Екатерины Михайловны его так обрадовал — отец словно забыл о размолвке с Володей.

— Сынок! Живо чайник! Мыслимое ли дело такую редкую гостью не попотчевать чаем? Мы и наливочки сыщем, если новости добрые.

— Добрые новости, Павел Афанасьевич!

В кухне громко шумел примус, словно торопился наверстать упущенное Володей время. Чайник закипел в один миг.

Екатерина Михайловна расставила посуду, нарезала тоненькими ломтиками хлеб и веером разложила их на тарелке.

Отец налил в рюмки тягучую сладкую наливку. Кровь бурными толчками разнесла веселое тепло по всему телу Володи. Хорошо! Отец снова весел, дома уютно, интересно слушать разговор отца с Екатериной Михайловной.

Новости были необыкновенные. Володя узнал, что Петя Брунов, этот ладный и ласковый парень, который ему понравился с первого раза, был на волосок от увечья. Хорошо, что сорвавшаяся со станка скалка пролетела, по счастливой случайности, мимо, задев его лишь за плечо.

Екатерина Михайловна рассказывала, что сегодня навестила Петю в больнице, что скоро он вернется на завод, и глаза у нее блестели тем радостным оживлением, которое делало ее лицо красивым и новым.

Отец неторопливыми глотками пил крепкий чай и молча слушал Екатерину Михайловну.

— Какой случай, Павел Афанасьевич! — возбужденно говорила она. — Счастье, что кончилось благополучно... Но как будто нарочно это произошло, чтобы агитировать за ваш механизм. Ведь теперь ясно всем — ваш механизм навсегда прекратит аварии. Что делать путягиным? Сдаваться! Сама жизнь толкает староверов на новое.

— Поглядим, что опыт покажет, — задумчиво ответил Павел Афанасьевич.

— Павел Афанасьевич! Вы... вы не будете ждать Петю? — с тревогой спросила Екатерина Михайловна.

Он молчал. Радостное оживление на лице ее сразу погасло, словно фонарик притушили внутри.

— Брунов выйдет из больницы через неделю, — робко сказала она. — Может быть, раньше. Возможно, он выйдет через пять дней, Павел Афанасьевич!

— Пять дней... Механизм-то готов? — полувопросом ответил Павел Афанасьевич.

— Что такое вы говорите?! — тихо сказала она.

Она пристально посмотрела на Павла Афанасьевича, медленным жестом отвела со лба черную челку, встала и надела шляпу:

— Ваше дело, Павел Афанасьевич. Прощайте.

— Папа! Что ты?! — испугался Володя.

Неужели отец так и отпустит Екатерину Михайловну?

Но вдруг они с Екатериной Михайловной увидели, что отец смеется, прямо-таки трясется от смеха. Екатерина Михайловна сорвала с головы свою нарядную шляпу и бросила на диван:

— Павел Афанасьевич! Милый!

— Ну и злючка же вы, голубушка моя! Ну и сердитая! Сразу — фрр! фрр! Не дай бог, кому попадется такая жена!

— Значит, будем ждать Петю! — вся сияя, воскликнула Екатерина Михайловна. — Испытывать механизм будет он?.. Володя, у тебя замечательный, необыкновенный отец! Ура, Володя, ура! — Она схватила Володю и закружила по комнате.

Он был неуклюжий танцор и сейчас же отдавил ей обе ноги. Екатерина Михайловна, охая и морщась от боли, присела на пол, как девочка.

— Увалень! И нескладным же ты, парень, растешь у меня! — проворчал отец.

— Ах, нескладный? — закричал Володя, налетел на отца и принялся тузить его в бока кулаками.

В веселые минуты они часто боксировали. Впрочем, Павел Афанасьевич в две секунды загнал Володю в угол:

— Слабоват, сынок, с батькой тягаться!

— Тарас Бульба! Глядите, Екатерина Михайловна, типичный Тарас Бульба! — кричал Володя, потирая бока.

За дверью закашляла бабушка. Отец приложил палец к губам и на цыпочках вернулся к столу. Екатерина Михайловна также приложила палец к губам и, притворяясь, что не может ступать, проковыляла на свое место.

— Бабушка у нас гроза. При ней не расшумишься, — серьезно сказал отец.

— Вы меня спрячьте куда-нибудь. Я боюсь! — шепотом ответила Екатерина Михайловна.

— Налейте еще стаканчик чайку — так уж и быть, заступлюсь в случае чего.

Потом они перестали шутить и долго говорили о заводе.

— Павел Афанасьевич, ваше изобретение не выходит у меня из головы, — тихонько рассказывала Екатерина Михайловна. — И ведь это лишь первый шаг. Верно? Я днем и ночью думаю о полной механизации сборки. Мне даже снится... Один раз приснилось...

— Что? — поставив стакан, быстро спросил Павел Афанасьевич.

— Не знаю. Проснулась — забыла, — развела руками Екатерина Михайловна.

Он снова взялся за стакан, но лишь поболтал в нем ложкой и отодвинул:

— Идею во сне не найдешь, матушка моя Екатерина Михайловна.

— Вы ищете? Павел Афанасьевич, нашли?

— Найти не нашел, хвастать не буду, а голову ломаю над тем же. Не на Луне и не на Марсе эту идею откроют. Нигде, как на нашей планете, а точнее — в Советском Союзе. А уж если и вовсе точный адресок хотите узнать — наше с вами, товарищ инженер, это дело. Рано ли, поздно ли, Екатерина Михайловна, изобретем полную механизацию сборки. Думать давайте не ленясь.

— Павел Афанасьевич! Хотите, я буду вашей верной помощницей? — смело сказала она, глядя на него блестящими от радости глазами.

Он взял в ладонь ее маленькую смуглую руку, подержал и прихлопнул сверху своей ладонью:

— По рукам, товарищ инженер! Да коли так — уговор: не сдаваться!

Отец пошел проводить Екатерину Михайловну. Володя вымыл посуду, прибрал в комнате.

Было поздно, отец не возвращался.

Наконец на лестнице послышались торопливые шаги. Отец вбежал в дом, мальчишеским жестом закинул на вешалку кепку; надышавшаяся ночным воздухом его грудь поднималась свободно и сильно.

— Ну, сынок! — сказал отец, увидев Володю, и положил ему руки на плечи.

Они были почти одного роста и глядели друг другу в глаза. И Володя подумал: «Ты верно у меня необыкновенный».

— Ну, сынок, не знаю, как дальше, а сейчас хорошо. Сейчас я счастливый, Владимир!

БАБУШКА

Эта весна, когда Володя заканчивал седьмой класс, была в его жизни решающей. Пройдут годы. Много весен ждет впереди. Жизнь едва начинается. Но тот перелом, когда подросток перестает быть ребенком, близится юность, неудержимо и буйно растут душевные силы, все жизненные впечатления оставляют в уме и сердце разительный след и человек начинает смотреть на мир новым, оценивающим взором, — такой перелом, определяющий характер, произошел в Володиной жизни именно этой весной. Ничего не изменилось, и все стало новым.

Впрочем, Володе казалось — жизнь повернулась с той поры, когда он задумал стать музыкантом. Окончательно он это решил в тот вечер, когда при нем происходил разговор отца с Екатериной Михайловной. Екатерина Михайловна тоже никогда не была изобретателем, однако отец ее поддержал. Почему он не поддержит Володю?

Пока Володю поддерживала одна Ольга. Это тоже много значило. В вопросах музыки Ольга была автори-

тетом и не уставала Володе внушать: «Добьешься, добьешься!»

— И вообще, Володя, — говорила Ольга, — это просто судьба, что все так получилось. Не будь того концерта, кто догадался бы, что у тебя есть способности? Так и заглохли бы.

Но, если Володя и впрямь стоял на пороге судьбы, она все же не давалась в руки без боя.

— Поработаем лето, потом Наталья Дмитриевна тебя проверит, и ты поступишь на подготовительный курс в музыкальное училище, — сказала Ольга. — Но не надейся, что Наталья Дмитриевна примет тебя по знакомству со скидкой. Уж поверь мне. А потом... у тебя должно быть самолюбие, Володя!

Она так хотела сделать из него музыканта! Все ее тщеславие сосредоточилось на этом желании. И Володя из сил выбивался, чтобы не подвести Ольгу, которая собиралась щегольнуть им перед Натальей Дмитриевной и всем музыкальным училищем.

Что до самолюбия — Володе не приходилось занимать его у других. Самолюбие вначале и было той главной силой, которая заставляла его часами сидеть за учебниками. Он похудел, стал быстрее в движениях и вместе с тем веселей и смелей.

Андрей Андреевич теперь часто замечал в темных глазах мальчика выражение упрямства и твердости. Может быть, Володя был даже слишком упрям.

Не из-за этого ли между ним и его другом Женькой Горюновым происходили постоянные стычки?

Женька был поглощен идеей поступления в речное училище. Он занят был тем, что осваивал греблю. Ничто больше его не интересовало.

— Что мне экзамены! Все равно в училище придется снова держать!

Прямо из школы он ежедневно отправлялся на Волгу. Сегодня Володя незаметно дошел с ним до реки. Уехать бы на целый день в лодке, пристать где-нибудь к берегу и сидеть на горячем песке!

— А тебе что заботиться об уроках, если хочешь стать музыкантом? Зачем тебе география, химия, алгебра? — говорил Горюнов. — Музыканту нужен талант.

— Ты думаешь, воля сама разовьется?

— Я волю на чем-нибудь интересном постараюсь развить... Володька, побежали со съезда!

Длинный, мощенный булыжниками съезд полого вел к Волге. Внизу, у берега, над съездом перекинулась полукруглая арка. Под аркой виден сверкающий синью край Волги.

Громыхали по булыжнику подбитые железом колеса телег; у парома выстроилась длинная очередь подвод и машин, ржали лошади — здесь, у главного съезда, ведущего к пристани, берег полон движения, шума.

Волга сегодня была рябой от беляков. Крутые волны колыхались по всему простору реки, завиваясь и пенясь на гребнях, и монотонно ударяли о берег.

У берега, привязанный цепью к барже, болтался маленький зеленый катерок «Воробей». Он зарывался носом в волну, брызги сверкали на солнце, фонтаном летели на палубу.

Волга шумела. Седые гребни завивались все круче, ветер свежел. В этом синем неспокойном просторе было что-то непреодолимо притягивающее.

— Рискнешь? — спросил Женька с блестящими озорством и отвагой глазами.

Володя швырнул сумку с книгами на песок, сдернул с головы кепку, подвернул до колен брюки и отрывисто сказал Женьке:

— Идти так идти!

— Как? Решился?

Женька тоже бросил на песок сумку и подвернул брюки. Они разулись, перекинули через плечо ботинки и книги и пошли к лодке. Песок был сырой и холодный, глаза слезились от ветра.

— Когда я уйду из школы, — говорил по дороге Женя, — советую тебе подружиться с Колей Зориным. Садись с ним за одну парту. Зорин — верный человек. Жаль только, не любит разговаривать. Разговаривать ты можешь с Русановым.

— Мы с тобой никогда и видеться не будем? — спросил Володя.

— Будем. По праздникам.

Пока Женька ходил за веслами, Володя стоял у лодки. Ноги окатывала ледяная вода. Жалко расставаться с Горюновым! Но неужели, неужели пройдет это лето и начнется...

Вдруг Володю охватило то беспокойство, которое все эти дни понуждало его жить строго рассчитанной жизнью. Вот опять не устоял перед соблазном. Как хочется покататься на лодке! Володя жадно вглядывался в посеребренную белыми каемками водную даль. Ого! Пошвыряют их волны!

Дух захватывает — такая охота поехать.

А все-таки он не поедет.

«Возьму и устою. Испытаю себя. Все время буду испытывать. Или поехать? Нет!»

Володя сел на песок, вытер носками мокрые ноги, обулся, туже подтянул ремень и пошел встретить Женьку.

— Володя! — издали кричал Женька, волоча весла. — Поедем на отмель! Разведем костер, хлеб будем жарить. У меня хлеб припасен, картошки вот только захватить не догадался... Ты чего? — остановился он, заметив странный взгляд Володи раньше, чем его обутые ноги.

— Не поеду.

— Струсил? — крикнул Женя, выпустив из рук весла и с силой швырнув кепку о землю. — Волны испугался! Сухопутная крыса! Музыкант! До-ре-ми! А я-то рассчи-

тывал... На кого понадеялся? Ну, не ждал. От кого другого, а от тебя...

— Не ругайся. Все равно не поеду, — хмурясь, ответил Володя.

— Знаю. Про уроки, должно быть, вспомнил, зубрила! Отчаливай! Без тебя обойдемся.

Женька от разочарования чуть не заплакал. Все пропало. Он знал, что один не рискнет выехать в бурную Волгу.

— Товарищ! Вот так товарищ! — приговаривал он, поднимая кепку и отряхивая с нее песок.

Володя молчал. Женя стал обуваться.

— Надеюсь, у нас в «речном» посмелее ребята найдутся. Подберу себе самого храброго. Плевать мне на трусов!

— Не сбивай. Меня никто не собьет, — твердо ответил Володя. — Что задумал, то сделаю.

— Мухи у вас там подохнут от скуки, в вашем музыкальном училище! — зло засмеялся Женя. — Там у вас не найдешь ни одного порядочного парня. Будешь один хороводиться с девчонками. Зубрила!

Он так и лез в драку. Володе стоило больших усилий сдержаться и не дать ему тумака.

Впрочем, скоро Женька остыл. Он не прочь был, пожалуй, и помириться с Володей. Все равно катанье провалилось. Но опять эти весла! Пока Женя оттащил их на место и вернулся к лодке, Володя ушел.

Володя возвращался домой в том приподнятом состоянии духа, какое бывает у человека, когда он знает, что победил в себе слабость. Дело, конечно, не в уроках: уроки успелись бы. Просто ему нравилось проверять волю.

— Бабушка, есть! — на весь дом крикнул Володя.

Теперь они с бабушкой всё вдвоем да вдвоем. Отец приходит домой только ночевать. А бабушка последнее время перестала ездить в гости. Она часто сидит у окна, ничего не делая, положив на колени сухие, жилистые руки, и иногда вдруг заснет, свесив голову набок. Она не любит, чтобы замечали эти минутные сны, которые внезапно настигают ее среди бела дня, и, проснувшись, виновато оглядывается: не заметил ли кто?

— Бабушка! Бабуся! — Володя обнял бабушку, и сердце тронула неясная грусть — какая она маленькая, худенькая!

Она становится все меньше и меньше. Да нет, это он поднялся, перерос ее на две головы. Когда они вдвоем,

Володя, как в детстве, не стесняясь, целует ее в морщинистые щеки.

— Бабуся! Печеное яблоко!

Нет, ничего не изменилось. Володя помнит — и раньше, ласкаясь, называл ее печеным яблоком. Она всегда была морщинистой, ходила частыми шажками и тихонько смеялась, — он ее другой никогда и не знал.

— Ласков ты, Володюшка! Много грехов с тебя за ласковость скинется.

— Бабушка, кто мне грехи скидывать будет?

— Да хоть бы я! Хотела пожурить, что опоздал к обеду, а, пожалуй, прощу.

Пока он умывался, она подала на стол обед и села у плиты.

— О чем ты все думаешь, бабушка?

— О старости своей.

— Интерес большой думать о старости! Ты не старая, бабушка. Ты всю жизнь такая!

— Потешник ты, Володюшка! Ан нет, было время — была не такой. В молодые годы люди заглядывались. Сама-то я о своей красоте не догадывалась, а люди замечали. Дед твой, Федор Потапов, птахой меня называл. Певуньей и вправду была я. Все-то пою. С чего пою, сама не знаю. С молодости, видно. Теперь бы, по жизни, и петь, да годы не дают.

Бабушка рассказывала свою жизнь, словно длинную сказку.

— Сказывать, что ли?

— Давай, бабушка, давай говори.

— Не знаю, угожу ли нынче тебе. Невеселое вспомнилось... Слушай. Ну вот. Поженились мы с твоим дедом и зажили. После свадьбы нас в фабричную казарму вселили, угол дали у порога в артельной каморке. Возле окна жила семья из шести душ — муж, жена да четверо ребятишек; мы от них занавеской отгорожены. Я свой угол прибрала, украсила: набила к стене над кроватью картинок, стол прикрыла скатеркой, наломала осеннего клену, поставила в крынку — всю зиму он у нас красным пожаром горел.

В других семьях муж с нужды да с вина на второй месяц после свадьбы жену «учить» возьмется, а меня Федор не то что пальцем — словом ни разу не обидел.

Только, видно, счастье с несчастьем двор о двор живут.

В сновальной у Федора мастер был зверь. Раз твой дед дерзко с ним поговорил, и привязалась с той поры к нам беда. Пошли угрозы да штрафы. Мастер в цеху так коршуном вокруг Феди и вьется, клюет и клюет ни за что. Вижу, стал мой Федор задумываться.

Дожидаемся пасхи. В те времена был обычай: на пасху отпускали рабочих гулять. Гуляйте всю святую Христову неделю, да только за свой счет. Иные многосемейные воем выли, идучи в этот «отпуск». Мы — ладно, вдвоем. Как-нибудь перетерпим. Боимся одного: не вызвали бы Федю в контору. В контору пригласят — получай вместе с отпуском паспорт. Паспорт на руки выдан — иди, батюшка, на все четыре стороны. Отработал. Кабы Федю уволили, и мне с фабрики прочь. Жена в мужнин паспорт записана. Его долой и ее долой.

Нет, однако, не уволили Федю. Таким работникам, каков твой дед, Володюшка, был, по нынешним временам Героев дают...

Оставили, значит. Мастер хвалится: «Моей милостью держишься, Федька!»

Федор только зубами скрипнул. С того времени вовсе стал он задумчив. Вечерами начал куда-то похаживать. Мне и невдомек, что Федор занялся политикой.

Ничего я не понимала в ту пору. Федор из дому — я в слезы. Рушится, думаю, жизнь. Ну вот. Прошел год после свадьбы. Взбрело мне в голову к годовщине какой-никакой подарок Феде подарить. А из получки и копейки не выкроишь.

Дай-ка, думаю, наберу земляники да на губернаторскую кухню снесу. А почему про губернатора вспомнила? В поварах у него жил наш деревенский земляк, Елисей Захарыч. Губернаторы менялись — Елисей Захарыч бессменно при кухне состоял главным поваром.

В воскресенье встала затемно, никто и не слыхал, как вышла из дому. Почти что все восемь километров пробежала бегом. Солнце едва поднялось, как я в первый перелесок вступила. Утро стояло ясное, тихое. Иду лесом, во весь голос песню пою, а у самой слезы ручьем. Дала себе волю — выплакалась. Легче стало. А как попала на поляну, что вся закраснелась от ягоды, печаль словно рукой сняло. Опустилась на поляну, да так и не разогнулась, пока полную корзину не собрала. И какое веселье собирать спелую ягоду для чужого стола? Молодость,

видно, веселила. Над головой березы шумят, птицы щебечут. Глянула назад: словно нетронутая поляна лежит, снова красная, только поперек неширокий след протянулся. Села я отдохнуть, обхватила колени руками. И неохота домой, в угол свой у порога, идти.

Люди, люди! Жизнь ваша неласковая!

...Вернулась в город к шести часам утра, да прямо и махнула к губернаторскому дому. В ту пору на Волжскую набережную, где стоял губернаторский дом, простой народ не пускали. Я думала спозаранок незамеченной пробежать, ан из полосатой будки городовой вылез:

«Стой, девка! Назад!»

«Дяденька, позвольте. По заказу губернатору ягоды несу».

Городовой отвернул в корзинке лопух — ягоды, верно.

«Ступай».

Бабушка весело засмеялась:

— Озорна я, Володюшка, в молодые годы была! Бьют меня напасти, а я раз от разу озорней да смелей. Так и в тот день задумала до губернатора добраться — добралась! Допустили меня сначала к Елисею Захарычу, в кухню. Я о земляке знала, а сроду не видывала.

Колпачок на нем белый, белый балахончик, щеки красные, толстые. Я ему в пояс:

«Барин, не откажись ягодки покушать!»

За «самого» приняла. «Барином» земляка и купила.

Елисей Захарыч высыпал ягоды в тарелку.

«Идем! Глянешь хоть издали на губернатора, дура! Память останется».

Подивилась я тому, что повар повел меня не в палаты, а снова на набережную.

«Где ж он тут живет, дяденька Елисей Захарыч?»

«Первое дело — про губернатора положено говорить не «он», а «их превосходительство». Второе — их превосходительство имеют привычку по утрам на Волге рыбку удить. Понимай, темная голова!»

Ну, спустились с высокой набережной по лестнице к воде. У берега на тихой воде стоит плот, на плоту — креслице, а в креслице — и сам губернатор. По виду «их превосходительство» ничем и не отличался от повара — тоже в белый балахончик одет, только вместо колпака голова покрыта платочком, перевязанным на уголках в узелки.

Елисей Захарыч пробрался по мосткам на плот, мне рукой машет. Видно, губернатор кликнуть велел.

Я перебежала мостки.

Губернатор смеется:

«Здравствуй, красотка!»

«Здравствуйте, их превосходительство!»

Губернатор принялся хохотать, и я, глядя на него, посмеялась в ладонь.

«Ваше превосходительство» надо говорить, — пристрожил Елисей Захарыч. — Темнота! Что с нее взять!»

Я смеюсь про себя: «Сам запутался, старый! То велел «их» называть, а теперь учишь: «ваше»!»

Но перечить не стала, поглядываю украдкой на губернатора, пока он ложечкой кушает землянику с тарелки. А он видный, красивый старик: бородища черная и глаза, как уголья, черные.

Вдруг зазвенел колокольчик — динь-дилинь!

«Клюнуло!» — крикнул губернатор, сунул повару тарелку и ложку и к удочке побежал. Гляжу — с плота в воду закинуты удочки. На каждой привязан колокольчик. Рыба клюнет — колокольчик звенит.

Губернатор вскинул леску вверх: на солнце серебром блеснула чешуя. Окунек, длиною с ладонь, шлепнулся и забился на бревнах. А тут новый колокольчик звенит — еще окунек. И на третью удочку клюнуло.

«Удачу ты мне, красавица, принесла, — сказал губернатор. — Все утро попусту просидел, а сейчас гляди-ка — пошло!»

И верно, пока я на плоту постояла, он десять окуней выудил и из-за каждого с радости ногами потопал.

«Иди ко мне, красавица, в прислуги!» — говорит вдруг губернатор да так зорко поглядывает.

«Кланяйся, дура, в ноги! Благодари! Счастье с неба свалилось!» — словно с перепугу, закричал Елисей Захарыч, а сам весь дрожит — зависть, что ли, на чужую долю ознобом его затрясла?

Ну, я, конечно, с отказом:

«Я, барин, с малолетства на фабрике работаю, да к тому же и замужем».

«Как так замужем? — удивился губернатор. — Ах, синеглазая! Ах, шалунья! Уж и замуж, быстрая, выскочить успела?»

Елисей Захарыч вздыхает:

«Темнота!»

Тут колокольчик снова — динь-дилинь!

Губернатор приказал:

«Расплатись с ней, Захарыч! Пусть идет».

А сам к удочке.

Елисей Захарыч дал мне двугривенный, на прощанье еще темнотой попрекнул.

Полетела я домой, как на крыльях...

— Бабушка! Я о таких губернаторах никогда не слыхал! — сказал удивленно Володя. — Бабушка! Твой губернатор... ты, должно быть, была просто отсталая... Бросила бы ты этот двугривенный! Эх, вы! Оба вы с дедом...

— А ты слушай, — сурово откликнулась бабушка. — Так же и Федор встретил меня. «Отсталая, — говорит. — Знаешь ли, от кого подачку приняла?» И пошел, и пошел мне рассказывать про хозяев да царских чиновников. Я слушаю Федину правду, а в глазах губернатор — приветливый да смешливый, колокольчики его перезванивают. Неужели, думаю, и он такой же царский чиновник?..

— Бабушка! — нетерпеливо прервал Володя. — Он вас угнетал? Как он вас угнетал?

— Ты, Володюшка, об угнетателях в книжках читаешь, а я на своей жизни их испытала. Полгода прошло, — продолжала она. — Раз вернулся Федор с фабрики и, чем бы обед спросить, манит меня из каморки на волю. Стыдился на людях душевно со мной разговаривать. Я шубейку на плечи накинула — и в дверь. Осень была. Стужа на улице. Мы с Федором за казармы зашли, а там березнячок молодой. Листья морозом побило, стоят березки на ветру сиротинками.

«Ну, Луша, — говорит мне Федор, — кончилось терпенье рабочих. Начинаем забастовку. Если со мной что случится, духом не падай».

Постояли мы с ним в березняке. А над лесом вороны взад-вперед тучей кружат — неба не видно. Черно от ворон.

Наутро началась забастовка. Пошли рабочие к губернатору предъявлять свои законные требования. А он, Володюшка, отдал приказ встретить рабочих... Возле Волги, в том самом проулке, каким, Володюшка, я с земляникой за двугривенным к нему бегала, выставил губернатор роту солдат. Сам в бинокль наблюдал, как рабочих расстреливали...

ПЕТИН ЛИЧНЫЙ ВОПРОС

В больнице Петю Брунова выдержали ровно десять дней, хотя уже на третьи сутки он чувствовал себя здоровехоньким и лишь подсмеивался над синяком на плече.

Но доктор прописал электризацию, гимнастику руки и прочие процедуры. Пришлось отлежать в палате положенный срок.

В одно весеннее утро, когда клейкие листья тополей, словно помазанные зеленым лаком, блестели на солнце, из садов по всему городу тянуло ароматом одевшихся в белый цвет яблонь и вишен, а магазины уже по-летнему распустили над окнами полотняные шатры, Петр вырвался наконец из больницы.

— Не форси, поаккуратней с рукой-то! — крикнула на прощанье сестра.

Петя так наскучался в больнице, что бегом бы из нее побежал, если бы солидность позволяла бежать на глазах у курносенькой сестрички, глядевшей на него с крыльца. Проходя мимо стройки, Петя для пробы своротил с места бревно. Рука и не почувствовала! Петя свистнул, вскочил в проходящий трамвай и поехал домой, в общежитие. В комнате Петя никого не застал — все на работе, всё по-старому, и лишь одну новость заметил: соседняя с ним койка свободна. Петя вспомнил: сосед собирался жениться и уйти из общежития.

«Оженился, значит, без меня. Долго же я проболел! — удивился Петя. — А дядя Миша, видно, никак не решится подобрать нового жильца».

Петя знал, что дядя Миша, хотя и старший по комнате, ни за что не согласится на свой риск принять человека в их сжившуюся компанию.

«Ладно, нынче обсудим», — весело думал Петя. Его все веселило сегодня: утро, солнце, лужайка в золотых одуванчиках под окном общежития. А лишь Петя подумал, что на вечер условлена встреча с Екатериной Михайловной, сердце взялось выстукивать частую дробь.

Екатерина Михайловна велела называть ее Катей.

«Ведь мы с вами ровесники», — сказала она и поставила в банку на больничной тумбочке Пети охапку черемухи. Черемуха стояла над Петиной кроватью и сыпала на него, как дождь, лепестки.

«Катя! Ка-тя! Какое имя приятное! Наберусь нынче смелости, скажу: «Здравствуй, Катя!»

Оборвать для нее одуванчики? Всю лужайку вот так и отнес бы!

Но до вечера долго. Петя принялся за дела. Заглянул в свою тумбочку — хоть шаром покати. Надо сбегать в магазин купить хлеба, сахару, чаю. Но раньше всего надо написать в деревню письмо.

«Дорогая моя мама и братишки Сережа, Андрюша и самый младшенький, Костенька! Я жив и здоров. Завтра мне предстоит приступить на заводе к одному важному делу», — писал Петя и, закончив письмо, вспомнил, что так и не рассказал об ушибленном плече.

«Ну и ладно! Не к чему им об этом и знать!»

Он надумал идти в баню. Сегодня день удовольствий. Ванны, которыми его угощали в больнице, Петя ни во что не ставил. Баловство одно эти ванны! Он любил помыться в парной, похлестать спину веником, вылить на себя шаек двадцать горячей и холодной воды.

Решено: баня так баня!

Домой Петя возвращался, промытый чуть не до самых костей, в счастливейшем состоянии духа. До условленной встречи оставалось каких-нибудь три часа.

Но у входа в общежитие, на той желтой лужайке, которую Петя хотел подарить Кате Танеевой, он увидел такое, что сразу испортило ему настроение. На скамейке, сунув руки в карманы, сидел вразвалку парень с таким видом, как будто хотел показать: «Плюю я на все!» — и действительно, не спеша сквозь зубы плевал, а под ногами у него стояли на высоких стебельках яркие, невиданно свежие одуванчики.

— Что ты, ошалел? — спросил Петя, узнавая в парне Алешу Стрелина.

Да нет, он его не узнал! Алеша Стрелин, с которым Петя часами возился в школе передовиков и, может быть, спас от увечья, развалясь на скамье, с тупым равнодушием глядел на него и даже не шевельнулся, когда Петя подошел.

— Ты что?

— Иди куда шел. Не задерживайся, — ответил Стрелин, растягивая губы в злую усмешку.

— А я тебя спрашиваю...

Петя замолчал. Что-то такое угрюмое разглядел он в лице этого парня, что понял — угрозами не возьмешь. «Погоди, я приведу тебя в норму!» — подумал Петя.

— Алешка! А рука-то у меня хоть бы что! — беззаботно воскликнул он и, схватив Стрелина за ворот гимнастерки, с силой встряхнул и поставил на ноги. Он крепко держал Алешу за ворот и, смеясь, приговаривал: — Смотри, ничуть не повредилась рука. Только здоровее после гимнастики стала!

А сам думал, глядя в серое, с опущенным ртом лицо Стрелина: «Да что с тобой, парень?»

— Отпусти!

Петя отпустил. Минуту они постояли молча. Алеша тяжело дышал.

— Идем, чаю напьемся, — позвал Петя. — Я любительской колбасы полкило купил. Закусим. Идем!

Он пошел вперед, не оглядываясь, зная, что Стрелин не может не идти.

— Ну, говори, что с тобой? — спросил Петя, собрав на стол чай.

Он с удивлением и жалостью заметил отросшие волосы Алеши, грязную шею и весь его запущенный вид.

— Или нет, сначала поешь. Или лучше сразу скажи. Чаю после напьешься.

— Чего говорить? — не поднимая глаз, ответил Алеша. — На выгонку меня. Увольняют с завода.

— Что-о-о? Алеха, ты врешь!

— Правду говорю.

— Кто увольняет?

— Она. Товарищ Танеева.

Если бы Алеша кинулся в драку, Петя поразился бы меньше, чем услышав эти слова.

Катя Танеева, милая Катя с черной челкой, Катя, которая принесла ему в больницу охапку черемухи и которую сегодня в шесть часов вечера он будет ждать на остановке трамвая возле бульвара, увольняет Алешу с завода!

— За что?

— Бездушная. Вот за что.

— Погоди припечатывать. Рассказывай.

Обида и ухарство перемешались в рассказе Алеши, в каждом слове сквозила враждебность к Танеевой, но Петя ясно представил, что было.

В тот день, когда со станка Алеши вырвалась скалка и Петя упал навзничь на каменный пол, Алеша от страха забился в штабеля покрышек в браковочном цехе. Там его насилу разыскали к концу дня.

После аварии Алешу сняли со станка и поставили подсобным рабочим. Алеша пал духом. Стыдно глядеть на станки, встречаться с людьми, все противно и скучно.

Екатерине Михайловне то и дело приходилось отчитывать Алешу — так он плохо работал, а он в ответ только щурился ей в лицо да смеялся.

Вчера произошел такой случай. Крючки подвесного конвейера, загруженные браслетами, проплывали мимо станков, а Алеша, вместо того чтобы снимать с них браслеты и развешивать возле сборщиков на стойках, забыв обо всем, без дела стоял у окна.

Там его и застала Екатерина Михайловна.

— Ты опять стоишь, Стрелин? — в раздражении крикнула она.

Он обернулся.

— А вы всё подсматриваете?

Не поладить ему с этой инженершей, все равно пропадать! Он сунул руки в карманы, небрежно навалившись спиной на стекло. Стекло треснуло, со звоном полетели осколки. Алеша метнулся, и сам не помня, что делает, вспрыгнул на стоящую поблизости электротележку и погнал вдоль цеха. Куда он собирался на ней убежать?

— Стой! Стой! — кричала Екатерина Михайловна.

Налетит на станок, разобьет, покалечит человека, покалечится сам!

Электротележка со звоном пронеслась вдоль сборочного цеха, свернула за угол, влетела в заготовительный цех и врезалась в тюки прорезиненной ткани. Спустя минуту, бледная как бумага, вбежала в цех Екатерина Михайловна.

В конце концов все обошлось благополучно, никто не пострадал. Счастье, что тележка врезалась не в машину, а в тюки.

— Ну и выгоняйте! — сказал Алеша, увидев Екатерину Михайловну. Он уже чувствовал, что она добивается этого.

— Да, больше не буду терпеть безобразия! — сказала Екатерина Михайловна и сейчас же написала заявление на имя начальника цеха с требованием уволить Стрелина.

— Теперь куда я? — сутуля спину, спросил Алеша, но, словно испугавшись участия, тряхнул вихрами и рассмеялся: — И без вашего завода обойдусь! Эка невидаль! Вот поем да пойду.

— Куда ты пойдешь? Кто у тебя есть?

«Катя, Катя, как же это так?..» — грустно думал Петя.

— Мне сегодня в ночную. А я и не подумаю являться, — говорил Алеша, уплетая, несмотря на все свои горести, за обе щеки ситный с колбасой. — Стану дожидаться, пока уволят! Сам уволюсь... Если бы к станку не привык, мне и горюшка мало.

«Когда ты успел привыкнуть, Алеша, к станку? И дня за ним не стоял». Петя, конечно, не высказал вслух свои мысли. Он ломал голову: как найти выход? Неужели Катя забыла, что парень один-одинешенек?

Петя встал и, посвистывая, подошел к окошку.

Солнце передвинулось к западу, тень трехэтажного дома лежала под окнами, одуванчики скучно свертывали на ночь цветы — лужайка погасла.

Петя вспомнил, что до шести часов не так далеко.

— Согласен поговорить по-комсомольски? — спросил он, подходя к Алексею и прямо глядя в его голубые, сразу чего-то испугавшиеся глаза.

Алеша тоже встал и застегивал воротник гимнастерки, не попадая в петли.

— Поговорим. Я согласен.

— Хочу за твой станок поручиться своим комсомольским словом.

Стрелин опустил глаза, и Петя увидел, как на виске у него бьется тоненькая жилка.

— Алеха! — вдруг закричал Петя. — Ну повезло нам, Алешка! — Он подтащил его к койке с пустой сеткой: — Аккурат для тебя! Переселяйся. Для тебя по заказу место приготовлено. Наш дядя Миша такого как раз жильца и поджидал. Ах ты, дуй тебя горой, какой удачливый парень!

И, схватив кепку и на ходу надевая пиджак, Петя выбежал из комнаты. Впрочем, через секунду он вернулся.

— Собирайся в баню! Отскреби с себя к смене грязь, лохмы свои постриги! Да смотри плевки позабудь! Я за эти плевки...

Уговорить коменданта большого труда не составило. Не все ли равно коменданту, кто будет жить на освободив-

шейся койке! Но, подъезжая к заводу, Петя все больше чувствовал беспокойство. Если бы встретить Екатерину Михайловну! Вместо трамвайной остановки они могли и здесь повидаться.

Ее не было, и Петя вошел в кабинет к начальнику цеха.

— Брунов! Здоро́во, голубчик!

— Товарищ Тополев! Федор Ива́нович! Я к вам с просьбой. Поддержите, Федор Иванович! — без передышки выпалил Петя.

Тополев трубкой указал Пете на стул:

— Садитесь, Брунов. Я уже поддержал.

— Как так? — удивился Петя. — Я по личному вопросу, Федор Иванович!

— Какой же это личный вопрос? — возразил Тополев, принимаясь, как всегда во время разговоров, выколачивать трубку, которую не столько курил, сколько набивал табаком и выколачивал. — Дело общее, товарищ Брунов. Мы здесь все вас заждались. Завтра выйдете — завтра и начнем.

— А! — понял Петя.

Тополев набил трубку, зажег и, высоко подняв черные дуги бровей, усмехаясь, сказал:

— Вы что же, как будто и не обрадовались? А мне говорили, что рветесь... Ну, выкладывайте, в таком случае, свой личный вопрос.

— Федор Иванович... Всей душой рвусь испытать механизм Павла Афанасьевича Новикова. Да загвоздка одна поперек дороги встала. Товарищ Тополев, верните Стрелина на станок! Комсомольским словом за парня ручаюсь!

Тополев пыхнул из трубки дымом и сквозь белое облако молча смотрел на Петю.

— Если Стрелина за ворота... не знаю, как и быть, Федор Иванович! — Петя ударил по коленке стиснутой в кулак кепкой, сердито запихал в карман. — Не знаю, как...

— Здесь Путягин приходил. Путягин считает: вы, товарищ Брунов, рановато на станок поставили Стрелина. Не доучил, может? Оттого и авария.

— Всего наговорят, Федор Иванович. Вы комиссию слушайте. Комиссия зря не скажет. Доучил, Федор Иванович, знаете сами.

— Жалуются на него. Дерзок. Ленив.

— Дак ведь комсомольским словом за парня ручаюсь! Обязуюсь поднять!.. — стуча себя в грудь кулаком, говорил Петя, не спуская взгляда с начальника цеха, ища ответа в его синих, глубоко посаженных под черными бровями глазах. — Ну спасибо! Не пожалеете, Федор Иванович! — вдруг закричал он, вскакивая со стула.

— Брунов, я пока ничего вам не ответил, — усмехнулся Тополев.

— Ответили, товарищ Тополев. Понял! А насчет завтрашнего... Готов к бою и к победе! Прощайте, Федор Иванович!

Он вылетел из кабинета начальника, обливаясь холодным пóтом. Прямо перед его глазами на стенных часах стрелка показывала без трех минут шесть. Первое свидание за всю двадцатитрехлетнюю Петину жизнь!

На трамвайную остановку возле бульвара, который одним концом уходил к Волге, другим упирался в театр, где всегда было шумно и людно, бойко торговали мороженщицы, где, должно быть, сегодня была назначена не одна первая встреча — столько девушек и ребят вслед за Петей соскочило с подножки, едва остановился вагон, — на эту трамвайную остановку он попал, когда стрелка уличных часов показывала половину седьмого.

— Уф! — сказал Петя и провел ладонью по взмокшим волосам на лбу.

Он не стал метаться из стороны в сторону. Все равно Кати не было.

Петя простоял на остановке ровно час и пошел домой.

МЕХАНИЗМ НОВИКОВА РАБОТАЕТ

У Кати это свидание было тоже первым, а кроме того, она сама его назначила Пете. Почему ей пришло в голову такое сумасбродство, если с Бруновым можно встречаться в цехе хоть десять раз в день, можно вызвать его в кабинет Федора Ивановича и час, два, три часа обсуждать с ним комсомольские и другие дела и, наконец, можно после работы пойти вместе домой?

Но, когда Катя принесла Пете черемуху и увидела радость и смятение в его коричневых глазах, она вдруг сказала:

— Приходите в шесть часов к остановке возле бульвара.

На секунду она спрятала лицо в белых ветках и не видела, что с ним стало после ее безумных слов.

За весь год работы на заводе Катя сегодня впервые ушла из цеха раньше времени.

— Мне необходимо уйти. Неотложное дело, — сказала она Тополеву, который ни о чем не спросил, только зорко поглядел на нее. Впрочем, может быть, ей показалось.

Она впопыхах прибежала в свою комнату в общежитии специалистов на Волжской набережной, впопыхах надела голубой костюм и белую шляпку, взглянула на себя в зеркало, обрадовалась яркому блеску глаз и побежала к остановке трамвая. Она прибежала туда без пяти минут шесть и сейчас же ушла, потому что прийти первой, конечно, было уж слишком. Не спеша прогулялась до Волги, постояла на набережной, посмотрела на пестрые пятна лодок и пошла назад, уже торопясь. Было десять минут седьмого.

«Не выписан из больницы», — явилась Кате первая мысль, когда на остановке она не застала Брунова. Но потом Катя вспомнила, что утром звонила в больницу, там ответили — выписан, и испугалась.

Это был не испуг, а другое, странное чувство, от которого вся она внутренне сжалась. Она подождала еще десять минут, потом села в трамвай и почему-то приехала на завод. Только войдя в цех, Катя вспомнила, что на ней белая шляпа с незабудками, и ужаснулась. Ей показалось — все сразу поняли, в чем дело, увидав ее незабудки: «Ага, матушка! Узнала, как назначать свидание? Тоже, Татьяна Ларина выискалась!»

Если бы она была дома, в своей маленькой комнатке с окном на Волгу, упала бы на кровать и до полуночи ревела в подушку. К счастью, она приехала на завод, и это ее спасло — Катя до слез не унизилась.

Наоборот, она вошла к Тополеву слишком уж гордой.

Он молча пустил из трубки струю сизого дыма, затем невозмутимейшим тоном сказал, что именно Екатерину Михайловну больше всего хотел сейчас видеть. Он мог и действительно не заметить ее наряда. Что они замечают, мужчины!

Так Катя узнала, что ее требование уволить Алешу Стрелина не удовлетворено начальником цеха. Она все

поняла. Если бы Петя из-за товарища позабыл о любой назначенной встрече, другой встрече, не с ней, он был бы оправдан. Впрочем, сейчас к тому, что случилось у трамвайной остановки, прибавились новые события. Завтра испытание механической скалки Новикова. Как ждала Катя этого дня! Как он испорчен!

Ее мысли и чувства смешались. Она была просто несчастна.

Из всех бедствий сегодняшнего дня Катя выбрала одно, не самое горькое, и решила хорошенько его обдумать.

Итак, они, Петя и Тополев, возвращают Стрелина на станок? Итак, для них мнение цехового инженера Танеевой ровно ничего не значит? Плюют они на ее мнение. Вот как у нас создают авторитет молодым специалистам! И после этого вы хотите, чтобы Путягин меня признавал? Вы надеетесь, что у меня после этого создадутся но-о-рмальные с ним отно-о-о-шения?

В конце концов она таки заревела. Придя домой, она уткнулась в подушку в своей маленькой комнате и обливалась горькими слезами, заперев дверь на ключ. Конечно, она вспомнила маму в этот грустный час одиночества и пожалела, что не стала тоже учительницей. Жили бы и жили вдвоем в колхозе, в сорока километрах от станции...

Потом наступил кризис. Катя села, вытерла глаза и мысленно спросила себя: «А ты боролась за Стрелина, секретарь цеховой комсомольской организации? Ты почему вздумала требовать его увольнения? Признавайся. Оттого, что он тебе грубил? Позор, Танеева! Ты зазналась, Танеева, и оторвалась от масс. Вот до чего ты докатилась. И тебя поделом проучили».

Все-таки у нее был довольно решительный характер. Она сказала себе: «Прекратить личные переживания!» — и после этого ей стало легче.

Катя открыла окно и, вдыхая прохладный ночной воздух, старалась что-нибудь разглядеть за окном. Там ничего не было видно, кроме густой черноты Волги да цепочки огней, играющих на том берегу.

Три красные звезды медленно плыли между небом и землей; смутно стал вырисовываться силуэт самоходки-баржи.

Вглядевшись, Катя заметила вспыхивающие то здесь, то там зеленые и красные светляки. Волга жила ночной жизнью огней.

«Ах да, завтра, завтра...» — вспомнила Катя.

...Утром, когда она пришла на завод, Дементьев и Новиков сидели на диване в кабинете начальника цеха и тихо разговаривали.

— Павел Афанасьевич, ты в себя верь, — говорил Дементьев участливым тоном. — Верь в себя, Новиков, и баста!

— Ты, Сергей Ильич, словно сиделка в больнице, надо мной хлопочешь, — нахмурился Павел Афанасьевич. — Или на всякий случай готовишь — ну незадача?

— Дурной, дурной! — улыбнулся Дементьев, щуря близорукие глаза. — Есть у вас, изобретателей, должно быть, особая извилина в мозгу, все-то на свой лад поворачивает.

Павел Афанасьевич не ответил. Он провел бессонную ночь и заботился сейчас об одном: скрыть от других, как его мучают ожидание, неизвестность и страх.

Наконец все собрались.

— Перед началом, по русскому обычаю, сядем, — полушутя предложил Тополев.

— Путаешь, Федор Иванович, обычаи, — возразил Дементьев: — перед отъездом садятся.

Однако все сели.

На Катю напало такое усердие, что, как Петя ни искал ее взгляда, она не подняла глаз от чертежей на столе.

Это был разрыв. Петя страдал. Впервые он со страхом подумал: «А вдруг провалю?»

— Ну, Петр Брунов, в добрый час! Идемте, — сказал Дементьев.

В цехе уже знали о предстоящем испытании опытного механизма, и, хотя все станки работали нормально и ничто не нарушало обычного течения дня, любопытство, нетерпеливость ожидания все же ощущались в особенной возбужденности рабочих. Десятки недоверчивых и сочувствующих глаз встретили Петю Брунова, когда он впереди всех быстрыми шагами прошел к своему станку. По дороге Брунов задержался возле Путягина.

Путягин без всякой видимой причины оставил работу, положил на станину руку:

— Удачи желаю! Болельщик!

Не назови он Брунова «болельщиком», вложив в это слово недобрый и насмешливый смысл, не произошло бы того, что мигом согнало хмурь с лица Пети.

Катя Танеева вышла вперед и сказала:

— Товарищ Путягин! Комиссия расследовала причину аварии. Причина в том, что не соблюдены правила технической безопасности. Что же касается подготовленности ученика Брунова, комиссия нашла его примерно обученным...

Вот что Катя сказала перед началом испытания, вместо того чтобы надменно и холодно произнести те слова, которые про себя твердила все утро: «Извините, Петя, я не могла вчера прийти, как мы условились...»

И Петя встал к станку. За спиной его на стойке висели подготовленные детали сборки — всё под рукой. Всё как обычно. И только станок изменился. Справа, на щите, прикреплена механическая скалка. Заключенная в металлический чехол, она похожа на отточенный меч.

Петя мельком глянул на Павла Афанасьевича. Тот насильно улыбнулся.

Петя начал сборку: набросил на барабан станка первый браслет.

Второй браслет надевается при помощи скалки.

Петя со страхом почувствовал, что у него дрожат руки.

— Не сметь! — вслух приказал он себе.

Он мог говорить вслух — все равно из-за шума станков никто не услышит.

— Подтянись! Не оплошай, Петр Брунов!

Он включил барабан, повернул на щите рычажок. И вот из металлического чехла-цилиндра медленно выдвинулся меч-скалка. Петя снял со стойки браслет, накинул на включенный вращающийся барабан и, стиснув зубы, следил, как механизм помогает липкому браслету лечь поверх первого. Порвет! Неужели порвет?

Но браслет лег ровно.

Это продолжалось меньше минуты. Когда Петя вновь повернул рычажок, убирая скалку в цилиндр, на висках его от пота взмокли волосы. Он не оглянулся даже на Павла Афанасьевича. Покрышка-гигант для многотонных грузовых машин собирается из пяти браслетов; четыре из них надевают со скалкой. Еще три раза!

Нет, он уж слишком волнуется! Залежался он там в больнице, отвык от работы. Зря выскочил испытывать механизм в первый же день.

Механизм работает! Павел Афанасьевич, родной! Ра-

ботает механизм! Если браслет порвется и покрышка выйдет в брак, виноват не механизм — Петина неловкость виновата!

Петя ни на кого не оглянулся, когда был надет и последний, пятый браслет. Он ослабел от нервного напряжения — сборка покрышки с помощью механической скалки показалась ему ничуть не легче обычной. Тогда уставали руки, сейчас он был весь измотан.

Петя посмотрел на часы — отстал на пять минут. Стараясь наверстать время, он быстро наложил на середину покрышки для усиления ее ходовой части узкую прорезиненную полосу — брекер — и включил прикатчики — колеса. Брекер прикатывается колесами для повышения прочности.

Осталась еще одна, заключительная, операция — наклеить поверх брекера протектор. Это беговая часть шины.

Вот и всё.

Собрана первая покрышка при помощи механической скалки!

Петя откатил ее в сторону. На миг он проводил взглядом подхваченную транспортным конвейером покрышку.

Она поплыла над головами сборщиков к формовочной машине. Машина откроет рот, втянет сырую покрышку, опустится тяжелый пресс, и широкое, громоздкое резиновое колесо путем мощного сжатия воздуха, незаметно для людей, сформируется там в обыкновенную шину.

Она все еще не готова. Непрерывно идущий конвейер поведет ее теперь в цех вулканизации...

Однако Пете некогда раздумывать о судьбе своей шины. Пущена в жизнь. Пусть живет. Пусть отходит положенные ей тысячи километров по дорогам страны!

— Можно сообщить, что первый опыт удался, — сказал Тополев и шагнул от станка, сильно припадая на левую ногу.

— Федор Иванович! — загородила ему дорогу Катя. — Федор Иванович! Разрешите мне! Я позвоню в партком и директору.

— Хорошо. Сообщайте.

Она побежала.

— Слушайте, Путягин! — крикнула Катя, пробегая мимо. — Механическая скалка работает!

Путягин не усмехнулся.

— Звонко поете, поглядим — где-то сядете, — пробор-

мотал Путягин. — Неизвестно, как он дальше заработает, ваш механизм. Какие в нем штучки-капризы откроются.

И все-таки он не усмехнулся сегодня. О чем он думал? Мирился или все еще не хотел мириться с тем, что привычный, испытанный способ, каким весь его, путягинский, век собиралась автомобильная шина, отслужил, кончился? Начиналось новое.

...В этот день Пете Брунову было легко и трудно работать. Он не перебросился ни с кем ни словом, и с ним не заговаривали — боялись мешать. Он поднимал время от времени глаза и, успев быстрым взглядом окинуть стоящих невдалеке от станка: то директора завода, то кого-нибудь из членов парткома, редактора многотиражки или вовсе незнакомых людей, продолжал делать свое дело.

К концу дня весь завод знал: испытание нового механизма удалось.

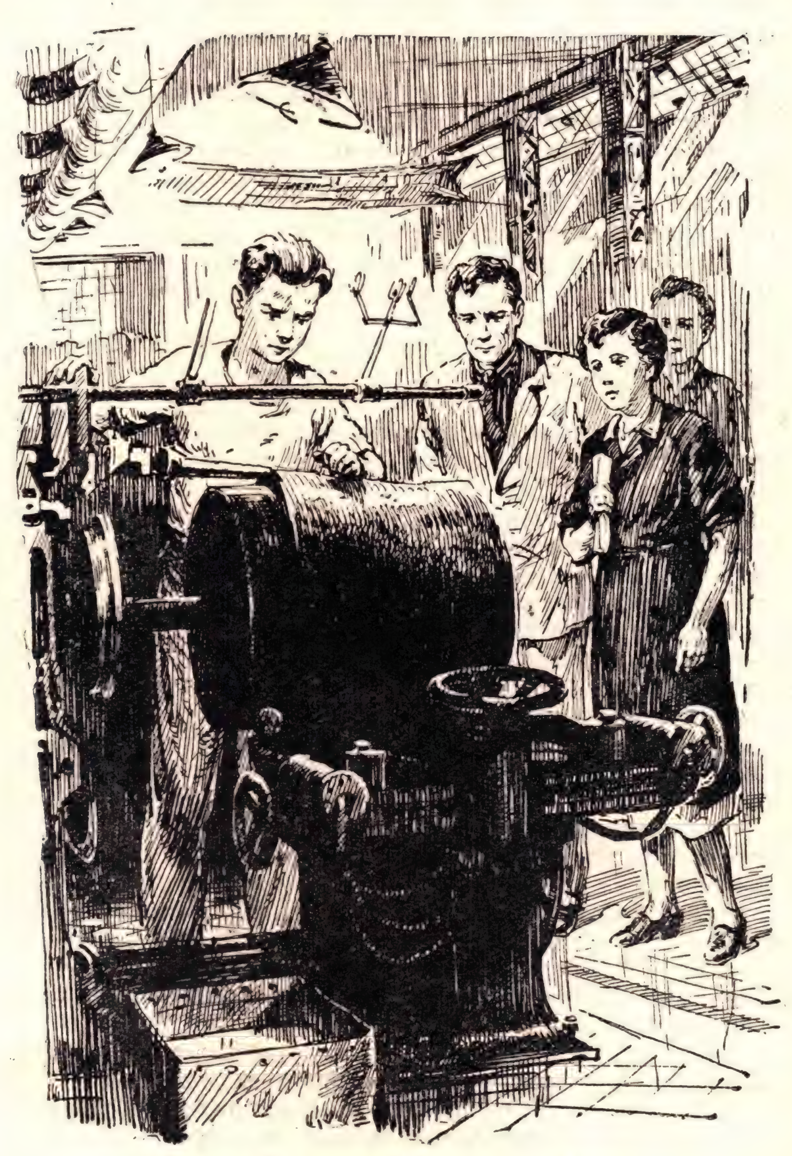
После того как Брунов собрал вторую, третью, четвертую и пятую покрышки и пригодность новиковской механической скалки стала очевидной для всех, Катя Танеева, секретарь цеховой комсомольской организации, известила комсомольцев и рабочих цеха о совещании. Уговаривать никого не пришлось. Сегодня на собрание остались все.

Петя сбегал в душ, вымылся под горячей струей, окатился холодной и, словно смыв с себя волнения дня, пришел на собрание таким свежим и успокоенным, как будто и не было позади величайшего напряжения душевных и физических сил. Только теперь он оценил торжество победителя. Он расчесал гребешком мокрые волосы и, положив руки в карманы, стал у стены, стараясь казаться равнодушным. Он видел — взоры девушек обращены на него.

«Погодите, не то еще будет!» — говорила каждая черточка его смелого и, как ни пытался он скрыть, счастливого лица.

Но, едва заметив Катю, Брунов вынул руки из карманов, и выражение уверенности на его лице растаяло.

«Подойдет? Не подойдет?» — в беспокойстве спрашивал себя Петя, следя за маленькой фигуркой Танеевой, которая пробиралась между рядами тесно поставленных стульев.

К концу дня весь завод знал: испытание нового механизма удалось.

Катя остановилась. Петя видел: она нагнулась, разговаривая с кем-то из сидящих, темная челка косячком повисла на лоб. Не подойдет, нет!

Вся радость Петиной жизни, весь ее смысл заключались сейчас в одном желании: подойди!

Она подошла.

«Ты радуешься? Забыла вчерашнее? Не сердишься?» — спросил Петя им одним понятным взглядом. Катя в ответ пожала его руку сильной маленькой рукой. Все это видели — девушки, которые, сбившись в кучку, шептались о нем, герое дня, Путягин, рабочие. Но никто не слыхал, что сказала Катя Танеева:

— Кажется, вы еще не поздравили Павла Афанасьевича, товарищ Брунов?

Дубина! Самодовольный, глупый петух, Петр Брунов! Распустил хвост и позабыл об изобретателе. А если б не он, тебе и испытывать было бы нечего, никаким бы ты не был героем!

Петя бросился искать Павла Афанасьевича, но собрание уже начиналось. Петю посадили в президиуме как раз рядом с Павлом Афанасьевичем. Павел Афанасьевич обнял его и расцеловал у всех на глазах. Он был серьезен и как будто даже печален.

— Ты на меня не гляди, — шепнул он Пете. — Это с меня сойдет. В моей жизни большой нынче день, друг мой Брунов!

Собрание открыл секретарь партбюро цеха Дементьев. Были на этом собрании два человека, которые с одинаковым опасением ждали речи Дементьева.

Толстый Романычев сел ближе к двери. Он, вздыхая, потирал пухлую грудь и тревожно гадал, будет ли Дементьев громить бриз за то, что вовремя не поддержали новиковский механизм. «Если будет, опять сошлюсь на Брагина. Брагин был консультантом. Отвечать — так вдвоем. Вон он, Василий Петрович, явился. Погоди, всыплют сегодня тебе! Важность, пожалуй, слетит. Спесив журавль, а шею клонит!»

«Если Дементьев поставит вопрос обо мне, — думал Василий Петрович, — скажу прямо: да, недооценил в свое время, ошибся. Прямота всегда хорошо действует».

Дементьев и не подумал о них говорить.

— Товарищи! Когда на пустыре, где раньше выше колен росли бурьян да крапива, встали первые корпуса

нашего завода, мы решили рассказать о нем Алексею Максимовичу Горькому. Завод послал в Москву делегацию. Приходим к Горькому. Помню, обрадовались мы его оканью. По говору земляка узнали. И смех у него уж очень хорош!

Выслушал наш рассказ.

«На пустыре завод подняли! Молодцы! Вот это здорово! Умный народ! Умную строите жизнь!»

Умел Алексей Максимович обрадоваться новому!..

. . . .

. . . .

У ВОЛОДИ ЕСТЬ ЦЕЛЬ

В школе этот день был последним учебным днем. Пролетел еще год. Что-то кончилось и никогда не повторится. Чего-то жаль, а в то же время на сердце радостно, весело! Скоро начнутся беспечные дни!

В последний день учителя на уроках говорили все же не о каникулах, а об экзаменах.

Гликерия Павловна перечисляла трудные разделы программы и, вздыхая, упрашивала ребят повторить на совесть. В классе шум. По стенам, пущенные чьей-то незримой рукой, пляшут солнечные зайчики.

Гликерия Павловна наконец рассердилась, хлопнула журналом по столу и пригрозила уйти.

— Детский сад! Ну, потише! — крикнул Брагин.

— Мальчики! — уговаривала Гликерия Павловна. — Пора уж вам поумнеть. В восьмой класс переходите. А это... знаете... и от института не так далеко. Надо, мальчики, на совесть повторить географию. Ох, боюсь, подведете вы меня на экзаменах!

— Не подведем!

Толя Русанов вскочил и, давясь смехом, продирижировал: «Раз! Два! Три!»

— Не под-ве-дем! — хором повторил класс.

— Не под-ве-дем! — пропел кто-то в углу.

— Полноте! Полноте! — замахала руками Гликерия Павловна. — Успокоили. Верю.

— Гликерия Павловна! Поговорим напоследок!

— Гликерия Павловна, расскажите о звездном шлюпочном походе.

— Звездный поход? — переспросила учительница с выражением заботы на благодушном лице. — Что-то, ребятки, я о нем не слыхала.

— Ну, тогда я сам расскажу, — вызвался Горюнов, ничуть не удивившись незнанию учительницы.

Последние дни Женя часами просиживал на Волге, поджидая снизу моряков Каспийской флотилии, вышедших на парусных шлюпках из Астрахани в Москву. Почему поход называется звездным?

Гликерия Павловна утомленно оперлась на ладонь щекой.

Вот всегда так: зададут неожиданный вопрос — в каких энциклопедиях на него ответ разыскать?

— Дело, наверное, в том, что флотилия держит путь по звездам...

— Эх ты, речник! — перебил Коля Зорин. — Шлюпки вышли из разных морей: Каспийского, Балтийского, Белого, а сойдутся в Москве. Москва — как звезда, во все стороны лучами пути.

— Горе, Горюнов, прождешь каспийскую команду до зимы. А она на Оку повернет.

— Учите географию, мальчики! — на прощанье еще раз внушила Гликерия Павловна.

Теперь оставалось положиться на совесть ребят: выучат учебник — ответят. Трудное время весна для учителя! Гликерия Павловна позабыла, когда и радовалась ей...

В класс на смену ей пришел Андрей Андреевич. У него тоже последний урок. Андрей Андреевич обычен: темный костюм, белоснежный воротничок, отброшенные назад белые волосы, знакомая живость глаз.

Нет, и он необычен сегодня.

Андрей Андреевич молча постоял за учительским столиком. Привык он к своим мальчишкам! Всмотрелся в усыпанное родинками задумчивое лицо Жени Горюнова: что-то путешественник, должно быть, напутал.

Коля Зорин. Тихоход. Все впечатления жизни в голове Зорина укладываются медленно, но прочно.

Вон резвый, весь еще не устоявшийся, не определившийся Толя Русанов.

А вон Володя Новиков. Андрей Андреевич угадывал в Новикове стыдливость и смелость, открытость и замкнутость, упрямство и податливость — противоречивые свойства впечатлительной и одаренной натуры.

Андрей Андреевич вскинул руки к вискам, медленно провел по голове и спросил:

— Побеседуем?

Но он не стал, как Гликерия Павловна, упрашивать ребят зубрить перед экзаменами историю.

— «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам», — вместо всех наставлений сказал Андрей Андреевич слова Карла Маркса. Торжественность их не смущала Андрея Андреевича. Чутье подсказало ему: сейчас у ребят настроение необыденное.

Он видел: Володя Новиков записал слова Маркса в тетрадку.

Володя завел эту тетрадку, когда готовил доклад о Чайковском. Он привык записывать в ней слова и мысли, которые чем-то его задевали. Последнее время много слов, тревожащих и радующих, встречалось Володе.

Вот и сейчас... Никто не знает, что музыкальное училище на улице Собинова и есть та вершина, куда Володя карабкается изо всех своих сил. А каменистые тропы — уроки музыки. Мука мученическая эти уроки, но Володя готов лететь к Марфиным в любой час. Звала бы только Ольга почаще.

...Он открыл калитку сада. Дверь из Ольгиной комнаты распахнута, слева у двери раскинулся куст шиповника, справа стоит обросшая мохом темная ель.

Володя увидел возле елки коляску Татьяны, Васюту и Шурика.

— Володя! Иди-ка, иди! — закричал Шурик, отодвигая плечом Васюту от коляски.

Он хотел сам похвалиться Володе: Татьяна научилась вставать.

— А у нас тоже будет маленький, — сказал Васюта.

— Откуда он у вас появится? Ты почем знаешь? — удивился Шурик.

— Знаю. У нашей Тамары скоро родится ребеночек. А я буду дядя.

— Вот так дядя! — засмеялся Шурик. — Хорош дядя — в пятый класс перешел! До плеча мне не дорос!

— Рост к уму не относится, — с достоинством возразил Васюта.

— Володя! Такие дяди бывают? — спросил Шурик.

— Наверное. Если есть племянник.

— Что? Съел? — поддразнил Васюта.

Он опять торжествовал. Каждый раз Васюта удивлял Шурика чем-нибудь новым.

— Володя, иди заниматься! — позвала Ольга.

Она стояла у рояля в пестром платьице, вся какая-то летняя, уже загорелая, с перекинутой через плечо толстой светлой косой.

— Играй, Володя... Или нет, погоди. Ах, надоело!

— Что надоело? — испугался Володя.

— Все надоело, — жалобно повторила Ольга, отбрасывая косу на спину и недоуменно поднимая правую бровь. — В лесу, наверное, зацвели ландыши. Сыро, темно; стоят листья, а в листьях — ландыши. Вот и весна скоро пройдет... А мы занимаемся, занимаемся... Ну уж ладно. Играй, — вздохнув, заключила она.

Володя положил на пюпитр нотный альбом. Разобрать строчку нот и, соблюдая такты и паузы, повторить ее на клавиатуре стоило таких усилий, что за все время урока он не успевал подумать ни о чем постороннем. Неужели Ольге надоело с ним заниматься? Что же будет?

— А я согласен упражняться хоть десять часов в день, — сказал он, когда урок кончился.

И все-таки истинное наслаждение начиналось только теперь: Ольга сменяла его у рояля. Володя ждал, не решаясь просить, не зная, пробежит ли она бурно и весело вдоль всех клавиш гибкими пальцами и с шумом захлопнет крышку или, наклонив голову, словно к чему-то прислушиваясь, притихнет и, не поднимая глаз, спросит: «Играть?»

— Тот концерт в вашей школе имел для меня большое значение. Это был переворот в моей жизни, — сказала Ольга, тронув клавишу. Клавиша отозвалась коротким, удивленным звуком. — Нам... некоторым из наших ребят предложили играть в филармонии. Ох, боюсь!

Она посидела молча. Володя не решился ответить — так его поразила новость. Играть в филармонии!

— «Лунная соната», — сказала Ольга.

Володя не умел слушать вещь впервые. Он начинал ее любить, услышав третий, четвертый, пятый раз. Тогда музыка становилась яснее и ближе. Тогда что-то в душе отвечало ей. Но сейчас то, что Ольга играла, захватило его сразу. Он сидел на кушетке против раскрытой в сад

двери. Там уже наступал вечер. С запада медленно поднималась свинцовая туча, ее седые края клубились и, отрываясь, клочьями плыли по небу; деревья в саду стояли неподвижно и тихо, словно ожидали чего-то, и весь сад глухо умолк, все в нем притаилось, затихло и ждало...

Анастасия Вадимовна вошла в комнату и, остановившись у двери, молча слушала музыку.

И вдруг в дверь из сада ворвался ветер, плеснул занавеской, смахнул с рояля нотный листок. Сад очнулся, ожил и весь зашумел.

Хлопнула садовая калитка, скрипя закачались сосны; как тугие мячи, застучали и запрыгали на песке, падая с сосен, шишки. А туча надвигалась, белея и ширясь; небо наискось прочертила кривая длинная молния, и земля, казалось, раскололась от треска.

— Мама! Татьяна боится! — закричал из соседней комнаты Шурик.

Анастасия Вадимовна поспешно ушла.

— Пережди грозу! — сказала Ольга Володе.

Сад потемнел, словно ночью. Сосны утихли так же внезапно, как зашумели, и лишь вершины их слабо покачивались.

Снова вспыхнула молния, озарив на мгновенье лицо Ольги.

БАКЕНЫ

Весь конец мая и до середины июня гремели грозы. Из-за Волги целые дни ползли тучи, уходили, на смену им выползали другие, густели, росли, синей цепью окружая город, и к вечеру разражалась гроза. Хлестал ливень. По тротуарам и со спусков к Волге катились мутные потоки воды, а утром солнце встречала безмятежная голубизна неба и такая омытость, свежесть природы, птичий свист в садах и невозмутимая гладь Волги, что казалось — все дожди наконец пролились. После полудня на город со всех сторон опять надвигались валы сизых туч.

Володя готовился к экзаменам. Когда небо темнело и в стекла начинали барабанить частые капли дождя, он, отложив книгу, подходил к окну и иногда вспоминал грозу в саду Марфиных, бледное лицо Ольги и чувство торжественности на сердце, оставшееся то ли от затишья перед бурей, то ли от музыки.

Экзамены шли хорошо. Пожалуй, самым трудным оказался экзамен по географии. Володя усердно читал учебник. До того заучился, что Сахалин и Камчатка, Казахстан и Киргизия путались в его представлении, все реки Сибири, кроме Енисея, куда однажды мимо их города прошел на теплоходе рулевой Вадим Громов, стали одинаковы, и Володя, захлопнув учебник, решил наконец отдохнуть.

Он взял Чехова. Эта книжечка давно лежала у отца на столе. Володя поглядывал на нее и только вздыхал: «Вот уж в каникулы...»

Прочитав первую страницу, Володя удивился чему-то, и сонливость, одолевавшая его за учебником, вдруг рассеялась, словно мозги спрыснули живительной влагой.

Потом Володя захохотал и сразу нахмурился и опять рассмеялся.

«А география?» — мелькнуло в голове, когда, подняв от книги глаза, он увидел учебник. Впрочем, он сию же секунду позабыл о географии.

— Бабушка, бабушка, прочти Чехова, — поздно вечером, уже лежа в постели, сказал Володя и уснул.

«А ведь я провалюсь!» — понял он утром. Но повторять было поздно.

Гликерия Павловна пришла на экзамен небывало нарядная, и небывалый порядок встретил в классе Гликерию Павловну. Она села за стол, расправив черное блестящее платье, потрогала на шее янтарь и, вынув из сумки платочек, распространила вокруг благоухание белой сирени.

Но добродушное лицо Гликерии Павловны не улыбалось сегодня. Она с трудом скрывала тревогу. Неизвестно, как повернется экзамен. Как ответит хотя бы тот же Горюнов, который всю зиму, чуть отвернешься, уже тащит из-под парты книжку. Как ответит Толя Русанов — этот и сейчас косится в окно. Гликерия Павловна первым вызвала Толю.

— География для меня пустяки! — сказал Толя, обернувшись к ребятам.

Его иссиня-голубые глаза бесстрашно смеялись, и легковерная Гликерия Павловна заулыбалась в ответ. Толя долго готовился отвечать по билету, что-то беззвучно шептал, подняв кверху тоненькие, слабо очерченные

бровки, и Гликерия Павловна, нагнувшись к инспектору, довольно шепнула:

— Поглядите, как добросовестно относится к делу. А уж какой баловник!

— Покажи, Русанов, Кузбасс, — певучим голосом сказала Гликерия Павловна, когда Толя кое-как покончил с билетом.

Он взял указку и храбро шагнул к карте. Тишина в классе стала немой, как карта. Все смотрели на оттопыренные уши Толи Русанова, которые багровели все гуще.

Толя поднял указку и поехал на Дальний Восток. Гликерия Павловна тихо охнула, стыдясь глядеть на инспектора:

— Русанов! Русанов!

— Я дальнозоркий, Гликерия Павловна. Я близко не вижу, — невинно улыбнулся Русанов и, сделав петлю, направился к Аральскому морю.

— Ну и ну! — вздохнула Гликерия Павловна. «Дожила до позора! Глаз теперь не поднять!»

И с отчаяния она после Толи вызвала Женю. Пускай добивают уж разом. Женя, едва его назвали, потерял гребешок. Зачем-то этот гребешок ему непременно понадобился. Женя шарил в парте, под партой, а Гликерия Павловна, пригорюнившись, думала: «Прособиралась взяться за мальчишек как следует, а год и прошел».

Она прекрасно поняла Женину хитрость, у которого, должно быть, ноги от страха подкашивались, и на всякий случай тихо сказала инспектору:

— Этот звезд с неба не хватает. Шел в году середнячком.

Между тем Женя разыскал гребешок в кармане, чуть притронулся им к волнистому чубику, снова спрятал в карман, взял билет и, едва взглянув на него, стал отвечать.

— Подготовься! Продумай! — прервала Гликерия Павловна, залившись краской испуга. — Легкомысленный!

— Я это знаю, — невозмутимо возразил Горюнов.

Он не спеша, обстоятельно и с такими удивительными подробностями рассказал о реках бассейнов Баренцева, Белого и Балтийского морей и о Беломорканале, что Гликерия Павловна еще жарче раскраснелась и, вынув из сумки душистый платочек, как веером, обмахнула им щеки.

— О чем бы его спросить дополнительно? — вслух подумал инспектор.

— О чем хотите.

— В таком случае, рассказывай то, что тебе самому всего интересней.

Женя скосил глаза в угол класса, откашлялся и не спеша начал рассказ о русских мореплавателях.

— Талант! Будущий ученый! — шепнула инспектору Гликерия Павловна, отпуская Женю на место. — Ну и ну!

Володе выпало отвечать о Казахстане и Киргизии. Арыки, пески, рис, хлопок, промышленность...

Гликерия Павловна удовлетворенно кивнула и поставила «пять».

Последним экзаменом была история. За историю Володя был почти спокоен. Но тут случилось одно непредвиденное событие...

В этот день Шурик Марфин выпросился у матери на весь вечер к Васюте. Они условились встретиться по важному делу. Васюта вырыл в песке затон, отвел в него из реки воду. Они собирались наловить пескарей, пустить их в затон и выкармливать.

Шурик уговорился с мамой переделать по дому до обеда все дела: подмести пол, набрать для самовара ведерко сосновых шишек, сбегать за керосином, а главное, отсидеть ровно два часа с Татьяной, пока мама приготовит обед.

Татьяну теперь нельзя было ни на минуту оставлять одну: она так и лезла из коляски, а когда ее сажали в саду на разостланное одеяло, уползала в крапиву.

Шурик возил коляску взад и вперед по дорожке и ругал Татьяну:

— Росла бы скорее! Житья из-за тебя нет! Толстуха, потому и ноги не ходят!

Татьяна смеялась, показывая два хорошеньких белых зуба, и неожиданно уснула, разбросав по подушке розовые, словно ниточкой перевязанные у ладошек руки. И сразу Шурику стало ее жаль. Он отвез коляску в тень и терпеливо отгонял от Татьяны веточкой мошек, пока наконец его не отпустили гулять.

Волга была тихая, но по-весеннему еще холодная. Шурик с Васютой все же выкупались. Они ныряли, стояли столбом, вниз головой, плавали саженками, по-лягушачьи и вылезли из воды, посинев от холода.

— Давай толкаться — согреемся, — предложил Васюта. — Потом на солнце посушимся.

Они провозились с пескарями до захода солнца, а поймали всего шесть малюсеньких рыбешек.

— Нам больше и не надо, — простуженным басом сказал Васюта. — Мы сейчас их запустим в затон... А что махонькие, так то и лучше. Поглядим, как они будут жиреть.

Васюта шел впереди, бережно неся консервную банку с пескарями. Невдалеке от дома он вдруг остановился. Навстречу, тяжело дыша, бежал человек.

— Иван Григорьевич! — испуганно сказал Васюта, сунув в руки Шурику консервную банку. — Иван Григорьевич!

— Ступай домой! Беда! — на ходу бросил человек и побежал дальше вдоль берега.

— Зять, — упавшим голосом прошептал Васюта. — Идем скорей! — позвал он.

Наверху высокой, как у капитанского мостика, лестницы стояла Васютина мать и совала ключ в замочную скважину, стараясь запереть дверь, но ключ не влезал.

— Не запру! — охнула мать и увидала Васюту. — Васюта! Сынок! Тамара у нас помирает!

Она подхватила со ступеньки какой-то узел и быстро сбежала с лестницы, всхлипывая и стуча каблуками.

Горе исказило ее лицо, оно казалось темным и старым.

— Мамонька! — заплакал Васюта, вцепившись в узел. — Куда ты?

— В больницу. К Тамаре. Худо Тамаре. Васютка, бакены надо зажечь. Может, я и до утра не вернусь. Утром загасишь. Батюшки мои, не сумеешь!

— Сумею!

— Васюта! Не проспи утром. Тамарочка-то наша... сынок!

Она прижала к боку узел и побежала вдоль берега, как бежал несколько минут тому назад Иван Григорьевич.

Васюта долго смотрел вслед матери, пока она не скрылась.

— Иди к лодке, — сказал он Шурику. — Я лампы и весла притащу.

Он принес, молча поставил на дно лодки жестяные фонари и стал налаживать весла. Он не справлялся с ними, неловко ударяя то одним, то другим веслом по воде, а лодка стояла на месте, и вдруг Васюта почувствовал

себя ничтожным и маленьким в этой широкой лодке, на которой мать свободно выезжала к бакенам в самую лихую осеннюю непогоду, когда даже дома слышен рев волн.

— Я всегда на руле сижу, — в отчаянии сказал он. — И фонарь, пожалуй, не вставлю. А у нас начальник строгий. Он нас с работы прогонит.

— Не прогонит, — робко возразил Шурик.

— Не зажжешь бакены — пароход сядет на мель...

— Васюта! — закричал Шурик. — Придумал! Я за Володей сейчас побегу!

— Шурка, беги! Не упросишь — пропали мы, Шурик, с тобой!

Васюта приложил к груди крепко сжатый шершавый кулак, и Шурка понял, что, если не упросит Володю, они и верно пропали.

Он летел к Володе, не чуя под собой ног.

Васюта сидел в лодке.

Темнело. Надвигалась ночь. Берег, крутой стеной вставший над Волгой, заслонил от Васюты город и зарю.

Глухо на Волге. Вода под лодкой черного цвета. И рыбы, должно быть, смотрят со дна на Васюту рыбьими глазами и ждут: что-то будет?

— Веду, Васюта, веду! — закричал издали Шурик. — Его к тебе и ночевать отпустили! — кричал он подбегая. — Ему велели с тобой ночевать. Бабушка велела... Васюта, а Тамара ваша поправится.

Володя оттолкнул лодку, вскочил и взялся за весла. Лодка пошла вниз.

— До свиданья! — крикнул с берега Шурик.

Вода дремотно булькала, ударяясь о дно лодки.

На середине реки было светлее. Розовая заря догорала за городом; на ее бледном поле, как маяк, блестела звезда.

— Может, и верно вылечится, — сказал Васюта.

— Конечно! — коротко ответил Володя.

Он никогда не бывал на бакенах и боялся, что не сумеет их зажечь, поэтому греб сосредоточенно и молча. Но Васюту именно эта его сосредоточенность и успокаивала. Так зять, взрослый мужчина, раскрыв капот машины, молча хозяйничал там среди сложных деталей.

Возле бакена вода бурлила, плескалась о крестовину, пенилась. Володя повернул лодку, и теперь бакен, каза-

лось, стремительно плыл ей навстречу, а на самом деле лодка еле двигалась против течения на быстром стрежне. Наконец он подвел лодку к бакену. Васюта ухватился за крестовину — бревна крестовины осклизли и позеленели от плесени. Темная глубь внизу.

Володя вставил лампу в фонарь, зажег (вечер так тих, что спичка не погасла с первого раза) и закрыл фонарь. Они поехали ко второму бакену.

Сзади мигал и слабо качался красный огонек, приметный и ласковый среди сгустившейся ночи.

Домой Володя и Васюта вернулись около двенадцати.

— Сделано дело, — сказал довольный Васюта. — Кабы знать, где мама, сбегать бы, сказать. Иззаботится она.

Володю удивила длинная лестница и необыкновенная чистота Васютиного дома. Маленькие сени вели в просторную комнату, где над зеркалом висело вышитое, с широким кружевом полотенце. Все было белым — постель, скатерть на столе, занавески. А Васюте в привычной обстановке дома еще страшнее показалось случившееся.

— Тамара у нас красивая. Ей двадцать лет. В двадцать лет умирают?

— Нет.

Уверенный тон Володи снова успокоил Васюту.

— Давай ложиться. Не проспать бы нам завтра, Володя! Ты ложись на кровать, а я на пол.

— Ты всегда на полу спишь?

— Нет. Мы с мамой вдвоем. Вон у нас какая кровать широченная!

— Ну, давай ляжем тоже вдвоем.

Васюта обрадовался:

— Я отдельным одеялом укроюсь, чтоб тебя ногами не залягать. Меня мама жеребенком зовет за то, что такой лягучий.

Он тихонько засмеялся. Володя погасил свет.

— В два проснемся? — спросил Васюта, отодвигаясь подальше к стенке, чтобы не мешать Володе. — Давай встанем пораньше.

— Ладно. Я разбужу. Спи.

Широколобый маленький мальчик, до сегодняшнего вечера почти незнакомый, чуть слышно посапывал рядом с ним. Володя поправил на нем одеяло.

Уже засыпая, он резко вздрогнул и разом поднялся. Что? Проспал? Нет, темно. Он зажег свет, посмотрел

время. Второй час. Не было смысла засыпать. Володя слушал ровное дыхание Васюты, громкий стук маятника и ждал рассвета. Наконец в комнате посветлело. Откинув от окна занавеску, Володя увидел темный силуэт осины возле дома. На реке, словно изморозь, лежал белый туман. Володя оделся, открыл окна — в комнату потянуло прохладой. Васюта вздохнул и глубже зарылся в подушки. Не разбудив его, Володя вышел из дома.

Он никогда не бывал на реке на рассвете. Низко над водой летали чайки. Туман таял. Вода у берегов была так неподвижна, что казалось — река остановилась. Восточный край неба в Заволжье наливался светом, алел. Володя тихо вел лодку, один на всей Волге.

Ничего таинственного и пугающего не было сейчас в бурливом течении воды возле бакенов. В свете дня огонек казался слабым и ненужным.

Когда Володя возвращался от бакенов, солнце взошло. От дебаркадера отвалил пассажирский пароход дальнего следования и пошел книзу, Володе навстречу, странно тихий, безлюдный, с пустыми белыми палубами. Лодка плавно качнулась на волне.

На берегу стояла женщина. Что-то было в ее позе, опущенных вдоль тела руках, вытянутой шее, отчего Володя узнал в ней Васютину мать. Она взяла из лодки лампы, положила на плечо весла:

— Спасибо тебе. А я прибежала, не понадеялась на Васютку.

— Лучше Тамаре?

— Мается. Худо. Прощай пока. Спасибо, что Васютку не кинул.

Володя вернулся домой к шести часам утра. Пока бабушка поила его чаем, встал отец.

— Особое задание выполнил? — спросил он, входя в кухню и растирая после душа спину полотенцем.

— Боюсь, не успею подготовить историю.

— А ты поднажми, — спокойно возразил отец. — О боевой солидарности рабочего класса учитель на уроке рассказывал? А ты на практике, братец мой, ее испытай, во всю жизнь не забудешь. После практики и книжку лучше поймешь.

Володя, разомлев от горячего чая, прилег на диван и в одно мгновенье заснул каменным сном.

Он поднялся часа через три с беспокойством на сердце. На подготовку к последнему экзамену оставалось два дня. Володя торопился и ловил себя на том, что не понимает прочитанного. Болела голова, от бессонной ночи неприятно отяжелело тело.

— Все равно не успею...

Вечером пришел Васюта. Он стоял у двери, топчась на половичке босыми ногами, и мял в руке тюбетейку.

— Плохо Тамаре?

Васюта заплакал.

Бабушка накормила Васюту, поставила перед ним чай с медом.

— Мать сказала, если не придет ночевать, чтоб за тобой сбегал, — несмело признался Васюта. — Наша сменщица на два дня отпросилась в деревню, а у нас как раз и заболела Тамара.

Они поехали к бакенам.

А утром Володя проспал.

— Гляди-ка, день! До обеда пролежали! — испуганно будил Володю Васюта, тряся его за плечо.

Но оказалось всего пять часов утра.

С востока тянул слабый, чуть заметный ветерок. Там сегодня солнце загородила туча. Она низко ползла над лесом, поблескивая белыми змейками молний и угрюмо громыхая громом. По Волге ходили синевато-серые, холодные волны и бились о берег и о борта пристаней.

— Гляди-ка! А вчера была тишь, — сказал Васюта.

Но большая, низко сидящая в воде, неверткая лодка спокойно покачивалась, легко разрезая волны носом. Володя зачерпнул ладонью воды и вымыл лицо. У, какая нынче сердитая Волга!

Крестовина бакена ныряла и зарывалась в волну, качаясь вверх и вниз, словно на качелях; вместе с ней метался из стороны в сторону бледный огонек.

Володя насилу пристал к бакену, и, когда отворил дверцу фонаря, волна залила огонек.

Васюта, перегнувшись через борт, мокрый от брызг, обеими руками вцепился в шест бакена, держа его, пока Володя вынимал лампу.

— Ой! Смотри! — вдруг охнул Васюта.

Володя оглянулся: на воде качалось весло, волны отбивали его дальше и дальше от лодки.

— С одним остались! — сказал Васюта. — Как теперь быть?

— Держись! Не отпускай бакен! — крикнул Володя, снял штаны и рубашку, перелез на нос и кинулся в воду.

Он неудачно прыгнул — волна накрыла ему голову. Когда он вынырнул, весло было рядом. Володя протянул руку, но весло поднялось вверх и опустилось по ту сторону волны. Их отделял только зеленый изогнутый вал, но Володя никак не мог схватить весло. Он упрямо гонялся за ним. Может быть, сказались бессонные ночи — Володя почувствовал слабость в руках и ногах.

«Не доплыву назад, против течения», — подумал он. Его охватил ужас, он разом весь обессилел и, побарахтавшись, пошел вниз. Однако он тут же вынырнул и, стараясь не тратить сил, не шевелиться, а только держаться на воде, раскинул руки. Волна подхватила его и швырнула вперед. Весло опять было рядом. Володя, не надеясь, протянул руку и вдруг поймал весло.

Несколько секунд он лежал на нем, закрыв глаза, отдыхая. Теперь он уже не боялся, и к нему вернулись силы.

Оказывается, лодка была совсем недалеко, но, сколько ни плыл к ней Володя, она не приближалась.

Васюта, вцепившись в бакен, следил за Володей широко открытыми, побелевшими глазами. Володя опять обессилел.

Не одолеть проклятый стрежень! Пропал!

— Отпусти лодку! Не доплыву! — крикнул Володя, снова ложась на весло.

Васюта не расслышал и махал Володе рукой.

— Отпусти! — беззвучно шепнул Володя, судорожно всхлипнув.

Васюта, должно быть, понял, разжал руки и выпустил бакен. Лодка прошла так близко, что Володя без усилия ухватился за край борта, но никак не мог влезть в лодку и весь дрожал.

— Володенька! Володенька! — говорил Васюта, гладил его посиневшую руку и тянул за ворот майки из воды. Если бы это была Женькина лодка, они наверняка ее перевернули бы...

Когда они пристали к берегу, Володю тошнило и трясло от холода. Васюта позвал его к себе отдохнуть и согреться.

— Я чаю вскипячу, — говорил Васюта, робко и ласково заглядывая Володе в глаза. — У нас конфетки есть. А хочешь, я сдобную булку куплю?

Он тащил весла и лампы, бренча их жестяными колпаками, а Володя, пошатываясь, шел рядом с ним, ни о чем не думал и хотел только скорее заснуть.

— Мама! — крикнул Васюта, застав дома мать.

Она сидела на лавке с исхудалым и постаревшим за двое суток лицом.

— Жива наша Тамара, сынок! Дочка у Тамары родилась.

— Мама! Ой, мама!

— Проходите! Пожалуйте, молодой человек! — захлопотала мать, увидев Володю. — Батюшки мои, да на вас лица нету!

— Мама! Он чуть не утоп. Мы с ним весло упустили. Он — Володя Новиков. Мама, а хороший какой! — услышал Володя издалека, из темноты, и больше ничего не слыхал.

МОРЕ СИНЕЕ...

На экзамен истории он пришел, повторив всего десять билетов. Если бы остались неповторенными два или три билета, он волновался бы больше, чем сейчас. Сейчас все было предрешено — и удивление ребят, и молчаливый укор в глазах Андрея Андреевича, и даже наперед было известно, что скажет Юрий Брагин.

«Задумал первое место в классе занять, да не вышло», — скажет Юрий.

Юрий ответил отлично. Впрочем, историю многие знали отлично. Если бы у Володи в запасе был хотя один день!..

Но повторись все снова: женщина на берегу с опущенными вдоль тела руками, съежившийся в комочек на корме огромной лодки Васюта, весло в волнах — Володя сделал бы все снова так, как он сделал...

Конечно, Володе достался неповторенный билет. Он сел за парту подумать и прочел, что в нем написано:

«Тридцатилетняя война. Вестфальский мир. Культура Англии в XVI веке. Томас Мор, Шекспир». Томас Мор и Шекспир обрадовали Володю. О них-то он знал! Он хорошо помнил и Тридцатилетнюю войну.

В общем, Володя считал, что билет ему достался как нельзя лучше, хотя, о чем бы его ни спросили — об ордене иезуитов, об индульгенциях или о войне Алой и Белой Розы, или о всех крестовых походах, — не было ничего в программе истории, чего бы он вовсе не знал. Но так как сейчас, готовясь к ответу, Володя думал не о том, что знал, а о том, что мог позабыть, и так как ему казалось, что главное-то он и забыл, им опять овладела неуверенность.

В голове теснились беспорядочные, нестройные мысли. Он никак не мог придумать, с чего начинать. Стал припоминать даты и вдруг решил, что перепутал все века и все годы.

— Ну что же, иди, Новиков! — позвал его Андрей Андреевич к столу.

Володя действительно засиделся над своим билетом. Почему-то он начал отвечать со второго вопроса, а ассистент, учитель из другого класса, остановил его: «Отвечай по порядку».

Андрей Андреевич кашлянул, но не стал вмешиваться. Он был спокоен за своего ученика.

Володя опустил глаза и стал рассказывать о Тридцатилетней войне. Он говорил связанно и кратко, уверенный в том, что проваливается. Взглянув на Андрея Андреевича, он увидел недоумение на его лице.

За экзаменационным столом сидела целая комиссия.

— Расскажите о Ледовом побоище, — задал кто-то дополнительный вопрос.

Андрей Андреевич улыбнулся. Должно быть, он вспомнил ответ Новикова о Ледовом побоище, когда спрашивал его на уроке. Но сейчас ничто не могло вывести Володю из состояния скованности, даже Александр Невский.

Наконец его отпустили на место.

Володя видел: Андрей Андреевич что-то долго шепотом объяснял комиссии.

— Тройка! Тройка! — полетело по классу.

Никто не мог знать — просто ребята сами оценили Володин ответ.

— Ты не заболел ли сегодня? — спросил Андрей Андреевич.

— Нет, здоров.

Он был верно здоров. От вчерашней тошноты и слабости не осталось следа.

Ничего не поделаешь, Володе пришлось примириться с тем, что после экзамена Юрий Брагин, окруженный ребятами, рассуждал в коридоре:

— Слышали? Новиков чуть не провалил историю. Досадно: последний экзамен не дотянул. Все шло хорошо, под самый конец сорвалось. Эй, Новиков, не вешай голову!

Юрий был весел. Скоро он уезжает на все лето в Москву, к дяде, профессору. У профессора в подмосковном поселке дача. В поселке пруд, лодки...

— Стоит ехать от Волги на пруд! — пренебрежительно засмеялся Коля Зорин.

— Глупости! — оборвал Юрий Зорина. — Конечно, пруд — не главное. Главное — Москва.

Против этого никто не стал спорить.

О Москве мечтали все. Андрей Андреевич обещал: «Погодите, мы с вами съездим в Москву на экскурсию».

— Я за лето посмотрю все музеи, Третьяковскую галерею, театры — всё! — говорил Юрий. — А когда потом соберемся на экскурсию, сам вас буду водить. Поедете в Москву со своим провожатым. Уж я постараюсь все там пересмотреть!

Миша Лаптев, юркий, чернявый, с узким подбородком и бегущими к переносью крохотными глазками, умильно упрашивал Юрия:

— Брагин! Ты нам напиши из Москвы.

— Напишу, если выберу время! — обещал Юрий.

И вот началась свобода. Первый день был неясным и странным, словно что-то потеряно, чего-то не хватает. Володя убрал со стола учебники и тетради. Кончено. Об учебе до осени больше не думать! И все же он не мог простить себе испуга на экзамене по истории. Если бы не растерялся, как самый последний трусишка, мог бы ответить вполне хорошо. Володя представил себя спокойным, уверенным, с гордо поднятой головой. Смело льются слова, все члены экзаменационной комиссии с уважением слушают. О чем не сумел он им рассказать? О Ледовом побоище? Позор! Они могли бы спросить его не только о Ледовом побоище. Пусть спрашивали бы о Петре Первом, хотя Петр не входил в программу седьмого класса.

«Воины!.. не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное... А о Петре

ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего».

Вот каков был Петр Первый!

Так и прошел этот день — в смутных сожалениях, в бесплодных мечтах.

...Странный сон приснился Володе. Он увидел на небе лиловое зарево, черные столбы дыма, вспышки огня. Володя бежал на это зарево. Он слышал грохот орудий и крики. Дорога вилась среди темных озимых всходов, а зарево уходило и таяло, и наконец открылось широкое, смятое поле и ночное небо над ним.

У обочины поля, близ дороги, на лафете орудия сидел Петр и курил.

— Здоро́во, Новиков! — сказал Петр. — Опоздал на Полтавскую битву!

«Как его назвать?» — растерялся Володя и, подумав, ответил:

— Здравствуй, Петр Первый!

— Доложи нам, Новиков, как, согласно правилам фортификации, на оном сражении располагались Петровы полки. Откуда мы конницу двинули на шведа и сломили врага?

Он вперил в Володю огненный взгляд.

— Я не знаю. Я тогда не жил, — признался Володя.

— Сей ответ невразумителен. О Полтавском бое много в книгах написано, — сказал Петр и встал.

Зеленый камзол обтягивал его мощные плечи. Он был грозен. Круглые, выпуклые глаза сверкали гневом.

— Я знаю, как Пушкин описывал Полтавскую битву, — в смятении отступая перед Петром, оправдывался Володя.

— Говори! — приказал Петр.

...Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим, гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит.

Петр опустил на плечо Володи широкую ладонь и захохотал:

— Надо обсудить на собрании!

Но это говорил уже не Петр, а отец, который сидел на Володиной кровати и тряс его за плечо:

— Вставай, поднимайся, рабочий народ!

— Какое собрание, папа?

— Семейный совет. В приемной изобретателя Новикова состоится торжественное заседание. Прошу вас, граждане! Мамаша, займите место в президиуме.

Володя живо вскочил, оделся и, войдя в комнату к отцу, застал накрытый стол, пирог и цветы.

Обычно они обедали и завтракали в кухне: там было уютно и бабушке удобней — не надо далеко ходить от плиты.

В комнате стол накрывался по праздникам. Праздник?

Бабушка разливала чай и, что-то зная, посмеивалась:

— Павел Афанасьевич! Начинай заседание. Речь говори. Веселые вести про себя не таят.

Вести были, правда, веселые: отец получил за свое изобретение премию в десять тысяч рублей.

Володя любил, когда отец радовался. В доме становилось беспечно и шумно.

Бабушка доставала из буфета графин с темной наливкой, разливала по рюмочкам себе и отцу, они чокались, и бабушка, едва глотнув вина, начинала смеяться и говорить добрые, ласковые слова:

— Уедете к синему морю, на горячее солнце. Там по берегу камушки лежат. Волна день и ночь лопочет. Я помоложе была — тоже ездила к морю. Фабком отдыхать посылал.

— Бабушка! Почему ты про море вспомнила? — удивился Володя.

— Предстоит нам совершить путешествие, сын! — торжественно объявил отец. — Разбогатели мы с тобой. В кубышку класть деньги не в нашем характере. В Крым собирайся.

Позавтракав, отец побежал на завод. На днях он уходил в отпуск.

Бабушка, выпив с отцом наливки, села к окну вязать чулок и, свесив голову на грудь, заснула.

Володя остался один. Он весь день боролся с собой: побеждал, сдавался и опять побеждал...

К вечеру отец принес из магазина две пары сандалий — себе и Володе, две тюбетейки, белые брюки.

Бабушка щупала обновки и похваливала:

— Володюшка, мил человек, иди примерять!

Отец любовался сандалиями, щелкал пальцем в подошву, сгибал:

— Прочны! Такие и надо. И те, пожалуй, прошаркаем по камням, Володька, с тобой. А?

— Папа! Бабушка! Я не поеду, — потупясь, ответил Володя.

Отец как держал в руке сандалию, так и остался сидеть с ней, в недоумении глядя на Володю.

— Володюшка! — ахнула бабушка. — Пробросаешься такими подарками!

— Папа, папа, я сейчас все объясню! — жалея отца, но твердо решив настоять на своем, быстро заговорил Володя. — Я хочу готовиться в музыкальное училище. Я хочу с осени туда поступить. Как ты думаешь, можно? Ты не против? Папа, я хочу быть музыкантом!

Отец молча барабанил по столу пальцами.

— Не шуми, Павлуша, — опасливо шепнула бабушка, зная эти предвестники гнева.

— Из-за музыки и от моря отказываешься? — то ли в гневе, то ли в изумлении спросил отец. — Нам оно с неба свалилось, а ты отказался? А я, бывало, в твои годы не только о Крыме подумать... я, бывало...

— Ты не сердись, Павел Афанасьевич! — примирительно уговаривала бабушка. — Ты не сердись...

Отец вдруг рассмеялся:

— Мне, мамаша, и причины нет сердиться. Из парня, вижу, толк выйдет: умеет цели добиваться. Коли так, оставайся дома, Владимир.

И все решено.

...Море, море! Синее, большое, невиданное!

ПУТЕШЕСТВИЕ В БЕЛУЮ БУХТУ

Однажды, когда в доме Марфиных еще царил утренний беспорядок, явился Васюта. Он пошаркал о половичок босыми ногами, стянул с головы приплюснутую, как блин, кепку и сказал:

— А я к вам.

— Видим, что к нам, — засмеялся Михаил Осипович, наскоро допивавший стакан кофе перед уходом в институт. — Садись кофейничать. А меня извини, брат: поговорить некогда. Сам понимаешь — работа!

Он взъерошил Васютины соломенные волосы и ушел

в институт. Татьяна при виде Васюты заплясала в коляске, смеясь и показывая четыре остреньких зуба.

— Садись кофейничать, брат! Садись, не отказывайся! — тянул Шурик гостя к столу.

Ольга смахнула со скатерти крошки и поставила чистую чашку.

— Спасибо, позавтракал, — солидно ответил Васюта. — Я звать вас пришел.

— Куда пришел звать? Куда? Васюта, Васюта! — весь просияв, затараторил Шурик.

— Мне мать к Володе сбегать велела. Говорит, может, он хочет в каникулы покататься на лодке...

— Послали к Володе, а ты к нам прибежал, — засмеялась Ольга.

— Ладно! Ладно! Не расстраивай компанию, — перепугался Шурик. — Мамочка, можно? Мама, пусти!

И Анастасия Вадимовна снова осталась с Татьяной вдвоем, а компания отправилась на Волгу.

...Может быть, счастье так и родилось вместе с Ольгой на свет, а она только этим летом о нем догадалась? Каждое утро проснуться и ждать — сегодня произойдет небывалое чудо!

На клубничной гряде созрела первая ягода. Вдруг под листом закраснел налившийся соком бочок, и Ольге кажется — необыкновенное совершается у нее на глазах. Или над городом пронесется гроза с зелеными молниями, небо бушует, сад гнется к земле, вот сорвется с березы грачиное гнездо, исхлестанное дождем и ветвями, а Ольга, крепко держась за раму, стоит у окна. И страх и счастье у нее на душе. Почему? Разве раньше она не видела гроз?

Или сесть за рояль и играть, играть и вдруг изумиться чему-то, уронить на колени руки и долго слушать себя. Или встать раньше всех в доме, выйти во двор, увидеть синеву над землей — небо ли это? или, может быть, море? — и догадаться: в такие дни и случается чудо...

Волга была синей, как небо. Васюта и Шурик лежали вниз животами на носу, Володя сидел на веслах. Лодка шла вниз.

— Хорошо без взрослых! — говорил Шурик, перевесившись через борт и по локоть опустив руку в воду. — Взрослые всего боятся. Все-то им страшно.

— А ты смел, пока с лодки не слетел, — ответил Васюта. — Гляди, Шурик, чайка за рыбой охотится. Гляди, гляди, щука хвостом плеснула. Должно быть, здоровая! Давай, Шурик, станем матросами!

Володя греб молча. Ольга, в цветном сарафанчике и белом платке, сидела против него за рулем. Володя видел золотистые точки в ее светлых глазах, странно и весело изогнутую бровь, радостную улыбку в каждой черточке раскрасневшегося от зноя лица. Ольга рассказывала о Гале и ее братьях-студентах, из которых один, первокурсник, был загадочной личностью, о том, что Горький — великий писатель, о том, что Галя хорошо поет песни Исаковского, что Люба Шевцова — ее и Галин идеал, что у Гали — богато одаренная натура, а у нее, Ольги, — натура посредственная.

Она, должно быть, очень любила свою Галю и всячески ее расписывала, но Володе интереснее было разговаривать с Ольгой. Галя казалась ему слишком уж идеальной. А может быть, он просто к Ольге больше привык.

Город давно остался позади. Теперь по обеим сторонам Волги лежали низкие заливные луга. Был в разгаре покос, и с лугов волнами плыл крепкий запах созревшей травы и свежего сена. Вот на одном берегу глазам открылся нескошенный, весь белый от ромашек лужок, спустившийся с пригорка к самой воде. На лужке сидела маленькая девочка и собирала букет. Никого не видно вокруг. Ни деревни, ни дома бакенщика поблизости — только ромашки, да девочка среди ромашек, да Волга.

— Назовем эту лужайку Долиной Удивления, — сказала Ольга.

Васюта и Шурик сплясали на носу в честь Долины Удивления танец, лодка раскачалась, и по тихой воде лениво пошли широкие круги. Потом они увидели вдали большой луг, полный людей. Люди метали стога, по лугу хлопотливо бегали машины, казавшиеся издалека игрушечными тележками, груженными сеном, а пестрые рубахи и платья колхозников цвели, как цветы.

— А этот луг мы назовем Долиной Счастья, — сказала Ольга.

Всюду Волга и солнце. Брызги, осыпаясь с Володиного весла, вспыхивают на солнце и, кажется Ольге, звенят.

Вдруг откуда-то сбежался ракитник и встал вокруг заливчика, заслонив от глаз веселый луг. В заливчике тенисто и глухо. Там молчание, угрюмая, прозеленевшая вода.

— Впереди по правому борту пароход! — крикнул Шурик.

Пригородный пароход прошел мимо, потом долго тянулся караван барж, и Волга очнулась, заколыхалась и покатила к берегам неторопливые волны.

Так они плыли и плыли, пока Шурик опять не вскочил и, приложив к глазу сложенные в трубку ладони, не закричал:

— На горизонте Белая бухта! Лево руля! Полный ход!

Золотая песчаная россыпь опоясала бухту, а над ней, на холме, стояла молодая березовая роща.

Стоп!

Лодка с полного хода врезалась носом в песок.

— Приехали, — сказал Володя.

Все попрыгали в воду и стали шлепать ногами, брызгаться, обливать друг друга из пригоршней и до того раздурачились, что Ольга, выжимая мокрое платье и волосы, наконец взмолилась:

— Володя! Уйми их, Володя!

— Матросы, марш из воды! — крикнул Володя.

Должен же кто-нибудь быть капитаном! Володе никогда не приходило в голову брать в свои руки команду, пока обстоятельства не складывались так, что именно он должен отвечать за то, чтобы все было в порядке.

— Будем обедать, — решил Володя.

— Дон! Дон! Дон! Склянки на обед! — запели Васюта и Шурик.

Вот это был обед так обед!

Огурцы, хлеб, картошка, мармелад, яйца, лук, зеленый крыжовник, которым Шурик догадался перед уходом набить два кармана, — они всё съели за десять минут.

— После обеда купаться нельзя, — распорядился Володя. Он и не подумал бы соблюдать такие тонкости, если бы обстоятельства не поставили его капитаном над этой беспечной командой. — Идемте в лес.

— В лес! В лес! — закричали Васюта и Шурик.

А Ольга полетела вперед и первой взбежала на холм, в березовую рощу, где в высокой шелковистой траве,

опустив чашечки, стояли крупные лесные колокольчики и только и ждали — вот придет в рощу Ольга.

— Милые мои колокольчики! Милая роща!

Ольга оглянулась, услышав сзади шаги, и Володя увидел в глазах у нее синеву колокольчиков. Они сели на краю рощи, стараясь не помять цветы, и, пока Васюта с Шуриком бегали по лесу, говорили о самых обыкновенных вещах, снова о Гале, о книгах, о школе.

— Когда я кончу училище, пусть меня пошлют работать в далекую-дальнюю область, — говорила Ольга.

— Почему ты надумала уехать далеко? — спросил Володя.

— Интересно! Приеду куда-нибудь, где еще нет филармонии, и буду пропагандировать музыку... Володя, а ты хочешь побывать на Курилах?

Володе не приходила в голову мысль о Курилах.

— Да, — сказал он, — обязательно надо побывать.

— И на озере Севан. Верно, Володя?

Внизу, под холмом, голубая Волга. Высоко в полуденном небе стоит жаркое солнце, льет на Волгу серебряный ливень лучей, Волга сверкает лазурью и светом. От блеска больно глазам.

— Какой день! — сказала Ольга. — Я, наверное, никогда не забуду этот день!.. Я умею летать! — вдруг закричала она и, раскинув руки, побежала с холма вниз, к Волге.

— Матросы, купаться! — позвал Володя.

Белый платочек Ольги уже мелькал в воде, когда Васюта и Шурик с визгом кинулись в реку. Володя стоял на берегу, как часовой. Он не решался лезть в воду, пока «матросы» ныряли. Васюта, зажав пальцами уши и нос, бросался вниз головой и с посиневшим лицом и выпученными глазами, словно пробка, вылетал из воды, плевался, жадно дышал, и снова его тянуло на дно. Беленький, тоненький Шурик неуклюже барахтался: он плашмя кидался на воду, вскидывая вверх длинные руки, захлебывался и беспрерывно визжал:

— И-их! Их!

«Беда мне с ними! — думал Володя. — Начнут тонуть — и не вытащишь».

Эти полчаса, пока два сорванца безумствовали у него на глазах, Володя весь истомился. Ольга плавала себе и плавала в сторонке, а он боялся тронуться с места.

Но вот сверху показался теплоход дальнего следования. «Ну, уж такой случай я не пропущу ни за что!» — подумал Володя. Он вложил в рот два пальца и засвистел на всю Волгу. Белый платочек взял курс на берег. Володя свистел и свистел. Наконец и Шурик с Васютой, лязгая зубами и встряхиваясь, как щенята, вышли на песок и сели погреться на солнышке.

— Теперь моя очередь, — сказал Володя.

Он с разбегу прыгнул в воду и поплыл. Теплоход все ближе, вот уже рядом, вот нарядная палуба медленно проходит мимо, чьи-то лица смеются Володе, сердце колотится, замирает.

— Володя! Назад! — услышал он с берега испуганный крик. Огромный вал с растрепанным гребнем ударил его в грудь, поднял, швырнул, а над головой замахнулся новый вал...

Когда волны утихли, Володя, раскинув руки, лег на спину. Волга все еще колебалась и тихо качала его. Высоко в небе летел невидимый самолет, оставляя позади себя серебряный след.

«Этот день я, наверное, никогда не забуду!» — вспомнил Володя, засмеялся и поплыл к берегу.

ОШИБКА

Через три дня отец уехал в Крым.

Перед отъездом он совершил безрассудный, по мнению бабушки, поступок — купил часы и велосипед.

— Владимир, получай долю из премии! От моря отказался — владей часами. Велосипед общий. Пользоваться — на равных правах.

— Подсчитай, много ли у тебя от премии осталось, — журила бабушка отца. — Павел Афанасьевич, избалуешь сына! Вспомни, как сам рос.

— Я, мамаша, рос до семнадцатого года.

— Далекий ты, Павлуша, от быта человек. По твоей широте никаких премий не хватит.

— Ну, Володя, живи, радуйся! — сказал отец и уехал.

Несколько дней Володя занят был в школе организацией пионерского лагеря. Они с Юрием помогали Ирине Федоровне, которая уезжала начальником лагеря, составляли списки пионеров, проверяли инвентарь, ходили в горком комсомола, в гороно — дел было достаточно.

Володя наблюдал, как уверенно и смело действует Юрий. Он никого не стеснялся и входил в школьный отдел гороно с таким видом, словно сам был инспектором.

— Ты не красней, когда говоришь о деле, — учил Юрий Володю. — Покраснеешь — все пропало, ничего не добьешься... Все с Ольгой Марфиной дружишь — сам стал девчонкой, — посмеялся он.

Из-за этого они чуть не поссорились.

Но Юрий был миролюбиво настроен:

— Ладно! Не кипятись. Беру слово обратно — не девчонка! Но неужели ты и вправду собираешься стать музыкантом?

— Да, собираюсь! — пылко ответил Володя. — Почему мне не собираться? Плохо?

— Плохого нет. Непрактично. Чайковским все равно не станешь. В музыке все достигнуто. Там уже ничего не откроешь.

— Ну, это положим! А если ничего не удастся открыть, можно быть дирижером. Тоже интересно.

Юрий не спорил. В конце концов, не все ли равно, кем будет Володя!

Юрий полон был радужных надежд и без конца рассказывал о предстоящей поездке в Москву.

Многие ребята на лето разъезжались. Женьке Горюнову выпала небывалая удача, счастье свалилось ему прямо на голову.

Старый приятель отца, капитан одного из самых больших волжских теплоходов, взял Женьку на каникулы в плавание.

Женька забежал к Володе похвалиться новенькой бескозыркой; захлебываясь от восторга, рассказал о маршруте: Москва — Астрахань, Астрахань — Москва, и простился до осени.

Кирилл Озеров и Коля Зорин собирались отрядными пионервожатыми в лагерь.

В эти дни до отъезда отряда Володя незаметно сблизился с Колей.

Однажды Коля пришел к Новикову посоветоваться о разных лагерных делах и увидел велосипед.

— Чей? — спросил он с вспыхнувшими такой жаркой страстью глазами, что Володя торопливо ответил:

— Наш. Общий с отцом. Хочешь, катайся.

— Можно? Не врешь?

— Можно, конечно. Не сломай только!

— Я-то? Мне один парень давал прошлым летом... Володя, отгадай загадку: «Два колесика подряд, их ногами вертят. А поверх торчком сам хозяин крючком...»

Они вывели велосипед на улицу. Коля с восторгом разглядывал велосипед, гладил седло, звякал звонком, пока Володя не повторил:

— Катайся сколько хочешь. Береги только смотри!

Зорин кивнул, сел на велосипед и укатил.

Володя пошел к Марфиным. Он ходил теперь к ним каждый день. Скоро его должна проверить Наталья Дмитриевна. Когда Володя играл скучнейшие этюды для развития беглости пальцев, Ольга уходила в сад. Она бродила по дорожкам с раскрытой книгой.

Вот и каникулы! Как неспокойно на душе! Ожидание концерта пугало и радовало Ольгу. Все восемь лет Наталья Дмитриевна говорила: «Быть учительницей музыки у нас, в Советской стране, — большое счастье! В каждом доме звучат Чайковский и Бетховен. Я помню время, когда они были для избранных».

Ольга привыкла любить свое будущее дело учительницы музыки.

А недавно Наталья Дмитриевна сказала: «Пожалуй, мы имеем право подумать о большем. Надо работать. «Лунная соната» многое скажет о твоем будущем, девочка».

Ольга хрустнула пальцами и побежала домой.

— Хватит, пожалуй? — нерешительно спросила она Володю, который все упражнялся, упражнялся.

Володя удивленно посмотрел на свою рассеянную учительницу и нехотя закрыл ноты. Ольга обещала подолгу заниматься с ним летом, но последнее время чаще играла сама и любила, чтоб он ее слушал.

«Не выходит у меня десяти часов в день, — озабоченно подумал Володя. — Ей надоело со мной заниматься».

Впрочем, Володя понимал, как Ольгу беспокоит концерт. Он догадывался, почему сейчас она заставляла его больше слушать. Он был аудиторией. Ольга смотрела через рояль в его темные, так хорошо отвечающие глаза и представляла сотни глаз там, в концертном зале филармонии...

...Пришел наконец день, когда Ольга велела Володе идти к Наталье Дмитриевне в училище.

В этот день, едва свернув в переулок, где стоял Ольгин дом, Володя издали увидел ее пестрое платье. Она ждала возле калитки, и Мурлыш, выгибая спину, терся о ее ногу, тоже поджидая Володю. Ольга подхватила кота на руки и медленно пошла Володе навстречу.

— Мы не будем заниматься, Володя. Наталья Дмитриевна назначила сегодня тебе испытание.

— Тогда пойдем, — сказал он, чувствуя, как перехватило дыхание.

— Отнесем, по крайней мере, кота, — ответила Ольга.

Она вернулась к калитке и впустила Мурлыша во двор.

— Идем. Я тебя провожу.

— Разве ты не будешь на испытании? — с беспокойством спросил Володя, стараясь прочесть в ее взгляде, уверена она в нем или нет.

— Наталья Дмитриевна велела тебе прийти одному. Такой уж у нее метод.

Они шли молча, оба испуганные.

— Ты ни разу и не рассказала, как она экзаменует! — с упреком сказал Володя, пройдя несколько шагов.

— Не бойся! Никакого экзамена не будет, — возразила Ольга. — Наталья Дмитриевна послушает тебя, поговорит, вот и все. Ты ведь очень любишь музыку, верно?

Но сейчас поздно спрашивать. Они подошли к училищу. Те же нестройные, разноголосые звуки неслись из окон этого дома, с которым связано столько радостей, столько желаний!

— Иди, Володя, — сказала Ольга, остановившись возле крыльца. — Погоди, погоди! — вдруг закричала она, взбегая за ним по ступенькам. — Слушай! — испуганно заговорила Ольга. — Я забыла тебя предупредить. Если Наталья Дмитриевна что-нибудь сыграет и спросит, что ты почувствовал, ничего не выдумывай, понял? Прямо так и говори, что почувствуешь.

— А если ничего не почувствую? — тоже с испугом глядя на Ольгу, ответил Володя.

— Этого не может быть. Ну, иди.

Дверь захлопнулась. На крыльце остались Ольга, да веселые пятна солнца, да узорчатые тени тоненьких кленов, которые только этой весной встали в ряд под окнами училища.

— Что я наделала! — ахнула Ольга и вошла в вестибюль.

Там после солнца было темно, как в колодце. Ольга с трудом разглядела Володю, который одергивал рубашку и приглаживал волосы.

— Володя! Еще об одном забыла тебя предупредить, — зашептала Ольга, держа его за рукав. — Не важничай — вот что, Володя! Наталья Дмитриевна не симпатизирует тем, кто важничает.

— Хорошо, — шепнул Володя и, замирая от страха, пошел на третий этаж.

Встреча с Натальей Дмитриевной разочаровала Володю. Он ждал чего-то другого. Наталья Дмитриевна заставила его спеть, угадывая ноты. Послушала этюды. Раза два поправила пальцы Володи на клавишах, еще велела спеть и еще.

Петь Володя не мастер. Он конфузился и мычал кое-как, только чтобы отделаться. Он не собирался в певцы.

Наталья Дмитриевна спросила Володю, чем он интересуется.

— Как чем? Многим.

— А особенно?

— Особенно музыкой.

— Музыка требует всего человека, — сказала Наталья Дмитриевна.

У нее были узкие, непонятные глаза. Узкое лицо. Она была сдержанная, суховатая. Впрочем, Ольга не раз говорила, что к Наталье Дмитриевне надо привыкнуть.

— Труд музыканта занимает две трети его жизни, — сказала она.

Ну, об этом Володя достаточно наслышался от Ольги!

У него словно гора с плеч свалилась после испытания. Володю смущало немного лишь то, что оно оказалось чересчур уж легким. Все-таки он сделал порядочные успехи за это время. Наталья Дмитриевна могла бы заставить его поиграть больше.

Очевидно, она решила поднажать как следует с осени.

Володя забыл спросить, когда принести документы, вообще ни о чем не решился расспрашивать. Проходя после испытания голубым коридором, он раскрыл по дороге одну дверь, другую — маленькие продолговатые комнаты, в каждой — рояль. Наверху, в зале, кто-то играл на скрипке. Как все здесь нравилось Володе!

Ольга занята была проводами Гали и ее старшего брата, студента, в колхоз, на сельскохозяйственную практику, и Володя провел весь этот день дома. Он слушал радио, пытался читать, но, не дочитав, бросил книгу и наконец принялся помогать бабушке разматывать шерсть. Бабушка скоро устала и, шаркая ногами, ушла подремать. Володя до вечера возился с клубками шерсти и думал.

Он пошел к Ольге на следующий день. После туч, гроз и дождей установились жаркие дни, с синим небом, терпким ароматом лип, резеды, жасмина. В саду гудели шмели.

Володя отворил калитку. С дорожки взвилась стая воробьев и над головой Володи шумно перепорхнула на ветки. Шиповник зацвел. Он стоял у двери в Ольгину комнату, весь в счастливом, знойном цветении.

Вдруг Володя услышал свое имя в Ольгиной комнате и почему-то остановился. Он узнал голос Натальи Дмитриевны.

— Пойми, Ольга, такая большая ошибка!

Что такое? О какой ошибке она говорит?

— Наталья Дмитриевна, неужели совсем немузыкален?

— Человек не может быть совсем немузыкальным, Ольга, ты это знаешь.

— Тогда почему же, Наталья Дмитриевна, почему?

Наступила длинная пауза. Володе казалось — проползли часы, пока наконец снова заговорила Ольга:

— Он хочет учиться. Он очень прилежен, Наталья Дмитриевна. У него настойчивый характер.

На ветку шиповника села синяя птичка и, покачивая пестрым хвостом, смотрела на Володю человеческим взглядом: «Что, брат, плохо тебе?»

— Когда-то, должно быть, — услышал Володя голос Натальи Дмитриевны, — сильное музыкальное впечатление поразило его, и вы оба приняли это впечатление за музыкальный талант. Таланта нет. Есть посредственный слух, неразвитые пальцы. Ольга, ему пятнадцать лет, он еле разбирается в азбуке.

— Можно нагнать. Постараться...

— Родная моя, но откуда, скажи мне, вы вообразили, что он будет музыкантом? Вообрази, в таком случае, себя балериной.

Володя услышал свое имя в Ольгиной комнате...

Ольга засмеялась. Володе не могло почудиться. Он услышал странный, короткий смех Ольги.

— Наталья Дмитриевна, я думала... — сказала она.

Володя не стал слушать, что Ольга думала, и незаметно вышел из сада.

Напрасно он ушел. Он услышал бы, по крайней мере, как Ольга за него боролась. Но что было делать, если Наталья Дмитриевна твердо сказала:

— Поверь моему опыту, девочка! Для того чтобы быть композитором, мало хотеть. Он впечатлителен, но и этого мало. Ты внушила Володе идею стать музыкантом — имей мужество сама сказать ему правду в глаза.

ОСИРОТЕЛИ

Ольга прождала Володю весь день.

К вечеру она устала ждать. Случившееся стало казаться Ольге все тяжелее и печальнее.

Утром она разорвала шесть записок, прежде чем сочинила послание из трех слов: «Володя, скорей приходи!»

Шурик с охотой побежал отнести Володе записку. После происшествия у бакенов они с Васютой восхищались Володей и уважали его. Володя был настоящим героем. Во всяком случае, уж если кто из знакомых старших ребят обещал в будущем стать героем, так это был Володя Новиков.

Утро начиналось для Шурика ласково. Кругом добрый мир, в этом мире есть Володя Новиков, на которого он хотел быть похожим.

Шурик, подпрыгивая, бежал тенистыми улицами. Остывший за ночь тротуар приятно холодил босые ноги.

Кстати, у Володи есть велосипед. Он поедет к Ольге на велосипеде и прокатит Шурика.

— Володя! — крикнул Шурик, когда тот открыл ему дверь. — Воло... — Шурик запнулся, отступив перед незнакомым, замкнутым взглядом.

Володя вышел на площадку лестницы. Что? Он не хочет пустить Шурика в дом?

— Почему ты такой? — прошептал Шурик, позабыв о записке.

— Ну?! — отрывисто бросил Володя.

Шурик замолчал, испуганный непонятной враждебностью тона. Если бы лестничная площадка, на которой они стояли, вдруг завертелась каруселью, Шурик поразился бы меньше, чем сейчас, увидев это неласковое, чужое лицо. Володя повернул Шурика за плечо и презрительно подтолкнул в спину:

— Уходи! Скажи Ольге, что я не желаю больше заниматься музыкой. Сам! Сам не желаю. Не нужна мне ваша музыка. Не нужны мне вы... оба... с Ольгой!

Шурик не помнил, как сбежал с лестницы. Добрый мир рухнул. Шурик вернулся домой и молча протянул Ольге смятую в потной ладони записку:

— Он меня выгнал.

Ольга испуганно оглянулась, не слышит ли мать.

— Пойдем туда... в наш пятачок, — шепотом сказала она.

У забора, в самом конце сада, стояли кружком молоденькие ярко-зеленые елки, чуть повыше человеческого роста. Растопырили ветви и, словно девчата, взявшись за руки, водят здесь хоровод. «Пятачок» посреди елок густо зарос мелколистным брусничником. Ольга раздвинула ветви, они вошли в «пятачок» и сели в брусничник. Пахло травой, хвоей; рядом, поскрипывая, тихо качалась сосна; облака летели над вершиной сосны, как белые гуси, теряя в синем небе перья.

— Если бы я был большим, — гневно говорил Шурик, — он не посмел бы меня прогнать! Я его... я бы его...

— Шурик! Расскажи все снова.

— Что рассказывать? Выгнал, и все! «Не нужны, — говорит, — вы мне с вашей музыкой». Вот он каков, твой Володя!

— Шурик, он и твой тоже, — таким печальным голосом ответила Ольга, что Шурику стало жалко и себя и сестру и грустно почти до слез.

Человеческая неблагодарность поразила его.

— Может быть, он с ума сошел, Ольга?

— Нет, едва ли. Не знаю, что с ним случилось. Не знаю.

Солнце обогнуло сосну, постояло над хороводом зеленых елок и ушло; разлетелись в разные стороны тучки, как стая белых гусей, и полуденное небо над головой Ольги засинело густо и сильно. Она все сидела в брусничнике, обхватив колени руками.

— Ольгуша! Где ты, Ольга? — звала мать.

«Я не могу сказать маме об этом, — думала Ольга. — Я могла бы сказать Гале, но Галя уехала. Нет, я никому ничего не скажу. Стыдно мне, стыдно! Вот уж не думала, что ты окажешься таким злым и неблагородным, Володя!»

А Володя, после того как Шурик убежал, постоял на площадке и вернулся домой.

Его душило отчаяние. Он был несчастен.

Он так грохнул дверью, войдя в дом, что в кухне на полке зазвенела посуда.

— Ох! — тихо сказала бабушка. — Володюшка, поди-ка ко мне.

— Что там еще? Не пойду!

Все нелюбо, немило, ненужно.

Он все же вошел в кухню и отрезал горбушку черного хлеба:

— Уезжаю!

— Володюшка, остался бы дома.

— Я... я не поехал на море, чтобы здесь в кухне сидеть... Интересно мне сидеть здесь все лето!..

Рыдание перехватило Володе горло. Он отчаянно всхлипнул и выбежал, боясь расплакаться на глазах у бабушки.

Он сам не знал, куда ехать на своем велосипеде, но так его гнал, что милиционер засвистел ему вслед.

Извилистая, в пологих зеленых берегах Которосль, белый мост, дамба, Московская улица, вокзальная площадь — и вот Володя за городом.

Здесь высокое небо куполом встало над землей, широко во все стороны размахнулись поля и луга. Володя соскочил с велосипеда и пошел пешком, глядя вокруг и что-то узнавая. Вдоль шоссе то грядой протянулся низкорослый кустарник, то до края неба, как море, колышется рожь, то валами легла только что скошенная, еще не увядшая трава. Снова ольховник.

Володя вспомнил отца. Когда-то они вместе слушали Чайковского, и отец рассказал, как в чужой стороне, под чужим небом во время войны вспомнил эту дорогу, луга и невысокую поросль кустарника...

У Володи защемило сердце, он вскочил на велосипед и снова погнал его так, что в ушах засвистел ветер. Он без передышки отмахал километров пятнадцать. Ноги

дрожали, когда Володя остановился наконец отдохнуть.

Позади загудела машина. Володя отвел велосипед в сторону и перелез через канаву в кустарник.

Он забрался в самую чащу, наломал веток и лег на душистую мягкую постель. Тело больно ныло от усталости. Чему ты теперь будешь радоваться, Владимир Новиков?

Но прошло некоторое время, и Володя захотел есть. Хорошо, что он захватил с собой полкаравая черного хлеба. Хлеб был вкусный, с поджаристыми корками. Володя съел всю краюху.

На шоссе, не видные из-за кустов, изредка гудели машины, а здесь, в мелколесье, Володя был один, и одиночество начинало его тяготить.

Он незаметно уснул.

Проснувшись, Володя не понял — день, вечер? Небо затянулось серенькой пеленой облаков. Тишина на земле до самого неба.

Внезапно над кустами пронесся тягостный, воющий звук и смолк.

Володя вскочил. Из глубины ольховника ползла вечерняя сырость. Темнело. Стон повторился. Володя, крадучись, стараясь осторожно раздвигать ветви, повел из кустарника велосипед. Что там сзади, в темнеющей чаще?

Он вышел на шоссе. За кустами что-то опять простонало и гукнуло. На шоссе было не страшно, и Володя догадался — это выпь кричит над болотом. На сердце осталось смутное, темное чувство.

Скорей домой! Там бабушка...

Вечер густел, и к городу Володя подъезжал уже с зажженной фарой.

Впереди бежала широкая полоса света, а над плечами висела тьма.

Володя отпер ключом дверь и тихо ввел велосипед. Бабушка услышала. Она не спала и что-то из комнаты говорила Володе.

— Сейчас, бабушка! — крикнул он.

Привезти бы ей цветов, наломать душистых веток в лесу! Не догадался. Забыл.

Володя вошел в комнату и сразу весь ослабел от ужаса.

Бабушка сидела на кровати; протягивая руки, смеялась и говорила что-то несвязно и скоро.

— Бабушка! — холодея, прошептал Володя. — Это я, бабушка!

Она покачнулась и упала навзничь в подушки.

Володя всю ночь не сомкнул глаз. Бабушка металась и бредила. К утру она очнулась, поглядела на Володю тусклыми глазами, узнала и слабо улыбнулась, с усилием растягивая потрескавшиеся, пересохшие губы:

— Чудак человек! Испить дал бы мне.

Володя кинулся поить бабушку. Стакан дрожал в руке.

— Не бойсь, — сказала бабушка и забылась.

Володя на цыпочках вышел из дому и побежал звать врача.

Врач, худенькая женщина в белом халате, озабоченно слушала, выстукивала бабушку, качала головой, хмурила брови:

— Крупозное двустороннее воспаление легких... Ты один с ней, мальчик?

— Один.

— Пожалуй, придется взять в больницу.

Бабушка наотрез отказалась:

— Дома я скорей отлежусь. Дома и стены помогают. Поглядите, какая у нас красота!

В окна светило яркое солнце, заливая высокую комнату праздничным светом. Бабушка лежала в белых подушках, маленькая, с запавшими глазами, и сухими быстрыми пальцами перебирала на груди одеяло.

— Товарищ доктор, наша Гражданская улица в царское время называлась Дворянской. Господа жили. Нас и близко не пускали сюда. Дворник, бывало, метлой погрозит...

— Позвони на завод, — отозвав Володю в сторону, велела врач и, назначив лечение, уехала.

Володя спустился вниз, к автомату:

— Сборочный цех.

— Алло! — ответил чужой голос.

— Позовите товарища Брунова. Очень важное дело.

— Брунов в отпуску. Уехал в деревню.

— Тогда позовите инженера Танееву. Очень важное дело. Позовите, пожалуйста!

— Инженер Танеева тоже в отпуску. На курорте.

Володя секунду подержал трубку около уха и пове-

сил. Он не догадался сказать: «Я сын Новикова. У меня умирает бабушка».

Бабушка тихо лежала и все шарила по одеялу пальцами. Володе казалось: пока он бегал в автомат звонить, у нее ввалились щеки и губы подернулись синевой. И все, что в ней знал Володя, привычное, родное, то, что и было бабушкой, уходило куда-то...

— Сдружилась старость с убожеством, да и сама не рада, — насильно улыбнулась она. — Ты голову не вешай, Володюшка.

Володя варил бабушке кисель, давал лекарство, менял на голове лед. Она забывалась, бредила; очнувшись, звала:

— Володюшка! Мил человек, посиди возле меня.

К вечеру опять зашла врач:

— Тебе нельзя оставаться с ней одному. Скоро приедет отец?

— Через две недели.

— В фабком звонил?

Нет, Володя не звонил в фабком. Его практический опыт был слишком еще ограничен. Он позвонил в сборочный цех, потому что знал там Петю и Екатерину Михайловну. На заводе отца и на бабушкиной фабрике он никого больше не знал.

— Разве можно попросить фабком, чтоб пришли?

— Фабком не надо просить. В фабком сообщают.

Врач оставила Володю и обещала все устроить сама.

С бабушкиной фабрики приехали ночью. Приехала маленькая румяная девушка с голубыми, как цветущий лен, глазами. Она оказалась решительной и деловой и взяла все хозяйство в свои проворные руки.

— Лукерья Матвеевна! С какой заботы болеть надумали? Давно ли на отдых вас отпустили?

— От смерти не посторонишься, — чуть слышно ответила бабушка.

Она снова впала в беспамятство.

У кровати больной сменялись люди, но Володя всей душой привязался только к беленькой девушке, у которой глаза были похожи на голубые цветочки льна.

— Твоей бабке я орденом и почетом обязана, — говорила девушка Володе в бессонные ночи. — Через нее я передовой стала. Подниму я твою бабку. Помяни мое слово.

Через неделю бабушка очнулась. Володя нагнулся над ней и отпрянул: бабушка глядела на него не улыбаясь, пристально, молча.

— Бабушка! Это я! Я! — шептал Володя, гладя плоскую, как щепочка, неподвижную бабушкину руку.

На секунду ее угасающий взгляд потеплел.

— Живи! — угадал Володя.

. . . .

Отец приехал накануне похорон. Бабушкин гроб стоял в фабричном клубе, усыпанный пионами и гвоздиками, весь утопая в венках. Зал был полон людей. У гроба держали почетный караул ткачихи.

Перед Павлом Афанасьевичем расступились. Он подошел к гробу:

— Вечная память тебе, рабочий человек Лукерья Матвеевна!

Кто-то заплакал.

Павел Афанасьевич поднял глаза, поискал взглядом сына. Загорелое, обветренное, с молодым румянцем лицо Павла Афанасьевича растерянно покривилось, когда среди людей он увидел Володю. Он шагнул к нему, привлек сына к груди:

— Одни остались, Володя. Осиротели.

ТРУДНЫЕ ДНИ

Утром страшно было проснуться. Бабушкина кровать, убранная после похорон чьей-то заботливой рукой, стояла у стены, покрытая белым покрывалом. Несмятая, возвышалась пирамидка из трех подушек с прошивками.

Наконец Павел Афанасьевич догадался вынести кровать. Комната сразу стала пустой. Утром по стене равнодушным лучом шарило солнце.

Однажды Павел Афанасьевич сказал Володе:

— Вот что, парень: нам с тобой не по карману столоваться в кафе. Принимайся за хозяйство. Грязь, братец ты мой, в доме развели.

Володя распустил в бадейке краску для полов и, взявшись за уборку, невольно заметил тусклые стекла окон, пыль на шкафах и полках, груду немытой посуды в кухне. Он работал без отдыха. Ему показалось — отец в этот

день вернулся с завода раньше обычного, хотя в действительности уже наступал вечер.

— Погоди, папа, я сбегаю в магазин за огурцами, — сказал Володя. — Сегодня поедим картошки, а завтра сготовлю настоящий обед! — крикнул он убегая.

Павел Афанасьевич вошел в комнату, осторожно шагая по натертым полам.

В доме чистота. Павел Афанасьевич оглянулся, постоял, сел к столу.

«Мамаша! Лукерья Матвеевна! Ласковой души человек! — подумал он недоуменно и закрыл глаза, опершись лбом на кулак. — И Володьку жалко, мамаша!»

Он сидел не шевелясь, пока в прихожей не хлопнула дверь. Но к Володе Павел Афанасьевич вышел спокойным.

— Есть у меня к тебе дело, Владимир!.. — сказал он за обедом. — А хороши огурчики! Ешь, сынок! — прервал себя Павел Афанасьевич, бегло взглянув на похудевшее лицо Володи, с острым подбородком, тенью под глазами и бледным, словно выросшим лбом. — Дело вон оно, на столе: чертеж один надо скопировать. Бьемся с Екатериной Михайловной над механизацией сборки. Не оставляем... Владимир, а ты про музыку что замолчал?

— Я, папа, музыку бросил.

— Это что же?

— Наталья Дмитриевна проверила. Не способен.

Павел Афанасьевич молча доел картошку, налил в стакан чаю.

— Наталья Дмитриевна зря не скажет, сынок. Значит, оно так и есть. Шибко горюешь?

Каким далеким был день, когда цвел шиповник в саду, мирно жужжали пчелы, синело небо! Не удалась музыка!

— Стало быть, другую дорогу будем, Владимир, искать, — сказал Павел Афанасьевич, тронув жесткой ладонью его прямые темные волосы. — Дорог много. Кипело бы сердце.

О бабушке они не говорили. Им обоим не хватало ее заботы, ласковых слов, смеха, легких, шаркающих шажков по комнатам, веселых сборов в воскресный день на фабрику и после на неделю рассказов. Им не хватало бабушки. Но они молчали.

Однако Павел Афанасьевич уезжал на завод, он жил, а Володя оставался дома один, смятый горем. Павла Афанасьевича охватывала тоска, когда в цехе он вспоминал лицо сына, — что-то увяло, поникло в Володе, что-то Павлу Афанасьевичу напоминало в нем прибитый градом к земле, не успевший дозреть колосок...

— Ты, Володюшка, покуда на себя хозяйство возьми, обо мне, старике, позаботься, — полушутя сказал Павел Афанасьевич.

Он нечаянно назвал сына Володюшкой, как, бывало, звала бабушка. У Володи чуть дрогнули веки.

— Ладно. А что, ты... может, ты тоже заболел, папа?

— Нет. Много работы. Дохнуть некогда.

В сущности, ничего лучшего Павел Афанасьевич пока не мог придумать, чтобы помочь Володе.

Надо заботиться об отце. Володя очнулся.

Утром он поднимался до ухода отца на завод и кипятил ему кофе, жарил картошку с яичницей, ревниво следил, охотно ли ест отец его стряпню.

Первое время готовить обед было мучением. Володя то пересаливал, то вовсе забывал посолить, то наваливал полную кастрюлю капусты — вместо щей получалась капустная каша, то не доваривал мясо.

— Учись. Выучишься, — говорил отец, тыкая вилкой в жесткую говядину. — Алексей Максимович Горький был великим писателем, а тесто, сказывают, лучше стряпухи месил.

Да, это была не игра, не забава, а требовательные будни, жизнь.

Внешний мир все еще не существовал для Володи, но дни его были заняты — этого и добивался Павел Афанасьевич. Может быть, Володя преувеличивал значение своего ухода за отцом. Во всяком случае, он не догадывался о том, что чертежи, которые надо срочно скопировать, не так уж срочны, а математические расчеты, поручаемые ему отцом, не однажды выверены Екатериной Михайловной.

Отец приходил с завода, опять погруженный в задумчивость. Полная механизация сборки не ладилась. Но ведь механическая скалка тоже не сразу далась ему в руки! На заводе еще не приступали к ее массовому освоению, а отца томит и беспокоит новая идея. Он был неугомонен и не позволял себе передышек.

Однажды Павел Афанасьевич, вернувшись с работы, бросил на спинку стула пиджак, крупными шагами прошел к радио и, включив, наклонился над ним, словно издали не мог бы услышать то, что Володя услышал из кухни, где накрывал для обеда стол. «На всех участках фронта части Народной армии, нанося удары войскам противника, продолжают наступление...»

Володя быстро вошел в комнату.

Ему было шесть лет, когда началась война с гитлеровцами, но тот воскресный день навсегда врезался в память. Так же, согнувшись, стоял над радио отец, а бабушка, занеся гребень в распущенные волосы, застыла у окна с поднятой к затылку рукой и, только когда раздались последние слова: «Победа будет за нами!» — уронила руку и что-то беззвучно зашептала, тряся седой головой. Отец выпрямился: «Повоюем, мамаша!»

Сейчас то же? Опять?

Войдя в комнату, Володя понял — война в Корее. Корею бомбят и расстреливают американские интервенты.

Сообщения о военных действиях на Корейском полуострове кончились. И новый голос, густой и сильный, возвестил: «Мы за мир! Мир победит войну!»

Отец обернулся и увидел Володю.

— Ты что? — удивился он, заметив обиду в потемневшем взгляде Володи.

— Почему я не знал? — отрывисто бросил Володя.

Володя не включал радио и во время болезни и после смерти бабушки, не читал газет — газету отец уносил с собой на завод. Володя варил обед и прибирал в комнатах. Дни текли медленно и вяло.

— Обо всем со мной говоришь, а о важном не говоришь. И о Стокгольмском воззвании не рассказал! Ни о чем! — упрекал Володя отца, наливая суп ему в тарелку. — Ешь. Я не буду. Не хочу. Разозлился.

«Разозлился — значит, ожил, — подумал Павел Афанасьевич. — Дурашка! Оберегал я тебя. Больно уж тебя подкосило. А может, зря под колпак прятал?»

— Не буянь, Владимир. Пообедай да в школу сходи. Узнай, как там у вас.

Тесный мир из четырех стен! Володя понял, как соскучился о школе, товарищах, учителях, книгах.

Он наскоро пообедал.

— А посуду сегодня твоя очередь мыть, — объявил он отцу.

— Вот как! — засмеялся отец, расположившийся отдохнуть на диване. — Не все коту масленица. Попраздновал, Павел Афанасьевич. Хватит!..

Володя шел в школу, уверенный, что узнает там необыкновенно важные новости.

«Скорее бы кончились каникулы!» — неожиданно подумал он.

Осталось недолго. Проходит лето. Умолкли птицы. А он и на Волге давно не был.

В школе тихо. В пустом вестибюле шагам отвечало гулкое эхо.

На перилах лестницы и вдоль стен пышно разрослись и причудливо раскинулись цветы. Бледно-зеленый вьюнок тянулся к окну. Возле учительской, у темного бюста Горького, в низенькой плошке цвели густо посеянные незабудки, словно голубое маленькое озеро у подножия скалы. Володя никого не встретил в школе, кроме дежурной уборщицы, протиравшей в коридоре стекла.

— Об уроках, видать, соскучился, — удивилась она. — Худущий! Иди гуляй, жирку запасай на зиму!

Уходя, Володя заметил в вестибюле объявление: «Родительский комитет школы организует для населения доклад о международном положении. Докладчик — учитель истории Андрей Андреевич Самсонов».

Но доклад был вчера.

Вернувшись домой, Володя угрюмо буркнул отцу:

— Побросать бы в окно все эти кастрюли и вилки! Надоело хозяйничать!

— Хозяйничать нам, брат, теперь придется долго самим, — задумчиво ответил отец.

— Дай прочитать газеты, — все так же угрюмо сказал Володя.

— Сейчас. Это я сейчас. Они у меня в прихожей, в шкафчике сложены. Не видел? Вот я их тебе принесу.

Отец вышел из комнаты. Почти суетливое стремление отца угождать его любому желанию трогало и ранило Володю. Отец стал снисходителен, мягок, встревоженно ласков, а жизнь не налаживалась.

— Здесь за две недели собрано. Читай!

Отец сложил на стол пачку газет и осторожно поглядел на Володю:

— Ты вот что... сынок... ты к товарищам, что ли, сходил бы!

Володя опустил голову. Ни за что не позволить себе заплакать, ни за что! Он забрал газеты и понес в свою комнату. Отец пошел за Володей.

— Единоличником, брат, не проживешь. Без товарищей-то... — нерешительно произнес отец, став у стола. — Жизнь, она, брат, своего требует.

— Папа! — не глядя на отца, тусклым голосом сказал Володя. — Когда бабушка заболела... остаться с ней просила, а я уехал.

Павел Афанасьевич обеими руками обхватил Володину голову и крепко прижал к груди:

— Не думай о том. Кабы знать, где упасть, соломки загодя накидал бы. Да ведь не знаешь... Лукерья Матвеевна семьдесят пять лет на земле прожила. Жизнь ее, как от звезды лучик, ясная. Об этом помни. Бо-ога-тею-щее наследство тебе бабка оставила! Внуком Лукерьи Матвеевны входишь в жизнь.

Отец опустил ладонь на кипу газет и сказал:

— А войны покуда не будет. Не дадим мы им воевать.

...Отец давно уснул, напротив в окнах погасли огни, наступила чуткая тишина ночи, а Володя читал. Его ум, долгое время бездействовавший, жадно впитывал впечатления. Мир полон событий.

Володя читал статьи об Америке. Нарисованная густыми мазками, перед ним возникала картина чудовищно чужой жизни.

Уолл-стрит! Это название в воображении Володи вызывало образ спрута с паучьими щупальцами в бородавках. Уолл-спрут.

Небо за окном посветлело, с улицы потянулись неясные звуки утра — Володя читал. Ему попалась статья «Преступление у скалы Лорелей». Статья была с иллюстрациями. Володя рассмотрел сначала пейзажи: на берегу реки под горой приютился поселок, крутую гору спокойно огибает шоссе. Почему вдоль шоссе круглые люки? Водосточные ямы?

Володя прочитал статью. На него повеяло ужасом от круглых люков, окруживших подножие скалы Лорелей. Люки набиты взрывчаткой. Что они хотят сделать, фашисты проклятые?! Взорвать скалу, запрудить Рейн и

потопить города и людей. Люди ходят мимо люков и ждут — придет время, их похоронит здесь наводнение...

Утром, когда Володя поднялся, отца дома не было.

Володя быстро переделал дела, на которые раньше тратил весь день, и вышел из дому. Куда? Он и сам еще не знал. Он не мог больше оставаться один. Длинный, худой, с острыми ключицами, торчащими из отложного воротничка летней рубахи, Володя казался только что выписанным из больницы и, как поднявшийся больной, так же пытливо и расположенно смотрел на мир, который в это утро был залит солнцем. Над бульваром густыми шатрами раскинулись липы. Издали, с Волги, веяло прохладой. Долетел густой пароходный гудок. Где-то там плавает Женька, между Щербаковом и Астраханью. Жаль, что нет Зорина.

Вот и некуда, оказывается, пойти. Ольга? Обида давно утихла, он мог бы прийти к Ольге и спросить прямо: «Почему ты смеялась?»

Светлоглазая, с легкими, похожими на сияние тонкими волосами, с чуть изогнутой в веселом удивлении бровью, она, казалось Володе, жила в каком-то особенном мире, таком далеком от его теперешней жизни. Может быть, сейчас Ольга играет Бетховена. Возле распахнутой двери молча стоит старая ель, положив на землю темные ветви. Молчит отцветший шиповник...

Володя долго бесцельно бродил по городу и думал об Ольге. Знает она, что умерла бабушка? Неужели знает и не пришла? Зачем жить, если люди такие плохие? Нет, нет! Ольга хорошая. Она и не подозревает, что у Володи беда, как ему плохо! Что же случилось, что никогда больше Володя не увидится с Ольгой?..

Вернувшись домой, он нашел в почтовом ящике записку: «Володя, приходил навестить Павла Афанасьевича и тебя. Забеги ко мне, дружок! Андрей Андреевич». Володя обрадовался страшно и сейчас же побежал.

Он бывал у Андрея Андреевича зимой. Солнце, лето, цветы чудесно преобразили квадратный, как коробочка, дворик учителя.

Дорожки усыпаны золотистым песком, посередине двора вместо клумбы раскинулась полянка, засеянная ярко-зеленой высокой травой; в ней густо краснели веселые маки. Возле дома росли жаркие подсолнечники, под

окнами затейливо переплелся пестрый душистый горошек, и какие-то неизвестные Володе цветы — синие, голубые, лиловые, желтые — разбежались по двору и глядели из всех его уголков.

— Новиков, сюда! — услышал Володя из беседки.

Андрей Андреевич был в вышитой полотняной рубахе и сандалиях, загорелый, здоровый. Оттого ли, что домашний вид учителя был непривычен, или оттого, что застенчивость Володи в уединении усилилась, только он так растерялся, что, войдя в беседку, не знал, куда стать, и в душе ругал себя, зачем пришел.

— Садись, Володя!

Володя, не успев сесть, задел локтем и свалил круглый столик с ворохом книг. Из-под скамьи вышел большой коричневый пес и с удивлением посмотрел на Володю.

— Не беспокойся, не тронет. Великан, сюда!

Пока Володя, кляня себя, подбирал с полу книги, Андрей Андреевич вспомнил историю, как он в молодости принес одной девушке букет цветов, положил на скамейку, да и сел на цветы.

— А знаешь, где произошла та история? — весело подмигивая Володе, спросил Андрей Андреевич. — Именно в этой беседке. А знаешь, кто была та девушка? Варвара Степановна. Она самая! Варвара Степановна и сейчас хохотушка. Что же было тогда! Представляешь, каков водевиль?

Они оба рассмеялись, а Великан укоризненно отвернулся и лег в угол.

— Не любит шуток. С молодых лет меланхолик.

Все, что говорил Андрей Андреевич, Володе казалось забавным, и он от души, беззаботно смеялся.

— В шахматы играешь? — спросил Андрей Андреевич, указывая на раскрытую доску.

— Играю.

— Чудесно! Сразимся.

Андрей Андреевич заново расставил фигуры. Он играл, горячась, ругая себя за неудачные ходы, хвалил Володю за осмотрительность, рассказывал разные случаи из истории шахматных встреч и вдруг, сделав два фантастически смелых шага, вынудил своего осмотрительного противника, к его полному недоумению, сдаться.

— Как же так получилось? Я и не заметил как! — досадуя и восхищаясь, повторял Володя.

Андрей Андреевич собирал фигуры и с улыбкой смотрел на него.

— Мы давно с Варварой Степановной зашли бы к тебе, да уезжали из города, — сказал Андрей Андреевич. — Я знал твою бабушку.

Володя сразу умолк. Андрей Андреевич провел рукой по его спине, нащупал под рубашкой худые лопатки.

— Я знал и твоего деда, Федора Потапова. Ты, может быть, думаешь, историки изучают и знают только давнее прошлое? — спросил Андрей Андреевич. — В восемнадцатом году, во время белого мятежа, твой дед Федор Потапов был начальником рабочего отряда. Отряд был брошен в атаку, и твой дед...

Хорошо, что Андрей Андреевич говорил о Федоре Потапове, а не о бабушке. Федор Потапов для Володи был все же историей.

— А вот и я! — раздался низкий голос Варвары Степановны. Едва она появилась, в беседке стало шумно и весело. — Мужские дела — в сторону! — приговаривала Варвара Степановна, убирая со стола шахматную доску. — Мужские разговоры — в сторону! Давайте есть малину.

Она засыпала ягоды сахаром и придвинула полную тарелку Володе.

В беседке, увитой плющом, было прохладно, на столе и по столу струилось кружево света и теней, ветерок доносил со двора пряный запах цветов, и Володе все больше и больше нравилось здесь.

Накормив Володю ягодами, Варвара Степановна увела его полоть гряды. Андрей Андреевич остался в беседке работать. Подошел Великан, положил на колени Андрею Андреевичу голову и молча поглядел в глаза.

— Как ты относишься к мальчику? А, Великан? — спросил Андрей Андреевич.

Он задумался, опустив руку на лохматую голову пса, и Великан тоже думал.

Варвара Степановна с Володей пропалывали помидоры, осторожно подвязывая к колышкам их грузные плети.

— Растения любят ласку. Они — как детишки, — приговаривала Варвара Степановна, легкими движениями перебирая и трогая ветви, как будто и верно ласкала их.

— Варвара Степановна, Андрей Андреевич всегда был таким? — спросил Володя.

— Каким «таким»? — улыбнулась она.

— Веселым.

— В нем не веселье, Володя, самая суть, а смелость, — подумав, сказала Варвара Степановна. — Вот был такой случай. В девятнадцатом году страшный голод был в нашем городе. Дети, как от холеры, вымирали. Страшно выйти на улицы — так тихо да пусто. Что делать? Спасать надо детей. Горсовет снарядил пароход отвезти самых слабых в Нижнее Поволжье. Там пшеница, арбузы. Услышали матери и понесли, повели ребятишек. Пароход вмещает триста человек, а собралось больше тысячи. Понабились в трюм, в каюты, на палубы. Ждут. И молчат. Точно мертвое царство. Иные детишки от слабости глаз не откроют, так плашмя и лежат. А в дорогу нам дали брусок масла да тридцать кило хлеба. Больше не было. На берегу черным-черно от народу. Стоят матери, плачут. Тогда Андрей Андреевич вышел на палубу и заговорил с народом. Весело заговорил. — Варвара Степановна поправила тыльной стороной ладони выбившиеся из-под платка волосы и тихо добавила: — Вот когда я убедилась, Володя, что бывает веселье от смелости.

— А дальше что было, Варвара Степановна?

— А дальше? Перестали матери плакать. И пошел пароход вниз по Волге... Андрей Андреевич был начальником детской колонии. И всех ребятишек привезли мы живыми домой. Мало — живыми: румяными, толстыми, словно арбузики. Уезжали из дому молча, вернулись с песнями.

...Этот день, проведенный у Андрея Андреевича, исцелил Володю. Захотелось читать, встречаться с товарищами. Горе не ушло, не забылось, но жизнь звала жить.

— Взял бы я тебя с собой в одно место, — сказал на прощанье Андрей Андреевич, — да, пожалуй, не выйдет: на велосипеде поеду.

— У нас с отцом есть велосипед! — воскликнул Володя. — Как раз недавно купили. Возьмите, Андрей Андреевич!

— В таком случае, собирайся. Завтра едем в колхоз.

ЛЮДИ ДОБРОЙ ВОЛИ

Они выехали на то самое шоссе, по которому месяц назад Володя, ослепленный обидой, гнал свой велосипед неизвестно куда.

Теперь они ехали спокойно, не торопясь. Где-то вдали, за кустарником, что тянулся вдоль шоссе, тарахтела жнейка, иногда ольховник расступался и густая рожь подходила к самой дороге.

— Добрый урожай! — сказал Андрей Андреевич.

На половине пути они сошли с велосипедов, отвели их в сторону и сели в траву отдохнуть. Едва ли они остановились в том самом месте, где Володя когда-то уснул среди ольховника, но ему показалось, что это было именно здесь. Вон канава, заросшая жестким былинником, березовый пень в мшистых лишаях, угрюмый сумрак в чаще кустарника.

— Я здесь слышал однажды — выпь кричала, — сказал Володя.

Андрей Андреевич лежал на спине, закинув под голову руки, и смотрел, как в небе плывут светлые, с ярко-белыми краями облака.

— А со мной здесь другой был случай, — заговорил он, приподнявшись и опершись на локоть. — Когда я в молодости сюда, в некрасовские места, из университета приехал, завел охотничье ружье. Хорошим охотником не стал, но все некрасовские места исходил. Так вот какой был случай. Однажды к вечеру возвращался с охоты. Вдруг слышу шум, гам, переполох — воронье раскричалось. То кричат, то умолкнут, то снова кричат. Я решил посмотреть, отчего вороны ликуют. Тихонько прокрался кустами и вышел к болоту (здесь в те годы позади ольховника лежала глубокая топь). На краю болота, в тине, стоит журавль, по берегу в ряд уселись вороны. Журавль наклонил над тиной длинный нос — лягушка! Журавль ее — цоп! Вороны на бережку ну кричать — кар! кар! кар! Одобряют журавля, хвалят за ловкость. Журавль проглотил лягушку, поднял нос кверху, надменно поглядел на ворон — они разом умолкли. Стоит с поднятым носом журавль — притаились вороны; опустил в тину клюв — вороны из себя выходят, ни дать ни взять ребятишки в цирке: галдят, поддакивают, радуются. Смотрел я, смотрел, да как расхохочусь на весь лес. Вороны облаком

взметнулись над головой, а журавль полетел над болотом. Только тут я и вспомнил про ружье. Пока собрался стрелять, журавль улетел.

...В деревню они приехали далеко за полдень. У правления колхоза на доске объявлений висела написанная крупными буквами афиша: «В семь часов вечера доклад о международном положении».

На крыльцо встретить Андрея Андреевича вышла немолодая, седоволосая женщина, председатель колхоза Любовь Акимовна. Она была большая, грузная, ступала тяжело и, сильно тряхнув руку сначала Андрею Андреевичу, потом Володе, повела их за дом, в яблоневый сад. Там под яблонями были вкопаны стол и две скамейки.

Длинноногая девочка с тоненькой белой косичкой принесла крынку молока и блюдо пирогов, поставила на стол, бросила любопытный взгляд на Володю и ушла.

— Кушайте, — сказала Любовь Акимовна, налила в стаканы молока, села на скамейку и, опершись руками на колени, ласково улыбаясь, глядела на Андрея Андреевича.

Пироги с мятой картошкой и луком были удивительно вкусны, молоко густое, холодное. Володя давно не ел с таким аппетитом.

Любовь Акимовна рассказывала Андрею Андреевичу о делах колхоза, и, судя по вопросам, которые он ей задавал, Володя понял, что учитель старый друг ее и колхоза.

— Ну, отдыхайте пока, — промолвила, вставая, Любовь Акимовна. — А я на часок в поле съезжу — проведать народ. Соберемся к сроку.

— Большой человек, — сказал после ее ухода Андрей Андреевич. — Пятнадцатый год управляет колхозом. Государственный человек!

В саду было сонно и тихо. Сквозь яблоневые ветви густо синело небо. Бормотал шмель над цветком. Издалека, с поля, доносился стрекочущий звук жнейки.

— Хорошо... — в раздумье произнес Андрей Андреевич. — Тишина. Мысли свои слышишь яснее.

— Андрей Андреевич, я хотел вас спросить, — нерешительно начал Володя: — что такое скала Лорелей?

Андрей Андреевич в ответ неожиданно заговорил стихами:

Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен;
Давно не дает покою
Мне сказка древних времен.

Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор,
В вечерних лучах алеют
Вершины дальних гор...

Володя слушал. Печальная фантазия поэта тревожила сердце.

Скала Лорелей, воспетая Гейне, чужая река, виноградники вдоль берегов, люди... Может быть, сейчас они так же, как наши, идут с поля, кто-то поет... А вокруг скалы люки набиты взрывчаткой...

Скоро опять пришла длинноногая девочка с белой косичкой и позвала Андрея Андреевича на собрание.

— А вы пойдете, товарищ? — спросила она Володю, вскинув на него прозрачные, как весенняя капель, глаза.

— Товарищ тоже пойдет, — ответил Андрей Андреевич и, смеясь, потянул девочку за косичку.

— Мы сегодня будем за мир голосовать, — сказала девочка.

Под окнами правления колхоза поставили стол, скамьи, стулья. Людей собралось много: кто сидел на земле, кто на крыльце и на бревнах, некоторые стояли.

Когда Андрей Андреевич кончил доклад, поднялась Любовь Акимовна. Большая, грузная, с седой, как у Андрея Андреевича, головой.

— Что добавлять? Депутат все рассказал. Колхозники! Товарищи! Вон они, наши богатства!

Любовь Акимовна повела рукой в сторону: за деревней земля поднималась горбом, и до самого горизонта протянулись поля.

— Вот они, наши дети, — указала Любовь Акимовна на ребятишек. — Нам война не нужна. Нам мир нужен! Ставь, колхозники, подпись под Стокгольмским воззванием, кто за мир!

— Батюшки-светы! — услышал Володя шепот.

Оглянулся и увидел девочку с белой косичкой.

— Сейчас подписывать начнут. Сейчас, сейчас! — шептала девочка.

Любовь Акимовна обмакнула в чернила перо и крупными буквами выписала свою фамилию на листе со Стокгольмским воззванием.

— А ты будешь подписывать? — снова раздался шепот за спиной Володи. Девочка, не отрывая глаз, смотрела

па белый лист, где Любовь Акимовна поставила первую подпись.

— Садись со мной. Что ты стоишь? — сказал Володя.

Она села рядом с ним на табурете.

— Тебе сколько лет? — спросил Володя.

— Девять, — шепнула она. — А тебе?

— Мне пятнадцать.

— Ты большой, — вздохнула она и засмеялась: — Я товарищем тебя назвала. Думала, ты совсем уж большой.

К столу, тяжело ступая, подошел человек с темным лицом и грудью, огромной, как печь.

— Кузнец, — шепнула девочка. — Гляди! Подписывает! — ликовала она. — А вон Наташа.

Русоволосая девушка, с широкими, словно черные ленты, бровями, свободно вышла из толпы, взяла перо и звонко крикнула, обернувшись к народу:

— Товарищи! В борьбе за мир обязуюсь поднять на сто процентов производительность труда в своей бригаде!.. Девчата, согласны?

— Согласны!

— Что делается! — ахнула девочка. — Наташа народ поднимает!.. Гляди-ка! Гляди! — спустя секунду дернула она Володю за рукав. — А это наша Настасья Матвеевна! Она у нас героиня труда и мать-героиня. Гляди, что у нее на груди. У нее звездочка на груди золотая!

Девочка, болтая ногами, сидела на табуретке рядом с Володей и делилась с ним впечатлениями. Вдруг она утихла. Володя почувствовал, как ее худенькое тело выпрямилось. Широко раскрыв прозрачные, как росинки, глаза, девочка смотрела на такую же, как она, светлоглазую женщину, взявшую в руки перо.

— Батюшки-светы! Мамонька моя голосует! — шепнула девочка.

Перо не ложилось на стол.

— Постановили, чтобы был мир, — сказала девочка. — У нас в колхозе что постановят, того и добьются.

...Ночевать Андрея Андреевича и Володю устроили на сеновале.

Над землей бесшумно плыла августовская ночь с бездонным небом и тихими звездами.

ВОЛОДЯ РЕШИЛ НЕ СДАВАТЬСЯ

Домой Володя вернулся преображенным, как будто путешествовал с учителем не сутки, а по крайней мере месяц. Павел Афанасьевич заметил перемену уже во внешнем виде Володи — он посмуглел за день на солнце, стал решительней и быстрее в движениях, на худощавом лице светилась сдержанная улыбка, что-то, казалось, зажглось в глубине его темных глаз и не ярко, но сильно горело. Утром Володя принялся за зарядку, и Павел Афанасьевич с удовольствием наблюдал, как он энергичными бросками выкидывает вперед длинные руки. Затем он окатился холодной водой, быстро собрал завтрак и позвал отца к столу.

— Может, сдадимся, сынок? — спросил Павел Афанасьевич за завтраком.

Володя удивленно поднял брови.

— Кликнем на помощь кого-нибудь из соседок? Что ни говори, в женских руках хозяйство веселее спорится.

— Нет. Я решил не сдаваться.

— Та-ак... — протянул отец.

— Папа, гляди! — Володя положил перед отцом длинный список книг. — Это то, что Андрей Андреевич посоветовал читать. Натащу нынче книжищ! А знаешь что, папа? Давай начнем с тобой покупать книги из каждой получки. Раз получка — полное собрание сочинений Толстого, два получка — Жюль Верн или «Пылающий остров»... Так мы с тобой живо бо-ольшущую библиотеку накопим! Андрей Андреевич говорит — у культурного человека должна быть личная библиотека. Может, нам ввести экономию? Например, я могу вполне обойтись без белого хлеба.

— Пока тощ, не позволю, — возразил отец. — Проживем пока без экономии. А про книги твой Андрей Андреевич хорошо подсказал. Это мне по душе. Осуществим.

Они вместе вышли из дому. На перекрестке Володя свернул в переулок и, проверив, цел ли в кармане список рекомендованных Андреем Андреевичем книг, побежал в школьную библиотеку. Павел Афанасьевич пошел на завод.

Сын вырастал. Павел Афанасьевич с удивлением и радостью замечал в нем новые, иногда неожиданные черты.

«В основном направление правильно взято, — думал Павел Афанасьевич, шагая на завод, по привычке, пешком. — Определяется парень, и надо, товарищ отец, прямо признать: школа твоего сына в люди выводит, а ты гляди подсобляй только по силе возможности!»

Теперь, когда Павел Афанасьевич возвращался домой, Володя говорил с ним о прочитанных книгах. Пообедав и наскоро перемыв посуду, они оба садились читать.

Павлом Афанасьевичем овладела идея создания собственной библиотеки. На книжной полке уже стояли синие хорошенькие томики Пушкина, рядом с ним уютно расположился Тургенев. Павел Афанасьевич любил Горького. Герцена он уважал и читал его медленно, осуждая Володю за то, что он залпом проглотил «Былое и думы».

— Верхоглядом вырастешь! — ворчал Павел Афанасьевич, но в действительности сын с каждым днем казался ему интереснее.

Разговаривать с ним было занятно. Одно тревожило Павла Афанасьевича: нелюдимость Володи. Слишком уж не похожа была его жизнь на то шумное и беспечное

существование, какое во время каникул вели ребята их огромного двора.

Те, с утра собравшись во дворе, часами играли в мяч или ватагой уходили на Волгу, спорили, дрались и, должно быть, дружили.

— Владимир, у тебя есть друг? — спросил однажды Павел Афанасьевич.

— Не знаю... Есть. Был, — неопределенно и не сразу ответил Володя.

Он подумал о Женьке Горюнове. Да, конечно, Женька был другом. Иногда они ссорились, и все-таки Женька был сто́ящий парень. Володя скучал по нем. Он скучал и по Коле Зорине. Раньше была еще Ольга...

— У меня не один друг, — сказал Володя. — А у тебя?

— Тоже, пожалуй: Петя Брунов, Екатерина Михайловна. С Тополевым теперь подружились... — перечислял Павел Афанасьевич. — А Дементьев? Вокруг де́ла, Владимир, сдружаются, как я погляжу. На пустом месте дружба плохо растет.

Володя долго не мог уснуть после этого разговора. Память повторила день за днем всю историю его отношений с Ольгой.

На пустом месте дружба не вырастет, говорит отец. А музыка кончилась...

Ольгу Володя встретил незадолго до школьных занятий. Август стоял хмурый и сырой. Небо на весь день затягивали серые, холодные тучи, часами сеял мелкий дождь. В такие дни хорошо и тихо читалось. Стихал даже двор. Но, едва город озаряли нежаркие лучи солнца, улицы празднично оживали, на бульварах, в садах теснее обычного толпился народ, в переулках мальчишки строили запруды на непросыхающих во все лето лужах.

Однажды, когда низкие тучи, с утра погрозившись ненастьем, после полудня разошлись и во всю ширь открылось ясное, уже по-осеннему холодноватое небо, Володя отложил свои книги и побежал на набережную. Он так давно не был здесь, что сейчас, увидев поднявшуюся от дождей, величавую Волгу, темную полосу леса на том берегу, желтую отмель против Стрелки, лес мачт у причалов, длинную вереницу барж посередине реки, катеры, снующие взад и вперед, только что отваливший от дебаркадера большой теплоход, который медлительно раз-

вернулся и пошел вниз, взбивая за кормой белую кипень волн, — сейчас, увидев всю эту с детства знакомую жизнь, Володя почувствовал буйную радость.

Вдруг он увидел Ольгу. Она стояла в круглой беседке, висящей над кручей, и, чуть вытянув тонкую шею, смотрела в синюю даль. Должно быть, она мимоходом остановилась в беседке. У Володи заколотилось сердце, он растерялся и, не поднимая глаз, прошел мимо беседки. Когда он оглянулся, Ольги там уже не было.

Длинный караван барж тянулся серединой реки...

Часть вторая

«СТОИТ УЛЕЙ. В НЕМ ПЧЕЛЫ»

Наступило первое сентября. Володя встал ранним утром, когда улицы были еще пусты, и распахнул окно. День был ясный, безоблачный, сентябрьский день, с золотом листьев и той особенной осенней тишиной и прозрачностью воздуха, в которой отчетливо различалось задумчивое курлыканье журавлей: «Прощайте! Прощайте! Улетаем».

Потом зашумели и ожили улицы, и мальчики и девочки в красных галстуках, с цветами и сумками хлынули из всех калиток, подъездов, дворов и пестрым потоком залили город.

Первым, кого Володя увидел, подходя к школе, был Коля Зорин. Он не изменился за лето: так же спортивные значки украшали его широкую грудь, так же щеточкой стояли надо лбом темные волосы, так же не улыбались глаза. Вырос лишь разве да стал шоколадного цвета.

— Колька, здравствуй!

— Здравствуй, Володя. «Стоит улей. В нем пчелы. Пчелы в улей без меду, а из улья с медом», — загадал Зорин загадку.

— Школа! — закричал Володя, радуясь тому, что начинается привычная жизнь с товарищами, шутками, Колиными загадками, звонками, уроками...

Классы во дворе собрались отдельными группами; восьмиклассники кружком стояли под тополем, и оттуда, едва появились Володя и Коля, раздались трубные звуки и крики. Толя Русанов трубил, Кирилл Озеров бил кулаками по надутым щекам, все остальные хором пели:

— Новикову, Зорину — слава! Сла-а-а-а-ва!

— Вон как ты их музыкально развил. Они оперу сочинили, — сказал Коля Зорин.

Круг разомкнулся, впустил вновь пришедших и снова сомкнулся.

Все выросли за лето, почернели, отрастили чубы.

— Ребята, а хорошо, что начинаются занятия! — сказал Кирилл Озеров. — Мне уж отдыхать надоело.

— Хорошо-то хорошо, одно только плохо: уроки учить не хочется, — ответил Толя Русанов.

Вдруг он выпятил грудь, закинул вверх голову и, выбрасывая правую ногу вперед, петухом прошелся по кругу:

— Шествие академика Брагина!

Во двор вошел Юрий, огляделся и направился к тополю.

Рядом, то отставая, то забегая вперед, семенил Миша Лаптев.

— Академик и его адъютант! — крикнул Толя Русанов. — Сми-и-рр-на, ребята!

— У академиков адъютантов не бывает, — снисходительно засмеялся Юрий. — Попал пальцем в небо. Остряк!

— Брагин, расскажи о Москве! — послышалось со всех сторон, едва он вступил в круг ребят. — В музеях был? Высотные здания видел? Мавзолей? Третьяковку? Юрий, рассказывай!

— Наспех всего не расскажешь, — возразил Лаптев.

Но Юрий, как будто не слыша, отстранил его и занял место в центре.

— Видел! Все рассмотрел. А вы знаете, к какому я пришел заключению? — счастливый и ко всем расположенный, оживленно рассказывал Юрий. — Я пришел к заключению — через три года поступаю в Московский университет. К тому времени его как раз достроят на

Ленинских горах. Там, в университете, у меня дядька работает. Я уже со многими профессорами знаком. И со студентами перезнакомился. Меня самого за студента там принимали. У меня столько в Москве друзей развелось... Я теперь там как дома.

— Физ-культ-ура! — заскучав от такого рассказа, во весь голос крикнул Толя Русанов. — Физ-культ-ура-ура-ура!

— А у вас тут... все то же? — обиженно заметил Юрий.

В это время на школьное крыльцо вышел Андрей Андреевич.

— Здравствуйте, Андрей Андреевич! — хором закричал весь двор.

Андрей Андреевич стоял на крыльце и смеялся.

— И учителя прежние, — ни к кому не обращаясь, скучно протянул Брагин. — Ничего нового.

— Ну уж ты... знаешь что... заспесивился слишком! — рассердился Коля Зорин и, круто повернувшись, зашагал на зарядку.

Они сели с Володей за одну парту.

Едва ребята разместились, в класс вошел Андрей Андреевич.

Он встал за свой стол, улыбнулся, кивнул и, подняв обе руки к голове, знакомым медленным жестом провел от висков к затылку, приглаживая и без того прямые и ровно лежащие волосы.

— Программа наша — история Родины.

И в классе сразу стало тихо.

Так начался новый учебный год.

Оттого ли, что мальчики за лето повзрослели, или оттого, что первые встречи всегда немного стеснительны, или оттого, что Андрей Андреевич задал серьезный тон на весь день, уроки проходили в порядке.

Петр Леонидович влетел в класс, прижимая к боку журнал и отгородившись от ребят настороженным взглядом. Едва год начался, ему уже мерещились шалости, озорство, хулиганство. Доказывая теорему, он вдруг круто поворачивался от доски с куском мела в поднятой руке и подозрительно оглядывал класс, чтоб захватить врасплох нарушителей дисциплины. Но за партами было спокойно. Эта внимательная тишина удивила Петра Леонидовича, он ей не сразу доверился. Однако сегодня он чувствовал

себя на уроке свободнее обычного: геометрические линии стройно ложились на доску, доказательства были остроумны и ясны. Учитель словно весь распрямился и, вернувшись с урока в учительскую, сообщил, что намерен организовать общешкольную математическую олимпиаду. Потом он глянул в окно и, увидев на дворе синий день, подивился тому, что не заметил утром солнца и неба. Потом, подсев к Андрею Андреевичу, Петр Леонидович сказал:

— Кажется, гм... ваш восьмой «Б»... ничего, налаживается.

И вновь зазвенели звонки. Ирина Федоровна принесла в класс букет красных астр.

— В женской школе ученицы встречают учителей цветами, а у нас — наоборот, — сказала она, положив астры на стол. — Желаю вам хорошо жить и работать.

Затем она прочитала длинную вступительную лекцию о русской литературе. Лекция была трудна, не очень понятна, но Ирина Федоровна читала ее с таким увлечением, что ребята молча высидели весь час.

— Вот так лекция! — изумлялся в перемену Толя Русанов. — Юрий, а ты говоришь — ничего нового. Читывали нам в седьмом классе такие лекции? Чудеса! Как в институте.

Удивительнее всего в этот день был урок Гликерии Павловны. Ее не ждали. Толя Русанов из самых верных источников разузнал, что Гликерия Павловна получила из-за болезни дополнительный отпуск и отправилась путешествовать по Волге.

— Последнего урока не будет! Собирайтесь домой, ребята! — уговаривал Толя, запихивая книги в портфель, как вдруг Гликерия Павловна явилась.

— Здравствуйте! — зашумел класс.

— Гликерия Павловна, разве вы не уехали?

— Гликерия Павловна! Нам в первый день учиться лень, мы просим вас не мучить нас!

И так уж сложились их отношения, что, пока учительница не застучала по столу линейкой, ребята, возбужденные веселым беспорядком, выкрикивали всё, что приходило им в голову, стараясь перекричать друг друга.

— Не шумите, а то уйду, — сказала Гликерия Павловна, дождавшись, когда наконец ученики угомонились. — Ну, ребята... Ох, ребятки!..

Она задумалась, опустив пухлые руки на классный журнал, но тут же встрепенулась:

— А где Горюнов? Горюнова не вижу. Куда он девался?

В классе снова поднялся шум:

— Гликерия Павловна, Горюнов с нами больше не учится!

— Женька стал речником!

— А зачем он вам, Гликерия Павловна?

— Гликерия Павловна, почему вы расстроились?

Ребята только теперь заметили в учительнице перемену — она была неспокойна.

— Уж как я на Горюнова надеялась! — со вздохом проговорила она, когда волна шума улеглась. — Жаль Горюнова. Какой был географ! Энциклопедист!

Учительница сокрушенно покачала головой, не находя, видимо, в классе никого, кто бы мог послужить ей опорой, и, стукнув для порядка линейкой и повысив голос, сказала:

— Ребята! С этого года у нас дело пойдет по-новому. Переходим с вами на новый метод. Но сначала я вам расскажу... — Гликерия Павловна обмахнулась платочком, помедлила и объявила: — Побывала я в путешествии, мальчики. Слушайте...

ДВА РЕШИТЕЛЬНЫХ ДНЯ В ЖИЗНИ ГЛИКЕРИИ ПАВЛОВНЫ

Лето для Гликерии Павловны сложилось неудачно. Рассчитывала провести отпуск вместе с мужем в тихой деревне, где по вечерам пахнет парным молоком и свежим сеном, и вдруг заболела и чуть не месяц пролежала в постели. Потом оказалось, что отпуск мужа откладывается, а ей врач рекомендовал для укрепления здоровья прокатиться по Волге. Как ни сопротивлялась Гликерия Павловна, совестясь путешествовать, когда муж остается работать, в один прекрасный день он принес билет на теплоход «Клим Ворошилов». Гликерия Павловна всплакнула, однако поехала. Первое время, равнодушная ко всему, она целыми днями вздыхала, сокрушаясь о том, как-то там бедный Иван Арсеньевич один, но затем очарование волжских берегов и новизна впечатлений ее захватили, и Гликерия Павловна с утра выходила на па-

лубу, устраивалась на носу теплохода и не возвращалась в каюту до вечера. По сторонам лежал голубой, сверкающий в лучах солнца водный простор. Пронесется чайка над Волгой, ослепив белизной крыльев. Вдалеке тяжело плеснет рыба, и долго расходится кругами тихая вода, а теплоход все бежит вперед и вперед вдоль переменчивых берегов.

А все-таки на душе у Гликерии Павловны было не очень спокойно.

Смутное недовольство собой и своей жизнью не оставляло Гликерию Павловну. Сначала она отгоняла от себя неясную тревогу. Ей ли жаловаться на судьбу? Чего ей не хватает, в самом деле? Живи себе — радуйся.

Но вместо того чтобы думать о радостях жизни, Гликерия Павловна все вспоминала то экзамены, то последний разговор с директором после экзаменов.

«Не обрадовали нас ваши ученики, Гликерия Павловна», — сказал директор.

«Подсчитайте пятерки! — запальчиво возразила она. — Не я одна им пятерок наставила. На экзамене инспектор сидел».

«Что нам свою работу пятерками мерить? Маловато для учителя. Настоящего, я разумею. Да и пятерка пятерке рознь».

За несколько часов до Сталинграда на теплоход сел военный. Гликерия Павловна проводила время в одиночестве, ни с кем не сближаясь, сидела себе в сторонке да смотрела на Волгу. Но этот военный, с капитанскими звездочками на погонах и с рассеченной шрамом верхней губой, сам подошел к ней — наверно, потому, что рядом было свободное место.

«Вот еще сосед!» — недовольно подумала Гликерия Павловна.

— В Сталинград едете? — спросил капитан. — И я туда. Там воевал. Оттуда и метина. — Он указал шрам на губе.

— Скажите пожалуйста! — ответила Гликерия Павловна, проникаясь участливым расположением к капитану.

Он был молод. У него было простое лицо, и Гликерия Павловна почувствовала себя с ним легко.

Они разговорились. Капитан тоже ехал в отпуск. Его маршрут лежал в другие края, но капитан делал порядочный крюк, чтобы побывать в Сталинграде.

— Тянет. Святая земля.

Чем дальше слушала Гликерия Павловна капитана, тем сильнее царапала ей сердце смутная тревога.

— А я учительница, — сообщила Гликерия Павловна и подумала: вот плывут они мимо берегов родного Поволжья, а многое ли могла бы она о них рассказать капитану, вздумай он поподробнее ее расспросить?

Может быть, потому, что он был ее случайным и недолгим попутчиком, Гликерия Павловна неожиданно для себя подробным образом поведала ему всю свою жизнь.

Училась. Ни шатко, ни валко, так себе. Вроде и вспомнить годы учения нечем. Стала учительницей. Почему? Сама не знает. Так пришлось, куда еще податься? Что сама за партой выучила, то и ребятишкам на уроках выкладывает. Думалось, так и надо. Может, в других школах и так, а у нас подобрались учителя-особливцы. До седых волос дожили, а никак угомон их не возьмет.

— Особливцем-то вы получаетесь, — сердито, как показалось Гликерии Павловне, возразил капитан. — Выдающаяся вы личность!

— Чем это я выдаюсь? — обиделась Гликерия Павловна, жалея, что открыла случайному знакомому самое свое больное место — недоученность.

— Молодая еще, — укоризненно оглядывая ее расплывшуюся раньше времени фигуру и пышущее румянцем лицо, говорил капитан, — а покоя добиваетесь.

Вот как! Гликерия Павловна из себя вышла от гнева. Обмахиваясь платочком, она веско сообщила капитану, что не кто другой — доктора предписали ей свежий воздух, что здоровье не позволяет ей волноваться.

— Живи — не волнуйся, ох, скука! — сказал капитан.

«Ну и ступай от меня, дерзкий мальчишка!» — подумала Гликерия Павловна.

Он не уходил.

— Чем все-таки вы увлекаетесь? Какой смысл в вашей жизни? — допытывался он.

Гликерия Павловна не собиралась дальше с ним откровенничать. Не посвящать же первого встречного в заботы и радости своей личной жизни?

...В ее уютной, чистенькой комнатке на видном месте лежит книга «Здоровая и вкусная пища». Стряпуха Гликерия Павловна на славу! Соседки бегают к ней под Но-

вый год узнавать рецепты пирожного безе и орехового торта. Иван Арсеньевич обихожен...

Вот ее доблести! А призванье учительницы? Где оно?

«Вдруг спросит, какие у меня по географии книги? — вообразила Гликерия Павловна. — Напористый! Потребует: читай ему лекцию об экономике края. Учебника нет под рукой, справиться негде. Уходил бы, что ли, скорее!»

А он не уходил.

— У меня об учителях было идеальное представление, особенно, если по книжкам да газетам судить, — словно поддразнивая ее, говорил капитан. — А вы уж очень обыкновенная личность. Сказались бы домашней хозяйкой, никто не осудит...

Определенно, он над ней издевался!

— На войне из солдат в капитаны выучивались, да еще и награды за боевые подвиги выслуживали, — продолжал он, намекая, как видно, на себя. — А вас послушать — прескучнейшее дело учительствовать. Кругозора вам не хватает, вот что! Идейной базы, — сказал он по-солдатски прямо, а сам поглядывал на нее с интересом. — Даю вам совет. Сходите в Сталинграде! Потопайте по раскаленной и залитой кровью сталинградской земле своими изнеженными ножками, и ваш убийственный покой навечно из характера выветрится. Что за жизнь, когда не охота ничего добиваться? Что за жизнь?! Подъема в вас нет, а ведь еще молодая!

Он взял ее за пухлый в ямочках локоть и уговаривал:

— Слезайте в Сталинграде. Там воздух насквозь патриотизмом пропитан!

Гликерия Павловна настороженно от него отстранилась, на всякий случай сказав:

— Вы не думайте... я ведь замужем.

Он шлепнул ладонью по колену и с краской в лице чуть не на всю палубу крикнул:

— Вот ведь до чего обмещанилась!

После этого он с вызывающим видом приложил к фуражке два пальца:

— Прощайте, товарищ учительница, хоть и не похожи вы на учительницу! Желаю вам набираться здоровья.

Ничто не могло больше задеть Гликерию Павловну, как пожелание набираться здоровья! Значит, ни на что не способна, ничего за душой. Ну, капитан! Ну и ну! Наговорил с три короба, разобидел и след простыл.

А ты сиди на палубе, дыши свежим воздухом!

Вдруг Гликерия Павловна почувствовала, что нет у нее никакого желания продолжать оздоровительную поездку на теплоходе «Клим Ворошилов». Первое сентября на носу, а она прохлаждается.

«Врете вы, что я человек успокоенный, от слова «покойник»! — гневно спорила она с капитаном. — Ему, видите ли, идеальными учителя представлялись, разочаровался он в них, оттого что я, по простоте, сомнениями с ним поделилась. А с кем поделиться! От Ивана Арсеньевича одно слышишь: не порти, душенька, нервы. В учительской не каждому откроешься: стыдно. Нет, надо капитану доказать! Нет, так оставить нельзя! Мещанкой обозвал, слыхали? А я почем знаю, с какой он целью ведет агитацию, человек незнакомый, напористый... Разочаровался, а я виновата? Ну уж нет!»

И кто бы поверил, что Гликерия Павловна, совершавшая первое путешествие за всю свою жизнь, степенная, добрейшая Гликерия Павловна, которая в свои тридцать лет страдала одышкой, ревматизмом и до последнего дня из-за недугов, но главным образом из-за лености характера не утруждала головы большими раздумьями, — кто бы поверил, что, расставшись с капитаном, она покусала каемку платочка, повздыхала и, уложив вещи в чемодан, взяла и сошла с теплохода! Возможно, она вернулась бы в свою каюту раньше, чем теплоход отчалит от пристани, если бы, поднявшись на набережную, вдоль которой качались на ветру молодые, гибкие тополя, почти тут же не встретила капитана.

Он курил и, щуря от солнца глаза, смотрел на Волгу — там, против набережной, лежал песчаный остров.

— Здесь мы высадились осенью и переправились через Волгу, — заговорил он, почти не взглянув на нее. — По Волге шло «сало». Была ночь. Они освещали нас ракетами и обстреливали.

Гликерия Павловна молчала. Вдруг она перестала сердиться на капитана, чувствуя какую-то перед ним робость.

— А вы решили остаться? — словно сейчас только догадался капитан. — Не ждал такой прыти! Давайте ваш чемоданчик. Сдадим на хранение.

Они оставили чемоданы в гостинице, где капитан с трудом и криком добился для них обоих на одну ночь пристанища.

— Поведу вас к дому Павлова, — сказал он.

...Это был обыкновенный, восстановленный после войны дом, в котором сейчас жили люди; на окнах стояли цветы. Гликерия Павловна увидела выщербленную пулями стену и надпись: «Этот дом отстоял гвардии сержант Яков Федотович Павлов». Холодок пробежал у нее по спине. Она обошла дом и на другой стене прочитала новую надпись: «Здесь стояли насмерть гвардейцы за Родину!»

— И вы здесь сражались? — несмело спросила Гликерия Павловна.

— Нет, — ответил капитан.

Гликерия Павловна заметила — шрам на его верхней губе побелел и резко выделялся на темном загаре лица.

— Идемте! — приказал он и повел Гликерию Павловну дальше.

Было так знойно, что даже с Волги, загороженной у берега дебаркадерами и судами, не веяло прохладой. Пот ручьями стекал по лицу бедной Гликерии Павловны; она, запыхавшись, семенила ногами, боясь отстать от капитана, крупно шагавшего впереди.

— Поедем на Мамаев курган. — Капитан бросил взгляд на Гликерию Павловну, увидел ее пунцово-красное, обожженное солнцем лицо в грязных подтеках пота, прилипшие к вискам пряди волос, полуоткрытый от усталости рот и решил: — Но сначала отдохнем, пожалуй...

Наконец-то он ее пожалел!

Они пришли в кафе. Гликерия Павловна отдохнула, напилась ячменного кофе и воды с сиропом и решительно заявила:

— Я готова. Идемте!

— А ведь я испугался, когда на набережной увидел вас с чемоданом, — признался он.

— Сам подбил, да и струсил! — упрекнула она. Он все больше нравился Гликерии Павловне. Кажется, он не презирает теперь ее за отсталость.

К Мамаеву кургану поехали на такси. Машина, пересекая одну за другой улицы, вылетела на просторное, прямое шоссе и понеслась мимо школ, пустырей, строек, одетых в леса, мимо обнесенных заборами свалок битого камня и щебня, мимо белых домиков с золотыми подсолнечниками у окон.

У переезда через железнодорожную линию машина остановилась. Там, за линией железной дороги, позади города, стоял Мамаев курган. Склоны его были широки и пологи и поросли кустиками колючей степной травы.

Вечерело. Пахло полынью.

— Поглядите, — сказал капитан, подбирая с земли небольшой кусочек заржавленной стали. — Осколок снаряда.

Гликерия Павловна и сама теперь видела такие осколки, валявшиеся по бокам узкой тропинки, которой они поднимались наверх.

— Степь была ими усыпана сплошь, — продолжал капитан. — Убирают, а начисто никак не убрать.

И вот они поднялись на Мамаев курган. Курган был просторен, пуст, открыт ветрам. Вечернее небо широко раскинулось над ним.

Гликерия Павловна шла следом за капитаном, минуя глубокие песчаные ямы. Их было много, этих ям; над некоторыми рос негустой, низкий кустарник с посеревшими от пыли листьями.

— Воронки от бомб, — сказал капитан.

Снова зябкая дрожь пробежала по спине Гликерии Павловны. «Здесь насмерть стояли гвардейцы...»

Она оглянулась. Кругом голая степь. Солнце зашло. Позади кургана небо горело багряно-красным заревом.

А на востоке далеко растянулся переливающийся вечерними огнями город. Трубы заводов поднимались к небу, как зажженные свечи. Подернутая сизым туманом Волга огибала город, обнимала его.

— Дальше, дальше! — торопил капитан.

Они перелезали через рвы, перепрыгивали овражки, полузасыпанные траншеи, огибали воронки; иногда капитан останавливался и глядел по сторонам, словно что-то припоминая, и наконец вывел Гликерию Павловну к обрывистому склону, откуда город был еще виднее и ближе, и здесь, остановившись над неглубокой впадиной, сказал:

— Смотрите!

— Что? — не поняла Гликерия Павловна.

— Мой окоп.

Небо темнело. Со стороны степи, из-за кургана, повеял ветер. Крепче запахло полынью.

Капитан нагнулся и насыпал в платок горсть рыжеватой песчаной земли из окопа.

— Когда лежал здесь, думал: буду жив, хоть с края света приеду за ней. Через семь лет собрался. Сыну передам... А вы что делаете?

Гликерия Павловна вынула из сумки свой грязный от пыли платочек и тоже завязала в него горсть сталинградской земли с Мамаева кургана:

— Ребятам покажу.

Они возвращались домой почти ночью. Тьма по-южному, внезапно и быстро, завесила дорогу и степь. Гликерия Павловна спотыкалась от усталости. Насыпавшийся в туфли песок нестерпимо жег ноги. Горло пересохло от пыли. Мучила жажда. Она насилу доплелась до койки в гостинице, едва закрыла глаза — багровый пожар заката, степь, просторный и печальный курган, изрытая земля, окопчик на склоне предстали перед ней, и она подумала: «Прожила бы и не видела, разве можно?»

...Гликерия Павловна любила поспать, поэтому, когда утром соседка по койке пыталась ее разбудить, она, натянув на голову простыню, отвернулась к стене, собираясь подремать еще часик.

— Вас военный спрашивает, — сказала соседка.

— Где он? Батюшки! — испугалась Гликерия Павловна. — Милая! Голубушка! Бегите за ним! Остановите!

После вчерашних походов у нее распухли ноги, ломило спину и плечи, и будь она дома, лежала бы без сил на диване, а сейчас с такой живостью собралась, что сама себе удивилась.

— Идемте скорей! — приказал капитан.

Она уже привыкла к тому, что он тороплив и безжалостно к ней невнимателен.

— Слышали? — говорил капитан, почти бегом спускаясь к реке. — В Сталинграде будет строиться гидроэлектростанция. Постановление правительства.

Уже сидя в глиссере, который, взбивая носом шумный фонтан брызг и пены, летел вдоль берега, Гликерия Павловна поняла, чтó произошло и куда они едут.

В глиссере, кроме капитана, было еще трое людей. Они говорили о строительстве, о том, как изменится край, а Гликерия Павловна, сидя рядом с рулевым и обеими руками держа шляпу, чтоб не снесло ветром, молчала и слушала.

Город протянулся на несколько верст. У подножия его раскинулась вольная, могучая Волга.

Глиссер зарывался носом в голубые невысокие волны, пенистые гребешки усеяли реку, словно белые хлопья снега, — то блеснут серебром на солнце, то растают. Вода бьется о борта глиссера, ветер сеет в лицо холодный дождь мелких брызг. Вокруг простор. Вода, вода!

— Да разве остановишь, разве ее повернешь? — спросила Гликерия Павловна, когда глиссер причалил к крохотной пристани за городом.

Там, над рекою, поднималась крутая стена высокого берега с обнаженными красноватыми и золотистыми пластами почвы. Невдалеке, на мысу, в грустном одиночестве, стоял тоненький пирамидальный тополь. Берег был гол. Голая степь тянулась за берегом, а над Заволжьем, за узенькой полоской прибрежных ракит, висело густое серое марево — пыль от песков.

И вдруг Гликерия Павловна поняла — уходит, утекает вода от этих иссушенных, пустых берегов с потрескавшейся землей...

— На этом месте встанет плотина, — сказал капитан. — Там разольется море... — Он указал на Заволжье.

Спутники капитана были геологи, работавшие здесь, на берегу, в исследовательской лаборатории по изучению грунтов. Они остались в лаборатории. Гликерия Павловна с капитаном вернулись на глиссере в город.

Гликерия Павловна и всю обратную дорогу молчала, а на пристани объявила капитану, что сегодня уезжает домой.

— Что так? — удивился капитан.

— Помогите мне достать билет на самолет. До самой смерти услуги не забуду! — твердила Гликерия Павловна.

Жалко ей с ним расставаться, жалко до слез!

Он достал билет и потащил на аэродром ее чемодан.

— Прощайте, — сказала Гликерия Павловна, пряча билет в сумочку, где хранилась завязанная в платок горстка сталинградской земли. — Прощайте. Спасибо вам за встречу. За Сталинград. Да скажите хоть на прощанье: как ваша фамилия, капитан?

По радио объявили посадку.

— Как ваша фамилия? — спрашивала Гликерия Павловна, боясь опоздать, боясь, что ее место займут, поминутно оглядываясь на самолет и сердясь на капитана за то, что он смеется и медлит с ответом. — Милый капитан, хочу про вас ребятам сказать. Назовитесь.

— Скажите: сталинградский солдат. А вы смелая! Теперь у меня отношение к учителям опять положительное! И вам спасибо, что мой окоп поглядели. — Капитан приложил руку к козырьку.

Гликерия Павловна прильнула лицом к стеклу самолета: последний раз перед глазами возникли очертания города, Волги, суровый облик степей. Она даже забыла поохать от страха при подъеме самолета. Самолет давно набрал высоту, когда она опомнилась.

Так удивительны были эти два дня в Сталинграде, что Гликерия Павловна прикрыла глаза и в изумлении подумала: «Что-то делается со мной, а что — не пойму».

КОМСОМОЛЬЦЫ ВЫБИРАЮТ БЮРО

Ребята досадовали, что столько времени потратили на болтовню в начале урока! Гликерия Павловна не успела и наполовину закончить рассказ о своем путешествии — прозвенел звонок. Ребята повскакали с мест и обступили учительский стол. Такого еще никогда не случалось на уроках Гликерии Павловны. Она сидела в кругу ребят, краснея пятнами от удовольствия.

— Что было дальше?

— Что вы еще видели, Гликерия Павловна?

— Расскажите еще про Мамаев курган!

— Расскажите, как строят плотину!

Она слушала эти вопросы, словно музыку. Но в класс уже заглядывали ребята из второй смены. Пора уходить.

— Гликерия Павловна, давайте организуем кружок по изучению строек на Волге! — предложили ребята.

Эта идея и увлекла и испугала Гликерию Павловну. Она опять пожалела, что нет Жени Горюнова. Какой академик был по части географических знаний!

Уходя из класса, Гликерия Павловна слышала — кто-то сказал:

— Брагин! А ты в Москве побывал — ничего не увидел. Только я, я да я!

— Ну и вы о Сталинграде ничего нового не услышали. Всем известные факты. Я давным-давно все в газетах читал.

Строптивый ответ Брагина, нечаянно услышанный ею, омрачил радость Гликерии Павловны, и, придя в учительскую, она устало опустилась в кресло.

В голове ее теснился рой мыслей. Кружок? Доскажет о путешествии — что дальше делать в кружке? Пообещала ребятам новый метод — как за него приниматься? Ребята что ни день, то умней. Вон Брагин... Попробуй, угоди на него!

Гликерия Павловна не обратила внимания на то, что за длинным столом посередине комнаты расположилась группа учителей. Они с удивлением наблюдали за Гликерией Павловной, которая, сев к ним спиной, в раздумье опустила голову.

— Гликерия Павловна, очнитесь! — окликнул Андрей Андреевич.

— А? Что? — встрепенулась она, теперь только вспомнив, что Андрей Андреевич просил учителей своего класса после занятий задержаться.

Собрались Петр Леонидович, Ирина Федоровна, Варвара Степановна. Ждали ее. Она пересела со своего кресла к столу.

— Вопрос, товарищи, серьезный, — начал Андрей Андреевич. — Надо его обсудить.

Дело заключалось в том, что в восьмом классе «Б», где двенадцать комсомольцев, предстоят выборы комсомольского бюро.

— Надо помочь ребятам провести выборы. Как вы думаете, товарищи, кто из комсомольцев мог бы стать секретарем бюро?

— Кто, кроме Брагина? Он, само собой разумеется, — без колебаний высказал свое мнение Петр Леонидович.

— А вы как считаете, Гликерия Павловна? — обратился к ней Андрей Андреевич.

Она с горечью вспомнила надменное суждение Юрия о сегодняшнем своем уроке. Но именно потому, что обида была еще слишком жива, Гликерия Павловна с горячностью принялась расписывать несравненные достоинства Юрия Брагина:

— Мальчик начитан, умен! Редких способностей! Организатор. Передовик. Дисциплины примерной. С кого и образец еще брать? Не будь Юрия, разбрелись бы ребята, как овцы. Андрей Андреевич, и обсуждать напрасно собрались. У всех одно мнение.

Андрей Андреевич поднял руки и медленно провел по волосам от висков к затылку:

— У меня другое мнение, товарищи!

— Вот как! — удивился Петр Леонидович.

— Брагин давно уже перестал быть настоящим организатором класса, — продолжал Андрей Андреевич. — Он занят собою и равнодушен к товарищам.

— Ну, знаете ли, — возмущенно заговорил Петр Леонидович, — к таким талантливым мальчикам, как Юрий Брагин, должен быть особый подход!..

— Мы говорим сейчас о нем как о комсомольском организаторе.

— Прекрасно, прекрасно! — закипятился Петр Леонидович. — Прекрасно! А кто поддерживает в классе дисциплину? Вы ставите под угрозу дисциплину. Кроме того, кем вы замените Брагина? Некем.

— Некем, — подобно эху, повторила Гликерия Павловна.

— Товарищи, вы ошибаетесь. Вы, должно быть, не видите, что выросли новые комсомольцы. Некоторые из них обгоняют и уже обогнали Юрия. Брагина есть кем заменить. Например, если бы ребята выбрали комсомольским организатором Володю Новикова...

Петр Леонидович, недоумевая, поднял брови.

— Новиков? Слишком уж скромен.

— Кто сказал, что комсомольский организатор должен быть нескромным? — удивился Андрей Андреевич.

— Новиков? — припоминала Гликерия Павловна. — Не очень ли тих? Брагин хоть прикрикнуть умеет, когда ребята расшумятся сверх меры.

Впрочем, по опыту сегодняшнего урока Гликерия Павловна убедилась, что иногда и без окрика и стука линейкой можно добиться внимания класса.

Однако и она и Петр Леонидович остались при своем мнении: Брагин своенравен, горденек, заносчив, но авторитет его среди комсомольцев бесспорен, а что станет при Новикове, еще неизвестно. Развалит комсомольскую группу, оставит класс без ядра.

— Товарищи, вы ошибаетесь, — убеждал Андрей Андреевич. — Юрий давно не пользуется авторитетом среди комсомольцев. Мы поздно это заметили. Юрию надо поучиться быть рядовым, Новикову пора подняться повыше. Не умеет? Навыка нет? А мы, товарищи, с вами зачем? Подскажем, поможем.

— Поможем, — окающим баском подтвердила Варвара Степановна.

Ирина Федоровна молча кивнула.

— Посмотрим, как все повернется на комсомольском собрании, — заявил Петр Леонидович.

— Как повернется, — эхом повторила Гликерия Павловна.

Она пришла через несколько дней на комсомольское собрание класса, потому что тот перелом в ее жизни, который начался во время удивительного путешествия по Сталинграду, незаметно изменял отношение Гликерии Павловны к школе. Одно цеплялось за другое.

Гликерию Павловну волновали предстоящие выборы. Она так живо вообразила оскорбленность и горе Юрия Брагина, что все доводы Андрея Андреевича снова потеряли значение. Ей было жаль Юрия, вот и все.

Она улучила момент и шепнула Андрею Андреевичу:

— Оставить бы Юрия, пусть руководит.

Он пристально на нее посмотрел и ответил:

— Пусть решат комсомольцы.

И Гликерия Павловна, вздохнув, села на заднюю парту и в тревоге стала ждать, как решат комсомольцы.

Хотя Юрий всячески старался показать, что ни отчет, ни перевыборы ничуть его не страшат, и весь день, как никогда, был шумен и резв, на самом деле от волнения почти не слушал уроков.

О чем ему беспокоиться, спрашивается? Разве он не устраивал, сколько надо, собраний? Разве протоколы у него не в порядке? Разве среди комсомольцев есть двоечники? Вообще Юрий ничего не мог припомнить, за что его можно было бы ругать.

И все-таки он не находил себе места. Самым неприятным было то, что ему не с кем даже и переживаниями поделиться. Это обстоятельство больше всего угнетало Юрия. Вдруг оказалось, что нет ни одного мальчика в классе, к которому он мог бы подойти и сказать попросту: «А знаешь, я что-то волнуюсь. Отчего — и сам не понимаю». А тот мальчик ответил бы: «Что ты, Юрий! У нас такая дружная комсомольская группа! Мы все дела делали вместе, теперь вместе и отчитываться будем».

Но этот мальчик существовал лишь в воображении Юрия, потому что в действительности ни Коля Зорин, ни Дима Шилов, ни Озеров, ни Володя Новиков и никто другой ничего подобного не говорили Юрию.

Наоборот, Дима Шилов, староста класса, посмотрел на Юрия сквозь новенькие, в желтой оправе очки и сказал:

— Оказывается, прошел год, как мы комсомольцы, а что особенного сделали?..

— И делал бы особенное, если знаешь, что это такое, очкастый! — вспылил Юрий. Понятно, не надо бы обострять отношения перед отчетным собранием, но Юрий не удержался. — Вечно от меня чего-то необыкновенного требуют!

— Разве я о тебе говорю? — удивился «очкастый».

Коля Зорин, раскрывавший рот главным образом для того, чтобы произносить свои загадки, потрогал ежик надо лбом и с задумчивым видом срифмовал:

Если в классе дружба есть,
За дружбу комсомольцам честь.
Если в классе дружбы нет,
Кто несет за «нет» ответ?

Это был уже прямой намек на то, что комсорг не добился в группе дружбы, и Юрий был до глубины души возмущен тем, что ребята готовы решительно во всем его обвинять.

«Сдружишь вас, когда вы — кто в лес, кто по дрова! Ни на одно дело вас не поднимешь», — хотел он накричать на Зорина, но вовремя опомнился. Сегодня не сто́ит.

Очень грустно стало ему от такого несправедливого к себе отношения, и перед собранием Юрий сказал Мише Лаптеву:

— Был бы ты комсомольцем, поддержал бы сегодня меня?

— Конечно, поддержал бы! — охотно согласился Миша.

Собрание началось.

«Возьму да откажусь быть комсоргом, — в конце концов решил Юрий. — Интересно, кого они вместо меня выберут?»

Он вдруг успокоился, приняв это решение. В самом деле, кого они выберут? Попробуйте без Брагина проживите!

Юрий вышел к столу и довольно свободно прочитал свой отчет о комсомольской работе. Он перечислил

вечера самодеятельности, экскурсии, лыжные вылазки (их было не много, но все же за год кое-что накопилось), сообщил, сколько принято новых членов в ВЛКСМ (тоже немного, но, как-никак, в классе двенадцать человек комсомольцев), сообщил, как учатся комсомольцы (Брагин и Новиков впереди, и остальные неплохо). Словом, Юрий сделал подробный доклад и в заключение обратился к организации с просьбой:

— Прошу меня освободить. Я поработал. Теперь пусть другие поработают.

«Ай умница! — обрадовалась Гликерия Павловна. — И скромен. Как же не скромен?»

Обсуждения отчета не получилось.

Как ни тянул председатель собрания Кирилл Озеров ребят выступать, все молчали. Наконец слово взял секретарь школьного комитета Сергей Чумачов. Он упрекнул Юрия в том, что в классе слабый комсомольский актив. Кто-то с места сказал:

— У нас нет актива. Мы все одинаковые.

Встал Коля Зорин, покашлял и, словно на кого-то сердясь, проговорил глуховатым и отрывистым голосом:

— У нас комсомольцы ничем от других не отличаются. Не разберешь, кто комсомолец, кто нет. А некоторые и газет не читают.

— Кто виноват? — крикнул Брагин и, ища сочувствия, бросил взгляд на секретаря комитета. — Может, нянек приставить к вам? Почему вы не читаете? Я газеты читаю.

— Но ведь ты не за одного себя отвечаешь, — возразил Чумачов.

Больше никто не выступал.

Андрей Андреевич стоял у окна. Он был серьезен, задумчив.

«Не стал бы он только критиковать Брагина!» — подумала Гликерия Павловна с опаской: уж очень хотелось ей, чтобы все кончилось мирно.

Но, когда Андрей Андреевич подошел к столу и улыбнулся, она успокоилась.

Юрий вытянулся и напряженно сомкнул губы. Впрочем, он напрасно встревожился: Андрей Андреевич не обмолвился о нем ни словом.

— Надо нам, комсомольцам, подумать о том, как сделать нашу жизнь в классе интересной и умной, — сказал Андрей Андреевич. — Все вы мечтаете о больших и необыкновенных делах. Мечтайте! Готовьтесь к жизни! Но для комсомольца нет маленьких дел. Все зависит от человека. Скучный человек, за что бы ни взялся, все пригасит своим безразличием и скукой. А человек живой и горячий, с огоньком да с задором, все оживит. Надо жить с огоньком, комсомольцы! Без огонька и дружба — не дружба, и ученье — не то.

«А ведь Андрей Андреевич критикует Брагина!» — с удивлением подумала Гликерия Павловна.

Начались выборы.

Для Гликерии Павловны было полной неожиданностью, что ребята в один голос назвали Володю Новикова. В бюро комсомольской организации класса выбрали, кроме него, Кирилла Озерова и Колю Зорина. Фамилии Юрия никто не назвал.

Едва закрылось собрание, Юрий вышел из класса. Гликерия Павловна не заметила его подергивающихся губ и красных пятен на лице.

«Вот и обошлось!» — облегченно подумала она и, сияя улыбкой, поплыла в учительскую, чтобы там на свободе поделиться впечатлениями с Андреем Андреевичем.

— Как вы поэтично обрисовали задачи комсомольцев! — с искренним восхищением воскликнула Гликерия Павловна. — И ведь вот удивительно: слушала я отчет Брагина, кажется — все хорошо. Послушала вас — нет, вижу, далеко до хорошего. Брагину мечты не хватает. Без мечты какой уж там комсомольский вожак! Ладно, что сам отказался.

— Вы думаете, он отказался? — усмехнулся Андрей Андреевич.

— Загадки загадываете. Я не глуха. Своими ушами слышала.

— Гликерия Павловна! Наивный вы человек! И класс знаете плохо. Кабы знали получше, поняли бы: не отказывался Брагин — комсомольцы не выбрали.

— Ох! — только и вымолвила Гликерия Павловна, но спорить не стала.

Да и поздно. Пора уже ей домой, к своему Ивану Арсеньевичу.

ПРОИСШЕСТВИЕ В МЕДВЕЖЬЕМ ОВРАГЕ

Был сырой, завешенный тучами вечер. Мальчики вышли с собрания втроем: Володя, Кирилл и Коля Зорин — новое бюро комсомольской организации класса. Сначала, пока не спеша шли до Володиного дома, они толковали о самых обыкновенных вещах — слишком уж обыкновенных: о том, что Петр Леонидович больше всех учителей задает на дом уроков, что надо навестить Горюнова в «речном», что в кино новый фильм. У Володиного дома они не простились. Волга была так близко — стоило пересечь площадь да пройти немного бульваром, и они очутились на набережной. Набережная была пуста. Чернели липы, раскинув, как крыши, над головами мальчиков могучие ветви. В тумане урчала, ворочалась, глухо плескалась о берег растревоженная осенними ветрами Волга.

Володя первый сказал:

— Ребята! Вот уж не ожидал, что меня выберут!

— А я? Я?! Я-то уж и вовсе не ожидал! — ломающимся, то высоким, то низким, голосом закричал Кирилл Озеров. — Володю назвали, а я сижу думаю — кого бы еще выбрать в бюро? Вдруг меня называют. Даже вздрогнул от неожиданности. Верно, вздрогнул, ребята!

— Беда моя — выступать не умею, — сказал Коля Зорин.

— А моя беда — авторитетом не пользуюсь.

— Ребята, а как мы будем налаживать работу? — спросил Володя.

Он действительно не представлял, как надо налаживать работу комсомольской организации класса. С чего начинать? Чего добиваться?

— Да, с чего мы начнем? — сдвинув шапку на лоб и в задумчивости почесывая свои две макушки, сказал Кирилл Озеров.

— Сначала давайте выйдем все в отличники, чтобы другим пример подавать.

— Ладно. Выйдем. А дальше?

— А дальше начнем втягивать остальных ребят в комсомол. Втянем ребят... А там будет видно. Вообще-то тогда и начнется настоящая жизнь. Первым делом все подружились бы...

— Подружишься с Юрием Брагиным!

— Не перебивай, Кирилл! На Юрия будем влиять... Володя, а дальше?

— А еще, ребята! Слушайте-ка, слушайте, что я придумал! — закричал петушиным голосом Озеров. — Давайте всех ребят вовлекать в технику. Я предлагаю... например, можно радиофицировать школу.

— Радиофицируем свою школу, начнем радиофицировать все школы подряд.

— Ребята! Разомнем косточки! Иду на вы! — закричал Кирилл, бросил сумку с книгами и внезапно напал на Володю.

Коля Зорин не спеша положил книги в сторону, подтянул рукава и львиным прыжком метнулся к Кириллу.

— Сдаюсь! — кричал Кирилл, прижатый к решетке.

— Иду на ты! — сказал Коля и в два приема загнал к решетке Володю.

Наконец они собрались домой.

— Ребята! Условились — работу начнем без задержек! — сказал на прощанье Володя.

Однако, раньше чем новое бюро успело начать свою деятельность, в классе нежданно-негаданно произошла неприятность.

Как-то в последнюю перемену Дима Шилов объявил ребятам:

— Собрать книги. Одеться. Урок истории будет на улице.

Ребята толпой повалили к двери и через две — три минуты в боевой готовности поджидали на дворе Андрея Андреевича. Скоро появился и он, в серой шляпе, в свободном, недлинном пальто, с палкой под мышкой.

— Шагайте на Стрелку! — сказал он ребятам и, постукивая палкой, легко спустился со ступенек крыльца.

На Стрелке ребят встретил ветер, Волга, простор. Здесь, с высокого мыса, глазам открывались вся закотораслевская нижняя часть города и левобережье Волги, где вдоль реки вытянулись деревянные одноэтажные домики, дальше высились трубы электростанции, а еще дальше, на горизонте, встал туманный и сизый лес.

Володя задумался, глядя в знакомую даль. Внизу, под откосом, стоял дом бакенщиков, над крышей которого, словно костер, горели на солнце красные листья осины. Володя так и не видел Васюту с тех пор, как они ездили на лодке в Белую бухту. Было это очень давно!..

За спиной его раздался дружный хохот ребят. Толя Русанов поймал дымчатого котенка, который неосторожно просунул сквозь решетку усатую мордочку, взял его за одну лапку и повел, объясняя ребятам:

— Первоклассник отправляется в школу.

Котенок неловко перебирал задними лапами, валясь на бок.

— Не пугайся, детка, — наставительно приговаривал Толя. — За партой не балуйся. Не мяучь. Зря хвостом не маши. Если хочешь ответить, подними кверху лапку.

Лишь двое ребят не принимали участия в этой потехе — Юрий и Миша. Они со скучающим видом стояли поодаль.

— Пусть хулиганят, — презрительно вымолвил Брагин. — Мне какое дело!

— Конечно, какое нам дело! — подхватил Миша.

Подошел Андрей Андреевич. Толя Русанов, погладив котенка, выпустил его на свободу. Ребята окружили учителя. Приблизились и Брагин с Лаптевым, однако держались в сторонке. Миша, вскидывая на товарища маленькие, как пуговички, бегущие к переносице глазки, повторял, словно зеркало, каждое движение Юрия. Юрий зевнет — и Мишу одолевает зевота. Юрий прикусит губу — и Мишин рот кривится гримасой.

— Мы стоим на земле, где больше девяти веков назад был заложен наш древнейший город, славно связанный с историей родины, — начал Андрей Андреевич свой урок на берегу Волги. — На наши вольные, обширные равнины много раз вторгались иноземцы-враги. Русь боролась и в бореньях росла. За тысячелетие ее жизни наш город верно служил родине и в тяжкие годины общественных бедствий приходил на помощь всегда в числе первых. Он знал губительные нашествия татаро-монгольской орды и одним из первых поднялся на бой против ига. Он шел с Иваном Грозным в грозный поход на Казань. Гулом набата, дрекольем и копьями встретил он рать польских панов, которая в «лихолетье», постигшее Русь, двинулась из разоренной Москвы в глубь страны завоевывать ее северные города и здесь, у Волги, была отброшена вспять. Когда Пожарский кликнул клич по стране, сзывая ратников в поход на поляков, здесь, на наших площадях, на берегах нашей Волги, был назначен сборный пункт войск. Здесь был учрежден «Совет всей земли». Отсюда Пожар-

ский повел наших прадедов освобождать Москву от польских захватчиков.

Андрей Андреевич снял шляпу и повесил на палку; теплый ветер дул ему в лицо и относил назад белые волосы.

— Наступил тысяча девятьсот восемнадцатый год, — продолжал он. — В нашем городе поднят был жесточайший белогвардейский мятеж. Ваши деды подавили мятеж. Ваши отцы восстановили разрушенный город. Вот он, город наш! Оглянитесь, ребята! «Красоты неописанной. Всюду Волга. И всюду история».

Андрей Андреевич широким жестом указал Закоторослье, Волгу, мост над Волгой, пепельное облако дыма вдали, над заводами, высокие белые здания, старые липы на набережной и молоденький сад, веселым клином выбегавший на Стрелку.

— Здесь прошло ваше детство. Приближается юность, — сказал Андрей Андреевич. — Здесь вам жить и работать. А если случится разъехаться по разным краям страны, не забыть во всю жизнь родного города. Не забывайте. Любите. Здесь для всех вас начинается Родина... А теперь представьте себе... — говорил Андрей Андреевич, поворачивая стоявшего рядом Толю Русанова лицом к Волге. — Обернитесь к реке и представьте, что мы с вами в одиннадцатом веке.

Шумок оживления пробежал по ребячьей толпе.

— Берега над Волгой обрывисты, пустынны, — понизив голос и чуть прищуренными глазами вглядываясь в волжскую даль, продолжал рассказывать Андрей Андреевич. — Вдоль берегов стоят дремучие леса. Гниют на корню столетние березы и ели. В осенние непогоды от бурелома стонет лес на всю Волгу. И здесь, где мы с вами стоим, в ту пору гудел дикий бор. — Андрей Андреевич снова жестом указал на полукруглый, асфальтированный мыс Стрелки, на котором сейчас они были одни — учитель и притихшие мальчики. — Как крепость, высок круто поднявшийся над водой берег, — продолжал учитель. — С одной стороны он омывается Волгой, с другой — Которослью, а с третьей — бурным ручьем, сбегающим в Волгу. Одинок. Недоступен. «Вельми страшно сие место бысть...»

Рассказывая ребятам о старине, Андрей Андреевич незаметно переходил на славянский язык, вплетая в свою

речь его торжественные, далекие, как и древние события, слова. Он любил легенду о происхождении родного города. В ней были правда и очарование вымысла.

— ...В непроходимом лесу затерялось селение. Сие бысть селище, рекомое Медвежий угол. Его жители промышляли охотой, ловлей рыбы, а от разбойных набегов скрывались в лесу. Селище называлось Медвежьим углом потому, что медведь был священным зверем в этих местах. Однажды случилось князю Ярославу Киевскому и Новгородскому плыть по реке Волге на ладьях со своей сильной и великой ратью. У правого берега, где на высокой, вдающейся в реку, поросшей лесом площадке стояло то селище, рекомое Медвежий угол, князь увидал — некие люди жестокие наносят гибель судам, шествующим с товарами по Волге. Купцы на судах крепко оборонялись, но не могли одолеть силу окаянных разбойников. Ярослав был хромоног, но ум у него был добрый и на ратные дела он был храбр. Не стерпело сердце князя глядеть, как разбойные люди грабят суда, и он приказал своей дружине устранить и разогнать нападавших. Дружина князя смело ринулась на врагов. Те, трепеща от страха, в ужасе разомчались по Волге.

А князь ступил на берег, дивясь его красоте, неприступности и удобному расположению для защиты от врагов. Казалось, самой природой это место предназначено было для сооружения на нем береговой крепости...

— И верно! — перебивая учителя, воскликнул Толя Русанов. — Глядите, ребята, как мы высоко над рекой! Отсюда видно всю Волгу. Глядите!

Снизу шел теплоход. Его трубы и мачты, сначала неясно различимые глазом, росли, выделяясь яркой своей белизной на блеклой синеве воды и неба, сливавшихся в туманных далях.

— ...Ярослав поднялся на берег, — рассказывал Андрей Андреевич, — и, желая обозреть окрестности сего дивного края, отлучился от дружины и углубился в лес. Недолго пройдя, он набрел на ручей, который шумно журчал на дне глубокого оврага, заросшего ольхой и осиной. Темно и глухо было в овраге. Вдруг затрещал валежник, и из лесу вышел медведь. Ярослав был застигнут медведем врасплох. Зверь шел на князя со вздыбленной шерстью и налитыми кровью глазами. Ярослав отскочил,

— ...*Отсюда Пожарский повел наших прадедов освобождать Москву.*

поднял секиру и ждал, прислонившись спиной к стволу могучей осины, трепещущей над его головой листьями...

Зверь, рыча, поднялся на задние лапы. Ярослав терпеливо подпустил зверя ближе и, распалившись сердцем, с ужасающей силой обрушил на череп медведя свою булатную секиру. Медведь пал на землю.

После того как «священный» их зверь был сражен, жители Медвежьего угла покорились храбрости Ярослава и силе его дружины. И повелел князь на месте селища Медвежий угол срубить город.

«На сем прекрасном бреге, где Которосль сливается с Волгой, — сказал Ярослав, — созиждем для блага жителей страны сея град рублен...»

...После урока домой возвращались прежней дорогой. Ребята шли, тесно сбившись вокруг Андрея Андреевича. Учитель показал мальчикам границы «рубленого» города — кремля, рассказал о том, как позади его стен, под их защитой, город разросся вглубь и вдоль берега Волги и отгородился от врагов земляным рвом, отчего ров и получил наименование Земляного, как позднее город опоясали слободы, населенные ремесленным людом. Андрей Андреевич рассказывал так, словно сам когда-то стоял надо рвом, прислушиваясь, не раздастся ли топот вражьих коней, словно сиживал сам за пьяным столом в боярских хоромах, сам дубил кожи с «черными людьми» в слободе.

Там, где от Которослевской набережной в город вела залитая асфальтом дорога, Андрей Андреевич задержался и, указывая палкой вниз, где под набережной, посреди городской площади, лежала заброшенная впадина с голыми берегами, сказал:

— А это и есть тот овраг, вдоль которого когда-то к Волге стекал ручей и где, по преданию, Ярослав сразился с медведем.

Он простился с мальчиками и пошел дальше по набережной, а ребята побежали со спуска.

— Поглядим Медвежий овраг, — предложил Толя Русанов.

Остановились у оврага.

— Смелый был Ярослав, — задумчиво произнес Коля Зорин; должно быть, ему виделись здесь непроходимая

чаща, сумрак дикого бора и Ярослав — один на один с разъяренным зверем.

— Ребята, заметили? Наш город начался со смелости!

— Наши всегда были смельчаками.

— Ребята, как вы думаете, булатная секира Ярослава сохраняется где-нибудь в музее? — спросил Толя.

— Уж наверное, где-нибудь сохраняется!

— И умный был Ярослав! — сказал Володя. — Ребята, помните, как в летописи: «Ярослав книги читал часто, ночью и днем».

— Старина такая, а уже книгами зачитывались! — удивился Русанов. — Не верится!

Ребята были увлечены Ярославом, легендой о происхождении города, поэтому сейчас все были историками и все наперебой взялись пересказывать беспечному Толе историю.

— Погодите! Постойте! — замахал он руками. — Кричите все разом. Метода не знаете. Пусть один говорит.

— Говори ты, Володя! — распорядился староста класса Дима Шилов.

— Почему я? Я не лектор.

— Не роняй авторитета. Говори, — шепнул Коля Зорин.

— Культура на Киевской Руси была глубока и обширна. Русь и тогда была уже великой страной, — обращаясь к одному Русанову, начал Володя. Он старался не уронить авторитета, в точности повторяя Андрея Андреевича, даже волосы пригладил от висков к затылку. — Королевские дворцы Западной Европы склонялись перед мощью и просвещенностью Киевского государства. Европейские короли посылали в Киевское государство послов и, чтобы войти с ними в дипломатические связи, мечтали жениться на дочерях князя. Ярослав выдал свою сестру Доброгневу замуж за польского короля Казимира Первого. А к дочери Ярослава Анне посватался Генрих Первый, французский король. Анна в тяжелом горе, обливаясь слезами, оставила Русь. Как она боялась Франции, где даже король не разумел грамоты! Дочь Ярослава Анна была первой образованной королевой Франции. Вот... и в то время Русь и русские люди были передовыми, а потом...

— Интересно! — раздался чей-то возглас.

Это сказал Юрий. Он стоял поодаль, насмешливо щуря глаза.

— Что интересно? — угадав насмешку, быстро спросил Володя.

— То, что мы выбрали такого активного комсорга. Не терпится тебе проявлять активность. Даже на улице ребятам передышки не даешь, все воспитываешь.

— Дурак! — удивился Толя Русанов.

— Иди поиграй с котенком, малыш! — не шевельнув бровью, ответил Брагин. — Не понимаю, зачем понадобилось Андрею Андреевичу тащить нас на Волгу, — продолжал он, подсмеиваясь. — Как будто нельзя было провести урок в классе! Что нам прибавилось от того, что постояли над Волгой? Ничего. Зря потратили время.

Володя молча шагнул к Юрию. Они встали грудь к груди и смотрели друг другу в глаза.

Юрий перестал смеяться, но, не отступив ни на шаг, словно врос в землю, сказал Володе в лицо:

— Одна разве польза от сегодняшнего урока истории: что наш Владимир Новиков вообразил себя Ярославом. Глядите, как в бой рвется!

— Ты!.. Ты!..

Еще секунда — и на том месте, где когда-то в Медвежьем овраге, в глуши дремучего бора, Ярослав сразился с «некиим лютым зверем», вспыхнет драка.

— Володя! Не роняй авторитета! — крикнул Зорин, бросившись между ними.

Он растолкал их и, став спиной к Юрию, тяжело дыша, сказал Володе:

— С кем связываешься? Сто́ит руки марать!

— Скептик Брагин! Долой скептиков! — Толя Русанов вложил в рот два пальца — и разбойный свист разнесся по площади.

Юрий побледнел, обвел ребят глазами, ища дружеского взгляда, остановился на Мише, ничего не сказал и, круто повернувшись, пошел прочь. Миша колебался. Толя Русанов свистел.

— Ребята, милиционер! — крикнул Миша и бросился догонять Брагина.

Милиционера не было, но в Медвежьем овраге больше нечего было делать. Ребята ушли.

Прилетел с Волги ветер и скучно закрутил на дне оврага мусор, пыль и увядшие листья.

ЧТО ДЕЛАТЬ, КОГДА КЛЮЧ ПОТЕРЯН?

Елизавета Гавриловна купила продукты, сварила обед и, кончив в доме уборку, села отдохнуть, испытывая приятное чувство свободы. Впереди много часов, которые можно провести как захочется. Хочешь — иди гулять на бульвар. Там под ногами шуршат желтые листья. Осень. Дни ясны и грустны. Или можно, устроившись поуютнее здесь, на диване, до поздней ночи читать. Никто не мешает...

А то не собраться ли за Волгу к отцу? О старике давно ни слуху ни духу. Уж не запил ли снова? Будь все благополучно, заглянул бы сюда.

Воспоминание об отце потянуло за собой трудные мысли, и то счастливое чувство, каким начался сегодняшний день, бесследно рассеялось.

Елизавета Гавриловна сдвинула черные брови и крупными шагами мерила из угла в угол комнату.

«Зачем я живу?»

Как странно и страшно, когда человек, прожив тридцать четыре года на свете, вдруг задает себе этот вопрос и не знает, что ответить.

Василий Петрович уехал в трехмесячную командировку. Первое время Елизавета Гавриловна радовалась тишине, полной свободе, воле делать что хочешь.

Но вдруг оказалось, что делать-то ей и нечего, кроме того, что она делала при Василии Петровиче. Те же завтраки, обеды, уборки и стирки и вдобавок довольно много ничем не занятых часов, когда в голову лезут бесплодные мысли.

Было время, когда Елизавета Гавриловна не задавала себе таких странных вопросов — зачем я живу? Но тогда Юрий был маленьким. С какой нежностью Елизавета Гавриловна любила его ласковое, мило лепечущее детство, теплые ручонки, живые глаза — всего своего Егорушку, озорного, упрямого!..

Тогда-то она знала, как нужно и важно ей жить. Тогда она просто не имела права не жить. Дни были полны глубокого и радостного смысла. А потом Юрий вырос, и Елизавета Гавриловна не заметила, как он от нее отошел.

— Мальчики в конце концов всегда отходят от матери. Закон роста, — объяснил Василий Петрович. — Не

хочешь же ты, чтобы Юрий навек оставался маменькиным сынком?

Беда в том, что у них с Василием Петровичем разные взгляды на многие вещи. Вот Василий Петрович отучил ее интересоваться его работой на заводе. Василия Петровича послушать — у них там и не происходит ничего на заводе. И настоящих друзей у них с Василием Петровичем нет. Есть знакомые, с которыми они время от времени встречаются в праздники, за пирогом и бутылкой вина, но могут не видеться годы...

Но главное — Василий Петрович считает, что она должна быть вполне довольна своей судьбой. А она недовольна.

«Я никого не виню в том, что мне неинтересно жить, — думала Елизавета Гавриловна, не замечая, что целый уже час ходит по комнате, скрестив на груди руки.— Я во всем виню только себя. И в том, что не знаю, как мне сблизиться с Юрием, тоже я виновата. Его направляют без меня: отец, школа, товарищи. А я... рядом, соседка. В чем же смысл моей жизни, скажите?»

«В том, чтобы муж мог спокойно работать и зарабатывать деньги на содержание семьи, чтобы сын мог спокойно учиться, — ответил бы Василий Петрович, если бы слышал мысли жены. — Смысл твоей жизни в том, чтобы создавать нам условия».

Впрочем, Василий Петрович не так прям, чтобы говорить вслух все, что думает. Скорее всего он сказал бы: «Лизочка! Ты засиделась дома, оттого и хандришь. Сходим в кино».

«Однако где же Юрий? — взглянув на часы, подумала Елизавета Гавриловна. — Давно пора прийти из школы».

Когда раздался резкий, недобрый стук в дверь, она, не открыв еще Юрию, догадалась — беда! Юрий вбежал с таким бледным, перекошенным злобой лицом, что Елизавета Гавриловна схватилась за сердце: «Ох! Что это!» Он швырнул на столик в прихожей кепку и книги, бросился в кухню, открыл кран и, не говоря ни слова, подставил лицо под струю холодной воды.

— Подрались? — спросила Елизавета Гавриловна. — Эка невидаль! Все мальчишки дерутся. Пройдет. Бывает хуже — проходит, — старалась она утешить Юрия, догадавшись, что он чем-то горько обижен.

Юрий молча вышел из кухни.

«Потеряла я к нему ключ, — подумала Елизавета Гавриловна. — Что у него на сердце творится? Не отопрешь, не узнаешь».

Она услышала странные звуки, похожие на приглушенный плач, и, встревоженная, открыла в комнату дверь. Юрий сидел за столом, уронив голову на руки.

— Егорушка! — сказала в горестном изумлении мать. Она обхватила голову Юрия и, бессчетно ее целуя, сама заплакала от любви и жалости к сыну.

Юрий затих.

— Есть худые люди на свете, а хороших больше, — поспешным, страстно убежденным шепотом уговаривала Елизавета Гавриловна. — Не мучайся от пустой обиды, Егорушка! Милый! Тебя завтра в школе товарищи встретят...

Юрий отстранил мать:

— Я не пойду больше в школу.

Он встал и, пряча набухшие от слез глаза, повторил:

— Никогда больше не пойду.

Елизавета Гавриловна испуганно молчала.

— Выбрасывай книги! — в бешенстве топнул Юрий ногой. — Не пойду! Никогда! Ни за что! Я не позволю им меня унижать! Или Новиков, или я! Всё от него, всё.

Он убежал, с размаху хлопнув дверью, и заперся в своей комнате. В доме стало тихо и тягостно.

«Что же мне делать?» — думала Елизавета Гавриловна, стоя у окна и зябко кутаясь в платок.

Смеркалось. Наступал вечер. Куда ей идти?

Вот когда она пожалела, что нет Василия Петровича! Елизавета Гавриловна чувствовала себя беспомощной. Что делать, она не знала. Но надо, по крайней мере, узнать, что случилось с Юрием.

Елизавета Гавриловна собралась в школу. Она редко там бывала. Обычно Василий Петрович сам беседовал с учителями о сыне.

«Если его там обидели, я заступлюсь. Я не позволю его обижать, — думала Елизавета Гавриловна. — Кто этот Новиков?.. А!.. Тот, видно, Новиков, которого Юрий критиковал тогда, на собрании, — вспомнила Елизавета Гавриловна давний рассказ Миши Лаптева. — Но неужели Василий Петрович прав? Неужели действительно надо молчать, чтобы после тебя не обидели? Егорушка! Милый мой сын!»

...Елизавета Гавриловна вошла в кабинет директора с тяжелым сердцем.

— Я мать Брагина, — сказала она, застав в кабинете молодую светловолосую женщину, которую приняла за учительницу.

— А я председатель родительского комитета, Анастасия Вадимовна Марфина, — представилась та. — Садитесь, пожалуйста!

Елизавета Гавриловна села напротив в глубокое кожаное кресло, с невольной робостью оглядывая стол, заваленный бумагами и книгами, толстый ковер под ногами, высокие пальмы в кадках.

«У них всюду цветы, а мальчики приходят из школы и плачут», — подумала Елизавета Гавриловна.

— Вы расстроены? — спросила Марфина.

Ее лицо показалось Елизавете Гавриловне спокойным и ясным — должно быть, никакие горести не тревожат эту ласковую женщину. Едва ли и чужие горести она сможет понять.

А вдруг Марфина спросит, что́ Юрий сам рассказал о случившемся? Как ответить? «Ответить: Юрий давно уже ничем со мной не делится», — подумала Елизавета Гавриловна, и еще тяжелее стало у нее на сердце.

— Я вижу, вы расстроены. Чем?

— Я пришла поговорить о сыне, — холодно сказала Елизавета Гавриловна. — Юрию плохо здесь, в школе. Его обижают. Что у вас здесь происходит, я хочу знать.

Но она не удержалась на этом надменном и вызывающем тоне и замолчала. Она боялась расплакаться.

Анастасия Вадимовна быстро поднялась, обошла вокруг стола, села с ней рядом и молча погладила руку. В ее жесте было столько участия, что Елизавета Гавриловна вдруг поняла — этой женщине она может открыть все, без утайки. Ей она может даже признаться, что не очень твердо уверена, кругом ли прав Юрий.

— Володя Новиков? — удивленно спросила Марфина, услышав сбивчивый рассказ Елизаветы Гавриловны. — Я знаю этого мальчика. Странно, неужели он способен обидеть?

— Увидать бы мне Володю Новикова. Самой разобраться, кто кем обижен, — упавшим голосом сказала Елизавета Гавриловна.

— Мы это устроим, — охотно согласилась Марфина.

Она отворила дверь в коридор. Так и есть: возле кабинета директора ее караулили Васюта и Шурик.

— Мамочка! — закричал Шурик, оглядываясь вокруг. — Мы дожидаемся, пока ты в своем комитете закончишь прием посетителей.

Анастасия Вадимовна прекрасно понимала, почему Шурик громко кричит и оглядывается. У этого мальчишки проснулось тщеславие. Кажется, он вообразил, что председатель родительского комитета — самая важная персона в школе.

— Не кричи, — спокойно остановила Анастасия Вадимовна. — Никаких посетителей я не принимаю. Посетителей принимает директор. Ступай к Володе Новикову и скажи, чтоб он сейчас же пришел сюда. Ступай немедля. Общественное поручение. Шурик, понял?

Она вернулась к Брагиной.

— Трудно быть матерью. Отдаешь детям все, что в тебе есть самого лучшего, а чуть недосмотришь... — сказала она со смущенной улыбкой, и Елизавета Гавриловна вся потянулась навстречу этой улыбке и доверилась ей.

ВРАГИ И ДРУЗЬЯ

Когда Анастасия Вадимовна захлопнула перед ними дверь кабинета, Шурик с Васютой переглянулись и вяло побрели из школы на улицу.

— Заработали поручение. А все ты! — укорил Васюта Шурика.

— Почему же я? Почему только я? Разве один я? — тоненьким голоском затараторил Шурик. — Ты, Васюта, сам после уроков сказал — подежурим, пока в родительском комитете председатель кончит прием.

— «Прием»! — сердито передразнил Васюта. — Вот тебе и прием!

Они замолчали. Шурик — оттого, что боялся, не оставил бы Васюта его одного, Васюта — оттого, что не кто другой, а именно он подбил Шурика ждать Анастасию Вадимовну. У Васюты к председателю родительского комитета было особое отношение. Он был твердо уверен в том, что Анастасия Вадимовна — наиглавнейший человек в школе. Такое представление сложилось у Васюты после того, как Анастасия Вадимовна сыграла в его жизни действительно важную роль.

Это было еще летом. Тамара долго, тяжело болела, мать проводила все свободное время у нее, забросив Васюту. Он жил один на берегу Волги, на пристанях, лодках, плотах, прибегая домой только спать или что-нибудь наспех перекусить. Наконец Тамара встала на ноги и научилась одна управляться со своим малышом. Мать вернулась к Васюте. Она ужаснулась беспорядку в заброшенном доме и взялась за сына. Васюте пришлось сесть в корыто. Мать отмыла с него многодневную грязь, обстригла волосы, ногти, надела новую рубашку. И тогда, поглядев на себя в зеркальце, подивившись веселым пятнам веснушек на чистом до блеска лице, пощупав воротничок свежей рубашки, Васюта вспомнил:

«Мама! А школа?»

Его школа стояла на Волжской набережной, всеми своими окнами глядя на реку; зимой в классах было светло и бело от раскинувшегося за окнами снега; весной в окна видно: белые пароходы идут по синей реке; осенью липы осыпают на набережную желтые листья, ветер их гонит, словно стаю вспугнутых бабочек.

Васюта ни за что не расстался бы со своей школой, но в ней не было пятого класса. Летом из-за болезни Тамары мать забыла об ученье Васюты. Редели листья на липах, похолодало северное, неяркое небо; на песчаном острове, против Стрелки, стадились птицы, готовясь к отлету. Август шел к концу, когда мать повела Васюту устраивать в пятый класс новой школы.

К тому времени Васюта с Шуриком занялись одним делом. Та хорошенькая моторка, которую когда-то вожатый Кирилл Озеров дал на один вечер поиграть Шурику Марфину, снова попала им в руки. Теперь Шурик раздобыл ее в Доме пионеров. Кирилл Озеров был там своим человеком — ему ничего не стоило попросить для ребят игрушку. Досыта наигравшись, наплескавшись до озноба в студеной волжской воде, Васюта и Шурик понесли моторку в Дом пионеров, и Кирилл Озеров показал им в кружке кораблестроения столько чудес, что они обомлели. На столах, верстаках, подоконниках, полках, наконец на полу стояли крошечные шлюпки, теплоходы, баржи. Чего только там не было! И была там голубая яхта с высоким килем, крутым носом, мачтами, якорем. Эту яхту сделал один пионер. Она была так хороша, что Васюта и Шурик решили сделать такую же. Они заранее принялись соби-

рать материал и ждали осени, чтобы вступить в члены кружка кораблестроения. Теперь им никак нельзя разлучаться! Васюта уговорил мать отвести его в школу, где учился Шурик.

Он не пошел в кабинет директора и смирно дожидался за дверью, пока мать там разговаривала. Мать скоро вышла, завертывая в платок Васютино «личное дело».

«Не принимают, сынок. Не полагается. «Ступайте, — говорят, — в свой район».

«Ты его хорошенько попросила бы, мама!» — жалобно проговорил Васюта.

«Проймешь его просьбами!» — ответила мать.

Васюта и сам знал, что директора ничем не проймешь. В это время возле кабинета появилась Анастасия Вадимовна:

«Ты зачем здесь, Васюта?»

Встреча с матерью Шурика все решила...

«Не горюйте, мы это дело уладим», — обещала она.

И директору пришлось уступить.

После уже, когда Васюта сидел за одной партой с Шуриком, он узнал, что Анастасия Вадимовна — председатель родительского комитета. Васюта и разъяснил Шурику, какое важное лицо его мать.

— Ты пойдешь со мной? — робко спросил Шурик.

— Послали — как не идти?

Благородный человек Васюта! Другой наверняка увильнул бы, а Васюта как будто и не слышал, что послали-то одного Шурика.

Они шли, еле передвигая ноги, и, когда наконец добрались до Володиного дома, не решившись войти сразу, стали у крыльца.

— Вдруг снова выгонит? — спросил Шурик.

— Все может быть, — согласился Васюта.

Если бы Анастасия Вадимовна знала, какое трудное дала им поручение! Шурик и Васюта много раз обсуждали странное поведение Володи и не могли в нем разобраться. Кто Володя Новиков — герой или злодей? Во всяком случае, он человек необыкновенный, загадочный. Почему он одного выручает из беды, а другого ни за что ни про что выталкивает из дома?

— Он Ольге не велел на глаза попадаться, — боязливо рассказывал Шурик. — За что он Ольгу невзлюбил? Она

его учила, учила... А меня как схватит за плечо, как тряхнет! Говорит: «Попадешься — голову с плеч оторву».

— И оторвет. Не помилует, — подтвердил Васюта.

У Шурика упало сердце.

— Знаешь, зачем его в родительский комитет вызывают? — помолчав, спросил Васюта.

— Зачем?

— Говорят, от него сегодня одному парню не поздоровилось.

— Васюта... Васюта, скажем давай, что не застали дома? — робко вымолвил Шурик.

Васюта молчал.

— Давай убежим, а? — просил Шурик.

— На бега ты ловок!

Васюта дернул на плече ремешок сумки, поправил рубашку и распорядился:

— Идем. На всякий случай держись у меня за спиной. А может, и верно дома его не застанем...

Володя был дома. Он, как и Юрий, прибежал из Медвежьего оврага с трясущимися от обиды губами и, так же подставив под кран разгоряченное лицо, жадно глотал воду, пока не остыл.

Юрия ждал дома накрытый стол и готовый обед. Володя, остудившись под краном, увидел гору немытой посуды, набитое мусором ведро и пустые кастрюли. Он засучил рукава и принялся за работу. Нет, он не собирался сдаваться. Что бы там ни случилось с Володей, отец вернется с работы в прибранный дом. Вытирая полотенцем мокрые руки, отец войдет в кухню и, принюхиваясь к вкусному запаху, всегда скажет что-нибудь смешное и приятное Володе:

«Кабы голодному щец — всем бы, Володька, ты молодец! Ай, глядите: по щучьему веленью, по моему хотенью — и щи на столе!»

Кто из них изменился — отец или сын? Почему теперь отец не кричит, не сердится, не стучит кулаком по столу и ни в чем не упрекает Володю?

Но раньше отца к Володе пришли посетители. Сначала это были Кирилл и Коля. Обыкновенно они приносили с собой учебники. В Володином доме тихо, просторно, сиди, все равно что в читальне, занимайся. Сегодня оба пришли с пустыми руками.

— Это мы, — сказал Коля.

— Идем мимо, думаем — надо зайти, — с беспечным видом добавил Кирилл.

Володя промолчал, и Коля молча встал рядом с ним у плиты чистить картофель. Кирилл сел верхом на табуретку.

— А я недавно книжку прочитал о телевидении, — начал Кирилл разговор. — Теперь в курсе. Могу консультировать. Интересно, скоро наши изобретут цветные телепередачи?

Никто не ответил. Кирилл смущенно пошлепал свои две макушки, поглядел по сторонам и, заметив в прихожей Володину машину, перешел к новой теме:

— Вот нашему велосипеду так достается! Работает с полной нагрузочкой: восемь человек — все катаются.

В ответ — по-прежнему гробовое молчание. Кирилл покашлял и наконец сказал прямо:

— Володя! Спас сегодня Зорин тебя от беды.

— Значит, что же... значит... он будет высмеивать, оскорблять, а мы — молчи и молчи? — резко обернувшись, крикнул Володя с потемневшими от гнева глазами. — Зря оттащил! — размахивая кухонным ножом, кричал он Зорину. — Если Брагин будет насмешничать, я его изобью! Так и знайте — все равно не миновать драки. И не удерживайте: мы с ним враги!

Зорин, не отвечая, продолжал чистить картофель.

— Горького читали? — уже тише спросил Володя. — Как Алеша Пешков дворника из-за кошки лупил, помните?

Коля открыл было рот, но так и не произнес ни слова, а Кирилл, привыкший воспитывать пионеров, резонно ответил:

— Алеша Пешков не был членом бюро. А ты секретарь. И вообще то было прежнее время, и дворник не поддавался другому воздействию.

Володя молча на него поглядел, снял крышку с кастрюли, потыкал вилкой мясо и засыпал бульон крупой.

— Хватит, — сказал он, отстраняя Колю от плиты. — На неделю начистил картошки. Спасибо.

— Хватит так хватит!

Коля отошел и, засучив рукав, от напряжения багровея, согнул руку.

— Мускулатура! — ни к кому не обращаясь, проговорил он, любуясь вздувшимися бицепсами.

— Ты что? — удивился Володя.

— Мускулатура, говорю. А в драку не лезу. Почему? Выдержка.

Володя угрюмо вытирал тряпкой плиту, Коля и Кирилл ждали.

— А все-таки хорошо, что у нас бюро, — вдруг сказал Володя.

В это время раздался тихий звонок, как будто кто-то робко просился: «Пустите!»

Это были Васюта и Шурик. Они минут двадцать стояли за дверью, пока решились наконец позвонить.

На их счастье, у Володи оказалась компания. Они осмелели, увидев вожатого.

— Вы зачем? — удивился вожатый.

— Новикова требуют в школу, — коротко сообщил Васюта.

— В родительский комитет, — пропищал из-за его спины Шурик.

Коля Зорин снял с вешалки три кепки, одну протянул Володе:

— На всякий случай вместе пойдем. Понимаешь?

Володя загасил примус, завернул в старый отцовский пиджак не совсем доваренный суп, чтобы в тепле он дошел, и бюро в полном составе отправилось в родительский комитет.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РАЗГОВОР

Елизавета Гавриловна из школы не пошла домой. До встречи с Юрием надо было обдумать все серьезное и важное, что ей открылось из разговора с Марфиной и тремя мальчиками, которые, явившись в кабинет директора, назвались бюро комсомольской организации класса.

Елизавета Гавриловна была и несчастна и счастлива. Несчастна потому, что убедилась в том, как Юрий неправ. Счастлива потому, что в ее собственную жизнь внезапно и сильно вошла дружба.

То, что Марфина была только домашней хозяйкой, как и она, была только матерью, как и она, знала те же горести и заботы, их сразу сблизило. Но вокруг Елизаветы Гавриловны с каждым годом теснее сдвигались четыре стены ее дома. Все по-другому было у Марфиной — семья, дом, живые интересы!

Елизавета Гавриловна никогда никому не рассказывала о себе. Она сама не понимала, почему вдруг доверилась Марфиной.

Может быть, все так и кончилось бы этой вспышкой откровенности и дело не дошло бы до дружбы, не скажи Марфина прямо: «Вы виноваты. Разве можно не заставить себя быть твердой, когда управляешь семьей? Выпусти шофер руль из рук — машина разбита».

Потом пришли эти мальчики. Елизавета Гавриловна никогда их не видела у себя в доме. Почему Юрий дружит с одним Мишей Лаптевым, неясным, уклончивым, слишком уж вкрадчивым, услужливым своим одноклассником?

Миша всех критикует — ребят, учителей, школу. Юрий поддакивает, а Миша еще больше насмешничает.

«Да, выпустила я из рук руль».

Елизавета Гавриловна окончательно убедилась в этом, когда узнала Володю. Идя сюда, она не любила его, не могла она любить этого школьника, из-за которого Юрий был сегодня несчастлив. Елизавета Гавриловна неприязненно изучала Володю. Он был не очень речист. Он не сумел даже толком объяснить, из-за чего началась ссора в Медвежьем овраге, хмурил брови, охрипшим голосом отвечал на вопросы — да или нет. На лбу его выступили мелкие капельки пота. Он был нелепо стыдлив.

Но председатель родительского комитета так умно задавала вопросы, что в конце концов все прояснилось.

Все дело в уязвленном самолюбии Юрия. Этот тщеславный мальчишка никак не может свыкнуться с мыслью, что его не избрали комсоргом. Как могли без него обойтись?!

Ну конечно, Елизавета Гавриловна вспомнила Мишины смешки, обрывки разговоров: «Погоди, они еще поклонятся тебе, когда завалят работу».

Вот и это она упустила!

— Юрий был хорошим комсоргом? — спросила Марфина.

— Ни плохим, ни хорошим. Средним, — густо краснея, ответил Володя. — Но у нас тогда не было бюро, — поспешно добавил он. — Наверно, Юрию без бюро было трудно.

— Как ты думаешь, кончится ваша вражда?

Володя нахмурился.

— Не знаю. Мне не хочется с ним дружить. У нас с несправедливыми ребятами никто не любит дружить, — сказал он помолчав.

— А деловые отношения мы будем с Юрием поддерживать, — вмешался Кирилл.

— Будем, — кивнул Володя.

Мальчики ушли. Елизавета Гавриловна встала, тоже собираясь уйти, хрустнула пальцами и опять опустилась в кресло.

Несколько раз в этот вечер Марфина вспоминала, что дома ждут дети, дела, неприготовленный ужин, недочитанная книга, но то, что на ее глазах происходило с матерью Юрия Брагина, было важнее, и она не спешила уходить.

— Почему-то существует странный предрассудок, что мать может воспитывать детей не учась, как птица не учится петь, — осторожно начала Анастасия Вадимовна.

— У меня нет такого предрассудка. Я не знаю, чему, где учиться, — грустно ответила Брагина.

«Ах, вот что! Он ей ничего не сказал, — догадалась Анастасия Вадимовна, вспомнив, как Василий Петрович жаловался, что его жена — нелюдимка. — Если так, я помогу вам исправить ее характер, Василий Петрович», — усмехнулась в душе Анастасия Вадимовна.

Елизавета Гавриловна уходила из школы в смятении, полная печальных и радостных мыслей и планов. Почему она не догадалась прийти в школу раньше? Впрочем, неизвестно, произошла ли бы в ней перемена, если бы она не встретилась с Марфиной.

Прелесть эта Марфина! Елизавете Гавриловне все нравилось в ней: внешность, мелодичный голос, а главное — прямота и ясность характера. Вот не утаила же она от Елизаветы Гавриловны, что ей тоже бывает трудно с детьми: Шурик непослушен, беспечен, Ольга не всегда откровенна.

— Моя Ольга дружила с Володей, — рассказывала Елизавете Гавриловне Марфина. — Дружба порвалась. Что-то очень опечалило Ольгу, но что — об этом мне она не хочет сказать. Я не допытываюсь.

— Но почему? Но как же?..

— Я знаю, мои дети плохого не сделают. Я верю им, — ответила Марфина.

Вот как! Если веришь, не всегда надо допытываться, почему сын молчит?..

Елизавета Гавриловна несла домой книгу.

— Это вам нужно прочесть в первую очередь, — сказала Марфина, разыскав небольшой томик в директорском книжном шкафу.

«Макаренко. «Беседы с родителями». Название удивило Елизавету Гавриловну.

— Есть учителя для родителей?

— Есть и университет для родителей, — смеясь, ответила Марфина.

Елизавета Гавриловна до ночи бродила по улицам. Какая радость, что она встретилась с Марфиной, что Марфиной нужна помощница! Сколько важного дела! Они бьются — университет налаживают, а она-то дома посиживает, да в окошко поглядывает, да перебирает невеселые мысли!

Елизавета Гавриловна такие большие надежды возлагала на этот университет для родителей, что теперь и разлад с Юрием ей казался не страшным. Научат. Помогут.

Стали гаснуть огни, когда она вернулась домой.

Нельзя сказать, что Елизавета Гавриловна твердо знала, как следует поступить сейчас с Юрием. Она решила педагогический разговор отложить до тех пор, пока прочитает Макаренко. Если Юрий не спит, она поговорит с ним просто, как человек с человеком.

Юрий не спал. Очевидно, он ее дожидался.

— Где ты была?

— В школе! — таким счастливым тоном ответила Елизавета Гавриловна, что Юрий удивленно насторожился, соображая, что могло привести его мать в необычное для нее оживление. Что такое ее обрадовало там? — Садись. Расскажу, — позвала Елизавета Гавриловна, указывая Юрию место рядом с собой на диване.

Юрий сел поодаль и с небрежной усмешкой спросил:

— Ну, что ты узнала?

— Все, — ответила мать. — Погоди, погоди, — заторопилась она, увидев нахмуренные брови Юрия. — Я сначала скажу, с каким прекрасным человеком познакомилась! Я сначала...

Был поздний час. Елизавета Гавриловна забыла о часе.

Так хотелось ей кому-нибудь рассказать о сегодняшней встрече, своих мыслях и планах! Елизавета Гавриловна все рассказала Юрию.

— И школа мне ваша понравилась, — с улыбкой говорила она. — Если все у вас там такие умные, как те люди, кого я увидела...

— Кого? — быстро спросил Юрий.

Елизавета Гавриловна вдруг замолчала.

— Володьку видела? — понял Юрий.

— Видела.

— Наябедничал? Ясно!

— Он хороший, вот что я тебе скажу, — твердо ответила Елизавета Гавриловна. — И товарищи у него верные. Ты почему людей хороших сторонишься?

— Очень мне нужны твои «хорошие» люди! — дернул Юрий плечами и отвернулся, стараясь не встретиться с матерью взглядом.

— Комсомолец! — с упреком сказала она.

— Все равно не пойду больше в школу! — недобро блеснув глазами, тихо проговорил Юрий. — Они меня освистали? Не пойду!

«Ну-ка, Макаренко, что мне теперь делать?» — подумала Елизавета Гавриловна.

Юрий сидел, опустив глаза в пол. Лицо его вытянулось, губы плотно сомкнулись. Он не уходил — ждал, что мать ответит. Может быть, в глубине души он хотел, чтобы его уговаривали.

Елизавета Гавриловна не знала, о чем Макаренко беседует с родителями в этой книге, которую дали ей в школе. Но уговаривать она не могла. Все в ней противилось. Уж наверное, Макаренко не учит матерей хитрить с сыновьями!

— Знаешь что, Юрий: свист тебе поделом, — сказала Елизавета Гавриловна. — А что до школы... Я сама проучилась всего семь лет. Теперь вот собираюсь доучиваться. Решай своим умом. Да не ошибись, хорошенько обдумай.

Юрий молчал. Что-то новое было сегодня в матери, и что-то в ней подчиняло его.

— Ну, иди! — отослала Елизавета Гавриловна Юрия, постелила постель и легла.

Она закрыла глаза, хотела уснуть, но впечатления дня обступили ее с такой силой, что сон отлетел.

Она заснула только под утро.

На дворе был день, когда ее разбудила тишина. Елизавета Гавриловна поднялась на локте, прислушалась. Дверь к Юрию открыта. Она накинула на плечи халат и босиком, на цыпочках вошла в комнату. Постель Юрия смята, пуста. Где Юрий? На столе белела записка.

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой... —

прочитала Елизавета Гавриловна.

— Егорушка! — грустно улыбнулась она. — Егорушка!..

Стоя с запиской в руке, Елизавета Гавриловна повторяла это почти забытое в их доме имя, с которым связана память о детстве Юрия, сказках, смехе, синяках на лбу и коленках, капризах и ласках, — и, казалось матери, оно приближает к ней сына.

ИДЕЯ ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ

Как раньше Володя возвращался из школы с Женькой Горюновым, готовым всю дорогу пересказывать только что прочитанную книгу или обсуждать свои будущие путешествия, так теперь они шли домой с Колей Зориным.

Коля Зорин все крепче привязывался к Володе, сам не замечая, как Володины интересы постепенно становятся его интересами. Володя слушал музыкальные передачи, и Коля пристрастился к музыке. Володя похвалит книгу, и Коля принимается ее читать.

Пожалуй, и Володя считал теперь Колю Зорина своим лучшим другом, хотя Коля мало говорил, не умел шутить и редко смеялся.

Это была спокойная, ровная дружба, не похожая на ту, что когда-то связывала его с Женькой Горюновым. Там были споры и шалости, размолвки, примирения, снова размолвки и разговоры, разговоры... Нет, Женьку Володя не мог позабыть.

В этот день, когда они подошли к скверу возле Володиного дома, со скамейки им навстречу встал Горюнов. Он был в черной шинели речника, перетянутой широким ремнем, в матросской бескозырке с лентами. Он отдал им

честь. Володя с Колей, пораженные выправкой и щегольским видом Женьки, несколько секунд молча его рассматривали.

— А я вас дожидался здесь,— сказал Женька. — Ну, докладывайте, как ваша сухопутная жизнь? Володя, ты так и не ушел в музыкальное? Колька, ты первого места по боксу добился? А Гликерия Павловна в восьмом классе учит?

Он их засыпал вопросами, а потом принялся рассказывать сам:

— Кончим «речное», как раз реконструируют Волгу. На теплоходе обычного типа под Сталинградом тогда не пройдешь, особенно если поднимется буря. Говорят, после реконструкции на воду спустят морские теплоходики. Тогда заживем! А я здорово натренировался за лето. Все испытал. Один раз на Рыбинском море шторм захватил. Волна — выше палубы. Того и гляди, теплоход в щепу разнесет. У нас чуть было ветром не сорвало спасательную шлюпку. Надо закрепить снасть, а волна с ног сбивает, так и хлещет. Тьма, холод! Капитан говорит: «Горюнов, закрепляй. Выручай, — говорит, — Горюнов!» Что вы думаете? Выручил.

Женька припомнил еще несколько случаев, когда ему пришлось проявить необыкновенные смелость и выдержку. Володя и Коля были прямо-таки оглушены удивительными приключениями смельчака Горюнова.

— А недавно повезло мне, ребята: достал одну книгу, — говорил Горюнов. — Вот это книга так книга! О великом ученом Сапожникове, расшифровавшем белые пятна в горной системе Алтая. Ну и книга!

Он сидел на скамейке между Володей и Колей, их друг Женька, и теперь, позабыв о своем молодечестве, рассказывал об исследованиях великого ученого Сапожникова, который взбирался на горные вершины Алтая, пересекал ледники, леса, шумные реки, пробираясь туда, где до него не ступала нога человека.

— Ну вот! — вздохнул Женя. — А вы не читали. Эх, вы! Сходите в городскую библиотеку, там самые редкие книги достанешь. А то, ребята, советую я вам прочитать об открытиях знаменитого путешественника Егора Петровича Ковалевского. Ковалевского знаете? Того, который исколесил всю Европу, Азию, Африку. Ребята, не ожидал я от вас, чтоб о Ковалевском не слышать! Он, Ковалев-

ский, в глубине Африки открыл одну речку и назвал ее по-русскому, Невкой. Это вы знали?

Нет, Володя и Коля не знали, что в Африке течет Невка.

— Пора уходить, — сказал Женя, продолжая с задумчивым видом сидеть на скамейке между товарищами.

День тихо клонился к закату. Над городом летел самолет. Мальчики молча следили за ним, пока он не скрылся.

— На чем сидишь, когда несешься в тумане неба голубом? — загадал Коля Зорин загадку.

— Пора уходить, — с сожалением повторил Горюнов и встал.

Он отдал честь, стукнул каблуками и, повернувшись кругом, пошел прочь, выпячивая грудь и высоко вскинув голову.

«Как хочется почитать! — думал Володя, возвратившись после встречи с Женькой домой. — Сколько уж времени не читал! А как хочется! Молодец Женька! Все успевает. Почему я раньше смотрел на Женьку несерьезно? Вон у него какой твердый оказался характер! Он постоянный, а я непостоянный. Он задумал поступить в речной техникум — и поступил. Я уверен, что Женька в конце концов и путешественником станет. А я не стал музыкантом. Кем я буду? Не знаю...»

Он подошел к книжной полке. Книжная полка была самым красивым предметом в их доме. С тех пор как отец, потеснив платяной шкафчик в угол, поставил ее в своей комнате, все преобразилось. В доме стало торжественнее, книги строго, молча стоят и, кажется, думают. Самый вид книг доставлял Володе радость. Что читать? Разбегаются глаза. Он наугад взял одну, в светлом простеньком переплете. Тургенев — «Дворянское гнездо». Володя порядком перечитал за свою жизнь, но эта книга попадается ему впервые.

Он наспех поел, разулся и забрался с ногами в угол дивана. Хорошо! Уютно! Жаль, что нет папы. Должно быть, отец опять поздно вернется с завода. В цехе отвели специальный станок — отец с Екатериной Михайловной ставят на нем опыты дальнейшей механизации сборки шины. Последние дни они работают, почти не выходя из цеха. А Володя сидит здесь один и читает о далекой,

странной жизни, в которой совсем нет труда и такое хрупкое, неверное счастье.

Этот роман его захватил. Вначале он мог показаться скучным Володе, если бы с первых же глав не началась речь о музыке. Что-то всколыхнулось на сердце, едва в повесть вошел хмурый, желчный старик музыкант. С этой секунды все в ней стало значительным. Все сложнее развертывались судьбы людей. Володя следил за ними с такой силой участия, что его охватывали то беспокойство, то радость.

То, о чем он читал, давно перестало быть вымыслом, все было правдой. Впечатление от этих людей было так живо и сильно, что их покорность несчастью возмутила Володю.

Нет, они должны были поступить по-другому. Кому они принесли себя в жертву? Зачем?

Володя не заметил, как за чтением пронеслось три часа.

Вскоре вернулся отец. Володя услышал из прихожей тот его особенный, веселый голос, по которому всегда узнавал: сейчас отцу хорошо.

— Извините, Екатерина Михайловна! Давайте пальтишко повешу. Пожалуйте в комнату...

Не так уж много прошло времени с того вечера, когда Володя впервые увидел Екатерину Михайловну, но что-то разительно в ней изменилось. Она стала проще, открытее; может быть, потому, что привыкла к их дому, к отцу и к его неловкой заботливости.

— Садитесь, Екатерина Михайловна! Располагайтесь поудобнее. Сюда, на диван...

— Как живешь, Володя? — спросила Екатерина Михайловна, беря с дивана раскрытую книгу и перелистывая страницы. — «Дворянское гнездо»? Это ты читаешь? Тебе нравится Лиза? — Она отложила Тургенева и еще раз спросила: — Как живешь?

— Живем в основном правильно, — ответил за Володю отец. — Вот только на земном шаре неспокойно, Екатерина Михайловна.

Он закурил папиросу, сломал спичку и бросил.

— Да, — промолвила Екатерина Михайловна, медленно отводя рукой со лба челку.

Она посидела молча, поднялась и сказала:

— Давайте работать.

— Давайте, — с охотой согласился отец.

Володя любил, когда приходила Екатерина Михайловна.

Что-то новое вместе с ней входило в их дом. Отец улыбался незнакомой Володе улыбкой и хорошо молодел.

«Счастливый ли папа? — подумал Володя, закрывшись в бабушкиной комнате и вытаскивая из сумки учебники. — Если бы с папой случилось то, что с Лаврецким?» — еще страннее задал он себе вопрос.

И почему-то вспомнилась Ольга. Впрочем, Володя часто о ней думал. Ему представился потемневший перед грозой сад. Умолкли птицы. Не шелохнется ветка. Все затихло. Все ждет. Вдруг небо вспыхнуло, и изогнутый огненный меч со страшной силой ударил прямо в притаившийся сад. И черное небо, и земля, и маленький дом Марфиных содрогнулись от треска. Молнии полосовали небо от края до края. Деревья, как пьяные, зашатались от ветра. Хлынул ливень.

Володя оглянулся на Ольгу:

«Боишься?»

«Я? Никогда! Ничего!» — сказала Ольга, распахнула дверь и шагнула в сад.

Там клубящееся черное небо вспыхивало, гасло и непрерывно гремело. Гремел ливень, падая холодной стеной. По дорожке, пенясь, бежал мутный поток.

«Что ты делаешь, Ольга? — закричал Володя, выходя вслед за ней в сад. Она была вся уже мокрая, вода струями бежала по ее щекам. — Зачем ты, Ольга?»

«Не хочу ничего бояться!» — сказала Ольга серьезно и дерзко.

Небо снова яростно взорвалось, выбросив сноп огненных стрел, в глубине сада от удара молнии беззвучно раскололась старая береза и повалилась на землю...

Потом Володя вспомнил солнечный день, путешествие в Белую бухту и ярко-зеленую рощу на холме, где он застал Ольгу среди колокольчиков и удивился — такие синие и тихие были у нее тогда глаза.

Он мог вспоминать и вспоминать. Жалко, что все это кончилось...

Поздно вечером Екатерина Михайловна, надевая на ходу шляпу, заглянула к Володе. Отец внес за ней пальто.

— Ты, говорят, хорошо учишься, Володя? — сказала она.

— Он у меня и в комсомоле работает, — ответил отец. — Секретарем бюро выбран. Общественный деятель.

Отец дружелюбно улыбнулся Володе. Должно быть, ему хотелось представить Володю перед Екатериной Михайловной в самом привлекательном свете.

— Он у меня, Екатерина Михайловна, тих, а на работу лих.

— Папа! — смутился Володя. — Наше бюро ничего пока хорошего не сделало. Никаких лихих дел.

— Не годится, товарищ секретарь! — погрозил отец пальцем. — Плохое начало — и дело стало, назад помчало. А с тебя первый спрос.

Екатерина Михайловна застегнула пальто, поправила шляпу, шарфик на шее, но медлила уходить.

— Идея? — догадался отец.

— Не знаю, — колебалась Екатерина Михайловна. — Впрочем, да. Володя, ведь я тоже секретарь комсомольского бюро у нас в цеху. Мы с тобой товарищи по работе. А знаешь что... приходи к нам в сборочный цех. Надо тебе наших комсомольцев увидеть.

— Вот и начало, Владимир! — сказал отец.

Он закрыл за Екатериной Михайловной дверь и вернулся к Володе. Володя готовил урок. Павел Афанасьевич молча стоял у стола, курил и, глядя через плечо сына в тетрадку, следил за алгебраическими вычислениями.

Володя поднял голову:

— Опять забеспокоился, хорошо ли учусь?

— Нет. Спокоен.

— Значит, думаешь, — улыбнулся Володя. — О чем?

— О том, что хорошее дело нынче нам подсказали, — ответил Павел Афанасьевич. — Давно пора, Новиков, твоему сыну в цеху побывать.

ВАХТА МИРА

Приглашая Володю в цех, чтобы познакомить его с комсомольцами, Екатерина Михайловна подумала прежде всего о молодежном комплекте Грачева и, конечно, о Пете Брунове.

После испытания механической скалки Брунов стал известен всем сменам огромного сборочного цеха. Вскоре его узнал весь завод.

В августе Петя вернулся из отпуска.

В первый же вечер приезда, забросив чемодан и мешок с деревенскими гостинцами в общежитие, Петя сразу пошел на завод. И, едва вступил в цех, где безостановочно стучали станки, плыли конвейеры, бежали, тренькая, электрокары, едва услышал шум цеха, увидел людей и всю привычную обстановку завода, почувствовал, как соскучился о работе, товарищах и заводской жизни.

Он хорошо отдохнул и был полон сил.

Работала как раз его смена.

Петя долго стоял у своего станка, по-новому к нему приглядываясь. Его так и подмывало скорее начать работу. Какие-то очень простые и в то же время важные мысли о работе приходили ему в голову. Например, Петя понял, что полуфабрикаты для сборки подаются неверно, и представил, как нужно их раскладывать, чтобы сэкономить время сборщика. Сейчас, со стороны, он видел все свои движения у станка и по-новому их рассчитал. Пете казалось: он готов работать обдуманнее прежнего.

— Петруша! Здорово, сынок! — раздался над его ухом громкий голос, и широкая рука легла на плечо.

Он обернулся и увидел Дементьева. Хотя секретарь партбюро и сам был не стар, всех молодых парней и девчат он называл сынками и дочками.

— Заскучал? — спросил Дементьев, кивком указывая на станок и щуря близорукие глаза.

— Соскучился, Сергей Ильич!

— Идем. Поговорить надо, Петя.

Они пришли в красный уголок, и Дементьев, все так же ласково щуря на Петю глаза, спросил:

— Что мать? Справляется с жизнью?

Он помнил и знал все обстоятельства жизни сотен рабочих своего цеха! Он помнил, что Петя вырос без отца (отец Пети погиб во время войны), что у него трое братьев и младший, Костенька, зовет его «папаня Петя».

Петя любил рассказывать Сергею Ильичу о доме. Так, наверное, с задумчивой улыбкой слушал бы его рассказы отец.

— Страна за мир борется. А ты, Петя, как думаешь?

— Буду бороться! С этой мыслью и на завод приехал.

— По-бруновски сказано! Другого слова я от тебя и не ждал, — промолвил, любуясь Петей, Дементьев. — Становись на вахту мира, сынок!

...Петя так устал за этот длинный день, который начался еще в деревне у матери, что, придя в общежитие, сразу лег и, едва положив голову на подушку, тут же уснул.

Утром его разбудил тихий шепот. Ребята собирались на работу.

— Алеша! Никита! Я с вами, — сказал Петя товарищам.

Он вскочил, окатился в умывальной холодной водой — вчерашней усталости как не бывало.

Он выложил на стол деревенскую снедь — пироги, мед, лепешки:

— Заправляйтесь, ребята!

Встал и дядя Миша и вместе с ребятами сел пить чай.

Дядя Миша работал сменщиком Пети, он был старостой комнаты и старшим по возрасту — ему было лет сорок. Семья и дом дяди Миши погибли во время войны от бомбежки.

У него ничего не осталось, кроме завода да койки в общежитии, отгороженной от молодых ребят шкафом.

— Позавтракать, что ли, с вами зараз? — сказал дядя Миша, покосившись на Петю. — Плесните маленько чайку. Весь небось не сопьете?

— Ешьте вволю! Мать на всю нашу комнату гостинцев прислала. Всех велела досыта накормить, — радушно угощал Петя товарищей.

— Угадал, дядя Миша! То-то встал рано, — засмеялся Алеша.

Дядя Миша, крякнув, взялся за пирог. Он ел и исподлобья поглядывал на Петю.

— К празднику вырядился? — ворчливо спросил дядя Миша, заметив на Пете новый костюм.

Сам он, скупясь, надевал на завод бросовую одежонку.

— К празднику. На вахту мира, дядя Миша, готовлюсь встать.

— Вахта мира? — молча выпив три кружки чаю с медом, снова заговорил дядя Миша. — А разница в чем? Вахта не вахта — стой каждый день за станком восемь часов да собирай шины. Разница, спрашиваю, какая?

Он удивительно умел прикидываться простачком, и тогда его голубые, глубоко посаженные под растрепанными бровями глаза становились бесцветными, а лицо принимало бестолковый, непонимающий вид.

— Не тебе бы спрашивать, дядя Миша! Скоро в тебе сердце уснуло. Сторонкой идешь. Сторонний ты человек, дядя Миша.

— Как ты сказал? — вскинулся дядя Миша. — Птенец желторотый! Объясни, что сказал?

Но ни Пети, ни ребят в комнате уже не было. Дядя Миша остался один.

Он посидел за столом, не спеша прибрал оставленные Петей гостинцы, всё до крошки спрятал в его тумбочку и закружил по комнате, насупив брови, под которыми глаза сейчас жили тоскливо и зло. Набегавшись, он вытащил из-под кровати сундук, битком набитый разным добром. Этот сундук дядя Миша никогда не открывал на глазах у людей.

На дне сундука, под добром, лежала фотография. Дядя Миша вынул фотографию, развернул тряпку, в которую она была с заботой завернута, и долго держал перед глазами потускневшую от времени карточку.

На фотографии сняты были он сам и его молодая жена с толстым, кудрявым ребенком на руках.

Жена сидела на стуле, опустив наплаканное лицо, а он стоял рядом, опершись растопыренной рукой жене на плечо. Они снялись перед уходом его на войну.

— Слыхали, что выдумал? — сказал дядя Миша, то близко вглядываясь в фотографию, то относя подальше от глаз. — Слышал, малый, как твоего батьку честят? Эхма-а! Ни за что ты, Петька, обидел меня. Скородумный ты, Петька! Одно слово — пес!

Дядя Миша махнул рукой, спрятал в сундук фотографию и пошел на завод.

Поперек цеха висело красное полотнище:

«Товарищи сборщики, трудовыми подвигами боритесь за укрепление мира!»

Полотнища висели всюду — у входа в цех, на стенах, в красном уголке.

Петя пришел в цех задолго до начала утренней смены, снял пиджак, засучил рукава, обул тапки, проверил и сам развесил запасы полуфабрикатов и, пока его сменщик, сняв с барабана покрышку, протирал щеткой станок и затоптанный вокруг станка пол, молча пережидал последние минуты.

Мастер комплекта Виктор Денисович Грачев проверил семь своих станков и, убедившись, что всё в порядке,

сборщики на местах, полуфабрикаты подготовлены, в последнюю очередь подошел к Пете и остановился возле него.

— В норме? — коротко спросил он, опытным взглядом окидывая станок, подготовленный для сборки материал и самого Петю.

Петя кивнул.

— Главное — не робеть! Смелость — силе воевода, — пожав Петины холодные пальцы, сказал Виктор Денисович.

Петя встал к станку.

Он и сам не знал до сих пор всей своей силы.

Движения рук, каждый шаг, воля — все подчинено одной цели.

Впрочем, начав собирать вторую покрышку, Петя не думал уже ни о чем, кроме того, что нельзя терять ни одной лишней секунды.

Дело заключалось не в одной быстроте и не только в напряжении сил.

Вот, вместо того чтобы всем корпусом обернуться назад, где раньше висели и лежали детали сборки, он тянется вправо и, почти не глядя, берет. Экономия. Петя приготовил и разложил все детали — сейчас каждая сама шла ему в руки. Вот пущен в ход незатейливый инструмент для «состыкования» — скрепления концов резинового браслета. Экономия. Каждое движение — мысль, расчет, точность! Петя не зря поломал голову и мысленно взвесил и выверил каждый свой шаг у станка.

Молнии-сводки сменялись через каждые тридцать минут.

Товарищи! За два часа на вахте мира на таких-то, таких-то станках собрано столько-то лишних покрышек.

Вдоль стены, против комплекта Грачева, комитет комсомола вывесил молнию.

Из главной диспетчерской радио призывало рабочих: «Товарищи, вставайте на вахту мира!»

А на Петином станке мелькали, мелькали, мелькали браслеты, брекеры, протектора, и со станка сходила покрышка за покрышкой.

Екатерина Михайловна отозвала мастера в сторону:

— Виктор Денисович! Что это такое? Он все еще набирает темпы. Это чудо! А вдруг — брак? Вдруг сорвется?

И как будто главный диспетчер завода угадал ее бес-

покойство, радио передало по всем цехам новое сообщение диспетчерской:

— На вахте мира Бруновым выполнено сто пятьдесят процентов дневной нормы. Со станка Брунова сходят покрышки отличного качества. Рабочие, вставайте на вахту мира! Рабочие, боритесь за мир!

Екатерина Михайловна подперла кулаками подбородок, долгим взглядом поглядела на Петю, на его усталое, с плотно сомкнутым ртом лицо и снова пошла по цеху.

Празднично звучало радио:

— Да здравствует мир и труд на земле!

Под гулкими сводами цеха величаво поплыли звуки Государственного гимна. Кончилась смена. Тогда только Петя поднял глаза, увидел возбужденные лица вокруг и вздохнул в полную грудь.

— Встаю на вахту мира! — послышался голос. Дядя Миша снял кепку, швырнул на пол, но тут же нагнулся, поднял и, стряхнув, спрятал в карман. — Брунов! Сменяю. На вахту мира пришел.

Он сбросил куртку, засучил рукава и встал к станку.

— Сторонний, говоришь? — пробурчал он, не глядя на Петю. — Покажу вам, какой я сторонний...

— Итак, братцы, — говорил Виктор Денисович, весело встряхивая рыжеватыми кудрями, — наш комплект встает на вахту мира. Братцы, не ударим лицом в грязь!

Но победа давалась в руки не сразу. Началась она с того, что в цех доставили первую партию изготовленных механических скалок. Настала пора приступить к массовому их освоению. Хотя станок Брунова давно уже работал с механической скалкой и не только сам Петя — все три сменщика овладели искусством ею управлять, большинство рабочих все же к новшеству относилось недоверчиво. Так сильна была привычка к испытанному способу сборки, что все похваливали новый механизм, но применять на своем станке не торопились.

Павел Афанасьевич был уверен в том, что теперь, когда преимущества механической скалки стали наглядны, сборщики кинутся на нее чуть не в драку. На деле оказалось не то.

— Попробуем с Путягиным договориться, — решил Павел Афанасьевич.

Он его не любил, с личной просьбой никогда бы к нему не обратился. Но ведь великолепный, знающий сборщик Путягин — смышленый мужик, не может быть, чтобы не понял выгоды нового способа сборки.

«Уговорю. Нет такого человека, чтоб хоть раз не потянуло в полет! Расшевелим Кузьму Кузьмича. Загорится!»

Павел Афанасьевич разыскал Путягина во время обеденного перерыва в столовой.

— Путягин, давай берись за новое! Неужели охота от Брунова отставать? — попробовал он сагитировать сборщика.

Но нет, ничего не получилось.

— Я план выполняю с лихвою, — заладил Путягин. — А как работать — мое личное дело. Как по вкусу, так и работаю. Всякому мастеру свое мастерство.

Павел Афанасьевич сразу вспылил:

— Твое мастерство быльем поросло!

— Новому молодых научите, — смиренно возразил Путягин. — Стар я стал переучиваться.

— Старый конь борозды не испортит, — продолжал убеждать Павел Афанасьевич, хотя уже закипал раздражением. — Кузьма Кузьмич, ты сборщик ретивый.

Путягин молча доел кашу, вытер рот, положил ложку на стол и ушел из столовой.

— Ретивому коню тот же корм, а работы вдвое, — проговорил он, встав за станок, благо в шуме станка ничего не слыхать: говори с самим собой вволю.

Павел Афанасьевич пошел в партбюро.

— Плохо дело, Дементьев!

— Кого ты вздумал уговаривать? — рассердился Дементьев. — Молодежно-комсомольский комплект Грачева — вот кому надо начинать!

И семь станков мастера Грачева, пока только семь во всем цехе, переведены были на новый способ сборки покрышек.

Два первых дня ребята вырабатывали всего по пятнадцати — шестнадцати покрышек вместо тридцати. На третий день готовились набирать темпы. И вдруг все смешалось.

Натягивая на скалку браслет, Алеша первый заметил что-то неладное. Он остановил барабан. Подбежал Виктор Денисович:

— Тормоз? В чем дело?

Оглядели браслет. Оглядели станок. Все в порядке.

— Заело по какой-то причине, — конфузясь, оправдывался Алеша.

— Работай. Проверю, — приказал Виктор Денисович.

Алеша накинул на скалку браслет, включил барабан, попробовал надеть браслет на вертящийся барабан, как десятки раз надевал, — браслет снова смяло, он морщил, ложился в складках. Брак. Отчего — непонятно.

— Посторонись, — сказал Виктор Денисович, встал сам за станок, но ничего не получилось и у него.

В ту же смену механическая скалка отказалась работать еще у трех сборщиков. Послали за Тополевым, прибежал Павел Афанасьевич. Из конца в конец пошел слух: с новиковской скалкой неладно. Одни досадовали на неудачу, жалели Павла Афанасьевича; другие ругали ребят, сваливая на них всю вину; третьи выжидали, что будет, а Путягин повеселел и в этот день работал еще спорее обычного.

«Старый способ на поверку оказался вернее, — рассуждал он сам с собою. — Нагляделся я на эти изобретения: из ста одно, может, пригодится. Делали наспех и сделали на смех».

Как ни доискивался Павел Афанасьевич, причины брака разгадать не сумел. К концу смены скалка начала рвать и путать браслеты у четвертого сборщика.

В графике выполнения нормы комплект Грачева, резко понизивший выработку, стоял сегодня на последнем месте. Ребята повесили головы.

Путягин же с полным сознанием своего превосходства над незадачливым Новиковым рассуждал теперь вслух, не стесняясь:

— Недаром, бывало, говаривали: семь раз примерь, а на восьмой только режь, да и то по сторонам оглядевшись. Не додумал изобретатель свой механизм. Ты думай так, чтобы на век выдумать, а не на день. За премией гонишься, к славе торопишься?

Наутро в комплекте Грачева пятеро сборщиков работали по-старому, с ручной скалкой. Пока Павел Афанасьевич в молчании стоял у комплекта, выбыл из строя шестой механизм.

«Катастрофа!» — подумал Павел Афанасьевич, и горько стало у него на душе. Изобретение или работает, или

его выбрасывают вон — другого выхода нет. Изобретение Новикова выбросят.

— Павел Афанасьевич! — тронула его за локоть Екатерина Михайловна. — Павел Афанасьевич... Вы не обратили внимания — на станке Брунова механизм служит бесперебойно. Вы это заметили?

— Да... Нет... Не заметил! Батюшки! О!..

Павел Афанасьевич бросился к Пете, обошел все станки, осмотрел механизмы.

— Безмозглая твоя голова! Что ни шаг, то спотычка! — приговаривал он, изо всей силы шлепая себя по лбу ладонью.

А Екатерина Михайловна стояла рядом и смеялась.

— Искал сложной причины, а она оказалась простой, — не мог успокоиться Павел Афанасьевич.

Причина действительно оказалась простой. Механизм для Петиного станка Павел Афанасьевич сконструировал сам. Остальные шесть по его образцу изготовлялись в механическом цехе завода. Они были точно скопированы, но не тщательно отделаны, а самое главное — в цехе грубо отполировали наконечники скалок. Наконечник скалки, поддевая резиновый браслет, должен скользить, тогда и браслет скользит вдоль скалки и ровно ложится на барабан. Пока ребята приноравливались к новому способу, работали осторожно, с кустарной медлительностью, скалка служила. Едва были взяты нормальные темпы, шероховатый наконечник стал морщить и рвать браслет.

Тополев распорядился снять со станков механизмы и отполировать наконечники в механической мастерской цеха.

Через день комплект Грачева снова был вооружен. Наступил перелом. Темпы резко повысились, со станков с каждым часом сходило все больше и больше покрышек.

Как-то раз, когда была механизирована уже целая аллея станков, Тополев, придя от директора, вместо того чтобы сразу засесть за дела, шагнул к окну, распахнул, дохнул воздуху, засмеялся и наконец обратился к Екатерине Михайловне:

— Бегите, девушка, в цех! Послушайте там. Сейчас объявят по радио.

Екатерина Михайловна направилась прямо к своему любимцу — комплекту Грачева. Цех, как обычно, шумел. Сборщики, как обычно, работали. Почти играя, неприну-

жденно, легко вскидывал на барабан за браслетом браслет Петя Брунов. Никита работал на вид тяжеловато, неспоро, но в медлительности его ощущался свой хорошо найденный темп. Не очень ровно, все еще с напряжением в лице и во всем теле, собирал покрышки Алеша.

И вот, перекрывая шум цеха, заговорило радио:

— Товарищи сборщики! Мы живем в стране мира и труда. На Волге началось сооружение величайшей, небывалой в истории стройки. Эту стройку создает весь советский народ. Товарищи сборщики! По решению правительства, наш цех переходит на изготовление покрышек для грузовых автомашин гидростанции Сталинграда. Прочно обуем машины! Им идти в славный путь!

«Продолжается вахта!» — глазами сказал Петя, когда Екатерина Михайловна прошла мимо него.

— Живем, Екатерина Михайловна! — помахал рукой Алеша.

Она задержалась возле Никиты, курносого, широколицего парня, который ворочался у станка, как медведь.

— Подкрутил гайки. Работаю норму, — степенно отрапортовал Никита.

Она все стояла.

— На повышенье иду! — закричал Никита.

Вот в то время, когда только что произошли все эти события, Володя и пришел в сборочный цех.

ВОТ ОН, ЗАВОД!

Аллея из ясеней, ведущая от проходной будки к корпусам завода, оказалась почти такой, как Володя представлял ее по рассказам отца. Она была действительно ясной — сквозь редкие желтые листья светилось осеннее небо.

— Ребята, чуете? Резиной пахнет, — сказал Кирилл.

К проходной будке от корпусов наплывал тот особенный, чуть терпкий запах, который Володин отец приносил с собой на одежде с завода. Вдалеке слышен был ровный говор машин и станков, как будто собрались тысячи гигантских шмелей и гудят.

Группа девушек обогнала ребят, пока они, оглядываясь по сторонам, шли вдоль асфальтированной дорожки неуверенной походкой новичков. Одна, с насмешливыми

глазами и весело вздернутым носиком, проходя мимо, сказала:

— Эй, добры молодцы! Ваши темпы для нашей жизни неподходящие!

Все девушки обернулись:

— Не насмешничай, Маруся. А сами в первые дни по сторонам не зевали?

— За рабочих приняли, — удовлетворенно заметил Кирилл.

Володя отсчитал третью дверь от угла, как велела Екатерина Михайловна. Они поднялись по крутой железной лестнице и на втором этаже вошли в цех. Это был огромный зал с высоким сводчатым потолком, со стенами из сплошного стекла, сквозь которые свободно вливался дневной свет. Здесь стоял тот мерный, ритмичный шум, который издали показался Володе похожим на гуденье шмелей, и воздух насквозь был пропитан горьковатым, крепким запахом резины. Звеня, пронеслась и скрылась за поворотом тележка; ей навстречу откуда-то вынырнула другая, нагруженная тюками. На обеих тележках за рулем управления стояли ребята не старше Володи.

— Во катают! — с восхищением воскликнул Кирилл. — А нам здесь тоже нашлась бы работка! А? Как ты думаешь, Володя?

Они обращались к Володе так, словно он был здесь специалистом по всем вопросам.

— Твой отец с самого основания на заводе? С самого первого года?

— Стройматериалы только свозить начали, когда он пришел.

Володя был ошеломлен грандиозностью цеха, движением, работой непонятных машин — все необычно, все неизвестно вокруг... Но надо вести ребят дальше. Володя твердо запомнил: свернуть от двери направо, пройти цех до конца, повернуть снова направо, еще пройти один цех... Здесь столько цехов, что, конечно, они заблудятся в них.

— Идемте, Коля, Кирилл! — позвал он. — Направо, прямо, направо...

Но они не успели тронуться в путь, как, к счастью, появилась Екатерина Михайловна.

— Здравствуйте! Решила вас встретить! — прокричала она на ухо Володе и повела ребят обратно на лестничную

площадку. Там было тише. — Сначала я должна вам кое-что объяснить, — сказала Екатерина Михайловна.

Она была одета в синий халат с белым кружевным воротничком и казалась такой опрятной и праздничной, что, глядя на нее, Володя подумал: «Как ей весело здесь работать, должно быть!»

— Наш завод почти все, что нужно для покрышек, делает сам, — сказала Екатерина Михайловна. — Казалось бы, не такая важная в автомобиле деталь — покрышка на колесе, а сколько мысли и труда требует ее изготовление! Для нее работает огромное количество машин, машинами управляют люди разнообразных профессий. Работа всех людей и машин так тесно связана между собой, что, едва один цех захромает, тормозят все другие цехи. Поэтому мы привыкли отвечать не только за свой собственный труд. Мы работаем коллективно.

Володя слушал Екатерину Михайловну и беспокойно посматривал на Кирилла и Колю. Понравилась она им или нет?

Он боялся — вдруг им здесь покажется скучно? Вдруг ничего особенного они не увидят в том, как завод изготовляет покрышки?

— Коля! Ну как? — спросил он тихонько.

— Здóрово! — ответил Коля, хотя они ничего еще, в сущности, пока и не видели.

— Ну, идемте, — сказала Екатерина Михайловна и повела их в цехи.

Они шли, шли, шли из одного цеха в другой, и все время перед ними сменялись машины. То это были великаны с широкими спинами, по которым непрерывно вниз и вверх бежали желтые и темные ткани; в них втиралась резина. То это были машины, похожие на огромные металлические столы; с крутящихся валов на столы стекала прорезиненная ткань, методически опускался остро отточенный нож и резал бегущую ткань на куски. То были машины с круглыми, открывающимися, как рты, люками, которые заглатывали только что отмеренные куски резины и через несколько минут выплевывали полый длинный рукав. Рукав подхватывался новой машиной, та его делила на доли. Новый станок — рукав сшит в колесо: автокамера.

— Ну как, Колька? Как?

— Здóрово!

Сколько ни слышал Володя от отца рассказов о заводе, он не представлял сложности машин, пока не увидел их своими глазами. Какие-то люди изобрели, сделали, заставили работать станки, агрегаты, приборы. Кто эти люди? Должно быть, гениальные люди! Вдруг Володя вспомнил отца, и даже мурашки пробежали у него по спине от волнения. Что же изобрел его отец, самый простой, обыкновенный его отец, папа?

Но до основного цеха, где сборщики собирают покрышки, они еще не дошли.

Все эти удивительные машины в огромных цехах только готовят полуфабрикаты для сборки. Вот мальчики попали в высокий зал, где громоздкие сооружения с тяжелыми люками дышат белым густым паром. Люки плотно закрыты. Между люками ходит рабочий. Что это? Люк открывается, выбросив клуб горячего пара. В люке — автокамера. Открывается второй люк, третий, четвертый. Рабочий вытаскивает крюком камеры, закладывает новые на варку. Люки захлопываются. Их откроет невидимая сила, когда срок варки истечет. «Вулканизация», — говорит Екатерина Михайловна и, улыбаясь, смотрит на ребят. Так и она в первые дни своей жизни на заводе, изумленная и растерянная, плутала в огромных цехах.

— Пора нам отдохнуть, — сказала Екатерина Михайловна.

— Да, давайте посидим, — согласился Кирилл.

Но снова медленно поднялась тяжелая крышка, и ребята, как прикованные, остались стоять над люками.

— Ведь надо сообразить, как их автоматизировать. Понимаешь? Ты сообразил что-нибудь? — возбужденно спрашивал Володя то Кирилла, то Колю.

— Не сообразишь сразу.

— Ну как? Колька, как тебе здесь?..

— Здóрово!

Наконец Екатерина Михайловна вытянула их из цеха вулканизации и привела на отдых в кабинет начальника сборочного цеха.

И этого человека с высокими круглыми, как дуги, бровями, из-под которых на мальчиков смотрели густо-синие глаза, Володя знал по рассказам отца и знал, что он — Тополев, создавший во время войны один из самых сложных станков на заводе.

— Коля! Кирилл! — сказал Володя шепотом. — Посмотрите на этого человека.

— Посмотрели. А что?

— Угадайте, что в нем особенного?

— Трубку курит, — угадал Коля Зорин.

— Чернобровый, — заметил Кирилл.

— Гениальный изобретатель! — сказал Володя гордясь.

Он гордился всем, что было на заводе. Станками, машинами, агрегатами, собранными здесь в таком множестве, какого они во всю свою жизнь не видели. Рабочими, которые с такой легкостью управляли машинами, словно это не составляло для них никакого труда. Тополевым. Кабинетом Тополева.

— Смотрите, ребята, какой кабинет! — сказал Володя.

— Здóрово! — повторил Коля, разучившийся сегодня говорить все другие слова.

А Кирилл осмотрелся и ничего особенного вокруг себя не нашел:

— Уж кабинет-то обыкновенный.

— Как — обыкновенный?! — обиделся Володя. — А листья? А книги?

На столах Тополева и Екатерины Михайловны стояли в вазах осенние листья дуба и клена и в стеклянном шкафу действительно виднелись книги, но Кирилл был прав, ничего не находя в этом особенного. И прав был Володя, пораженный кленовыми листьями так же, как автоматизацией сварки камер в цехе вулканизации.

— Теперь, товарищи комсомольцы, члены бюро, доложите нам: как у вас дела в школе? — спросил Тополев, закуривая свою трубку.

Коля и Кирилл как по команде обернулись к Володе, но он ничего не успел ответить — в кабинет вошел человек.

Тополев при виде этого человека молча пустил струю дыма из трубки, а тот переступил с ноги на ногу и тоже молчал.

Молчание похоже было на поединок, и, раньше чем человек с маслянистым безбровым лицом стал наконец говорить, Володя понял — побежден он, а не Тополев.

— Федор Иванович, у вас посетители, я, пожалуй, после приду.

— Нет, товарищ Путягин, раз пришли, говорите сейчас, — спокойным тоном возразил Тополев.

Володя вздрогнул от неожиданности: Путягин!

— Я, Федор Иванович, надумал новиковский механизм попытать, — сказал Путягин, с неопределенной улыбкой глядя в угол мимо лица начальника цеха.

— Вот как! — помедлив, ответил начальник.

Снова наступило молчание.

— Володя, что это? — тревожно шепнул Коля.

Но Володя отстранил его рукой. Он в упор смотрел на Путягина.

— К новому надо повертывать, Федор Иванович, — все с той же, словно наклеенной на лицо, неясной усмешкой промолвил Путягин и перевел взгляд из угла на окно.

Тополев выколотил трубку, поковырял внутри спичкой, сунул свежую щепоть табаку и только тогда ответил Путягину:

— Давно пора, Кузьма Кузьмич! Да только теперь новиковский механизм и не новость. Какая же новость, если комиссия технического контроля запретила пользование ручной скалкой? Не нынче-завтра все станки механизируем. Вот уже вместе со всеми и поучитесь, Кузьма Кузьмич, механизмом орудовать.

— Володя! Володя! — дергая его за рукав, зашептал Коля. — Новиковский механизм? Это... то?

— Ладно, — сказал Путягин, перестав улыбаться. — Думал помочь. Знаете сами, какие массы за Путягиным потянутся.

Тут Тополев засмеялся и смеялся так же долго, как вначале молчал, а Путягин теперь смотрел не в окно и не в угол, а прямо в смеющееся лицо Тополева, и бледная ниточка его сомкнутых губ становилась все тоньше.

— Ох! — отсмеявшись, вздохнул Тополев. — Да массы-то все давно уже за Новиковым тянутся!.. Значит, так, товарищ Путягин, — продолжал он официальным тоном, — переоборудуем ваш станок в общем порядке.

Путягин постоял и ушел.

А Тополев опять обратился к школьникам-комсомольцам:

— Старое сдается, товарищи комсомольцы. Не верит, мешает, сопротивляется, борется, но срок приходит — сдается. Не путягины ведут вперед жизнь. Слава не им... Ну, показывайте, Екатерина Михайловна, сборочный цех комсомольцам.

Все время, пока они ходили по заводу и, удивляясь, вникали в его сложную жизнь, Володя ждал встречи со сборочным цехом.

— Идемте, — сказала Екатерина Михайловна.

У Володи пересохли губы, и трудно стало дышать.

— Итак, все материалы для шины подготовлены, созданы, — говорила Екатерина Михайловна, — а до покрышки еще далеко. Если перед вами лежат кирпичи — это еще не дом. Дом надо выстроить. Покрышки надо собрать.

Они пошли в сборочный цех. Здесь над головами на подвесных конвейерах плыли полуфабрикаты, различные детали сборки, готовые покрышки; вращались барабаны станков.

Может быть, случайно, а может, и нет, первым станком, к которому Екатерина Михайловна подвела мальчиков, был путягинский. Володя увидел — Путягин взял в руки железный лом.

После машин подготовительных цехов, которые втирали резину в полотнища тканей, кроили их на куски, сшивали, формовали в автокамеры, прессовали, варили, было странно увидеть здесь железный лом в руках чело-

века. Путягин сжал губы, сморщил лоб; его лицо, плечи, руки выражали высшую степень усилий, пока он направлял и укладывал ломом браслет. И Володя тоже сморщил лоб, стиснул зубы, сжал кулаки. Путягин отставил лом в сторону — Володя облегченно вздохнул.

Он не стал спрашивать Колю: «Ну как?»

— Здесь прошлое, — сказала Екатерина Михайловна. — Через несколько дней вы нигде в цехе не увидите ручной скалки. Мы сдаем ручную скалку в архив.

Она подвела их к другому станку, и за этим станком Володя узнал Петю Брунова.

«Сейчас, сейчас я увижу...» — подумал Володя.

Петя повернул рычажок. Из металлического чехла выдвинулся механизм и сам, словно рука, сделал то, на что рядом Путягин тратил весь запас своих сил. А Петя стоял у станка, глядел на Володю и хохотал, и подмигивал ему, и что-то кричал, показывая на чудесный блестящий механизм, который носил имя Новикова.

— Будущему пополнению рабочего класса привет! — сказал, подходя к мальчикам, мастер комплекта Виктор Денисович Грачев. — Где тут Павла Афанасьевича сын? Здоро́во, Владимир! Здравствуйте.

Он по очереди потряс руку каждому мальчику, а Володю ухватил за чуб и покачал из стороны в сторону:

— Ты чего долго не шел?

«Правда, почему я так долго не шел сюда?» — удивился Володя.

Ему необыкновенно понравился мастер Грачев с его спутанными рыжеватыми кудрями и лукавой смешинкой в глазах. Он взглянул на Кирилла и Колю и догадался — Грачева они одобряют.

— Значит, лекцию прочитать приказываете? — спросил мастер Екатерину Михайловну.— Собирайтесь, студенты, к профессору. Так.

Он расставил ребят возле себя полукругом, вынул, к общему восторгу, из-за уха карандаш и указал карандашом на станок:

— Видите?

— Видим! — хором ответили ребята.

— Перед вами станок конструкции инженера Федора Ивановича Тополева. Так.

— Какого Тополева? Того? У которого та-акие брови?.. — воскликнул Кирилл.

— Предлагаю вопросы продумывать, — возразил мастер, легонько щелкнув Кирилла по носу карандашом. — Так. А до Тополева станок представлял совсем противоположное зрелище...

Ребята смотрели, как свободно, не сгибая плеч и спины, собирал за покрышкой покрышку Брунов, а Виктор Денисович открывал им путь станка.

Когда-то этот станок был труден, неуклюж и упрям. На нем работали только очень здоровые, молодые мужчины, вдвоем, и то через силу. В цех пришел Тополев, большевик и новатор, и переделал станок. Станок стал умнее и легче.

Пришел Новиков, додумал свое — станок еще поумнел.

— Встал к станку комсомолец Петя Брунов... — рассказывал мастер.

Но в это время смена кончилась.

— Виктор Денисович! Еще! Дальше! — просили мальчики, не отпуская его.

Мастер вытер платком щеки и шею. Он уморился, объясняя и показывая ребятам жизнь станка, а кончать разговор не хотелось. Заразительно педагогическое дело: чем дальше в лес, тем больше дров.

— Студенты! — сказал мастер, подняв вверх карандаш. — Внимание! Дисциплина превыше всего. — Он вынул из кармана серебряные часы, чуть не с ладонь величиной, щелкнул крышкой и показал ребятам циферблат: — Видели?

— Видели! — замирая от нетерпения и любопытства, в один голос закричали ребята.

— Так! — Мастер защелкнул крышку часов. — Сегодня день политической учебы, комплект идет на учебу, и профессор идет. А потому лекция переносится на следующий случай. Читайте плакат. Ты читай, — велел он Володе, повернув его за плечо лицом к красному полотнищу, висевшему вдоль стены, где стояли станки комплекта Грачева.

— «Молодежно-комсомольский комплект коллективного передового труда», — громко прочитал Володя.

— Понятно, почему комплект передовым стал? — сказал Грачев. — Учимся!

Он шутя стукнул карандашом Володю по носу.

Та же ясеневая аллея привела мальчиков к проходной будке. Позади, в корпусах, негромко, ритмично говорили голоса машин.

У заводских ворот стоял автомобиль, четыре его колеса были обуты в упругие шины. Ребята пощупали шину на переднем колесе и нашли на нем марку завода.

„РАЦИОНАЛИЗАТОРСКИЙ“ ОПЫТ ТОЛИ РУСАНОВА

На следующий день после посещения завода Коля Зорин пришел в класс, поздоровался и сел за парту, погрузившись, как обычно, в молчание. Между тем в классе царило необыкновенное оживление. Володю и Кирилла окружала толпа. Толя Русанов, валясь на плечи стоявших впереди ребят, кричал во все горло:

— Не слышно! Не слышно! Встаньте на парту! Не видно!.. Да говорите же вы! — кричал он, дубася в азарте Гарика Власова по спине.

— Не толкайся! — кротко противился Гарик, но стоял неподвижно на месте, прочно заняв позицию против Володи.

— Рассказывайте! Не тяните! Про новиковский механизм рассказывайте в первую очередь! — орал Толя, больше всего пораженный тем, что механизм так и называется новиковским.

Володя краснел чуть не до слез, и Кирилл великодушно предложил:

— Давай уж я сделаю им доклад.

Он встал на парту, поднял руку — наступило молчание. Кирилл начал рассказ. Он дошел до самого интересного места, когда появилась Ирина Федоровна.

— Доскажу в перемену, — пообещал Кирилл, спрыгнув на пол.

Ребята расселись по местам, но за партами все нарастал угрожающий шепот, и Ирина Федоровна не решилась сесть за учительский столик. Она стоя «гипнотизировала» взбудораженный класс, стараясь вложить всю силу воли в свой взгляд. Гипноз не подействовал, и Ирине Федоровне ничего не оставалось, как вызвать кого-нибудь к столу отвечать. Она вызвала Гарика Власова. У Гарика были пухлые, круглые щеки, кругленький нос, круглые

глаза. Ребята с улыбкой называли его Кругляшом. Кругляш бойко начал ответ, и в классе постепенно воцарился порядок.

Но тут на Володиной и Колиной парте стали происходить странные вещи. Коля выложил на парту учебник, обернутый в бумагу немыслимо яркого зеленого цвета. От Колиного учебника рябило в глазах. Сначала на этот парад обратили внимание только ближайшие соседи Зорина. Коля вытащил из сумки второй учебник, в такой же зеленой обертке, и кто-то весело фыркнул. Коля с задумчивым видом положил на парту третью зеленую книгу. Класс замер. Слышен был только голос Гарика Власова, без передышки частивший синтаксические правила, исключения из правил и примеры, подтверждающие то и другое. Вдруг в круглых глазах Гарика отразилось смущение, он умолк и... закрыв ладонью лицо, затрясся от смеха: Коля выкладывал из сумки четвертую, пятую, шестую зеленую книгу... На парте выросла высокая стопка, все позеленело вокруг, и класс разразился хохотом. Никто не понимал, почему так смешно смотреть на эту зеленую пирамиду, но все хохотали, а Коля начал прятать учебники в парту и удивленно качал головой: «Чему они радуются?»

— Убери сейчас же! — крикнула Ирина Федоровна, расстроившись главным образом потому, что не могла разгадать: есть дурной умысел в демонстрации разукрашенных учебников Зорина или нет.

— Я убрал. Извиняюсь,— сказал Зорин.

И урок продолжался.

В перемену, само собой разумеется, ребята потребовали повторения номера. Уж они-то понимали, что Зорин неспроста потрудился над обложками. В этом старании заключен тайный смысл.

— Красиво, а без толку, — полюбовавшись, решил Толя Русанов. — Схватишь книгу — не та. Географию надо — лезет под руку физика. Ищешь физику — попадается русский. В них заблудишься — все в один цвет.

— Рационализаторский опыт, — глубокомысленно возразил Зорин и вынул из кармана тетрадку. Это был ключ. — Тебе физику? — Коля заглянул в ключ. — Цифра три. Получай! Русский? Цифра один. Геометрия? Пять. Не беспокойся, не заблудишься. Каждый учебник под цифрой. Погляди на корешки.

Рационализаторское новшество Коли заинтересовало класс. К зеленой стопке учебников построилась очередь.

— Зорин! Мне алгебру.

— Четыре.

— Ребята! Глядите — четыре!

— Геометрию, Коля!

— Пять. Проверяй.

— Верно. Пять!

— Литературу! Биологию! Химию!

Продемонстрировав опыт, Зорин умолк, и ребята снова собрались вокруг Володи и Кирилла:

— Давайте, давайте, рассказывайте, как на заводе?

Звонка снова никто не слыхал. И у Варвары Степановны весь урок не стихали переговоры, шушуканье, шепот; весь урок у Гарика Власова смеялись глаза, у Толи Русанова горели, словно крапивой нажженные, уши, он чуть шею не свернул, оглядываясь на Володину парту. И, едва началась перемена, класс сорвался с парт как один человек, — доклад Кирилла все еще продолжался.

Петра Леонидовича в классе встретила, наоборот, тишина. Это было такое глубокое, странное молчание десятков мальчишек, что любого учителя на месте Петра Леонидовича оно удивило бы. Но Петр Леонидович при всей своей подозрительности был по натуре человек легковерный. Он быстро падал духом и так же быстро окрылялся надеждами. Когда в классе был шум, он раздражался, негодовал на ребят и, кое-как закончив урок, уходил усталым, презирая себя за неуменье быть педагогом. Иногда класс вдруг преображался. Трудно уследить за его настроением.

У Петра Леонидовича урок не походил на урок. Случалось, он наполовину состоял из перекоров с ребятами. Но бывало и так, что, завладев вниманием класса, Петр Леонидович весь расцветал и, сам любуясь четкостью своих объяснений, с таким знанием и блеском раскрывал перед ребятами математические законы, что они навсегда оставались в их памяти. Стоило кому-то перешепнуться, засмеяться, как Петр Леонидович разражался упреками. Он слишком часто отчитывал своих учеников. В их отношениях была напряженность.

Но сегодня, едва открыв дверь, Петр Леонидович сразу почувствовал: в классе та обстановка, при которой он умел работать с подъемом. Он свободно прошел к

столу и, не садясь, приступил к объяснениям. Изумительная тишина погруженного во внимание класса не нарушалась ни кашлем, ни шелестом страниц, ни шарканьем ног. На всякий случай Петр Леонидович поглядывал время от времени в сторону Гарика Власова, зная привычку этого круглощекого мальчика беспрестанно шептаться. Гарик молчал. Петр Леонидович бросил быстрый взгляд на парту Толи Русанова. Но и Толя Русанов, редкий час не выводивший Петра Леонидовича из равновесия, сегодня с интересом следил за учителем. Учитель расцвел. Он объяснял, жестикулировал, глаза у него блестели.

Наконец с привычной стремительностью Петр Леонидович подошел к доске, чтобы набросать формулы, и вдруг... что-то его ударило в лоб. Петр Леонидович обернул к классу изменившееся от гнева лицо. Сзади что-то слегка стукнуло его по затылку. Ужас! Ужас! Ему не могло показаться.

— Эт-та что? — крикнул Петр Леонидович как будто треснувшим от ярости голосом.

Володя вскочил, словно окрик выдернул его с парты:

— Мы... мы хотели... Петр Леонидович...

— К доске!

Володя, испуганно одергивая куртку, вышел к доске.

— Объяснить! Хулиганство! Неслыханно!

Сейчас, при виде гнева Петра Леонидовича, и Володя испугался того, что придумал Толя Русанов. Толя две перемены выпрашивал у нянечки гвоздь и катушку, и надо же было случиться, что того и другого добился как раз к уроку Петра Леонидовича! Гвоздь с катушкой вбили в верхнюю планку доски. На катушку накрутили суровую нитку, к нитке привязали мелок. Мелок висит и висит и затеряться не может. Бери и пиши, когда надо.

Таково было первое «рационализаторское» предложение Толи. Кто же мог ожидать, что Петр Леонидович, не разглядев, налетит на мелок?

— Вот вы чем занимаетесь? — снизив до шепота трепещущий голос, сказал учитель.

— Петр Леонидович...

— Все ясно. За поведение двойка!

Володя не успел сказать слово, чтобы предупредить: есть еще одно новшество. Не разобравшись сам, почему

именно Новикову надлежит получить за поведение двойку, Петр Леонидович подбежал к столу и схватил ручку. Вместе с ручкой вверх взлетела чернильница.

— Это вам так не пройдет! — с угрозой проговорил учитель, подняв перед классом залитый чернилами журнал. Правда, залита была только обертка. В конце концов, обертку можно сменить. — Нет, нет! Это так не пройдет!

Петр Леонидович, задыхаясь, ворвался в учительскую:

— Ваш класс! Ваш восьмой класс! Вы заслуженный учитель! Ветеран школы! Депутат горсовета! Я... я... скажу прямо, вы распустили свой класс!

Петр Леонидович наступал на Андрея Андреевича. Грудь его бурно поднималась от гнева, реденький хохолок над лысеющим лбом взлетал кверху, словно вздутый ветром, и такие несчастные, обиженные метались глаза!

— Голубчик! — мягко сказал Андрей Андреевич. — Вы умный и образованный человек... Успокойтесь.

Петр Леонидович упал в кресло, обхватив руками голову:

— Довольно! Ухожу из школы.

— Не уйдете.

— Кончено! Сегодня предел. Уйду! Завтра. Сейчас!

Андрей Андреевич взял его руки, отвел от головы:

— Не уйдете, буйный вы человек! Не отпустим! С вашими знаниями! Нате, глотните воды. Теперь улыбнитесь. А теперь давайте говорить по душам.

ВЕСЕЛЫЙ „ПРОФЕССОР“

В стакане давно стыл чай, на столе лежала раскрытая книга. Стемнело, но Андрей Андреевич не зажигал огня. Он сидел в кресле у окна, под зелеными листьями фикуса, и думал. Великан, положив морду на лапы, смотрел на него со своего половичка грустными от старости глазами. Тихо. Лишь изредка чирикнет в клетке чиж.

Андрей Андреевич думал о своем классе и сегодняшнем разговоре с Петром Леонидовичем. Андрей Андреевич не мог осудить ребят, потому что знал: в их выдумке не только не было злого умысла, напротив — Толей Русановым руководили самые лучшие побуждения, когда он «изобретал» подвесной мел и привязанную к чернильнице ручку. Если бы этот случай произошел на уроке другого учителя — у него самого, Варвары Степановны, даже у

Гликерии Павловны, — скорее всего, он окончился бы улыбкой. У Петра Леонидовича снова разыгрался конфликт. Что делать? Неужели прав математик — надо уходить из школы?

Куда, Петр Леонидович?

«Во взрослую аудиторию. В заводской техникум, например. Там учителей уважают за знания. Там ценят учителя за то, что он открывает учащимся основы наук. Там жаждут учиться, прежде всего! Там дисциплина сознательная. Учителю моего типа надо быть там».

«Ну, классный руководитель, как теперь поступить?» — размышлял Андрей Андреевич. Есть учитель — с характером неоткрытым и желчным, с невеселым и не очень ласковым сердцем, но с умом образованным и живым. Едва ли найдется другой, кто бы лучше него дал ребятам математические знания. И разве мальчики не хотят, не любят учиться? Хотят! В чем же дело? Дело в том, что сознательной дисциплины в восьмом «Б» все еще нет. И сколько бы он, классный руководитель, ни убеждал, убеждений хватит на два дня, не больше.

«Чего же я все-таки добился? Тот класс, что был прежде, или не тот? Нет, класс другой».

Андрей Андреевич знал: в его классе, который несколько месяцев назад он без особой охоты взял под свое руководство и к которому сейчас был так крепко привязан, обозначилась надежная группа ребят — актив. Это были Володя, Коля, Кирилл, к ним тянулся Дима Шилов, мальчик с вялым характером, но верным чутьем на хорошее, Толя Русанов, чьи шалости Андрей Андреевич понимал и любил, тянулись другие ребята. Именно они начинали определять лицо класса, составлять его силу. Класс созрел для перелома. Почва готова. На помощь нужно впечатление, большое и решительное.

Андрей Андреевич встал и повернул выключатель. Комната озарилась светом. На потолок и стены легли странные, причудливые тени цветов. Встрепенулся на жердочке чиж.

— Поведу, Варенька, ребят на завод, — сказал Андрей Андреевич.

— Дело обыкновенное. Не впервые, — ответила Варвара Степановна.

— По-новому поведу. Завод большой, за один раз не осмотришь — глаза разбегутся. С отбором будем смотреть.

...Володя так и не догадался, что идея дослушать всем классом лекцию Виктора Денисовича была ему подсказана Андреем Андреевичем. Он не знал и того, что Андрей Андреевич заранее побывал на заводе и долго толковал с рыжеволосым мастером и Екатериной Михайловной. Не подозревал он, что и день для экскурсии был выбран особенный.

Екатерина Михайловна, как и в прошлый раз, встретила ребят у входа и повела из цеха в цех к комплекту Грачева.

За эти дни все станки сборочного цеха были переведены на новиковский механизм. Никто из сборщиков не работал больше с ручной скалкой. Железный лом сдан в архив. Новиковский механизм в ряду других механизмов теперь казался обычным, нормальным. Разве можно было работать как-нибудь иначе?

«Молодежно-комсомольский комплект коллективного передового труда на вахте мира!» — прочитали ребята на красном полотнище. Такие полотнища они встречали всюду в цехах. Казалось, цехи собрались на демонстрацию — пестро, красно, празднично!

Но Екатерина Михайловна снова подвела ребят к комплекту Грачева. Там были веселый «профессор», Петя Брунов, Никита, Алеша — знакомые ребята, знакомый комплект!

— Наша лекция сегодня посвящается теме: что такое вахта мира, — сказал Виктор Денисович, накрутил на палец рыжеватое колечко волос, помолчал и, выбрав среди ребят Толю Русанова, спросил: — Ты, востроносый, как понимаешь этот вопрос?

— Я понимаю так, что надо лучше работать! — ни секунды не медля, бойко ответил Толя Русанов.

— Правильно! Скажи на милость — в самую точку попал! Сознательный парень! — шумно обрадовался Виктор Денисович.

Все ребята заулыбались Толе. Гарик Власов подтолкнул его в бок, Дима Шилов дернул сзади за куртку.

— Правду сказать, мы и раньше неплохо работали, — продолжал мастер. — А надо лучше. Как? Призадумались наши ребятки. Станочек у нас для сборки толковый. Пожаловаться грех — умный станок! А нельзя ли еще что додумать? Наш рабочий, товарищи студенты, давно научился в первую очередь головой работать, — весело рас-

сказывал курчавый мастер. — Руки — механизм подсобный, глава всему — голова! Вот и соображает голова: сэкономлю движения — сэкономлю и время. Значит, больше покрышек соберу. Давай буду пробовать экономить движения — решила голова. Так. Теперь задаю вам, товарищи восьмиклассники, задачу, — сказал мастер. — Слушайте!

— Слушаем!

— Да мозгами раскидывайте! — погрозил он пальцем. — Беговую часть шины называют протектором. Шину собрали — сверху надевают протектор. С виду он — резиновая полоса. А надо склеить ее в колесо. Провел сборщик по краям лопаткой — края и склеились. Да пока склеивал — внутрь воздух набрался. Внутри воздух оставить нельзя — шина пучиться будет. Берет сборщик шило. Проткнул два — три раза протектор, выпустил воздух. Теперь все. Шина готова. Что придумал наш Петруша Брунов? Угадали, студенты?

Напрасно «студенты» раскидывали мозгами. Никто ничего не угадал.

— Соединил лопатку и шило — получился один инструмент, — сам ответил на свой вопрос Виктор Денисович и поднял вверх незамысловатый инструментик Пети Брунова.

— Вот так изобрел! — разочарованно протянул Толя Русанов.

— Ну уж это... это уж очень... — пробормотал Кирилл Озеров.

Юрий Брагин молча пожал плечами.

— А за такой ответ ставлю вам по колу! — спокойно объявил Виктор Денисович. — Тебе, востроглазому, кол. Тебе. И тебе! Теперь слушайте дальше урок, — продолжал он, все больше и больше входя в педагогический раж. — Рабочий взял лопатку — движение! — Виктор Денисович показал, как рабочий тянет руку за лопаткой, берет, склеивает ею края. — Положил лопатку обратно — второе движение. Взял шило — движение. Положил обратно — еще. Сколько вместе? Четыре? А то перепутает шило с лопаткой. Теперь: взял — положил. Вот и все! Сэкономил минуту! За минутой минута — набегают часы. А ну, помножьте сбереженные часы на рабочих. Какова экономия?!

— Понял! Понял! — закричал Толя Русанов.

— Понял? Та-ак. Глядите еще...

Мальчики ближе обступили станок и в изумлении видели: он умнеет и умнеет от Петиных выдумок.

— Эх, и я стал бы придумывать, если бы сборщиком был! — сказал с завистью Толя Русанов. — Больше всего мне хочется быть рационализатором! Что бы мне придумать, ребята?

— Погоди, кончим школу!

— Это кто там годить собрался? — Мастер круто повернулся и схватил за локоть Диму Шилова. — Ты? Ай-яй-яй! Кабы Петя годил, пока техникум кончит...

В Петю Брунова был влюблен весь восьмой класс.

Кто первым испытал механическую скалку? Кто на вахту мира стал первым? Кто изобрел маховик для сведения и разведения рычагов, которые служат для прикатки кромок браслета? Кто придумал ограничители для правильного наложения брекера? И этот смешной инструментик — лопатку и шило — придумал все он же, Петя Брунов! И он же — лучший сборщик в цехе. И он же первый поставил вопрос на цеховом комсомольском собрании о создании молодежного комплекта передового труда! Вот каков он, Петя Брунов, парень с коричневыми глазами, высокой смуглой шеей и темным румянцем на смуглых щеках, который стоит себе за станком как ни в чем не бывало и в свободную минуту подмигнет то одному, то другому из ребят.

— Перемена! — объявил мастер. — Что значит, — подняв палец, добавил он, — переходим в другое помещение, как намечено в плане.

Ребята захохотали и толпой повалили за мастером. Они пришли в тихий сводчатый зал, где не было ни станков, ни машин, ни людей и лишь высились штабеля готовых покрышек, узорчатых, новеньких, пахучих, да эхо гулко разносило шаги и слова.

— Тем, кто не оценил первое рационализаторское предложение рабочего-передовика Пети Брунова, выйти вперед! — приказал Виктор Денисович.

Толя Русанов вынырнул из толпы и с величайшей радостью стал возле мастера. Вышел Коля Зорин. Юрий Брагин пренебрежительно дернул плечами и сделал один крохотный шаг.

— Ребятушки мои, ребятушки! — ласково проговорил Виктор Денисович, загребая всех их в объятия. —

Колы отменяю. За отличное внимание ставлю всему классу пятерку. А теперь угадайте, зачем я привел вас сюда.

Этот мастер, который знал наизусть станок, цех, завод, всех людей на заводе да к тому же еще и загадки загадывал, до глубины души восхищал Колю Зорина. Загадки Виктора Денисовича покорили Колю вконец. Понятно, он не заплясал, как Толя Русанов. Он сморщил лоб и стал усиленно думать: зачем, в самом деле, их сюда привели?

— А затем, умники, — снова сам разгадал свою загадку Виктор Денисович, — чтобы вы увидали глазами да руками пощупали минуты, сбереженные изобретательством рабочих. Вот она, наша экономия! Штабеля покрышек! А созданы они за минуты, сбереженные рационализаторской мыслью рабочих. И хватит их, чтобы обуть все машины на Сталинградской стройке. Еще и Куйбышеву останется! Глядите, ребята, — сказал мастер, раскинув руки: — наша вахта мира в работе. Действует!

Затем мастер вынул из кармана серебряные часы величиной чуть поменьше чайного блюдечка, щелкнул крышкой и долго рассматривал циферблат, а ребята в это время незаметно теснили Володю вперед, чтобы он от лица класса произнес мастеру благодарственную речь.

— Уважаемый Виктор Денисович... — хотел начать речь Володя.

Но мастер через головы ребят заговорщически кивнул Андрею Андреевичу и обратился к нему с непонятным вопросом:

— Осталось полторы минуты. Вытерпят они помолчать?

— Вытерпят, — улыбнулся Андрей Андреевич.

Все восьмиклассники, сколько их ни было, в одно мгновение затихли. В высоком сводчатом зале наступило безмолвие. Виктор Денисович смотрел на часы. И Володе казалось — он слышит, как стучат секунды, меряя время.

Вдруг над головами ребят, в репродукторе, заговорил густой, сильный голос:

— Товарищи рабочие, инженеры и служащие! Москва созывает Конференцию советских защитников мира. Мы

посылаем на Конференцию нашего лучшего сборщика Петра Брунова и наказываем своему делегату заявить на Московской конференции наше твердое слово: «Мы за мир! Мы сумеем постоять за нашу мирную жизнь!»

Эхо гулко повторило под сводами: «...жизнь...»

ВОСЬМОЙ „БОЕВОЙ“ ДЕЙСТВУЕТ

«Петя Брунов — делегат на Конференцию защитников мира! Петя Брунов — новатор, передовик производства, а какой простой, самый обыкновенный на вид человек, и какой веселый, хороший! Вот на кого мне хочется быть похожим! Но я совсем на него не похож, — так думал Володя, вернувшись в этот день с завода домой. — Правда, мне пятнадцать с половиной лет, а Пете двадцать три года. Может быть, за семь с половиной лет я тоже добьюсь чего-нибудь путного. Но, с другой стороны, Петя учится на втором курсе техникума, а я в восьмом классе. Если сравнивать с точки зрения учебы, разница между нами всего один год... А как мне нравится у них в коллективном комплекте! — вспомнил Володя и улыбнулся. — И как интересно у них! Выдумал Петя простую вещичку — соединил лопатку и шило, а минутка осталась в запасе. Значит, за смену тридцать минут! Вот вам и простая вещичка! А что, если...»

Володя вскочил, как будто надо сейчас же бежать в школу. Но было восемь часов вечера, никуда не надо бежать. Володя подошел к окну. Осенний дождь барабанил в окно, по стеклу змеились тоненькие струйки воды. Против окна под фонарем маслянисто блестела черная лужа. Ни одного человека на улице!

«Как жаль, что папы нет дома! Как надо поговорить! К кому бы пойти? К Зорину или к Кириллу? Идея! Пойду сначала к Андрею Андреевичу!»

Володя оделся и вышел из дому. Дождь припустил еще злее и, словно прутьями, косо хлестал его по лицу. Второпях Володя шагнул с крыльца прямо в лужу и зачерпнул полный ботинок холодной воды. Улицы пусты. Весь город пуст. Если бы не огни в окнах да далекое звяканье трамваев, можно вообразить, что идешь по какому-то заколдованному царству, где нет никого — сверху, снизу, со всех сторон только вода, вода...

«Не вернуться ли? — подумал Володя. Впрочем, он колебался одну лишь секунду. — Хоть потоп — пойду все равно!»

Дверь открыл сам Андрей Андреевич.

— Ты что? Что такое? — воскликнул он, отступая назад. — Что случилось, Володя? Зачем ты пришел? Не заболел ли отец? Да отвечай, что случилось?

— Ничего, — ответил Володя, переступая с ноги на ногу и в смущении глядя на пол, где в одно мгновение натекла лужа воды. — Пол вам испачкал...

— Пустяки! Ты зачем в такой ливень явился, удивительный ты человек?

— Пришел посоветоваться.

— Что-о? По-со-ве-то-ваться?!

Андрей Андреевич расхохотался, как умел хохотать только он, — раскатисто, до слез на глазах.

— Что ты, Андрей? — выглянула из комнаты Варвара Степановна.

— Ты погляди на него, Варенька! Полюбуйся на этого чудака! За советом явился. Выбрал времечко! Да что же, ты до завтра переждать не мог? Варенька, чайком бы его напоить.

Володя сидел за столом и пил чай с клубничным вареньем. В ботинке, когда он нажимал ступней на подошву, чавкала вода. Проволглая рубашка холодила спину. Но Володя не жалел, что пришел к Андрею Андреевичу. Андрей Андреевич понял с полуслова, зачем он пришел.

— Андрей Андреевич, а как они дружно живут в своем комплекте! Очень интересно у них на заводе. Поработать бы на каком-нибудь станке!

Андрей Андреевич с улыбкой смотрел на оживленное лицо Володи и думал: «Какая радость видеть и знать, что вы растете! Самая большая радость учителя!» Неожиданно он вспомнил споры, которые не раз возникали в учительской. Вправе ли учитель иметь любимых учеников?

«Хорошо, — усмехнулся Андрей Андреевич, мысленно продолжая сейчас этот спор, — вы говорите: нельзя. Вы говорите, учитель должен относиться ко всем ученикам одинаково. Держаться со всеми одинаково — да. Но любить? А не равнодушие ли это — одинаковое ко всем отношение, товарищи? Любимый ученик — это тот, в ком с особенной силой находят ответ твои лучшие мысли и

чувства, ты для него сам становишься умнее и выше и знаешь: каждое твое слово, как зерно, упадет на благодарную почву, взойдет и созреет...»

Володя Новиков. Что в этом мальчике? Но не будь его, класс для Андрея Андреевича стал бы беднее.

Между тем Володя вдруг замолчал. Андрей Андреевич увидал в его лице то выражение смущенности, по которому догадался, что сейчас-то и откроется самое главное.

— Андрей Андреевич! — чуть нахмурив брови, сказал Володя. — У нас из рационализации получился один смех, одни неприятности. Стыдно Петру Леонидовичу в глаза посмотреть...

— Кстати о Петре Леонидовиче, — осторожно прервал Андрей Андреевич. — Как ты к нему относишься, дружок?

— Петр Леонидович — замечательный учитель! — с горячностью отозвался Володя. — Он сердитый и нервный, но, если бы Петр Леонидович был мастером на заводе, его там окружили бы почетом. На учение к хорошему мастеру просятся все новички. А мы... Андрей Андреевич, знаете, что я предлагаю? Введем в нашем классе настоящую рационализацию!

Андрей Андреевич встал и не спеша прошелся по комнате.

«Не верит», — понял Володя.

— Дисциплина — вот наша рационализация, — сказал Андрей Андреевич. — А ты что придумал? — спросил он, обернувшись к Володе.

— Я придумал объявить борьбу за минуты.

Прошел не один день, пока комсомольское бюро обсудило этот вопрос, пока Володя, Коля и Кирилл провели в классе агитацию, «обрабатывая» в отдельности каждого, особенно таких болтунов, как Толя Русанов и Гарик Власов.

Наконец на классном собрании решено было объявить борьбу за минуты.

Больше всего Володя боялся насмешек Юрия Брагина.

Но Юрий молчал. Правда, Андрей Андреевич во время собрания прохаживался между рядами парт и раза два подолгу стоял возле Юрия.

Юрий слушал речи ребят с надменным и скучным лицом.

Остальным не было скучно. Гарик Власов вышел к столу и сообщил ребятам, что заинтересован борьбой:

— Если я выгадаю себе лишнее время, буду два часа в день читать приключенческие романы. Потом поступлю в кружок юных водителей.

— Подрасти сначала, чтобы из-за стола видно было, — не удержался Юрий.

— И подрасту! — обещал Гарик.

И вот однажды утром Володя сказал отцу:

— Папа! Мы начинаем...

— Так! — понимающе кивнул Павел Афанасьевич.

— Папа! И комсомольцы и все ребята решение приняли. Все согласились. Раньше, папа, на собраниях говорят, говорят о дисциплине — даже скучно станет. А сейчас! Вот как один! А ты, папа, веришь? Признавайся: да или нет?

— У нас на заводе такой порядок заведен: если комсомольцы взялись за дело, значит дело верное, — ответил Павел Афанасьевич.

— Ну, папа, я побегу! — весело крикнул Володя. — Я уж тебя не дождусь, побегу! Ладно, папа? Вечером все узнаешь...

Он накинул пальто, схватил кепку и сумку и кинулся к двери.

По лестнице навстречу Володе поднимались Коля и Кирилл. У них был удивительно торжественный вид. Кирилл начистил ботинки, как на Первое мая.

— Мы за тобой, — сказал Кирилл. — Побоялись — проспишь.

— Плакат приготовил? — деловито осведомился Володя у Коли.

— Готов.

— А у меня рамка для газеты готова. «Зоркий глаз». Ребята, я сомневаюсь, подходящее ли мы дали название? Может, лучше бы заглавие с пафосом? Например: «Комсомольский почин».

— «Зоркий глаз» как вонзится, так болтун пригвоздится, — сказал Коля.

— Идемте скорее! — заторопил Володя товарищей. — Не опоздать бы!

Как ни торопились друзья, но староста уже дожидался их в классе.

— А я с полчаса здесь дежурю, — невозмутимо сообщил Дима Шилов. — Ну, давайте орудовать, пока не собрались ребята.

Они пододвинули учительский столик к доске, на стол поставили стул. Володя забрался на стул. Пришлось повозиться порядком, пока плакат был прикреплен над доской.

— Сядем — поглядим, — предложил Володя.

Все четверо расселись по партам и молча смотрели на плакат. В это время в класс влетел Толя Русанов. Вернее, влетела его сумка, которую он так ловко наподдал от двери ногой, что она шлепнулась прямо на парту. Вслед за сумкой появился он сам.

— Молодец! Адресовал точно! — похвалил себя Толя. — Что вы сидите, как паиньки? — удивился он и увидел плакат.

8 КЛАСС «Б» ОБЪЯВЛЯЕТ БОРЬБУ ЗА МИНУТЫ!!!

— А! — сказал Толя и смирно сел за парту.

Плакат был хорош. Его красные броские буквы и три восклицательных знака убеждали и требовали. Куда бы Толя ни устремлял взгляд, плакат был все равно перед глазами.

Между тем класс наполнялся. Ребята входили, читали плакат и садились за парты.

Сегодня день начинался тихо.

Однако Зорин на всякий случай отозвал Толю Русанова в угол и сказал ему:

— Ты наш тормоз.

Чуть обозначенные светлые бровки Толи Русанова обиженно полезли на лоб:

— Разве я сейчас торможу?

— Забудь навсегда тормозить.

Коля Зорин был не речист. Отрубил — и замолк.

Прозвенел звонок, и весь класс стал ждать урока Петра Леонидовича.

А в учительской в это время происходил разговор.

— Разве вы впервые ставите в своем классе вопрос о дисциплине? Вы десятки раз ставили этот вопрос, — говорил Петр Леонидович, нетерпеливо листая журнал.

— Но сейчас они сами ставят его, — ответил Андрей Андреевич.

— Какая разница! — воскликнул математик, все быстрее перелистывая страницы журнала.

— Большая. Вы в этом убедитесь сегодня. Завтра. Послезавтра. Класс вступает в новое качество. Петр

Пришлось повозиться порядком, пока плакат был прикреплен над доской.

Леонидович, если коллектив начинает жить сознательной жизнью, в него надо верить.

— Хорошо. Постараюсь. — Математик захлопнул журнал.

Он шел в класс и думал о том, что не может забыть шуток Толи Русанова и особенно его последней проделки, когда, по милости этого баловника, Петр Леонидович пережил унизительное чувство стыда. А Миша Лаптев, который, скосив к переносице черные глазки, довольно ухмыляется, лишь заметит, что учитель начинает сердиться? А Гарик Власов, болтающий разные глупости соседним мальчикам в самый напряженный момент объяснений?

Они мешают Петру Леонидовичу работать в полную силу. Глупцы! Они мешают себе...

— Ну посмотрим, — сказал Петр Леонидович.

После того случая с мелом тишина ему показалась тревожной и почти угнетала его. Он вызвал ученика отвечать и, насупившись, слушал, время от времени беспокойно посматривая на парты. Он старался обходить взглядом лишь Толю Русанова. В тот раз на лице Русанова было тоже внимание. У Толи Русанова иссиня-голубые и, если судить беспристрастно, удивительно привлекательные глаза. Может быть, он и не такой уж плохой парень. Может быть...

Петр Леонидович не переставал следить за ребятами. Он заметил — Гарик Власов обернулся назад пошептаться, но Володя Новиков, чуть привстав, показал ему часы, и Власов выпрямился и прикрыл рот ладонью, словно опасаясь, что рот не послушается.

Как кстати сегодня эта спокойная тишина в классе! Петр Леонидович должен объяснить теорему.

Он подошел к доске и увидел плакат: «8 класс «Б» объявляет борьбу...»

«Если бы это было не игрой, не забавой... — подумал Петр Леонидович. — Если они действительно хотят помочь мне работать с большей пользой для них же... Не знаю. Посмотрим».

Но он позабыл все свои подозрения, едва взял в руки мел. Ничто не раздражало и не отвлекало его. Он мог свободно работать.

Сегодня между классом и им возник тот контакт, при котором Петр Леонидович становился талантливым. Он вел урок именно так, как создал его в воображении.

Наконец Петр Леонидович положил мел и вытер платком руки. В классе по-прежнему стояла тишина. Сколько раз она его обманывала!

«Поняли они меня или нет?» — задал себе вопрос Петр Леонидович и испугался. Он готов был отказаться от благопристойности класса, если за ней пряталась пустота.

— Лаптев! — поколебавшись секунду, назвал Петр Леонидович.

Он мог бы, конечно, вызвать Юрия Брагина и уйти с урока вполне удовлетворенным. Хоть один раз ничем не испортить себе настроения! Но Петр Леонидович упрямо пригласил к доске Мишу Лаптева, которого в глубине души считал порядочным тупицей.

Черные глазки Миши Лаптева побежали к переносице, остановились, задумались, и затем Петр Леонидович услышал ответ, от которого любой учитель пришел бы в превосходное расположение духа.

Затем раздался звонок.

«Сказать, что я ими доволен?» — раздумывал Петр Леонидович. Нет, он ничего не сказал. Он поставил в журнале пятерку против фамилии Миши.

В классе поднялся невообразимый шум, но после того лишь, как за учителем закрылась дверь. Толя Русанов прошелся колесом вдоль всего класса. Почему так ликовал именно Толя Русанов, когда пятерку поставили Лаптеву? Походив колесом, Толя решил стать математиком.

Гарик Власов объяснял своему соседу по парте, что сегодня ему совсем не хотелось шептаться.

— Ребята, ребята! А знаете, почему я сегодня заработал пятерку? Тихо было. Никто не мешал. Я слушал — и понял! — сияя от радости, всю перемену толковал Миша Лаптев.

И почти все ребята толпились возле Володи.

— Володя, заметил? Петр Леонидович сегодня и не рассердился ни разу. И объяснял интересно.

— Володя! Ты интересно это придумал — бороться за минуты!

Вдруг Юрий Брагин, который всю перемену молча перелистывал «Огонек», отбросил журнал и рассмеялся.

— Герой! — сказал он, указывая на Володю пальцем. — Ха-ха-ха! Герой!

Кровь схлынула со щек Володи. Он шагнул к Юрию.

— Зачем тебе это надо? — спросил Юрий, кивнув на плакат.

— Не мне это надо, всем... — хриплым от гнева голосом ответил Володя.

Ребята тесным кольцом окружили их с Юрием. Юрий встал, потянулся, лениво зевнул:

— Всё-то вы делаете, что полагается! А интересных увлечений у вас нет никаких. Ску-ука с вами!

И тут из толпы выскочил Толя Русанов. Он казался щуплым и слабеньким рядом с рослым Юрием.

— Скука с нами? А нам с тобой скука! Ты своим гаражом увлекаешься да машиной. А нам на твою машину и твой гараж наплевать! Нам интересно бороться за минуты. Интересно! Интересно! А тебе — вот!

Он рывком сунул кулак к самому носу Юрия. Тот невольно отстранился. Все засмеялись. Юрий закусил губу, оскорбленно прищурился. К нему подошел Коля Зорин. Ну, этот под стать Юрию — тоже рослый, плечистый, да к тому же и хмурый, как туча.

— Брось насмешничать, Юрий! А не бросишь — поговорю с тобой по-боксерски!

Между тем давно заливался звонок, и Ирина Федоровна была уже в классе. Ребята разошлись по партам.

Наш «критик» как откроет рот,
Так всех ехидством обольет, —

услышала Ирина Федоровна громкий шепот Коли Зорина. Шептались Толя Русанов, Гарик Власов, в классе стоял гул.

Ирина Федоровна прочитала плакат и обернулась к ребятам:

— Ненадолго у вас хватило выдержки, однако!

Все сразу притихли.

Ирина Федоровна ходила от доски до противоположной стены, постукивая высокими каблучками, и диктовала длиннейшие периоды из первого тома «Мертвых душ». У нее не хватало дыхания залпом прочесть целый период, она останавливалась на середине фразы и улыбалась.

— Ребята, помилуйте! Беречь минуты — это не значит бежать галопом по Гоголю, — смеялась она. — Так, пожалуй, мы с вами все запятые проскочим.

Вдруг она подошла к парте Толи Русанова и стала возле нее. Толя невинно вскинул глаза на учительницу.

— Что такое? — спросила Ирина Федоровна.

— Что? — спросил Толя.

— Ты не знаешь? У тебя даже уши покраснели! — сама краснея, с упреком сказала Ирина Федоровна.

— Неужели? — сказал он и потрогал действительно горячие уши.

— Стыдно, Русанов!

— Ирина Федоровна! Да что вы? Да я... Вам показалось, Ирина Федоровна!

Ребята дописали фразу и ждали.

— Вам показалось, — не очень твердо продолжал уверять Толя. — Вам показа... — Он нечаянно взглянул на Володю, перевел взгляд на плакат над доской, смутился, замолчал, и из парты появился первый том «Мертвых душ». — Один только раз посмотрел, Ирина Федоровна. Честное слово!

— Нехорошо. Во-первых, это обман. Во-вторых... — Ирина Федоровна, как полагается, прочитала нравоучение Толе.

Потом продолжался диктант.

Если бы после окончания утренней смены Петр Леонидович заглянул в восьмой класс, он немало бы подивился, услышав разговор, какой происходил между уборщицей и восьмиклассниками. Уборщица наспех подметала пол, посыпанный мокрыми опилками, и пробирала собравшихся у доски ребят.

— Русским вам языком говорят — расходитесь! — ворчала уборщица. — Вторая смена сейчас собираться начнет, а они, на-кася, всё в классе толкутся!

— Тетя Зина, уйдем! Дайте задачку решить!

— Напала охота не вовремя задачки решать! Урока вам мало?

— Как ты доказываешь? Ты неверно доказываешь! Откуда у тебя три с четвертью урока набралось? Где ты их взял? — кричал Толя, ошеломленный ответом задачи, которую Володя решал на доске.

— Где взял? Ты не знаешь, где взял? А вот где! — Володя смахнул тряпкой написанные па доске цифры и снова застучал мелом.

— Ребята, слушайте, слушайте! Судите по правде, ребята! Он нарешает, пожалуй! Следите за ним! — упрашивал Толя Русанов товарищей.

— Первое действие! — кричал Володя, стараясь его перекричать. — Первое действие: Ирина Федоровна подходит к Русанову. Диктант прерван, начался разговор. Разговор продолжается ровно пять минут по часам. Вот они. По радио выверены. — Володя, вздернув обшлаг, показал Толе руку с часами.

— Ладно! Видел! А где действие? Никакого действия нет. Тоже задача!

— Пять минут есть. От пяти минут не откажешься.

— Ладно! Дальше валяй!

— Второе действие: пять помножим на тридцать...

— Как помножим? Какое ты имеешь право множить?

— Такое право, что ты не один пять минут потерял. Из-за тебя все тридцать человек по пяти минут потеряли. Пять помножим на тридцать, получается... Сколько? Ровно сто пятьдесят. Переводим минуты в часы. Ребята, сегодня наш класс из-за Толи Русанова в убытке на два с половиной часа, то есть три урока плюс четверть урока. Вот какой ты растратчик! И в первый же день!

— Ребята! Да как это так? — жалобно протянул Толя.

Толя считал, пересчитывал цифры, свалившиеся на его злополучную голову. Грандиозные цифры! Из пяти минут наросло два с половиной часа, три с четвертью урока!

— Э! Постойте! Постойте! — вдруг сообразил он. — Почему на меня одного все пять минут навалили? Ирина Федоровна читала лекцию для всех.

— О чем лекцию?

— Как о чем? О том... Ну, о списывании. И вообще...

— Мы о списывании вообще давно и без лекции знаем.

— Не отвертишься, Толька! Признавай себя виноватым, — сказал Кирилл. — А я пойду статью для «Зоркого глаза» о тебе напишу: «Как пропало в нашем классе три с четвертью урока».

Тетя Зина подмела опилки к доске, и восьмиклассникам пришлось разойтись.

„МАЛЬЧИК, ТЕБЕ НАДО ПОМОЧЬ“

Однажды на перемене в класс вошел секретарь школьного комитета комсомола Сергей Чумачов:

— Здравствуйте, новаторы!

Он посмотрел на плакат и стал у газеты. Ребята, сгорая от любопытства, выжидали, когда Чумачов прочитает статьи. Он читал до тех пор, пока не появился учитель; тогда Чумачов, забыв авторитет десятиклассника, побежал из класса, меряя чуть не по метру длинными, как у журавля, ногами.

В этот день «Зоркий глаз» сообщал, что на химии зря потеряно время. Теперь виновником был общий любимец Гарик Власов, круглощекий паренек. Он некстати занялся рисованием. А учитель как раз вызвал его отвечать. Пока Гарик прятал рисунок, искал пропавшую куда-то тетрадку по химии, пока морщил лоб, стараясь разгадать, о чем шла речь на уроке, время текло да текло. Прозвенел звонок. Гарик так и не собрался ответить. Это было вчера. Позавчера и третьего дня «Зоркий глаз» потерь не отметил.

Урок кончился, и в перемену снова явился Сергей Чумачов.

Теперь он привел с собой двух других десятиклассников. Они до звонка читали газету.

Когда и на третью перемену пришел Чумачов, его встретил дружный смех класса.

— Повадился журавль по воду ходить, тут ему и голову сложить! — крикнул Толя Русанов.

— Ваш «Зоркий глаз» за дисциплину взялся? — сказал Чумачов. — Помогает?

— Еще как! — хвастал Толя. — Теперь у нас на уроках порядок. Мы теперь без дисциплины не можем.

— Надо у вас позаимствовать опыт, — сказал Чумачов.

Через день Коля Зорин с таинственным видом спросил Володю:

— Заходил к десятиклассникам?

— Нет.

— Идем. Что увидишь!

Володя догадывался, что может увидеть в десятом классе. Неужели они «позаимствовали» опыт?

Действительно, через стену десятого класса протянулся плакат, точно такой, как у них, с тремя такими же восклицательными знаками.

— Привет передовикам! — крикнул Сергей Чумачов.

Скоро еще один класс объявил борьбу за минуты.

— У нас в школе начинается движение — ты заметил, Володя? — спросил Толя Русанов.

— Движение-то начинается, а кто по математике в хвосте ковыляет?

— Ох-хо-хо! — засмеялся Русанов. — Вспомнил давнее прошлое! Погоди, я вас всех удивлю!

— Чем ты нас удивишь?

— Я математику теперь считаю самым первым предметом. И у Петра Леонидовича ко мне возникла симпатия.

Неизвестно, возникла ли у Петра Леонидовича симпатия к Толе Русанову, но он с охотой шел в восьмой «Б». Правда, на его уроках и сейчас не всегда царила мертвая тишина. Да и не нужна была она Петру Леонидовичу.

Надо, чтобы ребята соображали и думали. Чтобы математика им была интересна. Вот чего он добивался! Раньше слишком многое мешало Петру Леонидовичу вызывать в учениках этот интерес. Они сами мешали ему и себе. Но, должно быть, они поумнели.

— Головастые у вас, однако, ребята! — сказал математик Андрею Андреевичу.

— Кажется, тронулся в путь мой восьмой боевой! — ответил Андрей Андреевич.

Пожалуй, если бы в учительской снова возник спор о праве учителя иметь любимых учеников, Андрей Андреевич мог сказать теперь так: «Бывают и любимые классы».

В этом классе Андрея Андреевича больше всего беспокоила жизнь Юрия Брагина.

Вначале Юрий не пропускал случая посмеяться над затеей ребят.

«Придумали игру! Детки!» — пренебрежительно говорил он всякий раз, когда после уроков Володя, Коля Зорин или Кирилл читали ребятам коротенькие сообщения о событиях дня. Сообщения были лаконичны и выдерживались в торжественном стиле:

«Сражение выиграно». Это значило — день прошел хорошо.

«Понесены тяжелые потери» — в классе двойки.

«Наблюдательный пункт потерь не отметил» — снова хорошо.

Юрий презрительно щурился, а никто не обращал на это внимания. Не потому, что ребята сговорились проучить Юрия или сердились, — они просто сторонились его. Юрий был скучен, неинтересен им.

Может быть, ребята действительно немного играли, каждый день назначая новый «наблюдательный пункт». Наблюдательным пунктом был человек, которому вручали Володины часы (единственные на весь класс; часы Юрия Брагина, само собой разумеется, не могли идти в счет). Наблюдательным пунктом «засекались» все происшествия дня. Веселая и злая газета «Зоркий глаз» была тоже игрой, однако учителя говорили, что она делает важное дело.

Но самым важным из всех происшествий было то, что ребята сдружились.

А Юрий остался один. Правда, с ним был Миша Лаптев.

«Хочешь, научу водить машину?» — спросил Юрий, и Миша был куплен. Но что Юрию Миша! Юрий был одинок. Если бы ребята позвали его что-нибудь делать! Все как будто забыли о Юрии. Какое они имеют право о нем забывать? Юрий и хотел бы смеяться над классом, да ничего у него не получалось. Плохо жилось ему.

Андрей Андреевич все это видел.

То, что Юрий долгое время держался отдельно от ребят, было естественно. Андрей Андреевич считал, что Юрию полезно узнать: класс проживет без тебя, а тебе одному не прожить.

Но теперь наступал такой момент, когда затянувшаяся обособленность Юрия могла нанести ему тяжелый урон. Нельзя допустить, чтобы замкнутость перешла в озлобление.

В один из своих уроков Андрей Андреевич вызвал Брагина отвечать. Юрий вышел к доске спокойный и сдержанный, как всегда знал все отлично, но оттого ли, что, отвечая, покусывал губы, нервно сводил брови и избегал смотреть прямо в глаза, Андрей Андреевич в его лице угадал затаенную обиду. Казалось, оно говорило: «Я знаю, вы меня не любите. Что я ни сделаю, как ни постараюсь, вы меня не любите все!»

«Мальчик, тебе надо помочь», — подумал Андрей Андреевич.

После урока он послал Брагина отнести карту в учительскую.

— Постой! — остановил Андрей Андреевич Юрия, когда тот, поставив карту в угол, хотел уйти.

Юрий стоял, глядя мимо учителя, напрягая все силы, чтобы сохранить безразличное выражение лица.

— Ну, дружище, — сказал Андрей Андреевич, — большие дела у нас происходят.

Юрий молчал.

— Хорошо прошел сегодня урок у Петра Леонидовича?

— Хорошо, — ответил Юрий, взглянув наконец на учителя.

— Вот видишь! А раньше всё нелады да нелады. Что ж изменилось? Учитель-то прежний. Вы стали другими... Хочу я, Юрий, поручить тебе шефство над одним из ребят, — промолвил Андрей Андреевич, дружелюбно положив руку ему на плечо.

Юрий ждал, опустив глаза.

— Надо подготовить в комсомол Мишу Лаптева.

Юрий быстро вскинул ресницы, краска пятнами пошла у него по лицу.

— Мне... Я?

— А почему бы и нет?

— Лаптева не примут в комсомол, — снова опуская глаза, сдержанно ответил Юрий.

— Учится Лаптев неплохо. Какая же причина, чтобы не принять его в комсомол? — вслух раздумывал Андрей Андреевич, пытливо всматриваясь в лицо Юрия. Юрий все гуще краснел. — Лаптев — твой самый близкий товарищ. А ты у нас старый комсомолец, второй уже год. Как же так? Товарищ — и недостоин вступить в комсомол? Почему?

— Его не любят ребята.

— За что?

— Он непринципиальный.

Андрей Андреевич снял с плеча Юрия руку и заложил за борт пиджака.

— Я так думаю... может быть... я не знаю... — спотыкаясь на каждом слове, проговорил Юрий.

— Если Лаптев не принципиален, ты должен помочь ему стать принципиальным. Ты комсомолец, а он твой товарищ, — спокойно произнес Андрей Андреевич.

— Хорошо. Я подготовлю его в комсомол, я... — Юрий повернулся и убежал из учительской.

В этот же день Андрей Андреевич, уходя после уроков из школы, позвал с собой Володю.

Скорее всего, Андрей Андреевич будет с ним говорить о том, что комсомольское бюро хорошо взялось за работу,

что всем учителям нравится в восьмом «Б» дисциплина, что ребята стали лучше учиться. Так думал Володя, и как ни старался скрыть улыбку торжества, лицо его все так и сияло.

Что ж, он никогда не умел таиться: горе так горе, радость так радость.

Но Андрей Андреевич шел молча.

Был октябрьский ветреный день. Вдоль тротуара, скрипя, качались черные деревья. Володя поднял воротник и уже с беспокойством ждал разговора. Почему Андрей Андреевич молчит?

— Расскажи мне, дружок: каковы у вас отношения с Юрием Брагиным? — спросил он наконец.

Вопрос был таким неожиданным, что Володя смешался. Меньше всего он интересуется Юрием Брагиным. Он не хочет с ним иметь никаких отношений. Пусть Брагин живет, как ему нравится. Они враги на всю жизнь.

— Но ты знаешь, как сейчас живет Юрий?

— Не знаю и знать не хочу! — запальчиво ответил Володя.

Он понял — Андрей Андреевич задумал их примирить. Напрасно. Ничего не получится. И если Юрий собирается к нему подойти... пусть не подходит.

— Ты должен к нему подойти, Володя, — сказал Андрей Андреевич, подчеркивая голосом «ты».

«Может быть, это шутка?» — подумал пораженный Володя.

Андрей Андреевич шел рядом с ним, легко опираясь на палку, и даже тени улыбки не мог уловить Володя в выражении его серьезных и задумчивых глаз.

— Я никогда не помирюсь с Юрием, — сказал Володя замкнувшись.

Щелкнул ключик. Все внутри заперто. Никому входа нет.

С отцом он ссорился по-другому. Там он горячился, спорил, доказывал. Впрочем, после смерти бабушки они ни разу не поссорились с папой...

— Ты секретарь бюро комсомольской организации класса, — говорил Андрей Андреевич, как будто не расслышав ответа Володи. — В вашей группе есть комсомолец, который живет в одиночку, в бездействии. Тебя это не заботит, комсорг?

— Бюро даст ему поручение, — буркнул Володя.

— Так начинается формализм, — возразил Андрей Андреевич.

— Я не могу с ним помириться! Не могу я к нему подойти! — почти с отчаянием повторил Володя.

— Тем более не может первым подойти к тебе он.

— Почему?

— Он остался один. Ты окружен друзьями. Ему неважно живется. Тебе хорошо. И, наконец, самое главное — за комсомольскую группу отвечаешь прежде всего ты. Все ли благополучно в твоей группе, комсорг?

Они поравнялись с калиткой. Андрей Андреевич взялся за щеколду, повернул, но не открыл калитки.

— Кстати!.. — другим, веселым, тоном заговорил Андрей Андреевич, как будто вопрос о Юрии был уже разрешен. — Кстати, Володя, в школе, на глазах у нас, возникает еще одно новое дело. Надо помочь, а мы идем мимо.

— Какое новое дело? Где? Кто у нас новатор, Андрей Андреевич?

— Гликерия Павловна, дружок.

— Я... я не заметил.

Володя не знал, что сказать от удивления. Неужели Гликерия Павловна стала новатором? В чем?

— Гликерия Павловна организует кружок по изучению реконструкции Волги. Что это? Разве не новое дело? Как ты считаешь, Юрий Брагин был бы дельным старостой в этом кружке?.. Ну, до свиданья, дружок. Подумай о нашем разговоре.

Андрей Андреевич повернул щеколду и ушел. Калитка захлопнулась.

«Думай. Не откроюсь, пока не подумаешь», — казалось Володе, дразнила его, закрывшись, калитка.

Он выбрал самую длинную дорогу домой, такую длинную, что она скорее вела прочь от дома. Володя направился на Стрелку, а это было совсем в противоположной стороне. Но если думать, так думать.

«Юрий насмехался надо мной, когда у меня было увлечение музыкой. Ладно, я не стал музыкантом, но зачем он смеялся? Зачем он насмехался надо мной здесь, в Медвежьем овраге?»

Как раз в это время Володя поравнялся с Медвежьим оврагом. Осенние ветры дочиста вымели просторную впадину — она лежала скучная, словно ничем не наполнен-

ное гигантское блюдце. Здесь было самое тихое место в городе: летом на мостовой прорастала трава, сумрачно стояли заросшие мохом и плесенью старые церкви.

«Он всегда насмехается. Не хочется мне с ним мириться», — подумал Володя и пошел вверх, на Стрелку.

С Волги дул ветер. То густея, то редея, неслись облака, разбегались по небу, из Заволжья наплывали другие, клубились, летели; вдруг на мгновение сквозь них прорывалось холодное солнце, скользнув беглым лучом по земле; день то темнел, то светлел. Волга была неспокойна, просторна и странно пуста — ни баржи, ни парохода, ни лодки. Крутые волны бились о берег и, сбегая, оставляли на песке клочья рваной, грязновато-желтой тающей пены. Неприютно шла осень.

Если бы кто-нибудь спросил Володю: «Любишь ты Волгу?» — он удивился бы и не знал, что ответить. Он стоял сейчас один на Стрелке, не помня, зачем сюда пришел. Над Волгой вздымались и с громом падали волны, отражая летящее хмурое небо, и Володе казалось — оттуда крадется тревога.

«А вдруг сейчас из-за гряды зубчатого леса, что стоит крепостным валом на горизонте, в Заволжье, с гиком и воем вырвутся дикие полчища, как во времена татарского ига?» — вообразил Володя.

И вот он увидел: из-за леса в Заволжье поднимаются темные полчища татар и монголов. Вот он видит — над городами и селами горько стелется дым. И ложится пустыня кругом.

«Тогда по русской земле редко ратаеве... нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче...»

Были дым, огонь, горе в Володином городе, выли над трупами псы...

Он продрог: то ли осенний ветер пробрал его до костей, то ли эти картины вызвали зябкую дрожь.

Но он не уходил, хотя ветер крепчал и Волга вся пенилась и кипела, словно котел.

На том берегу Которосли, которая, впадая в Волгу, делала против Стрелки крутую петлю, дымили невысокие трубы паровой мельницы, беспорядочно рассыпались, то протянувшись в линию, то сбежавшись в тесную кучку, дома, а позади, на горе, чернели обглоданные осенью вершины деревьев.

Там когда-то, в предместье города, неподалеку от Волги, на этой горе, окруженной в ту пору лесами, поднялся против врага непокорный народ. Зазвенели мечи. Ржали кони, свистели стрелы. Эхо разносило по лесу звуки воинских труб, крики, стоны...

Может быть, и Володин какой-нибудь очень давний предок обнажил меч, вышел навстречу врагу и стоял насмерть?

Тьма ночи после боя окутала город, Волгу. И пришли из города осиротевшие жены и дети плакать и тужить по убитым. Была великая скорбь на той горе. Туга.

— Тугова гора, — громко произнес Володя, точно впервые услышав торжественную печаль этих слов.

Андрей Андреевич привел их однажды на Волгу и рассказал историю неравной борьбы.

Прошли века, а Тугова гора все стоит. Несутся над горой осенние тучи. Гнутся под ветром деревья...

В восемнадцатом году Володин дед, большевик Федор Потапов, стрелял с Туговой горы по белым из пушек...

А ветер между тем становился все сильней и вот разомчал в разные стороны тучи, размел край синего неба, и предзакатное солнце всеми своими лучами ударило в окна домов, мирно приютившихся на склонах Туговой горы. Окна вспыхнули, загорелись золотыми огнями.

«Да, — вспомнил Володя, — а как же я решу с Юрием?..»

Подружиться с ним Володя не мог. Но ведь Андрей Андреевич и не говорил о дружбе. Андрей Андреевич спросил: «Все ли благополучно в твоей группе, комсорг?»

Володя думал — всё хорошо. Они и верно здóрово привыкли друг к другу — Володя, Коля, Кирилл, Дима Шилов, и прекрасно обходятся без Юрия Брагина. Почти и забыли, что он тоже комсомолец.

«Как же быть?» — вздохнул Володя. Вот когда начиналось самое трудное. Как на его месте поступил бы боевой, решительный, самый настоящий комсомолец — например, Олег Кошевой? Отвернулся бы от Юрия навсегда? Нет, пожалуй.

«Ладно. Постараюсь на него повлиять, чтобы он приблизился к ребятам! — подумал Володя. — Уговорю ребят — пусть влияют. Да и жалко мне что-то стало его».

А небо снова нахмурилось. Серая пелена тумана заволокла Тугову гору, низкий берег Заволжья и поползла по реке. Володя пошел домой.

ГЛИКЕРИЯ ПАВЛОВНА ДЕРЖИТ ЭКЗАМЕН

Гликерия Павловна с удивлением вспоминала тот однажды случившийся в своей педагогической практике день, когда ученики слушали ее весь час, не проронив ни звука. Это было, когда она рассказывала ребятам о путешествии в Сталинград. Гликерии Павловне страшно хотелось поделиться с ребятишками пережитым, и уж как завидовали они учительнице: на Мамаевом кургане побывала, увидела своими глазами, где будут строить знаменитую гидростанцию, о которой теперь во всех газетах расписывают чудеса!

Учительница целиком овладела вниманием ребят и по легковерию своему решила, что отныне ее работа сама собою пойдет по-новому. Покорила ребят! Гликерии Павловне вообразилось, что они так вечно и будут глядеть ей в рот и ловить каждое слово.

Однако нельзя же все время рассказывать о путешествии, единственном в жизни. Надо проходить программу. И тут она убедилась, что вдохновения хватило ей на один только час. Чем увлечь ребят, как их захватить, если ты только и делаешь, что пересказываешь главы из учебника?

На уроках географии восьмиклассники занимались кто чем хотел. Тщетно Гликерия Павловна стучала по столу линейкой: гул стоял в классе от разговоров, особенно когда учительница приступала к объяснению нового. Какой-нибудь озорник, вроде Толи Русанова, открыв учебник, водил пальцем по строчкам, следя за ее изложением, и на потеху всему классу поддакивал вслух:

«Здесь все точно написано, как вы говорите, Гликерия Павловна. Правильно!»

Нет, дальше так жить невозможно!

Может быть, Гликерия Павловна продолжала бы мириться с плачевным своим положением, утешая себя жалобами на педсовете, что в восьмом «боевом» кошмарная дисциплина, сил нет справляться, хоть из учителей беги, если бы не тот удивительный день. Гликерия Павловна поняла: или в самом деле беги из школы, или пора, учительница, над своей судьбой призадуматься!

Обычно, возвратившись из школы, она надевала передник с оборками, повязывалась белой косынкой, зажигала керосинку и примус и полдня готовила для мужа подливки и соусы, выкинув из головы все, что не связано с

тихим домашним житьем. Уморившись над соусами, она ложилась на диван отдохнуть. Развернет газету, ахнет, прочитав о злодеяниях американцев в Корее, отведет душу, разделав на все корки проходимцев-захватчиков, и заснет безмятежным послеобеденным сном.

Вечером они с мужем играли в картишки или отправлялись к кому-нибудь в гости, в кино, иногда в Дом учителя, и какая гордость и радость, если приятельница-франтиха позавидует новому платью Гликерии Павловны!

Так день за днем.

Не диво, что восьмиклассники то и дело вгоняли Гликерию Павловну в краску. Начитаются «Вокруг света» и давай пытать вопросами, о которых в программе нет и помину.

Словом, Гликерия Павловна поняла: ребята растут, жизнь идет вперед, а она топчется на месте.

И вдруг застыдилась.

Начала она с того, что записалась в городскую библиотеку. Иван Арсеньевич недовольно косился на вороха притащенных ею из библиотеки книг и журналов, вздыхая о прежних вечерах за самоварчиком и «подкидным дураком».

Ничего не попишешь — пришлось смириться.

Гликерия Павловна с таким усердием взялась за учебу, с каким раньше занималась стряпней. Стряпню тоже вовсе не бросишь. Жизнь ее стала нелегкой.

В сущности, все былые годы работы в школе можно считать вступлением, затянувшимся и довольно ленивым. Настоящая работа начиналась только теперь, когда на каждом уроке она держала сама перед собою экзамен.

Ребята не догадывались о переживаниях учительницы, но постепенно отвыкли следить по учебнику, точно ли она излагает сообщенные на такой-то странице географические сведения.

Невелика победа. Одна Гликерия Павловна знала, какого труда стоят ей полчаса безмолвного внимания класса.

Бывали и теперь скучные и плохие уроки. И нередко.

Подперев щеки ладонями, она вздыхала и корила ребят.

— Все здоровье мое баловством вашим унесло! Тихо, вы! Потише — к делу поближе!

Или, как раньше, постукивала указкой по столу, чтобы усмирить озорников.

Но никогда не уходила она из школы с раздраженным и обиженным сердцем. Посидит на диване в учительской, обмахнет платком разгоряченные щеки, шепнет кому-нибудь по секрету, что опять нынче провалила урок, и возьмется за книги.

«Что с ребят спрашивать? С себя, мать моя, спрашивай».

Было одно дело, которое Гликерии Павловне не давало покоя. Она взялась за него сгоряча. Этим делом был кружок, который Гликерия Павловна обещала ребятам. Кто-то на лету подхватил слово, полетело слово по школе, и вот в коридоре возле учительской висит объявление: «Кружок по изучению строек на Волге. Ребята, записывайтесь!»

Ребята записываются. Однажды Дима Шилов сказал:

— Набралось пятьдесят человек. Самый мощный во всей школе кружок. Пора начинать, Гликерия Павловна!

Гликерия Павловна только ахнула про себя: «Батюшки мои! На что решилась?» — и тихо пошла в учительскую, в раздумье перебирая на шее тяжелую нить желтого янтаря.

— Андрей Андреевич! — взмолилась Гликерия Павловна. — Не приложу ума, как быть. Размахнулась на такое дело, а с чего начинать, не знаю.

— Кружок? — догадался Андрей Андреевич.

— Сдаюсь. Не осилю! — вздохнула она. — Плохо, Андрей Андреевич! И как только с языка у меня сорвалось? Мыслимая ли вещь — объявить на всю школу: «Кружок по изучению строек на Волге»! Голубчик Андрей Андреевич, выручайте!

— Подсказать, с чего начинать?

— Какое там начинать! После начала продолжение следует. Под суфлера век не будешь работать. Андрей Андреевич, объявите по классам: по состоянию здоровья Гликерии Павловны, так, мол, и так, в текущем году кружок отменяется.

— На будущий, значит, откладываем? — серьезно спросил Андрей Андреевич. — За год стройки далеко шагают. Не догнать, пожалуй, Гликерия Павловна.

— Ой! — схватилась она за бок. — В печень кольнуло. Как расстроюсь — сверлит.

Андрей Андреевич захохотал.

— Гликерия Павловна, вам тридцать один год?

— Тридцать один, — со вздохом согласилась она. — Что мои года считать, Андрей Андреевич! Мне не замуж выходить. Как с кружком быть?

— О Суворове слышали? — спросил он.

— Не отшучивайтесь, Андрей Андреевич. Посмеетесь — и нет вас, а думать мне.

— Так вот, когда Суворов вел войска через Альпы, — со смеющимися глазами заговорил Андрей Андреевич, — столь немыслимые препятствия встали у него на пути, что измученные солдаты пали духом и собрались отступить. Суворов забежал перед войском, упал в снег и кричит: «Солдаты! Сначала меня закопайте, тогда через мою могилу бегите назад. В жизни не отступал и привыкать не хочу!» Так-то вот, Гликерия Павловна.

— Я другое припомнила, Андрей Андреевич, — помолчав, сказала она. — В Сталинграде, на Мамаевом кургане окопчик пришлось мне увидеть. Висит над обрывом канавка. Капитан меня туда приводил. Его окопчик...

Казалось Гликерии Павловне, и не надумает, как взяться за такое новое дело, но, когда, завалив стол газетами, принялась одну за другой читать статьи о строительстве, которыми в те дни полны были газетные полосы, грандиозный, поэтичный мир раскрылся у нее перед глазами.

«И сказок таких народ не слыхал! В песне поется: «Не течет река обратно». А она потечет. Моря разольются. Зазеленеет пустыня».

Она вспомнила рыжеватые голые степи вокруг Сталинграда, иссохшую землю, зной, ветер, мглистое небо. Жажда, жажда...

«Всё можем! Всё переделаем! — думала Гликерия Павловна. — Поглядите-ка на нас. Покусайте локотки!»

Кому она пригрозила? Да тем проходимцам-захватчикам...

Но, так или иначе, надо было наметить план работы кружка.

Географию района строек необходимо изучить? Необходимо. К примеру, Сарпинские степи. Что было? Что будет?

Суховеи, черные бури.

Как народ всей страны помогает строительству...

«Наши тоже, наверное, делом отозвались, — мелькнула у Гликерии Павловны мысль о заводе и городе. — А я-то гадала, с чего начинать!»

Теперь надо было позаботиться о помощнике.

«Приспособить бы кого-нибудь из ребятишек поречистее да потолковее, — обдумывала Гликерия Павловна. — Кого? На словах все они толковы, от работы только отлынивают...»

Едва успела она пожелать, желание сбылось. Помощник явился.

СЫН, МАТЬ, ОТЕЦ

Выбежав из учительской после разговора с Андреем Андреевичем, Юрий хотел ехать домой, но передумал. Решил посидеть в читальне и сразу же подготовить план перевоспитания Миши Лаптева. В читальне тихо, нельзя разговаривать, а Юрию как раз не хотелось ни с кем говорить. Он вынул из портфеля чистую тетрадь.

«Что нужно в первую очередь исправить в Мише Лаптеве?» — написал Юрий в тетради и задумался.

Он не мог бы сказать, что был крепко привязан к своему соседу по парте. Юрий не мог даже сказать, была ли между ними дружба. Когда Миша бегал любоваться на отцовскую машину и упрашивал покатать его, разве то было дружбой? Скорее, они сошлись после. Уж не после ли перевыборов комсомольского бюро они сблизились с Лаптевым?

Юрий задал себе этот вопрос, и ему стало вдруг жарко. Он закрыл тетрадь и украдкой оглянулся. Кажется, никто не прочел заголовок об исправлении Миши. Вдоль длинного стола сидели ребята, каждый смотрел в свою книгу.

Они сблизились с Мишей после перевыборов бюро, потому что Юрию нравилось, как Миша бранил Володю, Колю, Кирилла. Как только они оставались вдвоем, Миша начинал честить всех их подряд, особенно Володю. И если говорить правду...

«Ну нет! Я не бранил. Я только слушал».

Юрий развернул тетрадь и зачеркнул заголовок. Он вырвал страницу, скомкал и спрятал в карман.

«Что такое принципиальность?» — написал он на чистой странице.

Критиковать в открытую! Юрий поставил по крайней мере двадцать восклицательных знаков после этих слов, пока думал о том, за что бы следовало критиковать в открытую секретаря бюро Владимира Новикова.

Странно, странно! Что это — слабоволие? Или у Юрия нет самолюбия? Отчего ему так часто хочется думать о Володе?

Юрий сам не заметил, когда это началось. Может быть, давно, с того времени, когда весь класс вслед за Володей ударился в музыку. Было повальное увлечение: каждый щеголял друг перед другом знанием Моцарта, Бетховена, Мусоргского, все презирали джаз, поклонялись Чайковскому и чуть не на каждой парте лежала программа радиопередач.

Может быть, интерес к Володе у Юрия появился позднее.

Вначале он с затаенным злорадством ожидал, когда Володя завалит комсомольскую работу. Но вместо этого в классе стало происходить что-то новое. Почти все захотели стать комсомольцами. Теперь ребята запоем читали газеты, обсуждали события, спорили.

Что-то с классом происходило или с Юрием что-то случилось, только он не мог больше пересмеиваться с Мишей Лаптевым, сидя за своей партой, третьей от стола, и притворяться, что ничто в классе ему не интересно.

И уж если ты принципиален, скажи Новикову: «Я тебя оскорбил в Медвежьем овраге. Смеялся над тобой, когда ты организовал борьбу за минуты. Я виноват».

Он хотел дружить с Новиковым, вот что! Ничего не поделаешь, его тянуло к Володе. Но признаться в этом, конечно, нельзя. Не бывало и не будет, чтобы Брагин напрашивался на дружбу.

Юрий спрятал тетрадку в портфель и вышел из читальни.

«Велю Мише для начала читать «Молодую гвардию», — подумал Юрий. — Пусть проанализирует положительные образы. Да пусть возьмет общественное поручение».

И он пошел домой, но раньше решил завернуть в Технологический институт, повидаться со знакомыми ребятами.

Октябрьское небо затянулось тучами грязновато-сизого цвета, словно копны лежалого сена. Посеял дождь, частый, быстрый, как из сита, смочил тротуары, крыши,

плечи Юрия и утих. Туча разорвалась, и на землю синим глазом глянуло яркое небо. Наползло облако, раскинуло седые космы, смахнуло синий глаз. День опять посерел. Близились сумерки.

«А зачем я иду в институт? Что мне там надо?» — спросил себя Юрий, остановившись против дома с аркой, откуда рукой подать до института.

Вдруг он увидел Володю. И все его мысли о дружбе с Володей вмиг улетучились. Он боялся, как бы Володя не понял, что он нарочно пришел сюда, к его дому. Руки сами, помимо воли Юрия, полезли в карманы. Он вскинул голову, прищурил глаза и равнодушно смотрел, как мимо него идет Новиков. Стоял и посвистывал. Нет, как хотите, кланяться он не намерен! Пусть Володька проходит своей дорогой. Пусть проваливает!.. Но Володя не прошел, а остановился возле него.

— Что тебе нужно? — резко спросил Юрий.

— Мне нужен ты.

Это было так неожиданно, что Юрий забыл все слова в ответ и молчал. Володя тоже молчал.

Не очень-то легко мириться первому, когда все-таки не ты виноват.

«Поговорю о деле», — решил Володя.

— Юрий, есть одно поручение... Очень ответственное. Ты возьмешься?

Юрий вытащил руки из карманов, дернул ремешок сумки на плече и внимательно стал рассматривать носки ботинок. Если только он откроет рот, весь свет догадается — Юрий рад, рад! Он не хотел, чтобы узнал весь свет. Пусть Новиков думает, что Юрий колеблется.

«Поговорю с ним по-комсомольски, — думал Володя. — Ведь должен? Должен».

Но у него не поворачивался язык, и несколько мгновений, пока Юрий рассматривал свои ботинки, Володя собирался с духом.

— Юрий! Мы комсомольцы, в одной группе, а живем, как враги, — сказал он наконец.

— Это вы́ со мной, как враги, — не поднимая головы, ответил Юрий.

— Врешь. Мы тебе плохого ничего не сделали.

— Ну и я вам не сделал.

— Вот ты делишь все время: я — вы.

— Это вы делите.

— О чем тогда говорить? Не хочешь, как хочешь, — угрюмо произнес Володя.

Юрий испугался: вдруг Володя уйдет? Юрий и рад бы помириться, да самолюбие не позволяло сдать позиции сразу.

— Постой! — сказал он. — А поручение? Давай мне поручение. Я вам докажу, увидите! Только чтобы дело было ответственное!

— Андрей Андреевич посоветовал сделать тебя старостой кружка по изучению волжских гидростанций.

«Ура!» — чуть было во все горло не закричал Юрий от радости.

Кружок по изучению волжских строек! Это звучало внушительно. Не то что какой-нибудь там литературный или юннатский. Даже технический ни в какое сравнение не шел с таким удивительным, первым в мире кружком.

Но Юрий, конечно, не показал Володе своей радости и ответил почти равнодушно:

— Ладно. Я за это дело возьмусь.

— Берись.

Так они разошлись: Володя — разочарованный, Юрий — ликуя.

В этот день Юрий до вечера не попал домой. Он купил на лотке три баранки и съел их по дороге к Гликерии Павловне. Он решил не откладывать и отправился к учительнице тотчас после разговора с Володей. Так давно он ничем не руководил! Когда он ничем не руководит, для него жизнь не в жизнь.

А какое дело ему поручили! Такое, что Юрий готов костьми лечь, но уж наладит дело на славу. И вместо дома Юрий направился к Гликерии Павловне обсудить план работы. На Гликерию Павловну Юрий мало рассчитывал. Правда, он и сам плохо представлял, чем должен заняться этот первый в мире кружок. Ничего! Что-нибудь придумается.

Квадратная комнатка Гликерии Павловны была заставлена этажерками, столиками, шкафчиками; всюду лежали вышитые салфетки, кружевные дорожки; множество пунцовых, оранжевых, синих подушек всевозможных размеров украшало диван; на буфете, раскинув юбки над чайником, подбоченилась ситцевая баба, и над всем этим пестрым мирком господствовала Гликерия Павловна в длинном, пышном халате. Юрий застал Гликерию Павловну за чтением газет. Он удивился, почему она читает сразу такое множество газет — весь стол был завален ими.

Юрий вошел к учительнице с таким важным видом, как будто голова его полна великих идей.

— Для начала, Гликерия Павловна, созовем ребят и поговорим вообще...

Гликерия Павловна озабоченно выслушала разглагольствования известного всей школе оратора. Кажется, они ее не особенно тронули.

— Вообще-то, милый, вообще, а что на практике делать будем? На примерах надо показать, как географию изменяем. Где природа в дикости человеку наперекор жила, мы ее приручим. Вот в нашем кружке и разберем по шажку, как было, как станет. Слушай-ка, Юрий!

Она раскрыла книгу и с гордостью, словно собираясь ознакомить Юрия с собственным своим произведением, прочитала стихи:

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,

Народ неутомимый
Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине
Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...
Мечты!.. Я верую в народ...

А? Каково предсказание? Земляк-то наш, Николай Алексеевич, каков?

Юрий уходил от Гликерии Павловны удивленный. В таком воодушевлении он ее не видал. Только бы не остыла! Загорится, увлечется, а там, глядишь, и остыла. Ну нет! А он, Юрий, зачем? На то его и старостой кружка выдвинули, чтобы в Гликерии Павловне и ребятах поддерживать энтузиазм. Будьте уверены, уж если Брагин взялся возглавлять...

...Елизавета Гавриловна тоже жила жизнью, не похожей на прежнюю. Дружба с Марфиной внесла новизну в ее скучное существование. Она полюбила ходить к Марфиным.

Возвращался из института отец. Шурик с Ольгой со всех ног кидались навстречу отцу, плясала на руках матери Татьяна, и Мурлыш, выгибая спину, терся о ногу хозяина. Весь дом радовался. Михаил Осипович ругал какого-нибудь студента лентяем, и Шурик с Ольгой ругали студента, а потом все судили и рядили, как бы вытащить лентяя из троек. Вся семья знала институтские дела, неудачи, удачи, знала, доволен сегодня своими лекциями Михаил Осипович или огорчен. Вся семья знала дела «маминого» родительского комитета и события в пионерском отряде Шурика. Восхищалась талантами в музыкальном училище Ольги. Не верила и верила в то, что Ольга будет когда-нибудь исполнительницей.

В этом доме было много радостей. Серьезный и веселый тон в нем задавался Анастасией Вадимовной. Главой в доме была она.

Елизавета Гавриловна, наглядевшись на жизнь Марфиных, сравнивала с ней свое житье, о котором отец-острослов говорил:

«Какой рекой плыть, ту и воду пить. Сама себе, Лизуха, фарватер выбрала. Плыви».

«Когда живешь только одним своим домом, кажется, что ходишь с флюсом на щеке», — говорила Марфина.

«Довольно мне ходить с флюсом!» — решила Елизавета Гавриловна. Просто стыд, что Марфина ухитрялась управлять большой семьей и родительским комитетом, а Елизавета Гавриловна не догадалась прийти к ней на помощь еще семь лет назад, когда впервые отвела Юрия в школу. Впрочем, отводил Василий Петрович. Кто виноват, что ты направо и налево раздала свои обязанности, а сама осталась с кастрюлями? Никто не виноват. Пеняй на себя.

В родительском комитете могло совсем не быть дел и могло быть бесчисленно много. Все зависело от председателя комитета и директора школы. Марфина была ученицей директора, ученицей этой самой школы, которая стала сейчас похожей на сад. Тополь, который стоял у школьной решетки, Анастасия Вадимовна посадила своими руками...

Само собой разумеется, в этом родительском комитете было множество дел. Кроме того, надо было налаживать университет для родителей.

Однажды, возвратившись из университета с лекции, Елизавета Гавриловна разделась в прихожей, вошла в комнату и увидела на столе портфель мужа. Из ванны доносился плеск воды. Василий Петрович вернулся из командировки.

Елизавета Гавриловна опустилась на стул, почему-то испугавшись. Она сидела несколько секунд неподвижно, прислушиваясь к плеску воды в ванной, кряхтенью и довольному фырканью Василия Петровича.

Потом ей стало стыдно, что она испугалась его возвращения. От неожиданности. Он вернулся на месяц раньше срока.

Елизавета Гавриловна встала и в задумчивости прошлась по комнате, скрестив на груди руки. Проходя мимо книжной полки, провела пальцем по корешкам книг и заметила пыль. Усмехнулась. Сейчас Василий Петрович выйдет из ванной и непременно вот так же проведет пальцем по книгам на полке, по буфету: проверит, все ли в порядке. Потом, узнав, что она работает в родительском комитете, Василий Петрович промолвит: «Чепуха! Следи-ка лучше за домом».

— Кто там дома? — раздался из ванной голос.

— Я, Василий!

Елизавета Гавриловна постучала в дверь ванной и громко крикнула:

— Выходи скорее, показывайся!

Она живо собрала ужин, расставила посуду, внимательно проверила стол: Василий Петрович мог прийти на весь вечер в дурное расположение духа из-за пятна на скатерти.

Едва он, распаренный и чистый, завернувшись в халат, наконец появился из ванной, пришел домой Юрий. Сегодня было открытие кружка. Елизавета Гавриловна знала, скольких волнений стоил Юрию сегодняшний день. Может быть, этот день решал его новые отношения с классом.

По тому, как Юрий вбежал, по его торжествующей улыбке, которую он хотел скрыть и не мог, по тому, как он зачем-то сунул кепку в портфель, смутился, махнул рукой, рассмеялся, Елизавета Гавриловна, не спрашивая, поняла: все хорошо.

— Папа! — удивленно и обрадованно крикнул Юрий.

И вдруг в сердце Елизаветы Гавриловны что-то тронулось. Отец! Обходя, по поручению родительского комитета, дома школьников, она слишком много видела семей без отцов. Как тоскуют ребята по отцовской ласке, отцовскому голосу в доме!

— Папа! А мы тебя и не ждали! — весело говорил Юрий.

— Дела... — неопределенно ответил отец. — Ну, как у тебя, Юрий? — поинтересовался он, когда ужин был кончен. — Руководишь? Управляешь?

— Я больше не организатор комсомольской группы, — сдержанно ответил Юрий.

— Отказался? Пожалуй, ты прав. Слишком много тратится времени на эти дела.

— Меня не выбрали, — насупив брови, ответил Юрий.

— Что-о? Тебя не выбрали? Тебя? — устремив на Юрия выпуклые глаза, допытывался Василий Петрович. — Кого же выбрали?

— Новикова.

— Вот! Докритиковался! — знающе качнул головой Василий Петрович, переводя на жену осуждающий взгляд.

— Юрий! Иди в кухню. Почисть вилки, — распорядилась Елизавета Гавриловна, прерывая разговор.

— Я? Не пойду. У меня тьма уроков. Не пойду! Не пойду! — заспорил Юрий.

— А у меня завтра доклад. Юрий, иди.

Василий Петрович откинулся на спинку стула, туже запахнулся в халат и молча в недоумении смотрел на жену.

— Не трать, Юрий, времени, — продолжала она, делая вид, что не замечает изумления мужа.

— Снижу из-за вас успеваемость, будете знать! — проворчал Юрий, но все же пошел в кухню.

— Он снизит успеваемость из-за твоих вилок! — угрожающе повторил Василий Петрович.

Начинался бой, который она обязана выиграть.

— Не понимаю, что за фантазия! — пожимая плечами, говорил Василий Петрович. — В семье должно быть распределение труда. У каждого свои обязанности. Мальчик должен учиться и учиться. Достаточно для него.

— Новиков не только моет посуду, но часто сам готовит обед, а учится отлично, — ответила Елизавета Гавриловна.

— Откуда ты знаешь Новикова? — удивленно выкатывая глаза, спросил он.

— Я хорошо знаю Новикова. Очень хотела бы, чтобы наш сын был таким! — сказала Елизавета Гавриловна, складывая руки на груди.

Василию Петровичу был знаком этот жест — он означал волнение и упорство.

— Каким — таким?

— Скромным и смелым.

— При чем же тут вилки?

— Он должен быть внимательным к людям... Ко мне, — чуть покраснев, сказала Елизавета Гавриловна.

Василий Петрович встал и зашагал по комнате, раздраженно играя кистями пояса.

— Ты читаешь? — спросил он, увидев книгу Макаренко.

— Я.

— Сделай милость, скажи мне, пожалуйста, — став посреди комнаты, обиженным голосом заговорил Василий Петрович, — открой, что у вас тут без меня произошло? Макаренко, вилки, доклады... Что это такое? Объясни, сделай милость. Или я в этом доме стул? — крикнул он, взяв стул за спинку и стукнув им об пол.

В его жесте и тоне была растерянность. Елизавета Гавриловна быстро поднялась и, приблизившись к мужу, поцеловала его в лоб.

— Я забыла с тобой поздороваться, — улыбаясь, объяснила она.

Василий Петрович почувствовал себя обезоруженным. Ему ясно дали понять, что он в этом доме не стул.

— Откуда Макаренко? — кивнул он на книгу.

— От Марфиной, — сказала жена.

Э! Вот в чем дело.

Василий Петрович все понял. Вон откуда новшества! Жена познакомилась с Марфиной!

Он лег на диван:

— Ну, рассказывай!

Елизавета Гавриловна села возле него на диване и, сложив руки на груди, неторопливо рассказала Василию Петровичу все — о Юрии, о школе, о дружбе с Марфиной, о лекциях, своих мыслях, работе и снова о Юрии.

Провела рукой по лысеющему виску Василия Петровича и в раздумье сказала:

— А ты тоже почитай Макаренко. Ты отец.

— Макаренко нам не хватало! — неопределенно произнес Василий Петрович.

Она не ответила.

— Ты что? — поднимаясь на локте и вглядываясь в ее лицо, подозрительно спросил он.

— Ничего, ничего! — засмеялась Елизавета Гавриловна.

Она не стала пока говорить Василию Петровичу о том, что задумала вернуться на завод. Мало ли людей в наше время начинают новую жизнь в тридцать пять лет!

Это решение осталось для Василия Петровича до поры до времени тайной.

И без того для первой встречи он узнал достаточно новостей.

ПЕТЯ БРУНОВ ЕДЕТ В МОСКВУ

Наступил день отъезда Пети Брунова в Москву на Конференцию защитников мира.

Поезд отправлялся в двенадцать часов ночи. Володя и Коля условились приехать в общежитие на проводы делегата часа за два до поезда.

Коля выучил уроки, почитал, а до отхода поезда все еще оставалось четыре часа.

Он собрался и покатил на трамвае в общежитие.

Еще при первом посещении цеха Коля Зорин, как ни странно, ухитрился перемолвиться словом с Никитой, самым неразговорчивым парнем из всего комплекта Грачева.

«Поглядел станки и не покажешься больше?» — спросил Никита.

«Покажусь».

«Тогда давай приходи к нам гостить в общежитие».

«Погощу у них сегодня до поезда», — решил Коля.

Никиту он застал в кухне. Никита готовил ужин. В этом занятии не было ничего удивительного. Колю смутило другое: кухня полна была девушек. Они облепили плиту, словно пчелы цветок. Никита медлительно, с безмолвным достоинством, ворочался у плиты между девушками, ни на кого не обращая внимания. Он кивком головы указал Коле, где постоять, пока доварится ужин. Коля стал в указанном месте и в глубочайшем молчании ждал. Одна из девушек, стрельнув в его сторону насмешливым взглядом, громко сказала:

— К Никите гость пришел. Молчун молчуна видит издалека.

Все засмеялись. Коля продолжал стоять неподвижно, как камень.

Наконец Никита повел своего гостя в комнату. Тут Коле понравилось все. Ребята жили сообща и в то же время каждый сам по себе, по своему усмотрению и вкусу. Никите по вкусу было заниматься в свободное время выпиливанием.

— Посиди, пока наших нет, — сказал он Коле, а сам расстелил на полу старую газету и, посапывая носом, принялся пилкой выводить на фанере кудрявые узоры.

Коля смотрел и удивлялся, как эта хрупкая дощечка не треснет в его здоровенных ручищах.

Так они сидели молча. Наконец Коля загадал загадку:

— «Стоят палки, на них маленькие зеленые махалки». Что это такое?

— Ишь ты! — довольно усмехнулся Никита, но не пытался разгадывать.

Коля сам сказал разгадку:

— Листья на деревьях.

— Ишь ты! — повторил Никита.

— А где Петя с Алешей? — спросил Коля.

— Учатся в техникуме.

— Да ведь сегодня Пете ехать в Москву!

— Успеет и в Москву уехать, — невозмутимо ответил Никита.

Они опять замолчали.

— А ты учишься? — задал Коля новый вопрос.

— Я ужин варю. Мы коммуной столуемся. Обедаем в столовой, а ужин — дома.

«Странно! — подумал Коля. — Очень странно: они учатся, а он готовит ужин».

— Никита, отчего ты в техникум не поступил?

— А неохота.

Никита вытянул руку, издали разглядывая резную фанерку.

«Вот так раз! Надо как-нибудь на него воздействовать», — подумал Коля.

— Никита, ты книги читаешь?

— Некогда мне их читать. По радио слушаю.

— Что ты слыхал?

— Повесть про настоящего человека слыхал.

— Вот видишь! — сказал Коля.

— Чего видать-то? — ответил Никита.

Коля пригладил свой черненький ежик и внушительно сказал:

— Надо учиться, а то ты и границы нашей Родины забудешь.

— Ты что — агитатор? — спросил Никита, с любопытством подняв на него глаза.

За шкафом раздался громкий всхрап дяди Миши, и опять наступила тишина.

— Проснулся, — шепотом объяснил Никита. — Он постоянно сам себя храпом будит. Всхрапнет напоследок — и встал. А вот я — как усну, без будильника нипочем не проснусь.

Дядя Миша заворочался за шкафом. Должно быть, одевался.

— Что я тебя спрошу, — продолжал Коля, вспомнив греческий миф, который однажды Андрей Андреевич рассказал на уроке. — Ты знаешь, кто такой Никита?

Никита удивленно расширил глаза:

— Заучился! Ум за разум зашел у тебя!

— Не зашел. В переводе с греческого на русский язык «Никита» значит «победитель».

Никита, чуть опешив, молча смотрел на Колю.

— Может, я и выйду в победители, — почесывая пилкой висок, задумчиво согласился он.

Из-за шкафа вышел дядя Миша, обрюзгший, взлохмаченный после сна, сел на скамью и оперся на колени руками.

— Возьму да выйду. Кто мне поперек встанет? — продолжал Никита, нагнувшись над своей фанеркой. Он знал, что дядя Миша начнет его сейчас наставлять.

— Темнота твоя тебе поперек встанет, — все еще полусонный, действительно заворчал дядя Миша.

Эх, не убило бы бомбой в войну его толстоногого Игнатку, взял бы он его себе на колени и, перебирая шелковые колечки волос, рассказывал бы, как живут да работают умные люди. Вот Петруха Брунов. С какой силы на весь завод в передовики вышел? У Никиты кулаки поздоровее бруновских и на работу великий запал, а всё с Бруновым рядом не встать — у Брунова мозги образованные, смекалкой богат. Не кулаками — умом берет.

— Потому мы его и на Конференцию мира послали, — толковал дядя Миша Никите и Коле. — Умен наш Петруха. На язык только скор парень... это от молодости. В года войдет и на язык поаккуратнее станет. По уму, говорю, на Конференцию мира Брунова послали. Против войны не кулаками борются — умом. Эх, война! Был бы у меня сын... хоть Игнат — не Никита... может, «победителем» не переводится, а показал бы я ему на Брунова да на Павла Афанасьевича Новикова. Вот какой наш передовой класс рабочих!

— Ты сам, дядя Миша, почему в передовые ряды не выдвигаешься, если все понимаешь? — лукаво спросил Никита.

Дядя Миша замолчал, посидел на скамье и ушел за шкаф. Через минуту он появился оттуда с полотенцем на плече.

— Я фронт весь прошел до самой победы, а ты вопросы мне задаешь? — прикрикнул он на Никиту. — Я на вахту мира встал первым. Не первым... вторым. А не сойду. Мне бы твои годы... да кабы не бомба та... я, может, такой высоты достиг бы!.. Безмозглый ты, Никита! Вот как ты переводишься на русский язык!

— Осерчал, — ничуть не обидевшись, заметил Никита, когда дядя Миша ушел умываться. — Он у нас вроде как за отца. Учит нас. Сам-то не все, конечно, знает...

— Никита, а ты поступи все-таки в техникум, — сказал Коля.

— Агитатор! — улыбнулся Никита. — А вон второй агитатор, — улыбнулся он еще шире.

Пришел Володя. Следом за Володей пришли из техникума и Петя с Алешей.

Петя принялся собираться в дорогу. Началась суматоха.

Все старались ему помочь, суетились, шумели, каждый что-то советовал, каждый думал, что очень полезен, а на самом деле только мешал.

Алеша выдернул из-под кровати чемодан, порылся в белье, нашел ни разу не надетую зефировую рубашку в полоску и бережно, словно блюдо, поднес ее на растопыренных ладонях Брунову:

— Петя! Возьми про запас...

— ...Платки. Две пары белья. Носки. Рубашка шелковая, рубашка простая, — вслух перечислял Петя, укладывая вещи. — Готово! Сборы кончены. — Он захлопнул чемодан. — Ребята! Наказывайте, у кого какие поклоны в Москву.

Пока в комнате шла суета, дядя Миша поужинал, подготовился к смене и, должно быть, только и дожидался Петиных слов.

— Ну, Петруша, поезжай! — подходя к Пете, с чувством сказал дядя Миша. — Несхожие у нас с тобой характеры, Петр, потому и неувязки житейские между нами бывают. Размашист ты, Петька, небережлив, нерасчетлив. А я на свой фасон скроен. Задел ты меня в тот раз: ни за что ни про что сторонним обозвал. Ладно. Вытащил из сердца занозу. Простил. Поезжай, Петр Брунов, в Москву. Стойте за мир!

Он вытер ладонью рот, обнял Петю, поцеловал его в губы и, нахлобучив шапку, ушел на завод.

— Еще у кого будут наказы? — спросил Петя.

— У меня, — весь вспыхнув, сказал Володя. — Петя! Если на Конференции мира будут ребята из Кореи... может, корейские комсомольцы в гости приедут, ты им передай...

— Понял.

— Ты им скажи. Не забудь.

— Не забуду.

— Петя! — спохватился Володя, вытаскивая из кармана блокнот. — На. Подарок тебе.

— Вот спасибо! Вот удружил! — обрадовался Петя, словно ему невесть что подарили. — А ты, Новиков, подрастай. Мы еще вместе с тобой на заводе поработаем!

Он поднял глаза и обомлел. В дверях, вся укутанная в белый платок, стояла Екатерина Михайловна.

Вот кого Петя не ждал! Тот случай у трамвайной остановки, когда Петя опоздал на свидание с Катей, провел между ними черту, которую он не умел перешагнуть. Он ежедневно встречал на заводе инженера Танееву, спорил или соглашался с нею при обсуждении различных вопросов на комсомольских и производственных собраниях, но никогда больше Катя не звала его погулять вместе после работы или посмотреть кино. Катя Танеева оставалась простой и естественной, но в ее отношении к Пете появилась та отчужденность, которая говорила: мы с вами друзья, но забудьте о том, что я вам приносила черемуху.

А Петя не мог позабыть!

И вдруг она здесь, в такой час. И милые черные глаза, как прежде, смеются ему.

— Здравствуйте все! — сказала Катя, а посмотрела на Петю. — Поглядите, что я вам привезла! — Она откинула конец платка и показала на груди белые астры. — Я их спрятала от холода. Петя, это для вас!

Она протянула ему одну астру. Петя покраснел и осторожно, обеими руками взял цветок. Вот тут бы и сказать напрямик — что он жить без нее больше не может! Но кругом стоят люди, и красивых слов Петя не знает, и не сумеет он объяснить свои чувства. Он и Катей никогда ее не решится назвать.

— Спасибо за память, Екатерина Михайловна!

Она медленно отвела со лба упавшую челку и сказала:

— Когда вы вернетесь... — но вдруг засмеялась, вспыхнула и весело заторопила ребят: — Товарищи! Идемте, идемте скорей! Петя, я отдам вам астры в вагоне. Довезите их живыми до Москвы. И свою спрячьте, укройте теплее!

Кто-то из ребят выхватил из рук Пети чемоданчик. Все отправились на вокзал.

...Домой Володя и Коля возвращались в пустом трамвае, когда город наполовину спал.

Оба были после проводов в тихом настроении.

Володя представил, как завтра поднимется солнце и тронет лучами сначала звезды на башнях Кремля, потом зубчатые стены.

От звезд и стен Кремля, от красных полотнищ и флагов ляжет розовый отсвет на дома и улицы, как будто утренняя заря наклонилась над Москвой.

Со всех улиц к Дому союзов стекаются люди. И Петя идет и несет астры, которые Екатерина Михайловна привезла на вокзал, закутав в платок, чтобы они не озябли.

Разглядят там корейские ребята Петю Брунова с белыми астрами? А то Петя сам их разыщет...

«Надо поподробнее расспросить папу о Москве, — думал Володя. — Поговорить бы с ним обо всем. Соскучился... Нет его дома и нет!»

Между тем именно сегодня Павел Афанасьевич пораньше ушел с завода, чтобы провести вечер с Володей.

«Мало видимся! — думал и Павел Афанасьевич, шагая, как всегда, с работы пешком вдоль нелюдной, засаженной тополями улицы. — В крайность ты ударился, Павел Афанасьевич, — пенял он себе. — Забросил мальчишку. Растет сиротой. Эх, Лукерья Матвеевна, пожить бы тебе еще годика два, пока парень в возраст войдет! Ему ведь и ласка еще нужна. Его и пожалеть еще надо. Ни за что, просто так, от любви пожалеть!»

Павел Афанасьевич так разжалобил себя, что, придя домой и не застав Володю, страшно расстроился. «Видно, на комсомольском собрании», — решил он и принялся готовить ужин. Он накрыл стол по-парадному, нарезал колбасы, хлеба, раскрыл банку варенья и, включив радио и слушая какую-то незнакомую музыку, курил и ждал Володю.

«У других матери, у других в доме жены, а мы с тобой живем бобылями. Бобыли мы с тобой, Володька. В общем и целом, жизнь у нас с тобой одинокая».

Володю ли жалел он, сидя возле радио и куря одну за другой папиросы, себя ли? Вошла в жизнь несмелая радость, поманила и погасла. Не сбылось, Павел Афанасьевич. Вели-ка сердцу потише стучать, некуда ему торопиться...

А Володи все нет.

«Разболтался парень! — начал сердиться Павел Афанасьевич. — Из подчинения вышел. Пропал до ночи, — ни вопросу, ни спросу».

Концерт кончился. Включилась Москва, и Павел Афанасьевич услышал бой кремлевских курантов. Двенадцать.

«Ну, задам я тебе взбучку! Распустили мы молодежь! Растут своевольцы. Как вы с жизнью встретитесь, если о порядке понятия нет? Я это нынче прикончу. Я такое внушение тебе пропишу!»

Наконец в двери тихо повернулся ключ, Володя на цыпочках вошел в прихожую.

— Поди сюда, своеволец! Поди, я чуб тебе натреплю, чтобы знал, как за полночь в дом являться! — крикнул из комнаты Павел Афанасьевич и сам вышел к Володе и увидел его распахнутые, как окна, глаза. — Откуда ты такой? — спросил Павел Афанасьевич, забыв, что собирался «прописать» Володе внушение.

Они долго просидели за столом. Павел Афанасьевич забыл и о позднем часе и о своем отцовском благоразумии. Благо завтра воскресенье.

На ночь он заглянул к Володе. Володя спал. Мальчишеский чуб растрепался по подушке, пухлые губы чуть приоткрылись, и, должно быть, безмятежные сны виделись ему — таким ясным было лицо.

«Сын ты мой, сын! — подумал Павел Афанасьевич. — Набираешься сил помаленьку, Владимир».

БОРЬБА ЗА МИНУТЫ

— Я удивляюсь. Когда же?

Толя Русанов задавал этот вопрос после каждого урока математики, и его светлые бровки печально поднимались на лоб.

— Я удивляюсь. В первой четверти он спросил меня один раз. Вторая четверть в разгаре...

Шли дни. Петр Леонидович стремительно вбегал в класс и, на ходу открывая журнал, вызывал к доске одного, другого, третьего. Он не любил тратить попусту время. Он умел одновременно слушать ответ, проверять чью-то взятую с парты тетрадь, круто повернувшись, застать кого-то врасплох и неожиданным вопросом вывести из

задумчивости, и всю первую треть урока Толя Русанов ждал. Петр Леонидович не сидел за столом. Он мог встать у двери и оттуда слушать ответ или очутиться вдруг у окна или у чьей-нибудь парты, и всюду за ним следовал ожидающий, требующий, недоуменный взгляд Толиных глаз.

Когда Петр Леонидович, кончив опрос, шумно захлопывал журнал и брал в руки мел, по партам проходил шепот:

— Толю снова не вызвали!

Петр Леонидович писал на доске цифры, мел брызгал в разные стороны белой пылью и крошками, а ребята за спиной учителя кивали Русанову и всячески выражали сочувствие.

— Внимание! — говорил учитель, еще не повернувшись к классу. Очевидно, он догадывался о том, что происходит у него за спиной. — Внимание! — Петр Леонидович начинал объяснять.

Ребята привыкли к тому, что пропускать мимо ушей объяснения Петра Леонидовича нельзя. Теперь редко случалось, чтобы Володя, подняв руку и вздернув обшлаг, кому-то напоминал о часах. Задачи, которые Петр Леонидович демонстрировал на доске, ребята не могли разыскать ни в одном учебнике. Иногда, забыв мел в поднятой руке, Петр Леонидович с острым блеском в светлых глазах вдруг говорил: «Этот закон был открыт в таком-то веке знаменитым математиком...»

Он говорил лаконично и ничего не сообщал, кроме фактов. Но фактов Петр Леонидович знал такое великое множество, что в конце концов установился порядок: на каждом уроке за пять минут до звонка учитель вытирал платком руки, и начиналась история. Это был короткий рассказ иногда из жизни чисел, иногда из жизни людей, изучавших и изучающих числа.

Звонок мог сколько угодно звенеть — никто не трогался с места.

— Рассказывайте, Петр Леонидович! — просили ребята.

— Петр Леонидович, почему вы раньше нам не рассказывали?

— Раньше я не мог ничего себе позволять, кроме изучения программы, — ответил Петр Леонидович: — вы мне мешали.

Теперь никто не мешал. Все было бы хорошо, если бы не Толя Русанов, которого математик не хотел замечать. Он игнорировал Толю.

После урока ребята собирались вокруг парты Русанова.

Он долго храбрился, бедняга. Надо отдать ему справедливость, он больше всех расхваливал Петра Леонидовича:

— Ребята, вы слышали, Петр Леонидович пишет учебник по алгебре! У Петра Леонидовича вся квартира завалена рукописями. У Петра Леонидовича есть одно математическое открытие, гениальное открытие. У него...

Чего только не выдумывал Толя Русанов о Петре Леонидовиче, пока не догадался, что математик его позабыл! Почему?

Толя утих. Он молчал на уроке и после урока и думал о чем-то.

— Когда же Петр Леонидович будет спрашивать Тольку? — толковали ребята.

— Надо посоветоваться с Андреем Андреевичем, — предложил староста класса, вопросительно посмотрев сквозь очки на ребят.

— Ни за что! Не хочу быть ябедником! — запальчиво крикнул Русанов.

— Мы без тебя посоветуемся.

— Ни за что! — сказал Толя, грустно сдвинув беленькие брови.

Он льнул к Володе, потихоньку ему признавался:

— А знаешь, я раньше думал, что Петр Леонидович мне симпатизирует.

— Я тоже почему-то так думал, — ответил Володя. — Но ты ни в коем случае не бросай заниматься, Толя.

— Я — бросать? Я решил стать математиком!

Но прошла еще одна неделя, и однажды Толя, входя в класс, так высоко подшвырнул ногой свою сумку, что она стукнулась о потолок.

— Пусть улетает на небо, — сказал Толя.

Сумка шлепнулась вниз, и книги разлетелись по полу.

— Подбирайте, кому охота! — притворно смеясь, крикнул Толя, перешагнул через сумку и подошел к Володиной парте. — «Куда, куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?.. — запел он высоким серебряным голосом. — Что день грядущий мне го-то-о-о-ви-ит?..»

Он оборвал свою арию и вызывающе поглядел на Володю.

— Собери книги, — тихо сказал Володя.

— Спел бы я сегодня оперу Петру Леонидовичу, если бы не ваша борьба за минуты! — дерзко ответил Толя.

— Соберешь книги?

— Нет.

Коля Зорин не спеша поднялся с парты и вразвалочку пошел за книгами Толи.

— Не смей! — крикнул Володя. — Зорин! Не смей!

Зорин удивленно пожал плечами и не спеша вернулся за парту.

— Ну? — спросил Володя, не понимая, почему надо заставить Русанова сейчас подчиниться, но твердо зная — надо! — Иди! — бросил он коротко. — Слышишь? Иди!

И Толя вдруг подчинился.

Володя вздохнул. Русанов мог снова сказать «нет», и тогда Володя не знал бы, что делать.

— У тебя нет воли. Ты бесхарактерный. Ты ничего никогда не добьешься, если не будешь собой управлять, — всю перемену убеждал он Русанова.

Толя гулял рядом с Володей по коридору и виновато морщил губы и лоб.

— Ну что ты переживаешь? Не спрашивает Петр Леонидович? Спросит когда-нибудь, — убеждал Володя Русанова в следующую перемену.

— Почему он меня не любит?

О том, что математик не любит Русанова, знали все. Может быть, Петр Леонидович не любил его оттого, что все еще помнил «лихие» дни в седьмом «боевом»?

— А за что ему тебя любить? — притворился удивленным Володя. Лишь бы не разжалобить Тольку! Беда, когда себя жаль. — Ему и любить тебя не за что. Что он, мама твоя или Гликерия Павловна?

— Ха-ха-ха! — засмеялся Русанов.

И вдруг в этот день, на последнем уроке, Петр Леонидович вызвал Русанова. Против обыкновения, он медленно вошел в класс и, против обыкновения, сел за учительский стол. Урок начинался не так, как всегда. Петр Леонидович раскрыл журнал, долго листал страницы.

— Русанов! — сказал он и захлопнул журнал.

Толя вскочил.

— К доске!

Толя вышел к доске. Все затаили дыхание. Подозревал ли Петр Леонидович, что в этот час решался его авторитет в классе, тот человеческий авторитет, без которого не бывает настоящего учителя, сколько бы знаний ни вмещала его голова? Ребята ревниво следили за выражением его худого, с резкими чертами лица.

Неужели Петр Леонидович будет несправедлив к Русанову?

А Петр Леонидович так привык к тишине и так плохо в ней разбирался, что и сейчас не уловил в молчании класса новых оттенков. Он смотрел на оттопыренные красные уши Толи Русанова, на его светлые, испуганно поднятые бровки и сморщенный от напряжения лоб и думал: «Я тебя довольно долго выдерживал, но, кажется, ты неплохой все же парень».

Впрочем, сейчас это не имело значения. Знает ли математику парень?

Толя стал отвечать, и скоро ребята заметили знакомый блеск в глазах Петра Леонидовича.

— Да, да! — нетерпеливо проговорил он, когда Толя с беспокойством обернулся к нему от доски. — Да.

У него все острее блестели глаза. Он забегал по классу, но затем встал у доски, спиной к партам, заложив за спину руки, и ребята видели, как учитель быстро перебирает пальцы, словно что-то считает на них.

— Еще? — спросил Петр Леонидович.

Ребята поняли: Петр Леонидович спрашивает Толю, хочет ли он еще отвечать. Толя кивнул.

Петр Леонидович гонял его по всему курсу.

Гонял?! Это было торжество. Неизвестно, кто больше торжествовал — Петр Леонидович или Толя Русанов. Кажется, Толя сегодня срывал у Петра Леонидовича план. Математик не мог заставить себя отпустить его от доски.

Наконец они оба устали.

— Садитесь, — сказал Петр Леонидович.

Класс молча следил, как Русанов идет, открывает крышку парты, садится.

Все ждали чего-то.

— Восьмой «Б»! — проговорил Петр Леонидович необычным, странно высоким голосом. — Восьмой «Б»! Сегодня вы доказали — ваша борьба за минуты имеет значение. Я вас уважаю.

— Качать Тольку! Ура! — заорал Кирилл, едва раздался звонок к перемене. — Русанов — лауреат!

— Ура-а-а! — загремел класс.

Толя порывисто встал. Ребята никогда не видали Русанова таким серьезным и тихим. Все замолчали. Толя поманил пальцем Володю. Володя подошел.

— Новиков... слушай! — сказал Толя. — Слушайте, ребята... теперь я вступлю в комсомол!

— Володя! Володя! — расталкивая ребят, кричал Гарик Власов. — Ребята! А я? Мне скоро четырнадцать лет.

— Володя! И мне! Принимайте меня в комсомол.

«Сегодня, такого-то числа, в восьмом «Б» произошли события исключительной важности...» — набрасывал заметку для «Зоркого глаза» Кирилл Озеров.

И только Юрий не принимал участия в этих событиях. Он стоял у стенной газеты и делал вид, что читает.

«Почему ребята так любят Володьку? Можно подумать, что не Русанов лауреат, а он — так его окружили. Они жить без Володьки не могут».

— Проводим Русанова, — сказал Володя, и все тут же повалили за ним, как будто он пригласил их в кино на бесплатный сеанс.

Юрий не пошел. Пошел бы, если б Володька позвал: «Юрка, айда!»

— Не хочешь с ними? — спросил Миша Лаптев.

— Дела есть, — отрывисто бросил Юрий.

— Тогда я к тебе, — решил Лаптев. Он стал довольно нахальным, с тех пор как оказался единственным приятелем Юрия.

Юрий быстро шагал, глядя под ноги. Миша семенил рядом.

— А Володька все авторитет себе зарабатывает! — хихикнул он, заглядывая Юрию в глаза.

— Слушай, ты! — крикнул в ярости Юрий. Его душила обида. Он мог бы дружить с Новиковым, с Колей, с Кириллом, а дружить с этим... Как его назвать? — Мелкий человек! — кричал Юрий. — Если ты посмеешь сказать еще раз про Новикова...

— Что я особенного сказал? Что? — струсил Миша.

«Скучно с ним. Почему я не пошел с ребятами?» — думал Юрий.

— А я еще в комсомол тебя взялся готовить! — махнул он с досадой рукой.

— Ну и что же? Разве я не гожусь?

— Не годишься!

— А ты сам не лучше меня.

Юрий сунул руки в карманы и, не ответив, пошел прочь от Лаптева. Миша стоял и глядел ему вслед. Вдруг он кинулся вдогонку:

— Юрий, я пошутил! Не сердись. Слышишь?

Но его товарищ молчал.

— Ты теперь мне и рекомендации не дашь?

Снова молчание.

— Значит, и подготавливать в комсомол не будешь? И вообще отказался, значит...

— Не отказался, — буркнул Юрий.

— А долго будешь подготавливать?

— Долго.

Лаптев проводил Юрия до дома, но ни тот, ни другой не проронили больше ни слова.

— Пожалуй, я сегодня к тебе не пойду, — решил Лаптев, остановившись в подъезде.

— Всего! — бросил Юрий и, не оглянувшись, побежал вверх по лестнице.

„ЛУННАЯ СОНАТА“

Школьный комитет постановил устроить вместе с заводскими ребятами вечер в честь защитников мира.

— Одно выступление для вечера Мира у нас обеспечено, — сказал Андрей Андреевич. — Володя, договорись с Ольгой Марфиной о музыке.

— Идея! — воскликнул Сергей Чумачов. — Кстати, я слышал Марфину в Филармонии, на молодежном концерте... Новиков, комитет комсомола тебе поручает...

Никто не знал, какую бурю в душе Володи подняли эти слова. Он потерялся. Он смотрел на Сергея Чумачова в таком смятении, словно тот предложил ему бултыхнуться в Волгу с моста вниз головой.

«Что мне делать?» — думал Володя. Поручение договориться с Ольгой привело его в ужас.

Впрочем, это неверно. Пока он самым коротким путем, переулками и через знакомые дыры в заборах, добирался из школы до дома, настроение его изменилось. Неужели он снова попадет к Марфиным? Володя представил старый сад за окнами, черный рояль в крохотной комнатке Ольги. Он был так рад, так хотел еще раз побывать в доме

Марфиных, что совершенно не помнил, за что был обижен на Ольгу. В чем она виновата? В том, что он не стал музыкантом?

А через несколько минут Володя понял, что никогда не решится прийти к Марфиным.

Весь вечер он был беспокоен: то возбужден, то задумчив.

Павел Афанасьевич наконец спросил:

— Что у тебя стряслось? Давай-ка обсудим.

Нет, этот вопрос Володя не мог обсуждать с отцом. Не мог. Сам не знал почему.

— Кажется, голова заболела, — сказал он и ушел спать для того только, чтобы убраться долой с глаз отца.

Но на него напала бессонница. Володя слышал, как улегся отец, как за окнами утихли трамваи, наступила глубокая ночь, а он все не спал, ворочался, думал:

«Как быть? Как мне быть? Я не могу к ним идти!»

Вдруг его осенила счастливая мысль: на переговоры с Ольгой Марфиной пойдет все бюро.

И тогда он уснул.

В следующий же вечер они втроем отправились к Марфиным. Коля сначала наотрез отказался. Никто не знал, что случилось прошлой весной на концерте, Коля никому не рассказывал, как чуть не вытолкал из школы музыкантшу Ольгу Марфину. Этот позор навсегда останется тайной.

— Не пойду. Без меня обойдетесь, — категорически заявил Коля Зорин.

— Ах ты, общественник! Что мы, в гости тебя приглашаем? Идем! — грозно приказал Кирилл. — Мы идем выполнять комсомольское задание. Если бюро — так бюро в полном составе.

— Ладно. Пойду, но говорить там не буду. Сами разговаривайте.

— А мы тебя хотели главным оратором выдвинуть! — засмеялся Кирилл.

Так или иначе, они собрались и пошли.

Были сумерки. Стоял серый, неприветливый вечер с хмурым, пригашенным небом, без зари. Володя и Коля всю дорогу молчали. Говорил один Кирилл. Его густой, хрипловатый голос гудел на всю улицу, как труба. Кирилл толковал обо всем, что взбредет в голову. Скоро зима — коньки, лыжи. Здóрово! В кораблестроительном кружке дела подвигаются. Здóрово! Все было здóрово.

— Идемте сюда, — сказал Володя и с замиранием сердца ввел товарищей в старый, заросший кустами сирени и акации сад. Темная ель положила широкие лапы на земле возле входа в Ольгину комнату. Шиповник грустный, пустой. Дверь в Ольгину комнату закрыта по-зимнему.

— Есть другой вход. Через кухню, — сказал Володя.

— Она очень ученая? — осведомился об Ольге Кирилл. — Наверное, все свою музыку изучает?

Но они застали Ольгу не за музыкой.

Еще раздеваясь, они услышали взрывы хохота.

— Татьяна учится ходить, — улыбаясь, объяснила Анастасия Вадимовна, открывшая мальчикам дверь. — Давно, Володя, вы у нас не были!

Давно, но в доме все по-старому. Так же поскрипывали половицы, посередине комнаты стоял широколапый круглый стол, к стене прислонился неуклюжий буфет, темный сад смотрел в окна. Крохотная девочка, только что оторвав ручонки от дверного косяка, с выражением отваги и удивления в глазах сделала первый шажок, но, увидев незнакомых людей, шлепнулась на пол и, скривив губы, разразилась громким плачем без слез. Ольга подхватила с пола сестренку и, целуя ее беленькую головку, пряча от гостей лицо, смущенно повторяла:

— Не плачь. Пришли дяди. Добрые дяди. Не плачь.

«Дяди» неподвижно стояли в ряд у порога.

Анастасия Вадимовна взяла у Ольги Татьяну.

— Идемте, — позвала мальчиков Ольга.

Они вошли в ее комнату и втиснулись втроем на маленькую кушетку, а Ольга встала за рояль, словно за баррикаду. Она заплетала и расплетала кончик косы и молча смотрела на своих неожиданных гостей.

Кирилл тихонько толкнул локтем Володю. Но Володя молчал.

— Начинай, — шепнул Кирилл.

Володя не начал. Тогда Кирилл погладил свои две макушки и приступил к переговорам.

— Мы делегация, — сказал он, — пришли по поручению комитета комсомола просить вас играть на вечере Мира. Если вы заняты или не можете...

— На вечере Мира я, конечно, буду играть, — быстро ответила Ольга.

Кирилл смутился. Он не рассчитывал так легко получить согласие. Он думал — Ольгу придется убеждать. Кирилл почувствовал некоторое даже разочарование.

— Вечер назначен в клубе завода, — продолжал он. — Народу — уйма!

— Я буду играть на вечере Мира, — повторила Ольга.

— Придут рабочие. Передовики. И наши ребята, конечно. Наберется полно...

Ольга удивленно пожала плечами. Кажется, этому делегату очень хотелось ее напугать.

— Значит, вы согласны? — все еще недоверчиво спросил Озеров.

— Да, — твердо ответила Ольга, отбросила косу через плечо и с решительным видом заложила руки за спину.

Кирилл наконец убедился: задание выполнено.

— Хорошо. Хорошо. Мы передадим. До свиданья.

Он не знал, что делать дальше, и встал. За ним, как по команде поднялись с диванчика Коля с Володей.

Ольга вдруг покраснела, но не тронулась из-за своей баррикады — рояля.

— До свиданья! — ответила она, глядя по-прежнему на одного Кирилла, как будто по бокам у него стояли две тумбы.

И вот сейчас они уйдут. Ну, Володя?

— Мы не обсудили программу, — сказал он в самый последний момент. — Мы... надо наметить... Как же программа?

Он говорил неестественным голосом, слова застревали у него в горле.

— Это уж ты, Володя, договаривайся. Ты специалист по музыкальным вопросам, — решил Озеров.

Он взглянул на Ольгу — вид у нее был такой неприступный, как будто обсуждение программы и составляло самую трудную часть переговоров.

— У меня кружок кораблестроения. Если бы не кружок... — колеблясь, промолвил Кирилл. — Может, вы тут одни обойдетесь? Я пойду!

— И я, — пробурчал Коля Зорин. — Я тоже пойду.

Володя молчал. Краснел, молчал и не поднимал глаз от пола.

— А! — нечаянно вырвалось у Кирилла. Кажется, он

начал догадываться — что-то тут есть, кроме программы. — До свиданья. Значит, вы будете играть на вечере Мира, — повторил он на всякий случай.

И они с Колей ушли.

Две договаривающиеся стороны остались. Они молча стояли, разделенные роялем. Прошла минута, две, три.

— Я на тебя обиделся, Ольга, когда ты смеялась, когда Наталья Дмитриевна... когда... ты ведь помнишь?

— Нет, я не смеялась. Этого не было, — недоумевая, ответила Ольга.

— Как не было?! — испугался Володя. Неужели Ольга еще и отпираться умеет? — Ты смеялась. Я был за шиповником в это время и подслушивал, — угрюмо сказал он, глядя в стеклянную дверь, за которой стоял черный сад с облетевшими листьями.

— Наверное, ты не все подслушал, что было, — возразила она.

— Я ушел, когда ты засмеялась.

— Наверное, ты не разобрался, в чем дело. Когда подслушиваешь, можно напутать.

Володя не обратил внимания на иронию. Не до иронии было ему. Он посмотрел наконец прямо на Ольгу и увидел знакомую правую бровь, изогнутую в веселом изумлении. Да, он, должно быть, напутал.

— Ольга, ты даешь честное слово?

— Даю честное слово. Я не смеялась над тобой.

— Тогда...

Володя не знал, что сказать. Все-таки он отвык за это время от Ольги. Он чувствовал себя неуклюжим и связанным, как в тот вечер, когда впервые увидел эту крохотную комнатку, черный рояль и зарю за стеклянной дверью.

— Сыграй что-нибудь, — нерешительно попросил он. — Пожалуйста...

Ольга помедлила и села за рояль.

«Что она сыграет? — думал Володя, весь уже охваченный чудесным холодком нетерпения. — Если она сыграет «Лунную сонату», которую готовила летом для концерта, значит... Что значит? Все равно. Если она сыграет «Лунную сонату»... Ну, поскорее бы!»

— А ты забыл?.. — сказала Ольга, внимательно разглядывая крышку рояля. — Ты меня тоже обидел. Что ты велел Шурику мне передать?

— Что я велел? — ужаснулся Володя. Об этом он действительно позабыл. — Ольга, я был дураком.

Ольга открыла крышку рояля.

— «Лунная соната», — не улыбнувшись, сказала она.

ДРУЗЬЯ СОБИРАЮТСЯ ВМЕСТЕ

Снег выпал ночью и валил сырыми, тяжелыми хлопьями, пока не укрыл все крыши, улицы, Волгу. Проснувшись в воскресенье, Васюта увидел в комнате тот белый особенный свет, который бывает только от первого снега.

Весна начинается медленно, и осень незаметно подкрадывается, а зима приходит внезапно. Васюта поглядел в окно и не узнал Волгу — белое поле лежит за окном.

— Здравствуй, зимушка-зима! — сказал Васюта.

Матери дома не было. Васюта прибрал кровать, вытащил из печки горшочек с манной кашей, затянутой коричневой пенкой, съел половину горшочка и собрался к Шурику Марфину.

В черных липах набережной сидели вороны. Васюта прицелился и кинул палку. Вороны разом снялись и темной тучей полетели через Волгу. На скамьях, как перинки, лежали пушистые сугробики снега. Васюта смахивал по дороге рукавом то один, то другой сугробик. Эх, и любит он полазить по снегу! С шубейкой ничего не сделается, чище только станет. Но у Васюты на валенке дыра. Один почти целый, на другом половины подошвы нет. Васюта напихал в валенок тряпок, но тряпки лезут наружу. Не ходьба, а беда. Проучись с таким валенком зиму!

Мать говорит: «Сядешь на печку до весны, там тебе и ученье».

Чего только не наговорит мать в сердцах! Как рассердится, Васюту постылым зовет. И Тамара постылая, и ребятенок Тамарин, и весь свет ей не мил. А сама опять нынче с утра пошла нянчить Тамарину дочку. Там зять есть. Сказала бы зятю: «У нас Васютка босой».

Не скажет. Ждет, пока сами догадаются. Гордая. Ну и ладно. Васюта тоже не больно любит кланяться. Как-нибудь проживут они с мамкой... Он обмахнул валенки голичком и постучал в дверь к Марфиным.

— Материалы принес? — едва открыв дверь, спросил Шурик.

— Видишь, с пустыми руками пришел.

— Почему?

— Потому. Собирайся ко мне.

— Ну, Васюта! Вот ты какой! Ну, Васюта! Уговаривались — у нас. Уговор нарушаешь. Слово дал — не сдержал! — высоким, тоненьким голоском быстро заговорил Шурик.

— У вас интереса нет.

— А у вас какой интерес?

— У нас Волга белая глядит в глаза. И не мешает никто. Сами себе хозяева.

— Погоди, я спрошусь, — согласился Шурик и побежал к матери.

Через минуту он вернулся к Васюте, обматывая шею шарфом:

— Пустили, Васюта! Пустили!

А вслед за Шуриком вышла в кухню и мать.

Мать Шурика была могущественным человеком в школе, Васюта знал. Но все же он никак не мог ожидать, что по воле этого человека на его голову сегодня свалится новое счастье.

— Ты ведь хорошо учишься, Васюта, — сказала Анастасия Вадимовна, и у Васюты на душе стало весело — так весело она улыбнулась.

— Он, мама, у нас первый ученик. Он как ответит, так и получит пятерку. Его все учителя в пример ставят, — затараторил Шурик.

— Родительский комитет закупил тридцать пар валенок. Приходи завтра, Васюта, получать свою пару, — сказала председательница родительского комитета.

Васюта открыл рот, а ответить так ничего и не ответил.

Они вышли с Шуриком из дому и некоторое время шагали молча.

— Вот так выручила меня твоя мать! — сказал наконец Васюта.

— Вовсе и не мама тебя выручила! Вовсе и не она! — захлебываясь от радости, зачастил Шурик. — Тебя родительский комитет выручил. Рад, Васюта?

— Как же не рад!

— А снег-то! Снег! Снег какой хороший! — кричал Шурик. — Побежим, Васюта.

Они побежали.

Длинные голые осинки стояли возле Васютиного дома, в окна глядела белая Волга. Усмирила Волгу зима, лежит подо льдом. Синее небо над Волгой. Белый снег в доме.

— Разувайся. Видишь, пол вымыт — натопчем, — сказал Васюта. — Давай приниматься за дело.

Они делали яхту. Они трудились над ней изо дня в день всю осень. Красавица яхта, с высоким килем, крутым носом, мачтами, флагами!

Флагов пока еще нет. И мачты еще не готовы. И лестницы веревочной нет. Надо торопиться. Васюта и Шурик делали яхту Мира. Вожатый спросил: «Соглашаетесь на вечере Мира подарить свою яхту борцам за мир?» Они согласились.

Васюта забросил свои и Шуриковы валенки на печку. Ребята сели на пол и стали плести веревочную лестницу.

— Тебе не жалко дарить? — спросил Шурик.

— А коли и жалко? Все равно подарим.

— Правильно! Я тоже согласен.

— На борту напишем: «Яхта Мира», — сказал Васюта мечтательно. — А мать говорит... — Васюта замялся. — Говорит: «В игрушки играете. От вашей яхты миру не прибудет».

— Видно, она у тебя несознательная? — удивился Шурик.

— На нее как найдет. А то один раз сказала: «Жизнь свою отдала бы, только бы войну от народа отвести!» Вот она какая!

— А теперь на партизанку похожа, — ответил Шурик.

— Если бы война в тот раз до нас дошла, стала бы партизанкой. Это уж наверняка.

— И моя мама стала бы. И Ольга.

— Ну уж Ольга! Твоя Ольга: трень, брень, залезла бы под рояль — только ее и видели!

— А ты чего не знаешь, о том не суди, — сказал Шурик, до глубины души оскорбившись.

Он бросил плести веревочную лестницу и отошел к окну. Где же Волга? Не различишь, где кончается Волга, где начинается поле. Сверкает, переливается на солнце снег, и большое небо сверкает, а в комнате Васютин жел-

тый самовар так огнем и горит на столе, словно жар-птица.

Вот он какой оказался, Васюта! Другом еще называется!

— Иди, Шурик! Ладно! — позвал Васюта. — Смеха не понимаешь. Избаловали тебя дома!

Шурик не спорил. Может, и верно избаловали, оттого он такой и обидчивый.

— По-твоему, Ольга — «трень-брень», — дрожащим голоском сказал он, садясь на пол возле Васюты, — а по-моему, не хуже нас с тобой против фашистов за мир борется. На вечере Мира кто выступать будет? К Ольге сам Володя Новиков совещаться приходит. Вот!

На этом они помирились.

Володя действительно стал опять ходить к Марфиным. Раньше, едва начинался их скучнейший музыкальный урок, Шурик затыкал уши пальцами. Теперь уроков не было. Когда Володя приходил, Шурик забивался в Ольгину комнату и, устроившись на кушетке, слушал их разговоры. Володе всю неделю было некогда — он являлся к ним по воскресеньям. В первое воскресенье он рассказывал о своих новых друзьях, ребятах с завода. Во второе воскресенье Володя рассказал, как Петя Брунов ездил делегатом на Конференцию защитников мира. Каждый раз они с Ольгой обсуждали что-нибудь новое...

В это утро тот же белый зимний свет разбудил и Володю. Володя проснулся и, как Васюта, обрадовался снегу, солнцу, зиме, долгому праздничному дню впереди и чему-то еще.

«Поваляюсь для праздничка, — решил Володя. — Что я буду делать сегодня? — размышлял он, лежа в своей любимой позе — с подтянутыми к подбородку коленками. — Сначала приберусь. Эх, надоело! Ну ладно, сначала приберусь, так и быть... Потом, может, сходим с папой на лыжах. Потом почитаю. Потом...»

Если бы все семь дней в неделю были воскресными, каждый вечер Володя был бы у Марфиных. Едва в доме появлялся Володя, Шурик кричал:

«Ольга, играть!»

И Ольга послушно садилась за рояль.

«Ты знаешь что, Володя? — сказала она однажды. — Вполне вероятно, из тебя получится музыкальный критик. Володя! Ты можешь быть вторым Стасовым».

Впрочем, Ольга всегда воображала что-нибудь сверхъестественное.

Кем быть? Этого Володя не знал до сих пор.

Ольга знала. Она будет музыкантшей. В одном лишь Ольга не была твердо уверена: удастся ли ей стать знаменитой. И Женька Горюнов знал, кем быть, он и теперь уже заправский речник. Знал Толя Русанов, который готовился быть математиком никак не меньшим, чем Лобачевский.

А Володю тянуло в разные стороны — туда и сюда.

Чаще всего он представлял себя на заводе. То он был сборщиком, как Петя Брунов. То начальником цеха, удивительно похожим на Федора Ивановича Тополева, который покуривал трубку, молчал, думал, как бы еще умнее перестроить станок, и так незаметно управлял цехом, что всем казалось — дела идут сами собой.

Больше всего Володя хотел изобретать. Изобретать — ничего на свете нет интереснее!

А то вдруг воображал себя Андреем Андреевичем. Входил в класс и, так же вскинув руки к вискам, говорил о борьбе рабочего класса, революции, коммунизме, — он стоял перед классом, как полководец перед армией.

Между тем солнце за окном поднялось выше, и в комнату вошел отец:

— Рационализатор, вставай!

Володя сбросил одеяло, вскочил и распахнул фортку. Вся синева неба, весь его солнечный блеск и свежесть морозного утра хлынули в комнату. Снег выпал и не таял. Зима стала сразу.

Павел Афанасьевич присел на кровать и с ласковой усмешкой смотрел, как Володя делает зарядку.

— Папа! — озабоченно сказал Володя, откидывая жестом Андрея Андреевича упавшие на лоб волосы. — Все бы хорошо, одно только, папа, неважно: никак не решу, кем мне быть.

— Эту задачу, дай срок, осилим, — улыбнулся Павел Афанасьевич. — Коммунистом будь, Владимир!

Он звонко шлепнул ладонью по голой спине Володи и пошел накрывать к завтраку стол.

«Прямая тебе дорога на отцовский завод, — думал Павел Афанасьевич, заваривая чай. — И другие дороги тебе не заказаны. Только расти. Сильное дерево долго растет».

Надо же было случиться, что именно в это воскресное утро, едва кончив завтрак, Володя свернул с плиты суповую кастрюлю и залил всю кухню.

— Несручная баба что ни схватит — уронит! — с досадой проворчал Павел Афанасьевич и ушел в комнату слушать радио.

А Володя — хочешь не хочешь — принялся мыть пол. Ничего особенного в этом происшествии не было бы, если б вскоре не раздался звонок.

«Зорин!» — подумал Володя, открыл дверь и в испуге отступил, пряча за спину грязную тряпку. На лестничной площадке стояли Ольга и Галя. Это было так неожиданно, что Володя не верил глазам.

— Здравствуйте! — сказал он, мучительно краснея.

Пусть бы он пилил, колол дрова, столярничал, плотничал! Все, что угодно, только не пол!

— Здравствуйте-пожалуйте! — весело воскликнул отец, тоже выходя на звонок.

Он был нарядный, в светлой рубашке, синем шелковом галстуке.

— Идите. Я сейчас, — пробормотал Володя и вернулся в кухню.

С другими таких вещей не случается. Это с ним только может случиться: единственный раз в жизни пришла Ольга и застала его в засученных по колено штанах, а главное, с проклятой тряпкой в руке! Он мог бы, как отец, сидеть на диване и слушать Бетховена в тот момент, когда они явились с Галей Введенской. Или, по крайней мере, мог бы не покраснеть, как воришка, когда их увидел.

— Мы с ним барствовали, пока жила бабушка, — сказал Павел Афанасьевич, когда Володя вышел к гостям. — Бывало, в постелях лежим, а бабушка завтрак готовит. Наоборот надо бы! Теперь спохватились, да поздно...

Девочки чинно сидели, сложив на коленях руки. Разговор поддерживала Галя.

— А скажите, пожалуйста, Павел Афанасьевич, у вас на заводе.. — говорила она деловым и вежливым тоном.

— Володя, где ты занимаешься? Где твои книги? — шепнула Ольга.

Непривычно было видеть ее у себя в доме! Володя повел Ольгу в бабушкину комнату, оставив Галю с отцом. О Гале он просто забыл.

Комната полна была солнечного света. Ничего в ней не было, только Володина кровать да стол с аккуратно разложенными тетрадями и книгами.

— Как бело, ярко! — сказала Ольга. — Мне у вас нравится.

Она взяла со стола лежащую сверху тетрадь и прочитала заголовок: «Мысли».

— Твои мысли?

— Разные, — смущенно ответил Володя.

— Володя, ты недоволен, что мы пришли, когда ты...

«Заметила, как я застыдился», — понял Володя.

— А что такое было, когда вы пришли? — нахмурился он.

— Можно, я запишу в твоей тетради одну мысль? — быстро спросила Ольга, села к столу, обмакнула перо и, чуть нагнув набок голову, написала что-то крупным, красивым почерком, как пишут на уроках чистописания. — Прочти вслух, — сказала она, протягивая Володе тетрадь.

— «Будь щедрым, как пальма. А если не можешь — будь стволом кипариса, прямым и простым. Благородным», — прочитал Володя.

— А теперь ты напиши мне что-нибудь важное, — попросила Ольга. — Жаль, нет тетрадки. Напиши на листке.

Володя вырвал листок из тетради и стоя написал: «Вперед, заре навстречу! Помни «Молодую гвардию»!»

Ольга долго читала эти две короткие фразы.

— Помню, — ответила она, подняв серьезные глаза на Володю.

Она сложила вчетверо листок с написанными на нем Володей словами и спрятала в вырез блузки:

— Идем, Володя. У нас с Галей к тебе важное дело.

Галя сидела все в той же позе и, разглаживая на коленях платье, взрослым тоном беседовала с Павлом Афанасьевичем.

— У вас важное дело? — вежливо осведомился Володя.

— Да! — оживившись, ответила Галя. — Мы хотим заимствовать ваш опыт борьбы за минуты. Наш комитет комсомола постановил...

Павел Афанасьевич зажег спичку, но не закурил и с задумчивой улыбкой смотрел на оранжевое крохотное пламя.

Но этот день был днем неожиданных встреч. Едва Володя начал делиться опытом, раздался новый звонок.

— Вот это уж Зорин! — сказал Володя, выбежал в прихожую и, открыв дверь, отступил в изумлении.

Бравый матрос с выпуклой грудью, облитой черным сукном шинели, стоял за дверью и отдавал ему честь.

— Женька! Горюнов! — на весь дом закричал Володя.

— Здорово, Володька, — спокойно, словно они вчера только виделись, сказал Горюнов. — Собирайся, идем на каток... Э! да у вас гости! — заглянув в комнату, заметил он с удовольствием; не дожидаясь приглашения, скинул шинель, присборил назад гимнастерку и выкатил грудь колесом. — Так вот... товарищ капитан мне говорит, — громко, чтобы слышали в комнате, рассказывал Женька: — «Вы, — говорит, — отличный матрос, Горюнов...»

— Иди, иди, отличный матрос! — захохотал Володя, таща его к девочкам.

Женя маршевым шагом подошел к Ольге, вытянул руки по швам и щелкнул каблуками:

— Учащийся первого курса речного училища Евгений Горюнов! Честь имею представиться! — Он был рад представляться девяносто раз в день и, четко повернувшись кругом, сообщил и Гале Введенской: — Учащийся первого курса речного училища...

У этой девочки было такое хорошенькое лицо с голубыми, как у куклы, глазами, что Женя в первую секунду опешил.

— Приглашаю идти на каток! — крикнул он тем раскатистым голосом, каким товарищ капитан отдавал матросам команду: «Вверх на палубу!»

— Я не знаю... — чуть порозовев, опустила Галя глаза.

— А я знаю! На каток! — захлопала Ольга в ладоши. — Володя, ты после катка поделишься опытом с Галей.

Они выбежали на улицу, покидались снежками и пошли на каток.

— Вы знаете, когда я был в первом плавании... — начал Женька свой обычный рассказ. — Поедемте летом в навигацию! Советую вам — поступайте в речное училище. В речном училище — жизнь! У вас что? Сухопутное существование, скука! Советую вам — учитесь на штурмана! Задумано — сделано, как сказал Николай Николаевич Миклухо-Маклай.

— Кажется, девочек не принимают в речное училище? — спросила Ольга.

— Кто хочет, тот добьется! — не задумавшись ответил Женька и покосился на розовую девочку с голубыми глазами, которая внимательно слушала историю его необыкновенного плавания.

— Она умная! — с удовлетворением отметил Женя, когда, оставив девочек сидеть на скамейке, они стали с Володей в очередь за билетами на каток.

— Неужели ты сомневался? — воскликнул Володя. — Умная? Мало того — она принципиальная, Женька!

— Вот это я люблю! Значит, не выдаст в беде? А, Володя?

— Она в беде выдаст? Себя не пожалеет, а из беды товарища вытащит!

— И смелая? — спросил Женька.

— Любого мальчишку в смелости за пояс заткнет!

— Неужели, Володя?

— Уж поверь мне.

— Надо ее сагитировать: пусть пробивается в речное училище.

— Но ведь она... Женька, ты про кого говоришь? — спросил Володя.

— Как — про кого? — спросил озадаченно Женька. — Я... А ты про кого?

В окно кассы постучала кассирша:

— Не задерживайте очередь! Получайте билеты!

На катке вдруг грянула музыка.

Галя, став на коньки, замахала руками, покачнулась, присела, и оказалось, что она не умеет кататься.

— Я вас возьму на буксир, — предложил Женька.

— Кто быстрей? — крикнула Ольга, оттолкнулась и понеслась.

— Кто быстрей? — подхватил Володя и молнией пролетел вперед, мимо Ольги.

— Володя, Володя! Куда?

Он, разогнавшись, бежал на одном коньке, чуть не падая на бок, то, выпрямляясь, летел птицей, то рисовал ногами «петли» и «тройки» и вдруг, сделав щегольской поворот, возвращался к Ольге.

«Хорошо! Как чудесно, Володя!» — смеялись у Ольги глаза.

А на катке сегодня, словно сговорившись, собрались чуть не все одноклассники Володи и музыканты из училища Ольги. Они скользили по льду, догоняли, обгоняли друг друга, кружились, летели.

Вдруг на катке появился пожилой человек. Заложив руки за спину, он не спеша пробежал краем льда.

— Андрей Андреевич! — закричала Ольга. — Андрей Андреевич! Сюда! К нам!

Учитель круто повернул и легко вылетел на середину катка.

Ребята схватились за руки и поймали учителя в круг. Он скользнул к Ольге, взял ее руку, разорвал круг и повел за собой всю цепь.

ХОРОШО ЖИТЬ!

В небе еще переливались зеленым и синим светом неугасшие звезды, черными впадинами окон глядели дома, тихие липы, одетые в иней, стояли на пустынных бульварах... Город спал, но ночь шла к концу.

Вот с Волги потянул предрассветный ветер, тронул вершины лип — бесшумно посыпался иней. Одна за другой погасли звезды; густая синева ночи таяла, блекла, небо смутно и неясно бледнело; лес, тянувшийся вдоль горизонта в Заволжье, почернел; на востоке росла и все выше разливалась заря. Охватила полнеба, и солнце взошло.

Белым полем раскинулась Волга. Во всю ее даль и ширь играл на солнце нетронутый снег. Утро тихо и спокойно началось над землей.

Солнце хлынуло в окна Васютиного дома и разбудило Васюту. Он сел, протер глаза и сказал:

— Мама, а у нас нынче праздник!

— Знаю, золотко! Утешение ты мое! — ответила мать.

Васюта внимательно на нее посмотрел. Мать редко ласкала Васюту. У матери трудная жизнь, а еще характер уж очень заботливый. От заботливости она и покоя себе не дает, оттого и радуется мало.

Васюта босиком прошлепал к маме. Она латала белье, сидя на лавке под окном. Морщины и пряди седых волос были отчетливо видны в солнечном свете.

— Мама, я вырасту большим — еще не так утешать тебя буду! — сказал Васюта.

— Надежда моя! — ответила мать.

Они сели пить чай, и Васюта все утро рассказывал маме о своих делах, о Шурике Марфине и сегодняшнем празднике.

Сегодня во многих домах готовились к празднику. Володя и Павел Афанасьевич с утра утюжили костюмы.

В Петином общежитии была суета. На койках валялись галстуки, на спинках стульев висели парадные пиджаки и рубашки; в комнатах стоял крепкий запах одеколона и гуталина.

Празднично начался день и в доме Брагиных. Во всяком случае, Василий Петрович встал после сна в хорошем расположении духа. Долго плескался в ванне, по-молодому насвистывая веселую песенку и пришел завтракать надушенным, выбритым — хоть сейчас на концерт!

— Наконец ты готов! — улыбнулась Елизавета Гавриловна.

Василий Петрович удивился необычной живости ее взгляда и голоса. Он неторопливо намазывал хлеб маслом, маленькими глотками пил кофе и старался понять, почему она так молода и оживлена сегодня. Сам частенько уклоняясь от прямых ответов, Василий Петрович не любил спрашивать. Он предпочитал наблюдать.

— Я сегодня пораньше пойду на концерт. Надо помочь ребятам, — сказала Елизавета Гавриловна.

Она говорила об обыкновенных вещах, но глаза ее блестели, каждая черточка лица улыбалась. Василий Петрович пожал плечами и ничего не спросил. Юрий тоже молчал.

— Ах, какие вы! Какие вы, право!.. — с досадой воскликнула Елизавета Гавриловна. — Вчера мне сказали на родительском комитете, что нынче на вечере будут в президиум выбирать... меня! Слышите вы! За что же меня? — Елизавета Гавриловна смущенно развела руками. — Я совсем мало сделала. Только в родительском комитете работаю да учусь. А они говорят — заслужила...

— Мама, ты будешь в президиуме? Вот здо́рово! — обрадовался Юрий.

Теперь он с удовольствием ждал предстоящего вечера. Пусть-ка Володька убедится, какая у него мать!

Василий Петрович уткнулся в газету. Можно подумать, что он заучивал наизусть передовую.

Елизавета Гавриловна собрала посуду, посидела, хмуря брови и ожидая чего-то.

Василий Петрович читал, закрывшись газетным листом. Он отложил газету, когда остался в комнате один.

«Итак, я работаю на заводе пятнадцать лет, но мне никогда не оказывали никакого особенного почета. Она же два — три месяца похлопотала по делам школы, и уже ее уважают и ценят. И друзья у нее...»

Василий Петрович взъерошил редеющие волосы и вздохнул.

Кто бы поверил полгода назад, что его тихая Лиза станет общественной деятельницей!

И ведь не остановишь теперь. Куда там!

Василий Петрович долго сидел в одиночестве, погрузившись в раздумье. Самолюбие его было ранено. Он наотрез отказался идти сегодня на вечер.

...В заводском клубе собирался народ. Юрий пришел, когда зал был почти полон; от красных пионерских галстуков весело рябило в глазах.

— Юра! Сюда! Место занято! — пронзительным голосом кричал Миша Лаптев.

Юрий притворился, что не слышит. Он встал неподалеку от сцены, поискал глазами мать, но не увидел.

— Вот кто мне нужен! — раздался голос Андрея Андреевича. — Идем к народу, любитель уединения!

— К нам, Андрей Андреевич! К нам! — звали восьмиклассники.

Андрей Андреевич посадил Юру рядом с собой. Уж не нарочно ли по другую руку возле себя он посадил Володю?

— Сядем рядком, поговорим ладком! — сказал учитель. — В кружке у тебя хорошо. С ученьем хорошо. Так что же плохо? — спросил он Юрия, пытливо вглядываясь ему в лицо.

— Ничего плохого, — потупился Юрий.

И тут зазвенел, залился колокольчик. Вечер молодежи, посвященный борьбе за мир, открылся.

— Предлагаю выбрать в президиум рабочего-передовика Петра Брунова... — сказал секретарь парткома Григорий Данилович Бирюков.

— Ура! Ура! — ответил хор восьмиклассников.

— ...Изобретателя Павла Афанасьевича Новикова!..

Заслуженного учителя и депутата горсовета Андрея Андреевича!..

Ох, что тут поднялось в зале! Крики, шум, гром...

А в голове Юрия вихрем кружилось: «Не выберут маму! Нет-нет! Ни за что. А если и назовут, никто хлопать не станет».

И вдруг...

— Предлагаю выбрать в президиум члена родительского комитета школы общественницу Елизавету Гавриловну Брагину!..

Сердце Юрия замерло.

— Ребята! Нашего Брагина мать! — взвизгнул Толя Русанов.

— Бра-ги-ну! Бра-ги-ну! — бушевали восьмиклассники.

«Что это? За что они так? Вот какие они!» — чуть не плача от волнения, думал Юрий.

Андрею Андреевичу надо было в президиум.

— А что я вижу! Плохое-то, верно, у нас уже позади, — сказал учитель, похлопал по плечу Володю и Юрия и ушел.

Они остались почти рядом.

«Сейчас возьму и заговорю с Володькой как ни в чем не бывало», — мысленно подбадривал себя Юрий.

«У него адское самолюбие. И у меня самолюбие, а все-таки неохота больше с ним враждовать», — думал Володя.

Мальчики взглянули друг другу в глаза и отвернулись. Вот беда: они не знали, как начать разговор. Кроме того, освободившийся стул между ними разделял их.

А на трибуну уже вышел Григорий Данилович.

Зал был полон молодежи: в передних рядах сидели школьники с комсомольскими значками на гимнастерках и в пионерских галстуках, подальше — заводские парни и девушки.

Секретарь парткома, обращаясь к залу, сказал:

— Товарищи! Племя молодое!

Ребята слушали доклад, а в ряду восьмиклассников, незаметное залу, происходило движение.

Толя Русанов напирал плечом на своего соседа Володю, потихоньку теснил его к стулу Андрея Андреевича. Коля Зорин со своей стороны навалился на Юрия Брагина.

Это был хороший, весёлый и торжественный вечер!

— Пододвинься немного, — шептал Русанов Володе.

— Уж очень ты свободно расселся, — шепнул Юрию Зорин. — Двигай-ка, двигай!

— ...Давайте, ребята, лучше учиться! Лучше работать! Крепко дружить! — закончил доклад Григорий Данилович.

Как раз в этот миг Русанов и Зорин поднажали как следует, и Володя с Юрием очутились рядом на стуле Андрея Андреевича. Их притиснули так близко друг к другу, что шелохнуться невмочь.

— Сделано дело! — облегченно вздохнул Коля Зорин.

Володя покосился на Юрия. И Юрий на него покосился. И вдруг они засмеялись.

По рядам восьмиклассников прошел одобрительный гул.

— Ура! Да здравствует мир! — кричали ребята.

— А что? Мы и правда мирные люди! — подтвердил Толя Русанов.

— Пока враги не напали. А нападут — вот! — показал Коля Зорин кулак.

В конце заседания на сцене появились Васюта и Шурик.

Они несли белый корабль с красными флагами и, подойдя к рампе, подняли его высоко, чтобы всем было видно, а сами смотрели не в зал, а друг на друга. Все догадались, что они оробели.

Кто-то крикнул:

— Пионеры, не бойтесь!

«Выступай!» — говорил глазами Шурик.

— Лучше ты выступай, — шепотом ответил Васюта.

— Васюта, я не знаю, как начинать.

— Скажи: товарищи!

— Ты сам, Васюта, скажи.

Они разом повернули лица к народу и хором сказали:

— Товарищи рабочие и школьники!

— Что мы наделали! — тихонько охнул Шурик.

— Товарищи рабочие и школьники! — повторил Васюта баском, глядя в зал немигающим взглядом. — Мы дарим защитникам мира нашу яхту!

Он замолчал, потому что сотни глаз на него смотрели из зала, сотни ламп сияли над залом, сотни красных галстуков сливались в горячее пламя. Все смешалось в голове у Васюты. Он забыл свою речь.

— Говори самое главное, пионер! — подсказал из президиума чей-то голос.

Васюта собрал силы и громко крикнул самое главное:

— Да здравствует Советский Союз!

А впереди был концерт.

На середину сцены выкатили черный, блестящий рояль.

— Ты разлюбил музыку, Володя? — спросил Юрий.

— Ой, нет!

— Марфина! — послышались возгласы.

Володя увидел возле рояля Ольгу.

— Чайковский. «На тройке».

Ольга села за рояль, и Володя услышал знакомые звуки.

Вспомнился яркий, солнечный день, широкая Волга, словно поле, занесенное снегом, дружба с отцом и смелость на сердце. Хорошо жить!

А тройка несется по зимней дороге, поет под полозьями снег, поют солнце, небо и лес... Играй, Ольга, дольше!..

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Часть вторая

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Прилежаева Мария Павловна

НАД ВОЛГОЙ

Ответственный редактор З. С. Карманова
Художественный редактор В. В. Пахомов
Технический редактор И. Г. Найденова
Корректоры: Е. С. Карташова
и Г. П. Якушина
Сдано в набор 26/I 1959 г. Подписано к печати 20/IV 1959 г. Формат 84×108¹/₃₂— 24 печ. л. = 19,75 усл. печ. л. (20,26 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. Цена 7 р. 10 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1

* *
*

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.
Заказ № 733

К читателям

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

7 р. 10 к.